

НОВАЯ

ISSN 0130 - 3864

И

НОВЕЙШАЯ

ИСТОРИЯ

В номере:

**ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАБОТ РОССИЙСКИХ
ВОЕННЫХ ИСТОРИКОВ**

**ИНТЕРВЬЮ С ГЛАВНЫМ КОНСУЛЬТАНТОМ
АРХИВА СВР РОССИИ**

**НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДКИ О ПОДГОТОВКЕ
ГЕРМАНИЕЙ ВОЙНЫ С СССР В 1940–1941 гг.**

**ИЗ АРХИВА МИД РОССИИ. СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКО-КИТАЙСКИХ
ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 1917–1924 гг.**

**НАРКОМИНДЕЛ И ЕГО ЗАРУБЕЖНЫЕ
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В 1941–1945 гг.**

**ПОСОЛ РЕСПУБЛИКИ СИНГАПУР МАК ХОНГ
ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗВИТИЯ СТРАНЫ**

**ВОСПОМИНАНИЯ СОВЕТСКОГО ВОЕННОГО АТТАШЕ
В ШВЕЦИИ**

4

1997

Scan - anatoli
Red - waleriy

№ 4

ИЮЛЬ – АВГУСТ

1997

ЖУРНАЛ ОСНОВАН
В МАЕ 1957 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

СО Д Е Р Ж А Н И Е

СТАТЬИ

Генерал-майор В.А. Золотарев , генерал-майор С.А. Тюшкевич . Итоги и перспективы работы российских военных историков	3
Мак Хонг (Посол Республики Сингапур в России). Сингапур: история успеха	17
А.В. Ревякин . Социализм и либерализм в середине XIX в.	28
О.В. Орлик . "Европейская идея" Александра I	46

В ОТДЕЛЕНИИ ИСТОРИИ РАН

Важнейшие результаты исследований в области исторических наук в 1996 г.	69
--	----

В РОСАРХИВЕ

О публикациях архивных документов	76
---	----

ИНТЕРВЬЮ

Ответы главного консультанта группы консультантов Службы внешней разведки России генерал-лейтенанта В.А. Кирпиченко на вопросы журнала "Новая и новейшая история"	83
--	----

ПУБЛИКАЦИИ

Новые документы из архивов СВР и ФСБ России о подготовке Германией войны с СССР 1940–1941 гг.	94
--	----

ИЗ АРХИВА МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИИ

Г.Н. Пескова . Становление дипломатических отношений между Советской Россией и Китаем. 1917–1924 гг.	105
--	-----

ВОСПОМИНАНИЯ

В.А. Никольский . Записки советского военного атташе в Швеции (1960–1963 гг.)	135
--	-----

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ

Академик С.Л. Тихвинский. Наркоминдел и его зарубежные представительства в годы Великой Отечественной войны (в воспоминаниях современников)	155
---	-----

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Е.В. Орлова. Об исторической литературе для средней школы	187
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

Торкунов А.В. Проблемы глобальной безопасности. М., 1995	189
Плетушков М.С. Кто был кто в Великой Отечественной войне 1941–1945. Люди. События. Факты. Краткий справочник. М., 1995	192
Гинцберг Л.И. И. П е т ц о л ь д. Франц фон Папен. Рок Германии. Берлин, 1995	194
Черкасский Л.Я. Р.Ф. И в а н о в. Мафия в США. М., 1996	197
Блуменау С.Ф. Ж о р ж К у т о н. Избранные произведения. 1793–1794. М., 1994	198

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Рудая Е.Н. Чтение памяти действительного члена Академии наук СССР А.Л. Нарочницкого (1907–1989)	201
Гуськова Е.Ю., Кузьмичева Л.В., Матвеев Г.Ф. Чтения памяти профессора МГУ В.Г. Карасева	203
Котова Е.В. О работе сектора новой истории ИВИ РАН	205
Туполева Л.Ф. В Ассоциации британских исследований	208
Хаванова О.В. Историко-культурная ситуация в Средней Европе. 1867–1918 гг.	209
Смирнов Н.Н. Российско-германская конференция о школьных учебниках по истории	211

Хроника

Члену-корр. РАН Р.Ш. Ганелину – 70 лет	212
И.Я. Биску – 75 лет.	213
Книги по истории, изданные при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в 1995–1996 гг.	214

Д.П. Прицкер	219
--------------------	-----

Г.С. Кучеренко	220
----------------------	-----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г.Н. Севостьянов (главный редактор)

В.А. Виноградов, В.Н. Виноградов, В.Д. Вознесенский (ответственный секретарь),
Т.М. Исламов, Н.П. Калмыков, И.В. Лебедев, В.Н. Малов, И.И. Орлик,
А.В. Ревякин, Л.П. Репина, В.В. Рогинский, В.С. Рыкин, Н.И. Смоленский,
В.В. Согрин, С.Л. Тихвинский, Е.И. Тряпицын (зам. главного редактора),
А.О. Чубарьян, Е.Ф. Язьков

---

*Адрес редакции: 117810, Москва, ГСП-1, Мароновский пер., 26.
Тел. 230-79-78*

© 1997 г.

Генерал-майор В.А. З О Л О Т А Р Е В,
начальник Института военной истории МО РФ,
генерал-майор С.А. Т Ю Ш К Е В И Ч

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАБОТЫ РОССИЙСКИХ ВОЕННЫХ ИСТОРИКОВ

1

В России истоки отечественной военной истории, как и самого российского государства, относятся ко времени становления и возвышения древней Руси. Став в конце XIX в. относительно самостоятельной отраслью знаний и вместе с тем частью общей истории как науки, военная история неоднократно переживала периоды подъема, прежде всего на базе подъема самосознания российского общества и при наличии на государственном уровне специальных учреждений, которые занимались организацией и проведением военно-исторических исследований. После победы русских войск в войне 1877–1878 гг. указом Александра II от 2 марта 1879 г. была образована специальная Военно-историческая комиссия при Главном штабе русской армии, деятельность которой была поучительной, плодотворной и продолжительной. Ее деятельность завершилась в декабре 1911 г. Эстафету обобщения военного опыта минувшего, описания событий и анализа уроков приняли государственные военно-исторические комиссии по изучению и обобщению опыта русско-японской 1904–1905 гг., первой мировой, гражданской, советско-финляндской, Великой Отечественной войн.

Процесс осмысления событий военной истории был органичен и редко прерывался даже в организационном плане.

Во время Великой Отечественной войны Советского Союза против фашистской Германии 1941–1945 гг. и после ее окончания фронт военно-исторических исследований возглавляло Военно-историческое управление Генштаба Вооруженных Сил СССР, созданное в годы войны и просуществовавшее после ее окончания еще около 20 лет, а с 1966 г. – Институт военной истории, ставший головным исследовательским учреждением в этой области.

Тридцатилетие образования Института военной истории, которое отмечалось в минувшем году, показало, что его создание было важным событием. Оно стало логическим следствием деятельности Военно-исторических комиссий, а затем Военно-исторического управления Генштаба.

Военно-историческое управление уже не справлялось со все увеличивающимся масштабом военно-исторических исследований в Вооруженных Силах и в стране в целом. Не отвечала новым задачам и исследовательская работа, которую проводили институты АН СССР, Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, кафедры истории войн и военного искусства военных академий, архивные учреждения и музеи, редакции издательств и журналов страны. С каждым годом потребность обобщения опыта минувшей войны, коренных изменений в военном деле, усиления военно-исторического воспитания как личного состава Вооруженных Сил, так и всего

населения все более возрастала. Научная общественность осознавала, что созрела необходимость (а вернее, уже перезрела!) создания самостоятельного специализированного научно-исследовательского учреждения. На страницах возобновившего в 1959 г. свой выход "Военно-исторического журнала", в военных академиях, на научных конференциях конца 50-х – начала 60-х годов все чаще и настойчивее звучало требование о создании единого научного центра, который объединил бы усилия военных историков, рассредоточенных по разным организациям и учреждениям страны: в военных и гражданских вузах, научно-исследовательских институтах и обществах различной ведомственной принадлежности.

Нельзя было не учитывать и практику других стран в этой области, прежде всего стран Восточной Европы, бывших тогда участниками Организации Варшавского Договора. В большинстве из них был накоплен немалый опыт концентрации сил военных историков: созданы военно-исторические институты и службы.

27 августа 1966 г. ЦК КПСС принял постановление "Об организации Института военной истории", подчинив институт Министерству обороны СССР и Главному политическому управлению Советской Армии и Военно-Морского Флота. Одновременно Академии наук СССР было вверено научно-методическое руководство его работой. В постановлении отмечалось, что институт создается в целях дальнейшего расширения и совершенствования военно-исторических исследований, повышения их методологического уровня, целенаправленной подготовки кадров военных историков высшей квалификации, улучшения и активизации всех форм работы по военно-патриотическому воспитанию трудящихся, усиления борьбы с фальсификаторами военного прошлого нашей страны.

5 ноября 1966 г. первый заместитель министра обороны – начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР Маршал Советского Союза М.В. Захаров подписал директиву о создании Института военной истории МО СССР. За 30 лет институт стал центром военно-исторической мысли страны, генератором идей в области военно-патриотического воспитания нашего народа, в первую очередь молодежи. В небольшой пока истории института различаются два этапа. Первый длился около четверти века, второй начался около пяти лет тому назад, но наполнен богатым творческим содержанием. Второй этап характеризуется новизной методологических подходов, большим использованием архивных материалов, а также значительно возросшим критическим отношением ученых института к своей работе. В то же время следует отметить, что военно-историческая наука, как и все обществоведение, испытывает серьезные кризисные явления, для преодоления которых требуются огромные усилия военных историков.

На обоих этапах своей истории институт стремился к созданию оптимальной организационной структуры и формированию высококвалифицированного коллектива ученых. В институте функционируют управления досоветского, советского периодов отечественной истории, истории Великой Отечественной войны, зарубежной военной истории, а также военно-энциклопедическое управление. В каждом управлении имеются научные отделы, задачей которых является исследование конкретных военно-исторических проблем. Есть также отдел общих проблем и методологии военной истории, отдел военной статистики и отдел координации военно-исторических исследований. В институте функционируют военно-историческая библиотека и архив.

В коллективе ученых института ныне работают 17 докторов наук и профессоров, 95 кандидатов наук, доцентов и соответствующих им старших научных сотрудников. Около 20 из них являются академиками и членами-корреспондентами Российской академии естественных наук и других общественных академий наук России.

В институте работали и работают ученые, с чьими именами связаны определенные этапы в развитии военно-исторической науки в целом. Это прежде всего лауреат Ленинской и Государственной премий, член-корреспондент АН СССР генерал-лейтенант П.А. Жилин, стоявший у истоков института и возглавлявший его более 20 лет, крупный специалист в области истории Отечественной войны 1812 г. и второй

мировой войны. Свой вклад в развитие Института военной истории внесли и другие его руководители: доктор философских и доктор исторических наук, профессор генерал-полковник Д.А. Волкогонов – начальник института с марта 1988 г. по март 1991 г., и начальник института с января 1992 г. по февраль 1993 г. кандидат исторических наук генерал-майор А.Н. Баженов.

Многое сделали для развития военной истории доктора наук В.И. Ачкасов, Н.Н. Азовцев, А.И. Бабин, А.В. Басов, А.А. Бабаков, Л.М. Гаврилов, Л.М. Еремеев, Б.И. Зверев, П.Ф. Исаков, Б.М. Каневский, М.М. Кирьян, Ю.И. Кораблев, В.М. Кулаков, В.Т. Логин, И.С. Лютов, А.М. Носков, Ю.Г. Перечнев, О.А. Ржевский, Е.И. Рыбкин, И.И. Ростунов, М.И. Семиряга, Б.Г. Соловьев, А.А. Строчков, И.В. Тимохович, А.В. Антосьяк, кандидаты наук Н.К. Глазунов, П.М. Деревянко, А.М. Киселев, Г.А. Колтунов, В.С. Махалов, И.В. Паротькин, С.И. Радзиевский, П.Т. Хорошилов, Н.И. Шеховцов, А.С. Савин, Р.А. Савушкин и другие представители старшего поколения, поколения фронтовиков и ученых.

В последнее время в военно-исторической науке становятся все заметнее имена сотрудников института, во многом определяющие характер и направленность его работы. Это доктора наук В.Н. Вартанов, В.П. Зимонин, Г.И. Коротков, С.Я. Лавренов, В.И. Милованов, А.С. Орлов, С.Н. Михалев, Б.Г. Путилин, О.Б. Рахманин, О.Ф. Сувениров, В.С. Шардаков, кандидаты наук Н.Г. Андроников, А.И. Барсуков, П.Н. Бобылев, В.Н. Богданов, А.С. Галицан, А.З. Давиденко, В.О. Дайнес, Н.И. Дорохов, Е.П. Егоров, И.А. Калашников, И.М. Попов, О.В. Саксонов, А.М. Соколов, В.В. Терехов, Н.В. Усенко, Б.П. Уткин, А.Л. Тишин, В.А. Яременко, д.и.н. А.Г. Пучков и др. Совместная деятельность ученых старшего поколения и молодых исследователей – залог того, что военно-историческая наука в стране имеет значительный потенциал для дальнейшего развития.

За время существования Института военной истории учеными создано свыше 500 научных трудов, из них более 30 фундаментальных. Это 12-томная "История второй мировой войны 1939–1945 гг.", "Советская военная энциклопедия" в 8-ми томах, энциклопедии гражданской и Великой Отечественной войн, "Вторая мировая война. Итоги и уроки", "Вторая мировая война. Краткая история", "Великая Отечественная война 1941–1945 гг.", "Военная история Отечества с древних времен до наших дней", "Стратегические решения и Вооруженные силы", а также другие исследования¹.

Подготовлены и изданы двухтомные труды по истории первой мировой и гражданской войн в СССР², монографии по истории Северной войны 1700–1721 гг.,

¹ История второй мировой войны 1939–1945, в 12-ти т., т. 1. Зарождение войны. Борьба прогрессивных сил за сохранение мира. М., 1973; т. 2. Накануне войны. М., 1974; т. 3. Начало войны. Подготовка агрессии против СССР. М., 1974; т. 4. Фашистская агрессия против СССР. Крах стратегии "молниеносной войны". М., 1975; т. 5. Провал агрессивных планов фашистского блока. М., 1975; т. 6. Коренной перелом в войне. М., 1976; т. 7. Завершение коренного перелома в войне. М., 1976; т. 8. Крушение оборонительной стратегии фашистского блока. М., 1977; т. 9. Освобождение территории СССР и европейских стран. Война на Тихом океане и в Азии. М., 1978; т. 10. Завершение разгрома фашистской Германии. М., 1979; т. 11. Поражение милитаристской Японии. Окончание второй мировой войны. М., 1980; т. 12. Итоги и уроки второй мировой войны 1939–1945. М., 1982; Советская военная энциклопедия, т. 1–8. М., 1976–1980 (материалы 1–8-го томов "Советской военной энциклопедии" переизданы 19 выпусками в ГДР в 1977–1981 гг.); Военный энциклопедический словарь. М., 1983, 1984. В 1995–1996 г. вышли в свет 2-й и 3-й тома второго издания словаря.

Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983; Великая Отечественная война 1941–1945 гг., Энциклопедия. М., 1985; Освобождение городов. Справочник по освобождению городов в период Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 1985; Великая Отечественная война 1941–1945. Словарь-справочник. М., 1985.

Вторая мировая война и современность. М., 1972; Вторая мировая война. Итоги и уроки. М., 1985; Вторая мировая война: Краткая история. М., 1986; Великая Отечественная война. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1995; Военная история Отечества с древних времен до наших дней. Т. 1–3. М., 1995; Стратегические решения и вооруженные силы. В 2-х т., т. 1. М., 1996 и др.

² История первой мировой войны 1914–1918. В 2-х т. М., 1975; Гражданская война в СССР. В 2-х т. М., 1980.

Отечественной войны 1812 г., русско-турецких войн XIX в., русско-японской войны 1904–1905 гг.³, локальных войн после второй мировой войны, истории Вооруженных Сил Советского Союза и ряда зарубежных стран и т.д.⁴.

Особую активность проявили ученые института в связи с празднованием 50-й годовщины Великой Победы над фашизмом⁵, а затем – 300-летия Российского Военно-Морского Флота⁶.

Общий тираж подготовленных институтом и изданных трудов составляет свыше 16 млн. экземпляров. Многие работы получили признательность не только в нашей стране, но и за рубежом. 28 научных трудов удостоены премий, в том числе Государственной и Ленинской, дипломов, медалей. Более 60 работ переведены на иностранные языки и изданы за рубежом. Сотрудники института приняли активное участие в подготовке книг Памяти павших в Великой Отечественной войне⁷.

Институт осуществил большую научную и организационную подготовку по проведению свыше 80 международных, всесоюзных, всероссийских научно-теоретических и научно-практических конференций, на которых его сотрудники выступили более чем с 550 научными докладами и сообщениями. Материалы научно-теоретических конференций, как правило, публиковались.

Институт проводил военно-социологические исследования в войсках и на флотах. Их результаты анализировались, обобщались и в форме докладов и предложений представлялись в Министерство обороны, оформлялись в виде обзоров, информационных бюллетеней, брошюр, методических пособий. Было подготовлено более 200 научных разработок прикладного и обзорно-аналитического характера, общим объемом около 800 уч.-изд. л. и тиражом свыше 1 млн. экз. Прочитано свыше 8 тыс. докладов, лекций в войсках, на предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях, на союзных и республиканских конференциях и семинарах.

Институт принимал участие в научно-методическом руководстве созданием мемориальных комплексов, памятников, экспозиций музеев. С его помощью осуществлены проекты музея-панорамы "Сталинградская битва", Государственного музея "Оборона Москвы", Государственного музея Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в Киеве, уточнен ряд экспозиций военно-исторического характера краеведческих музеев в нашей стране и за рубежом.

Особенно много институт трудился над формированием экспозиции музея Славы, разработкой исходных военно-исторических данных для архитектурно-скульптурного ансамбля-памятника "Победа" в Москве на Поклонной горе, а начальник института

---

³ Жилин П.А. Гибель наполеоновской армии в России. М., 1968; 2-е изд. М., 1974; Русско-турецкая война 1877–1878. М., 1977; История русско-японской войны 1904–1905 гг. М., 1977; История Северной войны 1700–1721 гг. М., 1989.

⁴ Советские Вооруженные Силы. История строительства. М., 1978; Военно-блоковая политика империализма: История и современность. М., 1980; Государства НАТО и военные конфликты. Военно-исторический очерк. М., 1987; Военное искусство в локальных войнах. 1945–1990. М., 1991; Война в Афганистане. М., 1991; Профессиональная армия за рубежом. История, опыт и условия создания. М., 1993; "Малые войны" современности: формы и способы ведения. М., 1995 и др.

⁵ 50-летие Великой Отечественной войны (Материалы научной конференции). М., 1992; 50-летие Победы в битве под Москвой (Материалы военно-научной конференции). М., 1993; Сталинградская битва. Материалы научных конференций, прошедших в Москве и Волгограде к 50-летию сражения. Волгоград, 1994; Битва за Белоруссию 1941–1945 гг. Минск, 1994; Битва за Берлин. Документы и материалы. М., 1995; Командиры корпусов в Великой Отечественной и советско-японской войне 1941–1945 гг. М., 1995; Сталинград 1942–1943: Сталинградская битва в документах. М., 1995; Ялта, 1945: Проблемы войны и мира. М., 1992; Битва за столицу: Сборник документов, т. 1–2. М., 1994; Г.К. Жуков в битве под Москвой. М., 1995; Женщины на защите Отечества в 1941–1945 гг. М., 1995; Рубежи ратной славы Отечества. Вып. 1–3. М., 1996; 55-летие битвы под Москвой. М., 1996; Георгий Константинович Жуков – полководец, гражданин, человек. 1896–1996 гг. М., 1996; Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Учебное пособие. М., 1996.

⁶ Под Российским Андреевским флагом. М., 1994; История флота государства Российского. Т. 1–2. М., 1996; Петр Великий и морское могущество Отечества (300-летие Российского Флота). М., 1996; Боевой и численный состав ВМФ СССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., М., 1996.

⁷ Всероссийская Книга Памяти павших в Великой Отечественной войне 1941–1945. М., 1995; Памяти павших: Великая Отечественная война. М., 1995.

входил в состав экспертной комиссии по приему комплекса сооружений этого памятника. В составе группы консультантов Министерства обороны научные сотрудники института оказывали научно-методическую помощь творческим союзам, осуществляющим проекты монумента "Курская дуга" в Курске и панорамы "Прохоровское танковое сражение" в Белгороде.

Систематически проводятся консультации кино- и телефильмов, теле- и радиопередач, связанных с пропагандой героической летописи нашей страны. Институт принял участие в уточнении сценариев и консультировании документальных киносериялов "Великая Отечественная война" (20 серий) и "Стратегия Победы" (15 серий), подготовил и провел десятки радиопередач в цикле "Великие битвы Великой Отечественной", "Маньчжурская операция", "50-летие Победы в Великой Отечественной войне" и др.

Институт выполняет большую работу по аттестованию военно-научных кадров. В двух специализированных ученых советах института рассмотрено и защищено 300 диссертаций (70 докторских и 230 кандидатских), в том числе генералами, офицерами и служащими отечественных Вооруженных Сил – 53 докторских и 124 кандидатских. Докторские диссертации защитили 32 научных сотрудника института, кандидатские – 87.

Созданный при институте Научный совет по координации исследований в области военной истории поддерживает связи с многими научными учреждениями и организациями страны. Советом рассматривается тематика научных исследований, включая диссертационные.

Институт военной истории состоит членом двух международных научных организаций – Комитета истории второй мировой войны и Комитета сравнительной военной истории, активно участвовал в работе XIII, XIV, XV, XVI, XVII, XVIII международных конгрессов исторических наук, в международных конференциях, симпозиумах и коллоквиумах. Осуществляются плодотворные творческие связи с военно-историческими институтами многих стран, ведутся совместные научные исследования, идет обмен опытом работы. Институт посетило около 400 зарубежных делегаций.

Академия наук страны осуществляет научно-методическое руководство исследованиями института по проблемам военной истории. Его деятельность неоднократно рассматривалась в Секции общественных наук Президиума Академии наук и Отделе истории. Многие академики поддерживали и поддерживают постоянную творческую связь с институтом, являются соавторами ряда фундаментальных трудов. Среди них Е.М. Жуков, А.Г. Егоров, В.Н. Кудрявцев, А.Л. Нарочницкий, Г.В. Осипов, А.М. Румянцев, Г.Н. Севостьянов, С.Л. Тихвинский, П.Н. Федосеев.

2

Путь, пройденный отечественной военно-исторической наукой после создания в 1879 г. Военно-исторической Комиссии при Главном штабе русской армии, характерен тем, что российские военные историки, в большинстве своем бывшие и военными теоретиками, используя зарубежный опыт, не являлись его подражателями, а находили самостоятельные пути к решению проблем военной истории. Еще в начале и середине XIX в. это ярко проявилось в работах А.И. Хатова об общем опыте тактики⁸, Н.В. Медема о состоянии стратегии⁹ и в ряде других, а затем усилилось еще больше. Именно в это время российские военные ученые Е.И. Мартынов, А.К. Пузыревский подчеркивали оригинальность отечественной военно-исторической мысли. Эта тенденция ясно прослеживается в работах Д.А. Милютина, А.И. Аста-

⁸ Хатов А.И. Общий опыт тактики, ч. 1. Спб., 1807; ч. 2. Спб., 1810.

⁹ Медем Н.В. Обзорение известных правил и систем стратегии. Спб., 1836.

фьева, Н.П. Михневича, В.П. Баскакова и др.¹⁰, а в советское время – в трудах Б.М. Шапошникова, М.В. Фрунзе, А.А. Свечина, М.Н. Тухачевского и других¹¹.

Несмотря на имевшиеся ошибки и заблуждения, отечественная военно-историческая мысль находилась на уровне достижений западных военных писателей, а по ряду направлений занимала передовые позиции.

Ученые института достойно продолжают традиции своих предшественников. В трудах, созданных ими, прослеживается самостоятельность и оригинальность отечественной военно-исторической науки. В первую очередь это относится к трудам по истории Великой Отечественной и второй мировой войн. Судьба военно-исторических трудов прошлых веков и нашего времени неразрывно связана с процессами, протекавшими и протекающими в России и существенно меняющими материальное бытие и духовную жизнь людей, всего общества.

Важным показателем этой взаимосвязи является извлечение уроков из прошлых тяжелых военных испытаний.

В центре внимания ученых института было и остается стремление лучше понять военное прошлое Родины и извлечь из него уроки, необходимые для настоящего. Усилия института направлялись на обобщение военного опыта защиты Российского и Советского государства от неоднократных попыток сил агрессии вооруженным путем уничтожить нашу страну, опыта побед нашего народа и его армий. Особое внимание обращается не только на описание и оценку достоверных фактов, но и на обобщения, выводы и уроки военного прошлого. Эта часть исследования наиболее важна, так как в ней содержатся теоретические выводы и практические рекомендации, позволяющие совершенствовать военное дело, предвидеть пути его дальнейшего развития, научно решать вопросы укрепления обороноспособности страны.

Военная история тесно смыкается с современностью, особенно в процессе исследования истории второй мировой войны и ее главной части – истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. И это понятно, ибо вторая мировая война оставила такое наследие, что ее итоги и уроки еще долго будут оказывать воздействие на ход и характер мирового развития, на сознание людей.

В 70–80-х годах кроме указанных выше трудов о второй мировой войне 1939–1945 гг. были подготовлены научно-популярный очерк "Великая Отечественная война 1941–1945", выдержавший два издания, книги "Великий освободительный поход", "Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил в Европе во второй мировой войне", "Герои Советского Союза" в двух томах¹² и др., а также много брошюр, посвященных отдельным проблемам истории Великой Отечественной войны. Среди них работы, показывающие историю взаимодействия СССР с государствами Запада в рамках антигитлеровской коалиции, движение Сопротивления, развитие военного искусства в годы войны, а также роль и значение битв и крупнейших операций в ходе Великой Отечественной войны, массовый героизм советских воинов. Эти вопросы получили освещение как в указанных выше, так и в других трудах института, а также в серии научно-популярных работ и брошюр, опубликованных в разные годы¹³.

---

¹⁰ Милютин Д. Критическое исследование значения военной географии и военной стратегии. Спб., 1846; Астафьев А.И. О современном военном искусстве, т. 1-2. СПб., 1856–1861; Михневич Н.П. Основы русского военного искусства. Спб., 1898; Баскаков В. Война, военное дело, военная наука, военное искусство. Вып. 1. Спб., 1898.

¹¹ Шапошников Б. Мозг армии, кн. 1–3. М., 1927–1929; Свечин А.А. Стратегия. 2-е изд. М., 1927; Фрунзе М.В. Избранные произведения, т. 1–2. М., 1957; Тухачевский М.Н. Новые вопросы войны. Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах. 1917–1940. М., 1965.

¹² Великая Отечественная война 1941–1945. Краткий научно-популярный очерк. М., 1970; 2-е изд. М., 1972; Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне. М., 1971; 2-е изд. М., 1974; Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. В 2-х т. М., 1987.

¹³ Великий освободительный поход. М., 1970; Семиряга М.И. Советские люди в европейском Сопротивлении. М., 1970; Против общего врага. Советские люди во французском движении Сопротивления. М., 1972; Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй мировой войне. Военно-исторический справочник. М., 1972; Советские люди в освободительной борьбе югославского народа 1941–1945. Воспоминания, документы, материалы. М., 1973; Антосяк А.В. В боях за свободу Румынии. М., 1974; Ржевцев-

Особое место заняли работы по обобщению боевого опыта войны, не потерявшего своего значения и в наше время. В них исследуются подготовка и ведение фронтовых наступательных операций, операций по окружению, форсированию водных преград в годы Великой Отечественной войны, раскрываются проблемы внезапности в наступательных операциях, стратегических перегруппировок войск и некоторые другие. Недавно вышел в свет первый том труда "Стратегические решения и вооруженные силы", в котором поставлены эти важные проблемы¹⁴.

Следует отметить, что многим работам по истории Великой Отечественной войны были присущи серьезные недостатки, часть из них морально устарела. Их отличала идеологическая заданность, выпячивание отдельных военных операций. Некоторые проблемы лишь обозначались, например оценка начального периода войны, исследование темы "Война и общество". Не публиковались истинные цифры потерь военнослужащих и гражданского населения, слабо освещались вопросы о военнопленных, о депортации народов во время войны, количестве и боевых действиях сформированных фашистами воинских подразделений из солдат Красной Армии и советских граждан и др.

В институте также велись исследования по изучению и обобщению боевого опыта, приобретенного Красной Армией в годы гражданской войны в нашей стране 1918–1922 гг.¹⁵

ский О.А. Война и история. Буржуазная историография США о второй мировой войне. М., 1976; *Носков А.М.* Скандинавский плацдарм во второй мировой войне. М., 1979; *Савин А.С.* Японский милитаризм в период второй мировой войны 1939–1945 гг. М., 1979; *Жилин П.А., Якушевский А.С., Кульков Е.Н.* Критика основных концепций буржуазной историографии второй мировой войны. М., 1983; Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил в Европе во второй мировой войне. Документы и материалы. М., 1985; Разгром милитаристской Японии и освободительная миссия в Азии. Сб. документов. М., 1985; Крах блицкрига. Урок милитаристам и агрессорам. М., 1987.

¹⁴ На Северо-Западном фронте. 1941–1943. М., 1969; *Колтунов Г.А., Соловьев Б.Г.* Курская битва. М., 1970; *Воробьев Ф.Д., Пароткин И.В., Шиманский А.И.* Последний штурм, Берлинская операция 1945 г. М., 1970, 2-е изд. М., 1975; *Елисеев Е.П.* На Белостокском направлении. М., 1971; *Федоров А.Г.* Авиация в битве под Москвой. М., 1971, 2-е изд. М., 1975; Краснознаменный Балтийский флот в битве за Ленинград. М., 1973; Краснознаменный Балтийский флот в завершающем периоде Великой Отечественной войны. 1944–1945. М., 1975; *Кожеевников М.Н.* Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1977, 2-е изд. М., 1985; Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. М., 1977; *Светлицкий Н.А.* Войска ПВО страны в Великой Отечественной войне. М., 1979; *Басов А.В.* Флот в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1980; На Волховском фронте 1941–1945 гг. М., 1982; Восемнадцатая в сражениях за Родину. М., 1982; Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Военно-исторический очерк. М., 1984; *Шумихин В.С., Борисов Н.В.* Немеркнущий подвиг. Героизм советских воинов в годы Великой Отечественной войны. М., 1985; Внезапность в наступательных операциях Великой Отечественной войны. М., 1986; Фронты наступали: по опыту Великой Отечественной войны. М., 1987.

Партийно-политическая работа в Вооруженных Силах СССР. 1918–1973. М., 1974; *Перечнев Ю.Г.* Советская береговая артиллерия. История развития и боевого применения 1921–1945. М., 1976; КПСС и военное строительство. М., 1982; Военно-технический прогресс и Вооруженные Силы СССР. М., 1982; Идеологическая работа в Вооруженных Силах. Историко-теоретический очерк. М., 1984; Опыт войн в защиту социалистического Отечества. М., 1985 и др.

Беспримерный подвиг. М., 1968; Курская битва. М., 1970; Всемирно-историческая победа советского народа. 1941–1945. М., 1971; Великая победа советского народа 1941–1945. М., 1976; Победа СССР в войне с милитаристской Японией и послевоенное развитие в Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1977; Историография Великой Отечественной войны. М., 1980; Подвиг народа. М., 1981; Победа под Москвой. М., 1982; Исторический подвиг Сталинграда. М., 1985; Коренной перелом во второй мировой войне. М., 1985.

¹⁵ Военные организации российского пролетариата и опыт его вооруженной борьбы 1903–1917 гг. М., 1974; *Якушевский А.С.* Пропагандистская работа большевиков среди войск интервентов в 1918–1920 гг. М., 1974; Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. М., 1977; Вооруженные силы Великого Октября. М., 1977; *Конов А.М.* Красная гвардия на защите Октября. М., 1978; *Селяничев А.К.* В.И. Ленин и становление советского Военно-Морского Флота. М., 1979.

Директивы Главного командования Красной Армии. 1917–1920. Сб. док. М., 1969; Директивы командования фронтов Красной Армии 1917–1922 гг. Сб. док., т. 1. М., 1971; т. 2. М., 1972; т. 3. М., 1974; т. 4. 1978; Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. М., 1973; Партийно-политическая работа в Красной Армии. Документы 1921–1929. М., 1981; Всеармейские совещания политработников 1918–1940. Резолюции. М., 1984; М.В. Фрунзе на Восточном фронте. Документы и материалы. Куйбышев, 1985.

В сложной послевоенной международной обстановке все большее значение приобрело изучение опыта локальных войн, развязанных после второй мировой войны: войн в Корее, Вьетнаме, войны между Израилем и арабскими государствами. Исследование локальных войн, вооруженных конфликтов становилось все более интенсивным по различным направлениям¹⁶. Большое внимание уделялось изучению опыта СССР и стран Варшавского Договора в деле повышения их оборонной мощи, укрепления боевого союза¹⁷.

В условиях "холодной войны" особое значение придавалось исследованию места и роли военного фактора в состоянии мира и самого мира. Исследование истории конкретных войн немыслимо без изучения тех условий и обстановки, которые им предшествовали, их порождали, ибо в предвоенной политике коренятся причины и цели каждой войны, определяется ее историческое место, а послевоенный мир является результатом, итогом войны. Связь войны с предшествовавшим ей и завершившим ее миром – один из важнейших аспектов изучения военной истории. Только при осмыслении диалектики перехода от мира к войне и от войны к миру можно глубоко понять ее причины и характер, с одной стороны, и влияние результатов войны на послевоенный мир – с другой.

Названным проблемам наши ученые посвятили ряд серьезных работ. Среди них: "Философия и военная история"; "Война и мир в ядерный век", а также ряд материалов, опубликованных в альманахе "Геополитика и безопасность"¹⁸.

К важным направлениям научно-исследовательской работы института на втором этапе его развития относятся:

- анализ природы, движущих сил и особенностей "малых" войн и конфликтов;

- обобщение опыта строительства и реформирования Вооруженных Сил России и ряда стран Западной Европы и США, выявление основных тенденций строительства профессиональных армий, извлечение уроков для эффективного проведения военной реформы в России;

- обобщение отечественного и зарубежного опыта подготовки офицерских кадров, службы в армии женщин, системы военного образования в современных армиях;

- изучение механизма возникновения и развития военно-политических кризисов, особенностей их хода и исхода; характера деятельности глобальных и региональных международных организаций, а также государственных органов стран-участниц кризиса по урегулированию кризисной ситуации;

- обобщение опыта деятельности советских военных советников по оказанию помощи иностранным государствам в 1920–1990 гг.;

- анализ с современных позиций исторического процесса формирования границ России и их состояния в настоящее время;

- исследование подходов основных мировых держав к проведению миротворческих операций в современных условиях;

- оценка возможностей проведения миротворческих операций по поддержанию мира на территории Российской Федерации и стран СНГ;

---

¹⁶ Внезапность в операциях вооруженных сил США: по опыту второй мировой войны и локальных войн 50–70-х годов. М., 1982; Вооруженная борьба народов Африки за свободу и независимость. М., 1974; Вооруженная борьба народов Азии за свободу и независимость 1945–1980. М., 1984.

¹⁷ Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР: Сб. док. В 2-х т. М., 1968; За антифашистскую демократическую Германию. 1945–1949 гг. Сб. док. М., 1969; Братство по оружию. М., 1975. На вечные времена. М., 1975; Вековая дружба, боевое братство. М., 1980; Мужество и братство. М., 1982; Боевое содружество: О советско-монгольском боевом содружестве. М., 1980; СССР и Польша: 1941–1945. К истории военного союза. М., 1994.

¹⁸ Философия и военная история. М., 1979; Война и мир в ядерный век. М., 1994; Геополитика и безопасность. 1994, № 1; 1995, № 2; 1996, № 3; 1996, № 4.

– определение подходов к оценке результатов и методов проведения конверсии военного производства с учетом социально-экономических факторов, а также обороноспособности индустриальных держав в контексте исторического опыта;

– анализ системы социального обеспечения личного состава и гражданского персонала вооруженных сил за рубежом, ее положительных сторон и недостатков и использования вытекающего отсюда опыта в ходе проведения военной реформы в России;

– подбор и анализ документов, объективно характеризующих отношение государственных и ведомственных органов СССР к иностранным военнопленным во время второй мировой войны;

– подготовка учебников и других дидактических материалов для системы военного и гражданского образования;

– разработка предложений по совершенствованию законодательной базы военной реформы;

– подготовка достоверного историко-статистического банка данных для комплексной систематизации научной информации;

– расширение, унификация и апробирование понятийного аппарата военно-исторической науки¹⁹.

Одним из главных направлений творческой деятельности наших историков было и остается исследование теоретико-методологических проблем различных направлений военно-политической науки, ее методологии. На первом этапе истории института особое внимание уделялось разработке вопросов, относившихся к применению диалектико-материалистического метода к познанию общественных явлений, критическому анализу всего того, что было достигнуто общественной мыслью прошлого²⁰.

В этих же целях проводилась систематическая разработка теоретико-методологических проблем военной истории, связанных со становлением и развитием отечественной и зарубежной военной мысли²¹.

За последние годы подготовлены и изданы труды, в которых рассматриваются как исторический, так и теоретический аспекты проблем военной безопасности и стратегической стабильности, военной политики и военных доктрин СССР, США, Японии и

---

¹⁹ Названные проблемы освещены в работах: *Война в Афганистане*. М., 1990; *Военное искусство в локальных войнах*. М., 1991; *Вооруженная борьба народов Латинской Америки за свободу и независимость*. М., 1991; *Вооруженные силы США. История и современность*. М., 1991; *Профессиональная армия за рубежом (История, опыт и условия создания)*. М., 1993; *Подготовка кадров иностранных армий*. М., 1993; *Женщины на фронтах Великой Отечественной войны*. М., 1991; *Женщины-военнослужащие в иностранных армиях*. М., 1991; *Женщины России в войнах Отечества*. М., 1993; *Ялта, 1945. Проблемы войны и мира*. М., 1992; *Армия и современный мир. Военно-политические и военно-гуманитарные аспекты*. М., 1993; *Силы специальных операций США. Вопросы теории и опыт боевого применения*. М., 1993; *1941 год. Уроки и выводы*. М., 1993; *История строительства Красной Армии в приказах НКО СССР (1937–1941 гг.)*. М., 1994; *Регион в огне. Узловые проблемы войны на Тихом океане*. М., 1993; *На краю пропасти (Карибский кризис 1962 г.)*. М., 1994; *Империя в огне. Сто лет войн и реформ блистательной Порты на Балканах и Ближнем Востоке*. М., 1994; *СССР и Польша: 1941–1945. К истории военного союза. Документы и материалы*. М., 1994; *Помни о прошлом. Конспекты по истории*. М., 1994; *Отечественная военная доктрина. Исторические изменения*. М., 1996.

²⁰ *Карл Маркс и военная история*. М., 1969; *В.И. Ленин и военная история*. М., 1970; *Фридрих Энгельс и военная история*. М., 1972; *Марксистско-ленинская методология военной истории*. М., 1973; 2-е изд. М., 1976; *Война, история, идеология*. М., 1974; *Жилин П.А. Проблемы военной истории*. М., 1975; *его же. О войне и военной истории*. М., 1984; *Тюшкевич С.А. Философия и военная теория*. М., 1975; *Философия и военная история*. М., 1979; *Логин В.Т. Диалектика военно-исторического исследования*. М., 1979; *Рыбкин Е.И. Критика буржуазных учений о причинах и роли войн в истории*. М., 1979; *Тюшкевич С.А. Война и современность*. М., 1986.

²¹ *Мещеряков Г.П. Русская военная мысль в XIX в.* М., 1973; *Очерки советской военной историографии*. М., 1974; *Коротков И.А. История советской военной мысли. Краткий очерк. 1917 – июнь 1941*. М., 1980; *Русская военная мысль: конец XIX – начало XX в.* М., 1982; *Зарождение и развитие советской военной историографии. 1917–1941*. М., 1985.

других стран²². В 1996 г. завершена работа над капитальным трудом по истории отечественной военной науки с XVII по XX в. В нем рассмотрены в диалектической взаимосвязи и взаимообусловленности исторические, теоретические и прикладные проблемы военной науки, знание и понимание которых крайне необходимо²³.

3

Организация исследовательской деятельности института подчинена подготовке комплексных научно-исследовательских работ, многотомных изданий, сборников документов, учебников и учебных пособий. Ведется и разработка военно-прикладных, статистических, военно-социологических и других проблем.

Для подготовки обобщающих трудов необходима концентрация усилий не только сотрудников института, но и специалистов других учреждений. Так, к изданию "Советской военной энциклопедии" в 8-ми томах было привлечено свыше 3,5 тыс. авторов более чем из 120 высших военных и гражданских учебных заведений и научно-исследовательских организаций. К подготовке 12-томного труда "История второй мировой войны 1939–1945", выходящей с конца 1970 г. по 1982 г., наряду с сотрудниками института были привлечены военные историки и военные теоретики, известные полководцы и военачальники, участники Великой Отечественной войны, специалисты по отечественной и всеобщей истории, экономисты, философы, социологи, юристы, статистики и другие специалисты. В результате установилось многостороннее сотрудничество института с другими научными учреждениями страны, в первую очередь с учеными Академии наук.

Объединение усилий крупнейших ученых позволило создать труд, в котором представлена вся панорама второй мировой войны, раскрыт широкий спектр ее событий как на фронтах, так и в других сферах общественной жизни, показана борьба отдельных стран и двух коалиций. Научно аргументированно обоснован итог войны: сокрушительное поражение нацистской Германии и ее союзников – закономерно. Победа над фашизмом, над силами агрессии и реванша знаменовала один из крупнейших поворотов мировой истории.

Двенадцатитомник получил высокую оценку отечественной и зарубежной научной общественности. Он переведен и издан в Болгарии, Венгрии, Польше, Чехо-Словакии, ГДР. Концепции истории второй мировой войны, доводы и аргументы, изложенные в издании, учитывают ученые многих стран. Конечно, в работе есть недостатки и просчеты, во многом связанные с духом тех лет, когда создавался многотомник. В частности, акцент делался в основном на показе героических и позитивных сторон в деятельности народа и Красной Армии в годы войны, ошибки и просчеты руководства анализировались мало.

В этой связи подчеркнем: ученые института прилагают творческие усилия по преодолению недостатков теоретико-методологического характера, по введению в научный оборот новых материалов, документов, в особенности из открывающихся для ученых фондов отечественных архивов. Увидели свет первые четыре тома из серии сборников документов Государственного комитета обороны, Ставки Верховного Главнокомандования, НКО и НК ВМФ, Генерального штаба, которыми вводятся в

---

²² Военная история и безопасность Отечества. М., 1992; Война и мир в ядерный век. М., 1994; Национальная доктрина России (проблемы и приоритеты). М., 1994; Тюшкевич С.А. Стратегическая стабильность в историческом измерении. М., 1995; Противостояние. Очерки военно-политической конфронтации первой половины XX века. М., 1995; Российская Федерация: Безопасность и военное сотрудничество. М., 1995; Золотарев В.А. Военная безопасность Отечества. (Историко-правовое исследование). М., 1996.

Эволюция военно-политических отношений КНР и США в 70–80-е годы. М., 1991; Вооруженные силы США: история и современность. М., 1991; Эволюция военной доктрины Страны Восходящего Солнца. М., 1993; Из истории отношений СССР и Китая (1917–1991 гг.). М., 1994; России и Япония на заре XX столетия. М., 1994; Эволюция политической системы Японии. М., 1995.

²³ История отечественной военной науки. М., 1996. (Рукопись представлена в издательство).

научный оборот сотни новых, ранее неизвестных историкам документов и материалов²⁴.

Показательным в смысле новизны решения научных проблем является трехтомный труд "Военная история Отечества с древних времен до наших дней", увидевший свет в 1995 г. В нем аналитически рассмотрено военное прошлое нашего Отечества и максимально реализован принцип объективности исторического исследования в изложении и объяснении военно-исторических событий, явлений и процессов, нет крайностей, уводящих от истины, а их оценки взвешенны, свободны как от идеализации, так и от незаслуженного очернения прошлого: они подкреплены добротной, значительно обновленной источниковой базой и научной аргументацией. Трехтомник не только произведение историческое, но в значительной степени и теоретическое. Эволюция военно-практической деятельности народов, армий, партий, государств излагается в органическом единстве с развитием отечественной военно-исторической мысли. Работа является сплавом военной теории и военной практики. Она глубоко патриотична, общий смысл содержащегося в ней материала и основная его направленность соответствуют словам русского историка Н.М. Карамзина о том, что история в некотором смысле есть священная книга народов, главная, необходимая; зеркало их событий и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, объяснение настоящего и пример будущего²⁵.

Все содержание трех книг "Военной истории Отечества" служит напоминанием ныне живущим гражданам России о необходимости свято чтить заветы предков, не отрываться от своих исторических корней, помнить о приумножении славы Отечества в его единстве с развитием мировой цивилизации. "Военная история Отечества с древних времен до наших дней" – исследование, не имеющее аналогов в военной историографии, как отечественной, так и мировой. В нем ключевые понятия – Отечество, народ, война – представлены в диалектическом единстве, органично; они наполнены как историко-теоретическим содержанием, так и философско-социологическим, имеющим ярко выраженный действенный аспект. Материал трехтомника и форма его изложения дают возможность читателям найти ответы на вопросы, решение которых должно служить строительству Вооруженных Сил России, укреплению ее безопасности, стабильности и процветанию. Труд получил положительную оценку не только среди специалистов-преподавателей военных академий и училищ, военных историков, но и вызвал интерес широкого круга читателей. Он является базой для создания учебного пособия для военно-учебных заведений, соответствующего новой программе курса военной истории.

Примером нового, взвешенного подхода к военной истории служат также очерки "Великая Отечественная война 1941–1945" в 4-х томах, подготавливаемые историками института совместно с историческими институтами Российской Академии наук. В 1-м томе, посвященном начальному периоду войны, увидевшем свет в 1995 г., авторы исходят из того, что создание очередного труда по истории Великой Отечественной войны не означает отрицания всего того, что накопила советская историография в этой области. Но, свободные от идеологической заданности, они смогли предложить ряд новых подходов к теме, располагая к тому же массой архивных документов, позволяющих обосновать эти новые подходы. Это способствовало более всестороннему и правдивому освещению причин и условий возникновения войны, ее неожиданного и во многом драматичного для нашего народа и Красной Армии начала войны.

²⁴ Русский архив. Великая Отечественная: Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. Т. 12(1). М., 1993; Русский архив. Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР. Т. 13(2). М., 1994; Русский архив: Великая Отечественная: СССР и Польша, 1941–1945. К истории военного союза. Документы и материалы. Т. 14(3). М., 1994; Русский архив. Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). Т. 15(4–5). М., 1995.

²⁵ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Спб., 1842, кн. I, т. 1. Репринтное воспроизведение – М., 1988, с. IX.

Вторая книга очерков "Перелом" и третья – "Освобождение" находятся в издательстве, а рукопись последней книги "Народ и война" подготовлена для издания.

Успешному решению ряда проблем в труде "Военная история Отечества...", в очерках "Великая Отечественная война 1941–1945", а также в некоторых других трудах способствовали три обстоятельства. Первое: введение в научный оборот новых архивных материалов и документов, часть которых, относящихся ко второй мировой войне, издана в упомянутых выше сборниках. Второе обстоятельство связано с разработкой таких проблем, как проблемы безопасности и стабильности, военной политики, военной доктрины и военной реформы, в частности, выработаны критерии определения военных угроз и военных опасностей в современных условиях с учетом исторического опыта; обобщен опыт противодействия опасностям и угрозам, сформулированы уроки, вытекающие из этого опыта. В результате определены новые требования к военной политике, военной доктрине, военной науке, а также к государству и Вооруженным Силам²⁶.

В этой связи решаются методологические вопросы и теоретические определения и оценки военной мощи государств, Вооруженных Сил, военной реформы. Разработаны подходы и критерии периодизации истории Советских Вооруженных Сил в последние годы, оценки их боевой мощи.

Третье обстоятельство относится к решению ряда теоретико-методологических проблем самой военно-исторической науки. Встал вопрос, как развивается военно-историческая наука в изменившейся социально-политической обстановке, каковы ее идеолого-мировоззренческие основы. При этом возникли трудности и препятствия. Попытка рассмотреть круг проблем, оказавшихся в центре внимания военных историков, и дать ответы на актуальные и наиболее острые проблемы развития отечественной военной истории предпринята в книге "Опыт и уроки отечественной военной истории"²⁷. В ней рассмотрены объект и предмет военно-исторической науки, характер и структура ее современной методологии, место и роль в ней и прежних принципов, и новых подходов. В книге предложены новые критерии оценки итогов и уроков второй мировой и Великой Отечественной войн, определения цены войны и цены победы. Результаты исследования нашли отражение во "Всероссийской Книге памяти" и в книге "Памяти павших. Великая Отечественная война. 1941–1945", а также в очерках "Великая Отечественная война. 1941–1945".

4

Патриотическое служение Отечеству может и должно стать тем фактором, который поможет России выйти из кризисного состояния, а ее Вооруженным Силам быть надежной опорой и защитой ее интересов. Эта идея явилась предметом специального исследования, результаты которого изложены в книге "Обращаясь к истокам"²⁸. В ней раскрыт опыт старой русской армии и опыт Великой Отечественной войны, из которого следуют важные уроки, теоретико-методологические и практические рекомендации.

Книги, подготовленные учеными института, подтверждают, что необходимо правильное и уважительное отношение к отечественной истории в целом, недопустима идеализация прошлого, но и непозволительно ее одностороннее, тенденциозное освещение и объяснение, тем более охаивание. Достоверная, правдивая история – это и уважение к читателю. Но правда истории не лежит на поверхности, ее надо искать,

²⁶ Военная история и безопасность Отечества. М., 1992; Тюшкевич С.А. Стратегическая стабильность в историческом измерении. М., 1995; Отечественные военные реформы XVI–XX веков. М., 1995; Стратегические решения и вооруженные силы. В 2-х т., т. 1. М., 1996; Золотарев В.А. Военная безопасность России. М., 1996, и др.

²⁷ Золотарев В.А., Тюшкевич С.А. Опыт и уроки отечественной военной истории. М., 1995.

²⁸ Обращаясь к истокам. М., 1993.

добывать. А для этого необходимы серьезные исторические исследования, научные поиски, сопоставление мнений и аргументов по конкретным вопросам и сложным проблемам. Тогда и драматическое, и героическое, и негативное, и позитивное – все, что было в прошлом во всей своей сложности и противоречивости, займет в нем свое естественное место.

Обязательной предпосылкой для этого должна стать обновленная методология военно-исторической науки, сочетающая в себе разнообразные принципы, подходы, оправдавшие себя ранее и выработанные в настоящем. В такой методологии не должно быть места крайностям и односторонностям. Только синтез разных рациональных подходов может стать одной из предпосылок преодоления кризисных явлений в военно-исторической науке. Поэтому следует взвешенно подойти к ряду положений марксистской методологии, которые не утратили своего значения и в новых исторических условиях. Но они не могут и не должны рассматриваться как единственные и самодовлеющие, а сочетаться с другими методологическими принципами и подходами отечественной и зарубежной историографии. Здесь в полном объеме должен действовать принцип здравого смысла, ибо реальная военная история богаче, многограннее, противоречивее и индивидуальнее в своем многообразии и единстве, чем любые теоретические и методологические схемы, принципы, подходы.

Решая задачи исследовательские, образовательные, просветительские, необходимо думать и об организационных делах. Идея создания в стране единого центра военной истории не утратила своего значения. Напротив, сейчас как никогда следует консолидировать все силы специалистов и подвести под военно-исторические исследования современную материально-техническую базу. А главное – обеспечить приток высококвалифицированных дипломированных ученых с должной общей и военной подготовкой. В связи с этим нуждается в совершенствовании система подготовки кандидатов и докторов исторических наук; важно восстановить практику стажировок военных историков в войсках, в академиях. Развивать вспомогательные дисциплины с приставкой "военная" – археологию, археографию, источниковедение, историографию, статистику и другие дисциплины. Создать фундаментальную библиотеку с мощным информационным банком на современной компьютерной основе, позволяющим знать, что делается в мире по всем интересующим вопросам. Надо делать все, чтобы не отстать от жизни, а идти впереди нее.

Думая о своем долге перед соотечественниками по обновлению и развитию военно-исторической науки, военные историки постоянно помнят, что военная история – это та почва, на которой, по выражению выдающегося русского и советского военного писателя А.А. Свечина, "рождаются опорные точки нашего военного мышления"²⁹.

В этой связи представляют интерес проблемы, над решением которых работают сотрудники Института военной истории. Они охватывают взаимосвязь и взаимообусловленность мира и войны, историю войн и вооруженных конфликтов, сферу военного строительства, самые разнообразные стороны военного дела. Поскольку работы института приобрели практическую направленность на реальные потребности Вооруженных Сил РФ и выявился значительный потенциал его дальнейшего развития как головного учреждения в области комплексного исследования проблем обеспечения национальной безопасности страны, на первый план вышли следующие проблемы:

трансформация военной организации государства в историческом времени под воздействием факторов внутреннего развития и международных условий; сохранение высоких боевых возможностей Вооруженных Сил в ходе разоруженческих процессов; предотвращение и урегулирование военно-политических кризисов и вооруженных конфликтов; эволюция концепций национальной безопасности ведущих государств мира; динамика этно-конфессиональной напряженности, ее воздействие на глобальную и военную безопасность, целостность России; участие соединений и частей Вооруженных Сил России в локальных войнах и вооруженных конфликтах в дальнем и ближнем

---

²⁹ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. М.–Л., 1927. Т. I, с. 11.

зарубежье; эффективность боевых действий иррегулярных войск против современных регулярных армий; вооруженные силы во внутригосударственных конфликтах; территориальная оборона: зарубежный опыт и современные взгляды на основы ее организации и ведения; отечественный и зарубежный опыт исследований проблем локальных войн.

Этими темами, конечно, не исчерпывается круг первостепенных задач. Они, как было показано выше, гораздо значительнее и многообразнее.

Таковы основные итоги творческой деятельности Института военной истории за его тридцатилетнюю историю. Они свидетельствуют о большом научном потенциале, каким обладают его ученые, но также и о том, что им предстоит решать трудные и ответственные задачи – научные и прикладные – в области военно-исторической науки.

МАК ХОНГ

Посол Республики Сингапур в России

СИНГАПУР: ИСТОРИЯ УСПЕХА*

Внутриполитическая стабильность, а также результаты экономического развития и национального строительства Сингапура обращают на себя внимание остального мира и позволяют говорить об успехе выбранной им модели развития. Имея в 1960 г. валовый национальный продукт (ВНП) в размере 435 долл. США на душу населения и безработицу в 14%, после обретения в 1965 г. независимости Сингапур добился роста ВНП до 25 тыс. долл. США на душу населения при сверхвысоком уровне занятости в 1995 г. Официальные резервы в зарубежной валюте в 1995 г. составили 97,3 млрд. синг. долл.

Сингапуру потребовалось всего 30 лет, чтобы превратиться из развивающейся в развитую страну. Организация экономического сотрудничества и развития определяет Сингапур как передовую развивающуюся страну. Тем не менее Сингапур опередил Великобританию, Францию, Канаду и Италию по ВНП на душу населения, а при нынешних темпах роста к 2000 г. догонит США. Сингапур – воплощение надежды для других развивающихся стран на то, что и они могут достигнуть таких же результатов. История развития и преуспевания Сингапура – это триумф воли, организованности и дисциплины, готовности использовать в интересах дела любую возможность, демонстрация успеха социальной, экономической и политической технологий и способностей преодолевать нехватку ресурсов.

Темпы развития Сингапура в прошедшие 30 лет составляли в среднем 8% и составляют предположительно 7–8% ежегодно до 2000 г. Рост ВНП достиг 10% в 1994 г., 9% – в 1995 г., а в 1996 г. должен составить 7–8%. Один из наиболее интересных и важных аспектов социально-экономического развития Сингапура – способность сочетать рост экономики с соблюдением социальной справедливости. Все сингапурцы пользуются плодами процветания страны. Во-первых, государство осуществляет набирающую все бóльшие обороты программу строительства общественного жилья. Во-вторых, в 1995 г. правительство различными путями вернуло населению 1,65 млрд. синг. долл. из бюджетных излишков, полученных в результате высоких темпов экономического роста, добившись при этом, чтобы такие трансферные платежи не превратились в фиксированные пособия по социальному вспомоществованию. В-третьих, важным достижением является расовая и религиозная гармония, бросающаяся в глаза иностранным гостям, она – результат кропотливой и осмотрительной работы. Права меньшинств защищены законом, они гарантируются Президентским Советом и существующей системой образования.

Бурный рост экономики в течение трех десятилетий сопровождался в Сингапуре низкой инфляцией, составлявшей, как правило, 3–4% в год. Это еще одно значительное достижение, ставшее результатом политики импорта дешевых товаров и услуг, строгого валютного и твердого финансового регулирования. В современном Сингапуре нет нищих и бездомных. Город содержится в чистоте, на улицах можно чувствовать себя в безопасности, население живет в мире и преуспевании. Для Сингапура как города-государства, лишенного всяких природных ресурсов, выживание связано со спо-

---

* В основе статьи лежит лекция, прочитанная в Академии народного хозяйства им. Г.В. Плеханова.

способностью вести международную конкуренцию, в этом его экономический императив. Значительная роль государства – еще одна ключевая характеристика сингапурской модели. Многое из того, что достигнуто Сингапуром, является результатом деятельности сильного и компетентного правительства, хотя подчас оно критиковалось за рубежом за неумеренный интервенционизм.

Сингапур (в переводе с малайского языка – город льва) – крохотный город-государство, расположенный в Юго-Восточной Азии. Его население составляет 3,1 млн. человек, разместившихся на острове площадью в 630 кв. км. – это меньше, чем Москва, занимающая территорию в 1000 кв. км. Природные ресурсы отсутствуют полностью. Даже воду приходится импортировать у соседей. Единственное преимущество – местоположение на перекрестке торговых путей и линий сообщения. Основанный Великобританией в 1819 г., Сингапур традиционно был порто-франко. Население смешанное: китайцы – 75%, малайцы – 15%, индийцы – 7% и прочие – 3%. Средняя продолжительность жизни в Сингапуре составляет 75 лет, уровень грамотности взрослого населения – примерно 95%. Семья рассматривается как основа общества и центральное звено в передаче выработанных им ценностей.

Экономический подъем в Сингапуре берет начало с программы индустриализации, презентованной в 1961 г. доктором Альбертом Винсемиусом, датским экономистом, командированным из ООН. В 60-е годы Сингапур одолевала проблемы: политическая борьба между коммунистами и некоммунистами, трудовые конфликты, высокая безработица и отсталость инфраструктуры. Под умелым руководством первого премьер-министра страны Ли Куан Ю и доктора Го Кен Суи – многолетнего вице-преьера и министра финансов – эти проблемы постепенно были решены, и Сингапур начал свой 30-летний форсированный марш к экономическому успеху. Ключ к успеху состоял в правильном понимании основных политических, экономических и социальных задач.

Первый основополагающий фактор – это обеспечение политической стабильности. Политическая стабильность чрезвычайно важна для социально-экономического развития любой страны. В Сингапуре она была достигнута благодаря деятельности правящей партии – Партии народного действия (ПНД), которая вступила в борьбу и взяла верх в ожесточенной схватке с левой партией – социалистами-барисанцами, сформулировав свою собственную концепцию социально-экономического развития и национального строительства. По ходу дела ПНД извлекла много ценных уроков по части партийного строительства, умения дойти до людей, выполнения своих предвыборных обещаний и побуждения народа и далее голосовать за партию на протяжении девяти всеобщих выборов. Политическая сила и законность были достигнуты благодаря сплоченности, честности, компетентности и верности обещаниям, а также политической смелости и лидерству в том, чтобы склонить народ воспринять непопулярные, но необходимые меры. Наконец, правительство Сингапура поняло, что развитие – процесс столь политический, сколь и экономический. Политический и экономический факторы дополняют и подкрепляют друг друга и влияют друг на друга. Таким образом, экономические реформы должны сопровождаться реформами политическими, а взятые вместе они нуждаются в устойчивой и длительной поддержке.

Не надо думать, однако, что все в Сингапуре с момента обретения независимости протекало ровно и гладко, следует подчеркнуть, что государству пришлось преодолевать такие проблемы, как внутривнутриполитическая нестабильность, трудовые конфликты, высокая безработица, крайняя узость внутреннего рынка, зависимость от экспорта продуктов питания, воды, энергии, капитала, технологий, а также от рынков, низкий уровень образования и квалификации рабочей силы, крайняя запущенность жилищного строительства и инфраструктуры. Проще говоря, Сингапур страдал от классического набора проблем, характерных для развивающихся стран в 1960-е годы, а сверх того – от проблем, характерных для маленьких государств, включенных в международные политическую, экономическую, торговую и финансовую системы, таких, как слабость позиций и недостаточность рычагов воздействия на партнеров за столом переговоров,

уязвимость перед давлением и угрозой, неспособность придать вес своему голосу и повлиять на ход событий. Тем не менее к 1980-м годам Сингапур сумел преодолеть эти трудности и помехи и постепенно стал играть роль активного и уважаемого субъекта международных политических и экономических отношений. О том, как удалось этого достичь, и пойдет речь в статье.

30 лет успешных усилий привели к тому, что Сингапур давно уже не является обыкновенным портом регионального значения. Он включен в мировую коммуникационную, инвестиционную, информационную и финансовую сеть, в международный обмен товарами и услугами. Прежде Сингапур использовался в основном как перевалочный пункт для товаров и услуг. Сегодня он является всемирным скупщиком и продавцом валюты, ценных бумаг, имеющим дело с электронным движением финансов и информации. Еще он – образцовая социальная лаборатория, где впервые апробируются на практике интересные социальные технологии. Сингапур ныне неотъемлемая часть региона, он способствует миру и процветанию в нем, соревнуясь в условиях острой конкуренции с развитыми странами за доступ к инвестициям и рынку. Некогда Венеция продемонстрировала миру значение и силу коммерции; современный Сингапур демонстрирует результативность и эффективность первоклассных идей, организации и систем. Сингапур – перевалочный пункт между Востоком и Западом, и он идеально оснащен для того, чтобы играть роль мирового скупщика и продавца научных знаний или посредника в области передачи информации, инвестиций и технологий.

Сингапурский феномен свидетельствует о том, что утверждения старой экономической школы о неизменности таких производственных факторов, как земля, труд и капитал, ныне утратили свое значение. Так, территория Сингапура выросла в последнее время на 10% за счет земли, отобранной у моря. Таким образом, построен лучший в мире аэропорт Чанги. Кроме того, ввиду нехватки рабочих рук Сингапур ввозит – в рамках разрешительной системы, гарантирующей от злоупотребления гостеприимством, – иностранную рабочую силу; иностранные рабочие составляют 300 тыс. человек, или 10% всего населения.

Сингапур аккумулировал капитал для индустриализации и развития. Во-первых, мобилизовав внутренние сбережения силами Центрального сберегательного фонда (ЦСФ) – сберегательного учреждения, в который служащие и рабочие – а в 1994 г. фонд объединял 2,520 млн человек – в обязательном порядке вносят 20% своей зарплаты. Во-вторых, мобилизовав иностранный капитал, а конкретно, капитал транснациональных корпораций (ТНК). В-третьих, проводя государственную политику жесткой экономии. Найти необходимый капитал всегда было ключевой проблемой для государств, стремящихся к индустриализации и модернизации. Ряд из них по необходимости прибегал к такой мере, как насильственное выколачивание средств из крестьянства, в то время как для многих других излюбленный метод – привлечение инвестиций со стороны ТНК. Последнее подразумевает формирование механизма привлечения инвестиций и создание благоприятных условий для предпринимательской деятельности. Большие успехи "новых индустриальных стран" Азии, проводивших жесткую финансовую политику, с очевидностью свидетельствуют о связи между жесткой экономией и промышленным ростом; и напротив, экономический кризис 1995 г. в Мексике показал, сколь опасно делать ставку на краткосрочные и переменчивые иностранные инвестиции.

В книге "Будущее капитализма" экономист Л. Тьюроу дает высокую оценку системе функционирования ЦСФ: "История подтвердит, что в Сингапуре Ли Куан Ю распорядился Центральным сберегательным фондом – самофинансируемой системой социальных пособий – разумно, тогда как в Германии с аналогичной системой, построенной на перечислениях от поколения к поколению, Бисмарк не имел успеха". В сингапурском варианте, поясняет ученый, каждый лично ответствен за страхование собственных социальных пособий, в то время как в немецком эти расходы перекладываются на плечи будущих поколений.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЙ ФОНД

В Сингапуре страховая ставка самая высокая в мире – 48%. Большая часть этих средств сосредотачивается в ЦСФ. Последний может выполнять роль пенсионного фонда, а также использовать свои средства в интересах образования, здравоохранения, жилищного строительства, инвестиций. В 1995 г. на счетах ЦСФ находилось 57 млрд. синг. долл. Это важный внутренний источник денежных средств на цели развития и инвестиции. ЦСФ – главный источник обеспечения личных социальных гарантий, освобождающий от этих задач всю остальную экономику. Между системой налогов на социальное страхование и ЦСФ есть существенная разница: в первом случае налогоплательщик не в состоянии проследить, что происходит с его взносом, в рамках же ЦСФ вкладчик знает, что деньги принадлежат ему и он может узнать о всех интересующих его деталях из регулярного отчета ЦСФ о его вкладе.

Сейчас аналитики лейбористской партии Великобритании внимательно изучают опыт функционирования ЦСФ и с восхищением отмечают разумное сочетание черт коллективного фонда, организованного правительством, с практикой обращения с индивидуальными взносами, подчеркивают многообразие использования средств ЦСФ и полезность фонда в качестве источника внутреннего капитала. Лондонская газета "Таймс" в номере за 6 января 1996 г. обращала внимание на то, что "европейское государство всеобщего благосостояния обеспечивает свои доходы за счет взимания налогов и перечислений гражданам, которые нередко находятся на одном уровне зажиточности, не обеспечивая при этом будущие расходы и залезая в текущие сбережения. В противовес этому сингапурская модель социального вспомоществования имеет дело с личными страховыми счетами, которые человек вправе вкладывать в инвестиции или использовать для конкретных социальных выплат. Эти сбережения могут быть использованы при выходе на пенсию, потере трудоспособности или смерти. Они могут быть переведены потомкам". Неудивительно в этой связи, что, имея в виду полезность и гибкость системы функционирования ЦСФ, многие страны изучают и используют сингапурский опыт.

В интересах накопления большего капитала для индустриализации Сингапур, начиная с 1960-х годов, сотрудничает с транснациональными корпорациями. В то время, когда ТНК в глазах развивающихся стран рассматривались как эксплуататоры, это казалось ересью – как политической, так и экономической. Сегодня в Сингапуре действуют порядка 3 тыс. ТНК мирового класса. Они приносят с собой зарубежный капитал, передовые технологии, подготовку кадров, занятость и, что важнее всего, – маркетинговую сеть. Многие развивающиеся страны до сих пор не осознали, что вкладывая миллиарды в экономику этих стран, ТНК одновременно оказываются в роли их заложника. Далее, продажа товаров и услуг за границу через сеть ТНК – способ зарабатывания иностранной валюты – не менее важна, чем производство их. Наконец, ТНК помогают стране производить товары и услуги на уровне международных требований к качеству для последующей продажи их за рубежом. Отечественной промышленности поневоле приходится поднимать качество товаров и услуг, чтобы соответствовать уровню продукции предприятий ТНК; иначе говоря, ТНК повышают конкурентоспособность инвестируемой ими экономики.

Сингапурское правительство осуществляет политику жесткого финансового контроля и не расходует более того, что получает в виде дохода. В результате каждый год бюджет сводится с положительным остатком, направляемым на цели развития. Далее, все находящиеся в собственности государства компании функционируют на коммерческой основе – по законам частного сектора. Соответственно все они должны приносить прибыль, в противном случае следует замена управляющего персонала, и дело может быть доведено до банкротства. Таким образом, в Сингапуре государственные организации – они называются "стэтьютри бордз" (учреждаемые по закону коллегии) – также приносят значительный доход, направляемый в ЦСФ. Кроме того, в Сингапуре действует чрезвычайно эффективная система сбора налогов, использующая в своих целях новейшие электронные и компьютерные технологии. Общая сумма

собранных в 1994 г. налогов составила 14 млрд. синг. долл. Налоговые ставки невысоки и справедливы, их цели – не карательные или перераспределительные, напротив – стимулировать предприимчивость и создание богатства. Стоит отметить, что правительство Сингапура, одно из немногих, регулярно возвращает гражданам их деньги в виде налоговых скидок и "добавок ЦСФ". Благодаря такой эффективности и строгости финансовой, монетарной и фискальной политики Сингапур превратился в чистого кредитора. Он имеет самый большой в мире резерв иностранной валюты на душу населения, а общая сумма валютных запасов составила в 1995 г. 97,3 млрд. синг. долл. Другой важнейший источник доходов – расположенный в Сингапуре Азиатский долларовой рынок – известный финансовый и банковский центр, только в 1995 г. оборот его составил 416 млрд. долл. США.

В своем развитии Сингапур руководствовался рядом важных принципов. Экспремьер Ли Куан Ю привел народ страны к пониманию той основополагающей истины, что мир не обязан кого-либо содержать. В результате население приучилось полагаться на самих себя, наращивать квалификацию, неуклонно повышать уровень знаний и навыков и выходить на передовые позиции в масштабах региона и всего земного шара. Сингапур сумел обойти три смертельно опасные западни, в которые угодили многие незадачливые развивающиеся страны. Первая – это помощь из-за рубежа. При всей обязательности такая помощь сопряжена с неизбежным возвратом денег, ограничениями на ее использование, коррупцией, политическими обязательствами, что нанесло и наносит ущерб многим странам. История развивающихся стран – живой урок в том, что нужно избегать помощи из-за рубежа: итогом 30 лет и миллиардных сумм официальной помощи развитию (ОПР)¹ стало то, что развивающиеся страны оказались в худшем положении, чем до обретения независимости.

Вторая западня – внешний долг. Путь опять-таки заманчивый, но, если речь только не идет об инвестициях в инфраструктуру, результаты будут те же, что и в случае с зарубежной помощью. Сингапур никогда не полагался на эти два способа привлечения капитала, прибегая к ним лишь в тех случаях, когда речь шла о незначительных суммах; пример тому – небольшой кредит Всемирного банка на строительство электростанции.

Третья – зависимость от вспомоществования как внутреннего, так и внешнего. Внутреннее – когда население ожидает от правительства гарантированных рабочих мест, пособий по безработице и социальных выплат. Тем самым подрывается готовность рассчитывать только на собственные силы, инициативу и трудолюбие, формируется нация нищих, неспособная к конкурентной борьбе. Уменьшается конкурентоспособность самого государства, отягощенного грузом социальных расходов. Внешнее – когда страна живет надеждами на поддержку международного сообщества – субсидии, продовольственную помощь и т.д. Для таких стран в наши дни, а особенно по окончании "холодной войны", оказывается тяжелым потрясением открытие, что мир становится все менее великодушным. Страны-доноры устали проявлять сочувствие и оказывать помощь в условиях, когда их собственные налогоплательщики не проявляют желаний идти на такие расходы, чем бы они ни мотивировались и обуславливались.

Небольшие размеры и отсутствие естественных ресурсов Сингапур превратил из недостатка в преимущество, что потребовало тяжелого труда и немалой изобретательности. Так, по причине узости собственного рынка Сингапур вынужденно обратился к рынку мировому и стал городом планеты, частью общемировой производственной, транспортной, коммуникационной и информационной сети.

---

¹ С 1960 г. в развивающихся странах по линии ОПР было размещено порядка 1,4 трлн. долл. (по курсу 1988 г.). Исследования Всемирного банка показали, что в 1988 г. из этой помощи на оказание первой медицинской помощи выделено всего 2%, а стало быть бедняки редко оказываются от нее в выигрыше. Многие из стран, получавших наибольшую помощь и самые крупные инвестиции, демонстрируют крайне незначительный рост. С 1980-х годов страны-доноры дискутируют о том, определяет ли качество управления экономикой в стране – получательнице помощи рентабельность ОПР. – The Economist, 7.V.1994.

Если верны прогнозы аналитиков о том, что будущее в мире без границ принадлежит городам-регионам с собственным экономическим хинтерландом, то перед Сингапуром открываются многообещающие перспективы. В противном же случае Сингапур останется уязвим, подверженный переменам в мировой торговле (наивысшая – 300% от ВВП – зависимость от нее), в средствах сообщения, полагающийся на стабильные поставки извне продовольствия, воды и энергии. Сингапур – яркое свидетельство в пользу того, что торговля сегодня может приносить прибыль, сопоставимую с прибылью экономических гигантов и равноценную прибыли экономически развитых стран, без издержек на разветвленный правительственный аппарат. Международная торговля – деятельный творец, приумножающий богатства. Государство может извлекать из торговли прибыли средства, необходимые для индустриализации и развития; правда, торгующим странам, возможно, требуется мировоззренческая перестройка, чтобы превратиться в производящую, промышленную страну.

ПРИНЦИПЫ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Обделенный размерами и природными дарами, Сингапур концентрировался на нескольких стратегических направлениях развития. Первое – политическая стабильность. Со времени обретения независимости Сингапуром руководит одна и та же партия – Партия народного доверия – и всего лишь два премьер-министра: Ли Куан Ю (1965–1990 гг.) и Го Чок Тонг (с 1991 г.). Такая политическая стабильность крайне важна с точки зрения инвесторов, которые ожидают стабильного политического и экономического климата и могут на него рассчитывать. Ли Куан Ю рассматривают как основателя современного Сингапура. Свой опыт более чем 30-летнего политического лидерства и руководства страной он обобщил в шести сформулированных им принципах: "Ясно сигнализируй [о своих намерениях]!", "Проводи последовательную политику!", "Заботься о чистоте власти!", "Добейся уважения, а не популярности!", "Распределяй доходы среди населения!", "Борись за успех!"² Возможно, впрочем, что целиком и полностью к другим странам, у которых за плечами иной опыт, иные условия развития, эти принципы и неприменимы.

Далее, эти шесть принципов подкрепляются всем остальным порядком управления в Сингапуре, отдельные элементы которого исследуются в статье. Сочетание этих принципов и административной практики получили международное признание: так, согласно одной из рейтинговых оценок Сингапур располагает одной из самых компетентных администраций в мире. Далее, Сингапур сегодня, согласно данным Всемирного банка, девятая среди самых богатых стран мира с очень высоким уровнем жизни. Детская смертность, являющаяся одним из показателей уровня жизни, составляет шесть человек на тысячу, что ниже, чем во многих странах Запада. Сингапур уделяет огромное внимание здравоохранению, заботясь как о здоровье нации, так и о гарантированной производительности труда и работоспособности рабочей силы. В стране создана жизнеспособная система здравоохранения, притом что такой дорогостоящий институт способен лечь тяжелым бременем на экономику.

Сингапур не практикует какой-то особой идеологии. Такой подход вытекает из правительственной философии, которую можно назвать прагматизмом, базирующейся на сочетании принадлежащих государству предприятий и частного сектора. Роль государства в развитии Сингапура очень существенна, но сегодня упор делается на приватизацию. Крупные государственные компании, такие, как СИА и "Сингапур телекомз", успешно приватизируются без какой-либо коррупции в условиях полной открытости. Другой элемент управления – принципиальное непризнание субсидий. Субсидируются лишь жилищное строительство и образование. 90% населения живет в многоквартирных общественных домах в приличных условиях, из них восемь десятых имеют свой дом; остальные проживают в частном секторе. Столь широкое рас-

---

² Из интервью Ли Куан Ю телекомпании "ЭсБиСи-телевижн бродкаст" в ноябре 1994 г.

пространение домовладения является для жителей страны существенным доводом к тому, чтобы поддерживать тесные связи со страной. По сути дела, Сингапур разрешил большинство проблем, стоящих перед всяким обществом, в частности такие вопросы, как жилье, образование, здравоохранение, безопасность, мир и стабильность. Это без всяких преувеличений достижение.

Сингапур исповедует принцип: "учиться лучшему, что есть в каждой сфере". Это относится и к стремлению сингапурцев подниматься до уровня мировых стандартов и закреплять достигнутое. Они следуют правилу: держаться скромно и учиться у других, не поступаясь чувством собственной значимости; приспособлять чужой опыт к местным традициям, интегрируя все это в единое целое. Здесь присутствует сознательное и упорное стремление к тому, чтобы быть лучшими в мире, идет ли речь об аэропорте или морском порте, аэролинии или метрополитене, наземном транспорте и прочих средствах коммуникации или информационных технологиях и т.д. В этом гарантия достижения высочайших стандартов вместо вялотекущего улучшения ситуации. Более того, многие государства ныне заимствуют те или иные аспекты сингапурской модели развития. Так, лидер КНР Дэн Сяопин дал распоряжение правительственным чиновникам учиться на примере экономического развития Сингапура и его общественной дисциплины. В гонконгской газете "Саут Чайна морнинг пост" за 6 марта 1995 г. отмечается, что китайские партийные кадры "с 1995 г. изучают отечественные публикации об истории взлета Сингапура, в частности, о его духовной цивилизации"³.

В Сингапуре всячески поощряется создание атмосферы, благоприятствующей бизнесу. Так, в условиях системы свободного заключения коллективных договоров профсоюзы работают с работодателями и властями в духе согласия, обеспечивая трудовой мир и стабильность; в качестве законодательной основы для своей деятельности они имеют Акт о наемном труде от 1968 г. Результаты налицо. В 1995 г. еженедельник "Форчун мэгэзин" отвел Сингапuru первое место среди деловых центров, приспособленных для бизнеса. Американский фонд "Наследие" назвал экономику Сингапура второй среди самых свободных в мире. Второе место по конкурентоспособности отведено ей в "Отчете о конкурентоспособности в мире за 1995 г." В октябре 1995 г. швейцарский "Юнион бэнк" назвал Сингапур будущим мировым конкурентом номер один. В марте 1996 г., согласно обзору Международного института административного развития в Лозанне, лидеры бизнеса со всего мира оценили США и Сингапур в качестве двух самых конкурентоспособных государств мира. Все эти высокие рейтинги и оценки свидетельствуют об эффективности проводимой Сингапуром политики роста конкурентоспособности. В изданной Фрейзеровским институтом (Ванкувер, Канада) в январе 1996 г. монографии, обобщающей данные о развитии 102 стран за последние 20 лет, констатируется прямая взаимосвязь между уровнем экономической свободы в стране и экономическим ростом и благосостоянием граждан – вывод особенно интересный для стран, экономика которых переживает переходный период.

Необходимо сформировать эффективный механизм привлечения зарубежных инвестиций. Совет экономического развития (СЭР) является ведущим учреждением по привлечению инвестиций в страну и стимулированию размещения сингапурских инвестиций в регионе, по повышению конкурентоспособности сингапурской экономики. Благодаря ему Сингапур стал как бы вторым домом для зарубежных инвесторов. В прошлом в роли главного комиссионера, имевшего дело с главами ведущих ТНК от имени Сингапура, выступал лично премьер-министр Ли Куан Ю, что было непросто с учетом его официального поста. В то же время для представителей транснационального капитала это являлось свидетельством того, что их планы инвестирования подкрепляются политическими гарантиями и имеют поддержку на самом высоком уровне. В наши дни властям разных стран приходится проявлять сверхактивность в

³ The South China Morning Post, 6.III.1995.

привлечении инвестиций, так как в этой сфере бизнеса конкуренция исключительно высока.

СЭР сегодня рассматривается как один из самых действенных институтов по привлечению инвестиций во всем мире. Первоначально он формировался из лучших государственных чиновников, а его главное предназначение – информировать представителей ТНК о преимуществах Сингапура в качестве опорного пункта по производству их товаров и услуг. Кроме того, активно поощряя зарубежные и местные инвестиции в производство товаров и услуг, пользующихся международным спросом, СЭР способствует развертыванию в Сингапуре производственной и сервисной сети мирового класса. Далее, СЭР помогает правительству сфокусировать его политику в области финансов, образования, средств коммуникации, инфраструктуры, налогообложения в интересах экономического развития страны. Еще одна важная задача СЭР – координировать проведение в жизнь различными учреждениями правительственной политики с тем, чтобы свести к минимуму волокиту и бюрократизм. Сверх этого СЭР отстаивает интересы иностранных инвесторов, способствует решению стоящих перед ними проблем, обеспечивает их необходимыми мощностями: производственными площадями, оборудованием, квалифицированной рабочей силой. Среди других услуг, оказываемых инвесторам, – фиксированная налоговая ставка, финансовое стимулирование, поиск покупателей, поставщиков, субконтрактеров и партнеров для организации совместных производств. В 1990-е годы СЭР перорентировался с поощрения трудоемких производств к интенсивной поддержке деятельности в сфере капитала и информации. Среди нынешних приоритетов деятельности совета – совершенствование производственно-технологической базы, поощрение производства потребительских товаров с высокой прибавочной стоимостью, активное развертывание собственных мощностей по производству потребительских товаров с целью формирования производственных комплексов мирового класса.

Сингапур стал сегодня крупным инвестором по странам региона. Он, к примеру, реализовал проект создания вблизи Сучжоу (КНР) промышленной зоны площадью в 70 кв км и стоимостью в 30 млрд. долл. США. Среди других крупнейших инвестиционных проектов – информационно-технологический проект в Бенгалуру (Индия), здесь 20% площади забронировано за крупными компаниями; промышленные зоны в Мьянме, Вьетнаме (возле Хошимина на площади в 100 га с целью создания 50 тыс. рабочих мест и расходной сметой в 200 млн. долл. США). К пионерским начинаниям относится созданный в 1989 г. "треугольник роста" Сиджори, название которого образовано от трех географических наименований: Сингапура, пограничной с ним малайзийской провинции Джохор и индонезийского архипелага Риау. Размещенная в нем на 500 га промышленная зона Батаминдо включает в себя 81 предприятие с 43 тыс. рабочих. Идея "треугольника промышленного роста" ныне обрела новый масштаб и предполагает охватить также острова Бинтанг и Каримун провинции Риау, а также Восточную Суматру (все – Индонезия), Малакку и Негри-Сембилан (провинции Малайзии). Эта управляемая Сингапуром промышленная зона обеспечивает ТНК производственными мощностями мирового класса, помогает им действовать на региональных рынках. Важная сторона сингапурского проекта в Сучжоу – его умножающий эффект. Благодаря ему смогли перенимать сингапурское искусство управления в условиях урбанизации или сингапурскую программу развития города-регионы Китая. Возможностью участия в проектах промышленных зон заинтересовались такие страны, как Франция, Южная Корея, Япония. Влиятельный сотрудник Французской конфедерации промышленности и услуг констатировал: "Нас впечатляет сингапурский опыт строительства мини-сингапуров в соседних с ним государствах, и мы высоко оцениваем систему управления ими. Сингапур можно рассматривать как лабораторию будущего развития. Он всегда впереди других по части реализации идей и всегда готов выступить с конструктивной инициативой"⁴.

---

⁴ Straits Times, 29.II.1996.

Сингапур практиковал и практикует самые многообразные способы налаживания взаимопонимания между властью и населением с тем, чтобы донести до граждан нужность тех или иных непопулярных, но необходимых мероприятий и реформ. Одновременно с экономическими преобразованиями предпринимались серьезные шаги для достижения единства, взаимопонимания и сотрудничества между политическим руководством страны и гражданами. Использовались различные каналы: "белые книги", парламентские дебаты, выступления министров. Кроме этого, правительство последовательно стремилось заручиться народным мнением, используя для этого Службу обратной связи, сессии Общенациональной конференции, "министерские выходы в народ", комиссии по месту жительства, письма в прессу и т.д. Конечная цель всех этих форм общения – формирование единой нации, единого общества без различия в расе, конфессии и языке. Средства массовой информации поощряются к тому, чтобы играть конструктивную и ответственную роль в развитии общественных отношений и строительстве нации. В Сингапуре возобладала точка зрения, основанная на местном опыте, что роль прессы состоит не в инициировании кампаний и крестовых походов, а в информировании и воспитании, организации досуга, в содействии процессу формирования гуманного и культурного общества. В этом они отличаются от западных масс-медиа, традиционно культивирующих оппозиционность официальной точке зрения и проповедующих установку о том, что все политики без исключения жулье⁵. Такая постоянная дезинтеграция лидеров и институтов способствует политическому цинизму, абсентизму, подрыву доверия к политическим институтам. Сингапур делает ставку на баланс права и ответственности для граждан, личности, избирателя, средств массовой информации. Таким образом, это означает, что каждый человек действует в контексте своей принадлежности к семье, общине, социуму.

Сингапур развивается как открытое, основанное на законе общество. Господство закона – одна из важнейших черт, унаследованных от британской колониальной администрации. Никто не может стоять выше закона – вот господствующий в Сингапуре принцип. Современное коммерческое законодательство, эффективное судопроизводство, международный арбитраж – все это облегчает деятельность зарубежных компаний в Сингапуре, создает атмосферу предсказуемости и законности. В стране разрешена деятельность иностранных юридических фирм. Переняв японскую систему "кобан", Сингапур практикует то, что известно под названием "соседских полицейских постов" и "охраны порядка с опорой на общины". В Сингапуре также применяется форма превентивного ареста закоренелых преступников на основании Акта об уголовном аресте. Для преступников предусмотрены строгие наказания; судопроизводство скорое, и для некоторых серьезных преступлений, таких, как убийство, распространение наркотиков, предусмотрена смертная казнь. Сингапур, согласно оценкам, идет впереди таких развитых стран, как США, Великобритания и Швеция, по уровню общественного доверия к справедливости судопроизводства, а его система законодательства признана лучшей в Азии.

Чрезвычайно важна роль просвещенной, честной, ориентированной на развитие элиты и умелого политического руководства. Такие лидеры, однако, могут проявлять себя на деле лишь в том случае, если политическая система дает им возможность расти и претворять в жизнь здоровую политическую линию. Для такого руководства важно иметь тесную связь с народом, понимать его нужды и устремления, его задача – обозначать приоритеты и предвидеть результаты их деятельности для судеб нации.

---

⁵ Для сравнения, вот что пишет журналист Х. Рейнз в "Интернэшнл геральд трибюн": "Со времен второй мировой войны основная масса американских газет исходила в своем развитии из этической традиции, предписывающей журналистам уходить от прямолинейной пропаганды, проявлять безразличие к успехам или неудачам тех или иных личностей, проявлять скепсис к доводам публичной политики, быть готовым к преследованиям со стороны общества за сбор и распространение информации во имя блага того же общества. Джеймс Фоллоуз в книге "Охота за новостями" спорит с этой точкой зрения, утверждая, что интересам читателя служат скорее те журналисты, которые рассматривают себя как гражданских стенографистов и настроены на то, чтобы со своей стороны содействовать ответственной политике и политикам, преследующим позитивные цели". – International Herald Tribune, 29.II.1996.

Центральная идея заключается в том, что правительство должно править, а лидеры – стоять у руля, но результата они будут добиваться лишь в том случае, если будут демонстрировать и подтверждать право на руководство. По этой причине совершенно особое значение придается их личной порядочности и умелости. Таким образом, политический фактор, т.е. характер и качество руководящих кадров страны, является решающим для будущего любого из государств и одновременно – фактором экономическим.

Сингапuru чрезвычайно повезло, что он с самого начала имел в лидерах умелое, некоррупцированное, решительное руководство, которое прививало населению позитивные традиции и само являлось для него положительным примером. Именно оно обеспечило Сингапuru независимость, выживание, мир и процветание, в свою очередь подбирая, обучая и назначая достойных преемников и компетентное управление. Институционализация непрерывности и преемственности в обновлении руководства имеет большое значение. В Сингапуре ведется тщательнейшая, систематическая работа по поиску людей, обладающих лидерским потенциалом. Такие руководители создали из различных по характеру элементов сингапурцев как нацию, преодолев расовые, религиозные, языковые и культурные барьеры, внедрили в их характер положительные черты: стремление к напряженному труду, поиску консенсуса, борьбе за наивысшее качество, упор на семейные ценности, стимуляцию общественной дисциплины. В итоге, с тех пор как ценность выдающихся лидерских качеств получила признание, оно нашло отражение в высоких окладах сингапурских министров и высших чиновников как одно из средств привлечения талантов. Министр правительства Сингапура Го Чок Тонг в марте 1996 г. констатировал, что одной из важнейших задач в ближайшем будущем станет поиск и формирование сильной команды лидеров, которые поведут Сингапур в следующее столетие.

Сингапур делает особый акцент на обучении и практической подготовке кадров. Существует система стипендий, обеспечивающих возможность для бедных, но одаренных студентов учиться в университетах, колледжах и политехникумах. Ежегодно правительство отправляет порядка 120 студентов на учебу за границу. По возвращении они компенсируют расходы на свое обучение, работая на правительство. Сегодня около 360 учившихся за границей работают на самых высоких постах в правительстве. Для того чтобы таланты из народа могли развернуться, в Сингапуре делается особый упор на развитие человеческих ресурсов. Существует разветвленная система тренировочных курсов и фондов образовательной поддержки, позволяющая любому пройти практическое обучение и получить теоретическое образование. С 1971 по 1995 г. правительство выдало порядка 6 тыс. стипендий как в самом Сингапуре, так и в зарубежных университетах. Такие инвестиции в развитие человеческих ресурсов необходимы для того, чтобы в полной мере овладеть современными технологиями. Вместе эти два фактора являются ключевыми для современного экономического развития. Для сегодняшнего дня характерен сдвиг от вложений в природные ресурсы к развитию ресурсов гуманитарных, и последнее – ключ к успеху для индивида, фирмы, страны в целом. Такие западные экономисты, как Л. Тьюроу, Дж. Лодж, М. Портер и Л. Саммер, неоднократно подчеркивали важность развития человеческих ресурсов. Последний заявил даже, что квалификация населения превратилась в единственную, действительно реальную опору для продвигающихся вперед стран и отдельных компаний.

Сегодня существует богатый выбор моделей развития. Конкретно сингапурская сочетает в себе несколько черт: социальный инжиниринг, промышленную политику, государственное планирование, свободный рынок, демократию, общественную дисциплину, систему непрерывного – в течение всей жизни – образования, партнерские отношения между правительством, трудящимися и работодателями и политическую стабильность. Сингапур в полной мере осознает, что его модель может оказаться по тем или иным причинам неподходящей для других стран, и отдает себе отчет, что не существует одной-единственной модели экономического или политического развития,

как нет единой модели демократии. Каждая из стран должна развивать свою систему, на основе собственного свободного выбора. Как Сингапур учился у других стран, так и они могут выбирать то, чему они желают учиться у него, возможно, в чем-то даже и опередить. Понятно, что сингапурская система в большей степени приемлема для городов-мегаполисов, в частности для столиц, где размещается 20% и более от общей численности населения. Если даже сингапурская модель поможет улучшить жизнь хотя бы этих 20%, это уже положительный результат. Правильный выбор экономической или политической системы – чрезвычайно ответственный шаг, и ошибка здесь чревата крахом для всей страны, как это, к примеру, произошло с Камбоджей при Пол Поте. Столь же важно приспособить выбранную систему к национальной специфике с тем, чтобы она отвечала местным потребностям и условиям. Наконец, сама сингапурская модель не стоит на месте, все более приобретая характер советательной системы, обеспечивающей на основе баланса и соблюдения общественной дисциплины свободу личного самовыражения.

Существуют также нематериальные препятствия на пути экономического роста, и среди них – некомпетентность властей, коррупция, политическая нестабильность, утрата поступательной энергии и кругозора. Ли Куан Ю разъяснял, каким образом Сингапур сумел избежать участи многих развивающихся стран третьего мира: он учился на ошибках и достижениях других и имел решительное и целеустремленное правительство, способное принимать непопулярные решения. Кроме того, правительству никогда не следует подрывать или ослаблять стремления и желания трудиться и создавать богатство, надо поощрять у населения привычку полагаться на самих себя, избегать таких опасностей, как дорогостоящие социальные программы или синдром слабой экономии и слабых инвестиций, присущий странам, не добившимся успехов в своем развитии. Решительное и целеустремленное правительство, наподобие сингапурского, в состоянии справиться с такими проблемами.

Итак, формула сингапурского успеха такова: страна вышла на мировую арену, мобилизовала иностранные производственные возможности, использовала ТНК в качестве двигателя своей экономики, включилась в мировую рыночную сеть, мобилизовала внутренние ресурсы капиталов, избежала трех смертельных ловушек развивающихся экономик, поощряла установку полагаться на собственные силы, способствовала революции в психологии и использовала социальный инжиниринг для стимулирования навыков качественного труда, обеспечила политическую стабильность и господство закона, искоренила коррупцию и т.д. Главный же вывод таков: то, чего добился Сингапур, по плечу и другим странам.

© 1997 г.

А.В. РЕВЯКИН

СОЦИАЛИЗМ И ЛИБЕРАЛИЗМ В СЕРЕДИНЕ XIX в.

Лозунг "организация труда" был едва ли не самым популярным во Франции весной 1848 г. Тому способствовала деятельность многочисленных теоретиков и пропагандистов социализма, которые в продолжение двух предшествовавших десятилетий посредством газет, популярных брошюр и книг, листовок и собраний демократических клубов, объединявших по всей стране десятки тысяч человек, на разные лады твердили французам, что современное общество устроено из рук вон плохо и что спасти людей от обнищания и экономических кризисов может только более совершенная организация труда¹. Корень всех бед они видели если не в частной собственности как таковой, то во всяком случае в неравном ею владении.

Эти воззрения находили живой отклик в обществе. Поэтому, когда была свергнута олигархическая Июльская монархия, многие решили, что пробил час коренных перемен в жизни людей. Республиканское Временное правительство провозгласило своей целью улучшение участи "трудящихся". В течение нескольких дней были приняты декреты о сокращении продолжительности рабочего дня, запрещении подрядных работ как формы "эксплуатации трудящихся", снижении цен на хлеб, праве рабочих объединяться в ассоциации, чтобы "пользоваться законными плодами своего труда", предоставлении рабочим ассоциациям миллиона франков, снятого с гражданского листа свергнутого короля Луи Филиппа, возврате из ломбардов предметов первой необходимости, заложенных бедняками, отмене имущественных ограничений для вступления в национальную гвардию, гарантированном праве на труд для всех граждан. В целях осуществления этого права Временное правительство приняло решение об организации в Париже общественных работ, получивших вскоре название "национальные мастерские". Многообещающим было и создание особой "правительственной комиссии для трудящихся" с целью изучения мер по улучшению положения рабочих. Возглавили эту комиссию члены Временного правительства – социалист Луи Блан, автор нашумевшей книги "Организация труда", и рабочий Александр Альбер, один из руководителей тайных республиканских обществ, боровшихся против Июльской монархии, и участник баррикадных боев в Париже в феврале 1848 г.

Все это хорошо известно благодаря богатой отечественной литературе, посвященной истории социалистических учений и социалистических движений середины XIX в.² Однако наша историография традиционно не уделяла особого внимания тому факту, что еще накануне революции 1848 г. социалистические проекты вызвали оживленную дискуссию в широких общественных кругах. Причем активно откликнулись на их появление ученые-экономисты, подвергнувшие популярные лозунги исцеления

---

¹ 1848. Les utopismes sociaux. Utopie et action à la veille des journées de février. Paris, 1981.

² Список даже основных работ на эту тему настолько обширен, что мы сошлемся на два полных библиографических указателя: История социалистических учений в изданиях 1917–1980 гг. – Дунаевский В.А., Кучеренко Г.С. Западноевропейский утопический социализм в работах советских историков. М., 1981, с. 248–321; История утопического социализма и социальной утопии Западной Европы и Америки в советских изданиях 1981–1987 гг. – История социалистических учений. М., 1990, с. 222–239.

общества от нищеты и социального неравенства анализу с позиций современной им экономической науки³.

В настоящее время эти споры представляют не только научное, но и большое общественное значение. Ибо сегодня мы как бы заново открываем для себя многие принципиальные вопросы социальной и экономической политики, во многом созвучные спорам полуторавековой давности.

Основные рамки дискуссии вокруг социалистических проектов социального переустройства экономики определились еще в конце 30-х – середине 40-х годов XIX в., когда вышли из печати произведения политического писателя, историка и социалиста Луи Блана "Организация труда"⁴ и виднейшего либерального экономиста, члена Института (некоего аналога Академии наук) Шарля Дюнуае "Свобода труда"⁵. В этих работах были выражены прямо противоположные мнения по широкому кругу злободневных вопросов экономической и социальной политики Франции того времени. Они и сегодня воспринимаются именно в паре, несмотря на то, что сильно отличаются друг от друга по жанру и своей дальнейшей судьбе.

Популярная брошюра Блана носила заведомо пропагандистский характер и была рассчитана на широкую читательскую аудиторию. За неполные 10 лет, предшествовавшие революции 1848 г., она переиздавалась несколько раз, а имя ее автора, известного также своими историческими произведениями и газетной публицистикой, было у всех на устах. Блан предлагал создание при поддержке государства общественных мастерских, считая, что они постепенно докажут свои экономические преимущества и заменят частные предприятия с их шлейфом нищеты, безработицы и дороговизны. Успеху этого плана у публики, несомненно, способствовали его кажущиеся простота и легкость исполнения, во всяком случае по сравнению с гораздо более сложными идеями А. де Сен-Симона и Ш. Фурье, непосредственных предшественников Блана. Сыграло свою роль и то, что он был первым из нового поколения социальных мыслителей – реформаторов Франции 40-х годов XIX столетия, в чьих воззрениях прямо или косвенно отразились реалии эпохи промышленной революции и кто открыто обнародовал свой проект в печати.

В этом программном произведении Блан выступал прежде всего как непримиримый критик экономической системы, основанной на "неограниченной конкуренции"⁶. От нее, по его глубокому убеждению, страдают все классы общества – и "народ", для которого она является "системой уничтожения", и "буржуазия", которой она постоянно угрожает обнищанием и разорением⁷. Блан приводил различные доказательства разрушительного влияния конкуренции на общество. Соперничество среди трудящихся за рабочие места, считал он, порождает тенденцию к понижению заработной платы до уровня, обрекающего миллионы людей на полуголодное существование. Промышленность конкурирует с сельским хозяйством за рабочую силу, что приводит к массовому оттоку населения из деревень в крупные города, и они становятся рассадниками отчаянной нищеты. Железные дороги также способствуют обезлюдению сельской местности⁸. Нищета порождает невиданный рост преступности, разрушает семью. "Один из наиболее отвратительных результатов индустриальной

---

³ В какой-то мере эта проблематика все же затронута в некоторых работах. См.: *Лошаков С.А.* Проблемы связи утопического социализма и буржуазной политической экономии в истории общественной мысли конца XVIII – начала XIX в. – Маркс и современная философия. М., 1983, с. 36–42; *Соколова М.Н.* Рейбо – историк утопического социализма. – История социалистических учений. М., 1984, с. 97–117.

⁴ *Blanc L.* Organisation du travail. Paris, 1839.

⁵ *Dunoyer Ch.* De la liberté du travail, ou simple exposé des conditions dans lesquelles les forces humaines s'exercent avec le plus de puissance. Bruxelles, 1846.

⁶ Здесь и далее цитаты приводятся по девятому изданию книги Блана, значительно им переработанному и дополненному, но вместе с тем и сохранившему преемственность основных идей и замыслов автора. См. *Blanc L.* Organisation du travail. Neuvième édition, refondue et augmentée de chapitres nouveaux. Paris, 1850, p. 23.

⁷ *Ibid.*, p. 24.

⁸ *Ibid.*, p. 35.

системы, с которой мы боремся, – использование на фабриках детского труда"⁹, – подчеркивал Блан.

Он оспаривал мнение либеральных экономистов – от А. Смита до Ж.-Б. Сэя, – считавших конкуренцию благом, поскольку она ведет к снижению потребительских цен. Если цены и снижаются, замечает Блан, то лишь временно и от этого потребитель не столько выигрывает, сколько проигрывает. Ведь снижение цен разоряет небогатых производителей к выгоде промышленной олигархии. Следовательно, заключал Блан, "говорить о преимуществах дешевизны в условиях конкуренции – признак или легкомыслия, или лицемерия. Цены остаются низкими до тех пор, пока производители борются между собой: но как только самый богатый торжествует над своими конкурентами, цены сразу повышаются. Конкуренция ведет к монополии в той же мере, в какой дешевизна ведет к завышению цен"¹⁰.

Конкурентная борьба, по мнению Блана, мешает производителям правильно оценить ситуацию на рынке. Кроме того, поскольку им нужно во что бы то ни стало возместить средства, затраченные на машины, оборудование, сырье и постройки, они постоянно увеличивают объемы производства. В условиях сокращения потребления это превращает промышленную деятельность в некую азартную игру, удача в которой целиком зависит от случая. "Да, – констатирует Блан, – конкуренция угрожает не только существованию бедных классов, но и благосостоянию среднего класса"¹¹. Общество, устроенное таким образом, несет в себе зародыш "гражданской войны"¹².

Чтобы исправить положение, Блан предлагал осуществить систему мер, которые в совокупности означали бы подлинную "социальную революцию", т.е. "учредили бы новый общественный порядок", и к тому же, что он особо подчеркивал, "мирным путем"¹³. Начать, по его мнению, необходимо было с образования особого "министерства прогресса", задача которого как раз и состояла бы в том, чтобы дать импульс этой мирной революции и "проложить путь, ведущий к светлым горизонтам". Это министерство должно было располагать значительными средствами, которые, по замыслу Блана, можно было получить, например, в результате преобразования Французского банка, главного эмиссионного и кредитного учреждения страны, в Национальный банк, т.е. фактически путем национализации. Благодаря этой мере, подчеркивал Блан, все доходы, которые раньше лишь увеличивали состояние горстки богатейших акционеров банка, были бы поставлены "на службу освобождения пролетариата". Среди других источников пополнения бюджета "министерства прогресса" Блан называет передачу в государственные руки железных дорог и горнодобывающей промышленности, централизацию страхового дела, открытие государственных базаров и оптовых складов, наконец, добровольную помощь крупных частных жертвователей.

Все эти средства предполагалось употребить на устройство "общественных мастерских" в наиболее важных отраслях промышленности. Блан предвидел, что это мероприятие окажется весьма дорогостоящим. Поэтому он считал, что первоначально общественные мастерские будут немногочисленны. Регламентирующие их деятельность "уставы" должны были быть обсуждены и приняты парламентом и таким образом приобрести силу закона. Членами этих мастерских по мере возможности могли бы стать все рабочие, способные представить "гарантии благонравия". Государство полностью бы осуществляло управление этими мастерскими в течение первого года их существования. Затем, по мысли Блана, рабочие сами выберут новое руководство. Причем, когда они убедятся в преимуществах ассоциации, они охотно распространят принципы новой организации своей жизни не только на сферу труда, но также на быт

⁹ Ibid., p. 51.

¹⁰ Ibid., p. 58.

¹¹ Ibid., p. 59.

¹² Ibid., p. 57.

¹³ Ibid., p. 83.

и досуг. Создание подобного рода ассоциаций Блан планировал прежде всего в сфере крупного производства. Но он не исключал и того, что в них будут принимать и рабочих таких профессий, которые предполагают труд в одиночку, вне больших коллективов. "Каждая общественная мастерская, – отмечал Блан, – могла бы состоять из рабочих различных профессий, сгруппированных вокруг крупного предприятия и образующих части единого целого, которые подчиняются одним и тем же правилам и пользуются одинаковыми преимуществами". Членами ассоциации, считал он, станут наравне с рабочими и капиталисты. Они смогут получать доход в виде процента от вложенного ими капитала. Но в прибылях от производственной деятельности ассоциации они будут участвовать лишь в качестве работников. Одна часть прибыли общественной мастерской станет распределяться среди членов ассоциации, другая пойдет на содержание стариков, больных и немощных, третья будет служить своего рода страховым фондом на тот случай, если в смежных, еще не ассоциированных отраслях промышленности внезапно разразится кризис¹⁴.

Общественные мастерские, по замыслу Блана, должны были быть созданы и в сельском хозяйстве, поскольку, по его мнению, это позволило бы соединить все те преимущества, которыми обладают крупное производство (*grande culture*), ассоциация и "коллективная собственность" по сравнению с мелким производством и индивидуальным хозяйством¹⁵. Для начала, писал Блан, каждая сельскохозяйственная ассоциация будет насчитывать около полсотни крестьянских семей (в среднем 250 человек) и располагать угодьями площадью в 500 гектаров. В дальнейшем размеры угодий могут быть увеличены. Крупный землевладелец, пожелавший вступить в ассоциацию, должен будет продать ей свое имущество: земли, инвентарь, другие предметы хозяйственного назначения. Создаваться эти ассоциации будут, как и в промышленности, при решающей финансовой поддержке государства, которое на первых порах полностью возьмет в свои руки также и управление ими. Со временем сами работники выберут себе руководство.

Блан полагал, что общественные мастерские в сельском хозяйстве будут в гораздо меньшей степени, чем в промышленности, подвержены влиянию привычек и нравов старого строя. Поэтому в них сразу можно будет перейти к новым коллективным (*en commun*) формам быта и досуга. Все семьи будут жить в одном большом здании, занимая отдельные помещения, совместно потреблять плоды своего труда, хотя каждая семья сможет это сделать, будь на то ее воля, и отдельно. В любом случае именно ассоциация должна полностью обеспечивать своих членов питанием и жильем, одеждой и мебелью или же предоставлять по их желанию соответствующий денежный эквивалент. "А чтобы удовлетворить потребности всех, – подчеркивал Блан, – необходимо будет сделать общим достоянием и все продукты труда"¹⁶.

Социальная революция, связанная с созданием общественных мастерских, займет, как отмечал Блан, "определенное" время. Ее течение он описал следующим образом. В каждой крупной отрасли промышленности, например в машиностроении, текстильном производстве или книгопечатании, возникнет сначала только одна общественная мастерская, которая составит конкуренцию частным предприятиям. Но их борьба не будет ни слишком продолжительной, ни жесткой. Общественные мастерские легко докажут свое превосходство. Ведь их члены, будучи заинтересованы в успехе дела, станут работать быстро и добросовестно. А то, что они живут и работают вместе, позволит им экономить дополнительные средства. Постарается смягчить условия конкуренции и государство, например, препятствуя слишком резкому снижению отпускных цен на продукцию общественных мастерских. В итоге, писал Блан, удастся обеспечить "плавный, без потрясений" процесс "постепенного и мирного поглощения индивидуальных мастерских общественными". "Регулировать" этот про-

---

¹⁴ Ibid., p. 70–72.

¹⁵ Ibid., p. 86.

¹⁶ Ibid., p. 113.

цесс будет государство, которое не допустит, чтобы частные предприятия разорились. Оно использует конкуренцию лишь для того, чтобы склонить их к соглашению с собой. "Поэтому весьма скоро мы увидим, – заверял Блан, – как в каждой отрасли промышленности, где уже имеется общественная мастерская, трудящиеся и капиталисты будут стремиться перейти в нее, видя те преимущества, которые она обеспечивает своим членам"¹⁷.

Когда все частные предприятия той или иной отрасли преобразуются в общественные мастерские, возникнет необходимость распространить "систему ассоциации" и на сферу отношений между ними. "Было бы абсурдно, – замечает Блан, – упразднив конкуренцию между отдельными людьми, сохранить ее между корпорациями". Поэтому в каждой отрасли производства, в которой "государство займет господствующее положение", возникнет "центральная мастерская, а с ней будут связаны все остальные мастерские в качестве вспомогательных"¹⁸. Отношения солидарности, объединяющие работников одной мастерской, будут дополнены, таким образом, солидарностью множества мастерских целой отрасли. В дальнейшем, надеялся Блан, солидарность распространится и на отношения между различными отраслями. Они станут отчислять часть своих прибылей в распоряжение государства, а оно сможет использовать эти средства для поддержки тех из них, кто столкнется с непредвиденными трудностями.

Когда все это произойдет, с ненавистной конкуренцией будет покончено навсегда. Вместе с ней исчезнут и порождаемые ею общественные пороки и бедствия. Раз в конкурентной борьбе не станет победителей, значит, не останется и побежденных. Экономические кризисы с этого времени будут угрожать только из-за границы. Вообще, по мнению Блана, преимущества новой системы можно перечислять до бесконечности. Взять хотя бы машины, пишет он, которые при нынешней системе приводят к сокращению рабочих мест и становятся смертельным оружием в конкурентной борьбе одного промышленника с другим. "В условиях конкуренции, – отмечал Блан, – изобретение новых машин ведет к монополии... Иное дело при системе ассоциации и солидарности, когда будут отменены авторские свидетельства на изобретения и права на их исключительное использование. Изобретателя вознаградит государство, а его изобретение будет немедленно использовано на благо всех людей"¹⁹. С исчезновением конкуренции даже торговля потеряет спекулятивный характер, а с помощью банковского кредита, который перестанет служить наживе богачей, трудящиеся будут обеспечиваться орудиями труда.

Эта "промышленная реформа", по мысли Блана, послужит прологом "глубокой моральной революции", связанной с коренным изменением нравов и обычаев людей. "Если в каждой сфере человеческой деятельности, – писал он, – смогут объединиться люди, увлекаемые общими идеалами, целями, надеждами и интересами, то, скажите мне, останется ли еще в жизни место для фальсификации продуктов, подлых уловок, лжи и мошенничества, которые ежедневно отравляют жизнь каждому производителю и каждому торговцу?" Ассоциация, уверял он, своим примером в один день сможет обратить в новую веру больше людей, чем все проповедники и моралисты, вместе взятые, в течение столетия²⁰.

Тем не менее "новый мир", в который войдет человечество благодаря социальной революции, конечно же поначалу будет еще далек от совершенства. Как признает Блан, потребуются немало усилий, чтобы добиться в нем "полного осуществления принципа братства". Но эта цель будет достигнута исключительно средствами просвещения, поскольку основные тому препятствия в обществе будут уже устранены²¹.

¹⁷ Ibid., p. 77.

¹⁸ Ibid., p. 78.

¹⁹ Ibid., p. 80–81.

²⁰ Ibid., p. 82.

²¹ Ibid., p. 83.

В отличие от яркой, запоминающейся, хотя местами и весьма поверхностной брошюры Блана монументальный труд Дюнуайе на почти 700 страницах убористого текста в две колонки, напротив, носил подчеркнуто академический характер, за что ему и была уготована судьба большинства научных изданий – пылиться на полках библиотек в ожидании редкого читателя. И хотя Дюнуайе ни разу не снизошел до прямой полемики с Бланом, всякий, ознакомившись с его трудом, мог понять, что основная цель его как раз и заключалась в том, чтобы опровергнуть и развенчать всю систему воззрений реформаторов социалистического толка.

В кратком предисловии к труду Дюнуайе отметил: "Хотя я и рассматриваю общество в целом, т.е. в совокупности всех видов его деятельности и функций, тем не менее я должен подчеркнуть, что мой труд не имеет ничего общего с произведениями писателей, которых называют сегодня социалистами и которые стремятся втиснуть общество в искусственные формы, придать некую организацию всем видам его деятельности и тем самым подчинить их руководству из единого центра. Все знают, насколько несовместимы эти теории с моими взглядами. Ведь я принимаю общество таким, каким оно стало само по себе, в итоге саморазвития всех видов трудовой деятельности, предоставленных своей естественной независимости и объединенных только добровольными узами... Следовательно, мой труд открыто направлен против так называемых организаторских тенденций нашего времени. Он исходит из недопустимости того, чтобы публичные власти присваивали себе право ставить перед обществом какие-либо цели или организовывать его в соответствии с этими целями. В нем не признается их право вмешиваться в трудовую деятельность и деловые операции, жизненно для него важные, за исключением тех случаев, когда необходимо воспрепятствовать наказуемым действиям... он выдержан в духе верности либеральным традициям прошлого и предназначен внести вклад в ту борьбу, которая вот уже в течение многих столетий ведется за освобождение человеческой личности от противоправных действий со стороны общества и властей преобладающих".

Весьма красноречив с этой точки зрения и небольшой раздел, носящий подчеркнуто полемический характер и не вписывающийся в стилистику этого сугубо научного труда. Он и озаглавлен Дюнуайе так, чтобы показать не преднамеренность, а как бы вынужденность его включения в книгу: "Постскрипtum по поводу возражений, которые были выдвинуты в последнее время против режима свободной конкуренции"²². Критики этого режима, считал автор, весьма тенденциозно оценивают связь между благосостоянием народов и духом состязательности, конкурентной борьбы в обществе. Сначала, писал он, нам рисуют картину экономических чудес, которые только и стали возможны благодаря свободе труда и соревнованию между трудящимися. Но затем нам доказывают, что в итоге этой конкурентной борьбы богатые становятся еще богаче, а бедные нищают все больше. Утверждают, что чем богаче и могущественней общество, тем хуже в нем живется бедноте, численность которой растет пропорционально развитию промышленности. Приводят даже странную статистику, согласно которой соотношение между бедняками и всем населением составляет в Испании и Италии 1:30, в Турции – 1:41, в России – 1:100, тогда как в Англии, Бельгии и промышленно развитых департаментах Севера Франции оно достигает 1:6. Наконец, писал Дюнуайе, нам рисуют мрачную картину положения трудящихся классов в современном обществе, свидетельствующую об их физической и моральной деградации и призванную убедить нас в том, что современная цивилизация ведет к одичанию большинства населения.

Нас пытаются убедить, продолжал Дюнуайе, что несправедливый передел плодов труда, ведущий к накоплению богатства у одних и ко все большему обнищанию других, является следствием конкуренции; что предприниматели, вынуждаемые конкуренцией снижать отпускную цену своих изделий, экономят на заработной плате работников; что в целях сокращения издержек они увольняют рабочих и ставят

---

²² *Dunoyer Ch. Op. cit.*, p. 192 etc.

вместо них машины; что сами рабочие ввиду столь грозной конкуренции вынуждены наниматься за бесценок; что промышленность в результате всего этого стала полем смертельной битвы, первыми жертвами которой оказываются рабочие – самые слабые, незащищенные и уязвимые. "Нет необходимости уточнять, где я прочел все эти обвинения, – писал Дюнуайе. – Их слышишь повсюду, причем в выражениях гораздо более резких и страстных, чем те, которые я употребил выше". И поскольку источником всех этих бедствий объявляется конкуренция, отмечал он, ее оценивают особенно сурово, как "режим варварства и дикости", "анархии", "беспорядок", "всемирное зло" и пр.

Далее Дюнуайе дал краткую характеристику тех принципов, которые критики конкуренции хотели бы положить в основу организации общества и труда. "Я имею в виду не только известные системы Фурье, Сен-Симона и Оуэна, – писал он. – Но авторы и менее эксцентричных сочинений предлагают защитить трудящиеся классы от опасностей, которым они подвергаются в условиях конкуренции, и изъять их рабочие места из действия законов рынка. Они доказывают, что, поскольку работа для них является единственным источником существования, нельзя допускать, чтобы они теряли в заработной плате. Они исходят из убеждения, что каждый человек имеет право на жизнь, а следовательно, должен располагать для этого достаточными средствами. Они утверждают, что общество всем им, сколько бы их ни было на свете, обязано предоставить работу, причем оплачиваемую в размере, позволяющем им сполна удовлетворять свои потребности. Наконец, они говорят, что обеспечить благосостояние трудящихся можно, только заменив анархию организацией и конкуренцию – ассоциацией. Ассоциация! Организация! – вот ключ к загадкам нашего общества, вот волшебные слова, благодаря которым падет заклятие, лежащее на бедных классах".

Дюнуайе не скрывал своего удивления по поводу того, как могли столь наивные, на его взгляд, воззрения получить в обществе столь широкое распространение: "Ведь подобное слышишь не только от одиноких мечтателей; все это повторяют, как будто речь идет о чем-то реальном, даже люди, гордящиеся своей практической сметкой и рассудительностью. Едва ли не везде теперь можно услышать проклятия в адрес конкуренции и призывы к организации труда и всеобщей ассоциации трудящихся". Все это, по мнению Дюнуайе, оставляет странное впечатление: "Как будто человечество, упорно шедшее в течение двух тысячелетий к освобождению труда, причем именно в интересах трудящихся классов, вдруг обнаружило, что все это время заблуждалось; как будто свобода, обретенная ценой столь продолжительных, терпеливых и болезненных усилий, оказалась на самом деле не благом, а злом, приносящим единственно несчастья именно тем, кто больше всего к ней стремился"²³. Если это так, замечал Дюнуайе, то горе человечеству, которое способно совершать такие ошибки. Кто теперь поверит, что оно вообще может отдавать себе отчет в том, что делает и куда идет?

По мнению Дюнуайе, если и возможно законодательными мерами лечить болезни общества, то лучшее, что можно было бы сделать, – это "учредить во всей полноте режим свободы и конкуренции, на который возводят столько хулы"²⁴.

Дюнуайе обозначил, таким образом, одну из крайних позиций в споре об организации труда. Сам Луи Блан, с чьей легкой руки это определение пошло гулять по свету, скорее всего не может считаться его непримиримым противником. Он вообще был человеком, легко идущим на компромисс. Было бы напрасным занятием искать в его "Организации труда" резкие выпады против частной собственности, денег, эксплуатации, которыми изобилует масса других, современных этой книге произведений социалистической литературы. Да и предложенный им план социальной реформы был проникнут духом примирения, терпимости и миролюбия. В доводах и

²³ Ibid., p. 193.

²⁴ Ibid., p. 194.

рассуждениях Блана сквозит стремление согласовать противоположные интересы, обеспечить гармонию рынка и государственного регулирования, заработной платы и прибыли, свободы и организации. Характерно, что даже государству, которому он предоставляет инициативу создания первых общественных мастерских, в дальнейшем Блан отводит роль простого стрелочника. Общественная система, в частности экономика, функционирует как бы в автоматическом режиме, без вмешательства извне.

Компромиссный характер социальной программы Луи Блана почувствовал и коммунист Э. Кабе²⁵. Он-то, на наш взгляд, и выдвинул действительную антитезу воззрениям либерала Дюнауйе. Если Кабе отнесся благосклонно к идеям Блана, то только потому, что и сам был склонен к компромиссам. Переход к идеальному, как он его называл, "строю общности" Кабе мыслил не как одномоментный, революционный переворот, но как относительно длительный процесс последовательных реформ, растянутый на многие десятилетия, который предполагает поиск соглашений и компромиссов с потенциальными союзниками и "попутчиками". Еще в начале 40-х годов Кабе стал искать сближения с Бланом. Об этом свидетельствует довольно частое упоминание имени Блана в периодических изданиях Кабе – газете "Попюлер" и ежегоднике "Икарийский альманах", даже цитирование отрывков из его работ.

Что же представляла собой коммунистическая альтернатива либеральной концепции свободы труда? Она нашла предельно сжатое и ясное выражение в брошюре Кабе "Мое коммунистическое кредо"²⁶, своего рода манифесте, который он опубликовал в 1840 г. Самого словосочетания "организация труда" мы в этой брошюре не встретим. Эту проблему Кабе рассматривает в более широком плане "социальной организации", к которой относит и семью, и политику, и нацию, и конституцию, и территорию, и промышленность.

Кабе считал, что строй общности позволит в полной мере осуществить принцип братства в отношениях между людьми. "Я верю, – писал он, – что нация, или народ, должна составлять единую семью братьев, или единое общество, все члены которого равны в правах и обязанностях, в наслаждениях и труде". Выводя, таким образом, принцип равенства из братства, он положил его в основу организации будущего общества в целом: "Я верю, что все братья, или члены ассоциации, должны в равной мере являться гражданами, избирателями, избираемыми, что все они должны получать одинаковое общее начальное образование, что все они должны быть в равной мере хорошо накормлены, одеты и обеспечены жильем, что все должны в равной мере подчиняться закону и что все должны в равной мере трудиться"²⁷.

Поскольку, как видно из этих соображений Кабе, он выводил черты общественного строя будущего из неких абстрактных принципов, взятых произвольно ("я верю", – этими словами начинается каждый новый абзац его "Кредо"), логичным с его стороны было стремление санкционировать все эти изменения в жизни людей, о чем он мечтал, столь же абстрактными нормами права и совершенными законами.

По мнению Кабе, конституция строя общности "должна быть выработана и одобрена всем народом", а "законы должны выражать общую волю... они могут быть подготовлены народным представительством, избранным всеми гражданами, но... по мере возможности должны получить одобрение всего народа. Я верю, что если в соответствии с этим правилом законы будут разработаны, одобрены и поддержаны всеми, то они обязательно будут отвечать интересам всех и что никто не может

---

²⁵ О Кабе см.: *Prudhommeaux J. Icarie et son fondateur Etienne Cabet. Paris, 1907; Angrand P. Etienne Cabet et la république de 1848. Paris, 1948; Johnson Ch. Utopian Communisme in France: Cabet and the Icarians, 1839–1851. Ithaca – London, 1974; Tumminelli P.E. Cabet. Critica della società e alternative di Incaria. Milano, 1981.* См. также наши статьи о Кабе, опубликованные в сборниках "История социалистических учений" (М., 1987–1990).

²⁶ *Cabet E. Mon crédo communiste. Paris, 1840.*

²⁷ *Ibid.*, p. 7–8.

испытывать ни малейшего недовольства, исполняя законы, одобренные каждым в общих интересах"²⁸.

Кабе надеялся, что таким образом удастся преодолеть противоречие между правом и законом, свойственное современному ему обществу. Но на самом же деле он, исходя из того, что "законы, а следовательно, разум и воля всех граждан должны урегулировать все, что касается порядка и общего счастья" при строе общности, пришел к еще более спорному выводу: "Свобода должна состоять только в возможности делать то, что не запрещено законом, и не делать того, что им не предписано"²⁹.

Мало того, что Кабе собирался взвалить на плечи законодателя заведомо непосильный груз – предусмотреть и расписать, кому и чем заниматься, он выдвигал такое понимание свободы, при котором начисто исключались любая индивидуальная самостоятельность и инициатива граждан.

Впрочем, было бы удивительно, если бы пророк, мечтающий о детальной регламентации законами поведения людей в обществе будущего, вдруг пожелал предоставить им свободу выбора занятий и сфер приложения своих сил. Не мог этого сделать и Кабе. В области экономической организации строя общности он был последовательным сторонником централизации и государственного управления. Хотя он и не употреблял слова "государство", предпочитая различные эвфемизмы, сути дела это не меняет. Вот как он характеризовал управление сельским хозяйством: "Я верю, что национальная территория должна считаться единым владением, безраздельно принадлежащим обществу. Я верю, что только общество или его представители должны управлять общественным, или общим, владением, давать гражданам поручения по возделыванию полей, сбору плодов, доставке в мастерские всего, что подлежит переработке для удовлетворения потребностей в питании, одежде, жилище, а также распределить все продукты и производства"³⁰.

Аналогичную модель управления он предусматривал и для промышленности: "Я верю, что все отрасли промышленности должны считаться лишь частью единого общественного промышленного производства, руководимого единой волей. Я верю, что именно общество должно осуществлять разделение и определять последовательность труда, организовывать и размещать мастерские, распределять всех рабочих"³¹.

Составной частью программы новой социальной организации, которую разработал Кабе, была и система распределения благ. В ее основу также был положен принцип равенства, который в условиях ожидаемого – благодаря промышленной революции и "десятикратному" росту производства – изобилия благ должен был обеспечить всем гражданам, по словам Кабе, "отнюдь не равенство в нищете, но равенство в достатке"³². Как видно из этой формулы, Кабе не обещал "молочных рек в кисельных берегах", не сулил полного удовлетворения всех потребностей граждан, и притом немедленно. Наоборот, из нее вытекает, что он считался с относительной ограниченностью ресурсов, которые можно было бы направить на потребление, не стопоря в то же время механизмов их расширенного воспроизводства.

Выдвинутая им градация всех благ на "необходимые", "полезные" и "приятные" должна была, по его мнению, разрешить противоречие между идеалом полного удовлетворения всех потребностей граждан, не выходящих, разумеется, за границы морали и закона, с имеющимися возможностями, хотя и постоянно расширяющимися, но все же относительно ограниченными. "Я верю, – писал Кабе, – что прежде всего надо предоставить всем гражданам все, что необходимо; что затем можно будет постараться предоставить им все, что полезно; и что лишь после того, как все будут в

²⁸ Ibid., p. 8.

²⁹ Ibid., p. 8–9.

³⁰ Ibid., p. 10.

³¹ Ibidem.

³² Ibid., p. 11.

равной мере обеспечены необходимым и полезным, можно непрерывно стремиться ко всему, что не более чем приятно, однако при условии согласия на то всех граждан, полученного законным путем, ибо равенство в пользовании благами должно всегда неукоснительно соблюдаться"³³.

Социальная организация, набросок которой, выполненный пером Кабе, мы только что в общих чертах рассмотрели, представлялась самому автору, в данном случае не побоявшемуся показаться нескромным, пределом совершенства. "Я верю, – утверждал он, – что против общности нельзя выдвинуть ни одного возражения, которое не составило бы труда опровергнуть, что никакая другая система не способна столь успешно решить все социальные и политические проблемы". Как хотелось бы вместе с ним поверить в то, что "эта система общности, обеспечивающая всем хорошее воспитание и достаток, положит конец раздорам, порокам, преступлениям и установит самый совершенный общественный порядок, спокойствие и счастье для всех граждан" и что "при общности не может быть ни воров, ни пьяниц, ни лентяев, что тяжбы и банкротства станут при ней неизвестны, что суды, наказания, тюрьмы, жандармы и прочее будут бесполезны"³⁴.

Но если с банкротствами все ясно, ибо проект социальной организации Кабе не предусматривал иных форм собственности, кроме государственной (номинально-общественной, но управляемой уполномоченными на то лицами), а государство по определению не может обанкротиться, то с ворами, пьяницами и лентяями дело обстоит куда сложнее. Какие имеются основания верить тому, что при строе общности все люди предпочтут честный и, как бы мы недавно добавили, ударный труд на благо общества незаметному прозябанию, выполнению обязанностей спустя рукава или уклонению от их исполнения под различными благовидными предлогами, не говоря уже о заведомо порочном поведении? Кабе придумал такого рода вопросы и заранее заготовил на них ответы. Человек своего времени, он придавал огромное значение воспитанию. Оно, по его словам, при строе общности "должно стать основой всего". "Я верю, – писал он, – что оно должно иметь целью физическое, нравственное и умственное совершенствование человека"³⁵. Но такой ответ не может удовлетворить придирчивых читателей Кабе, поскольку тут же возникает встречный вопрос: а откуда взять совершенных воспитателей?

На этот, как и на многие другие конкретные вопросы, возникающие по ходу чтения Кабе, в его работах, как правило, конкретных ответов нет. Во всяком случае, убедительных. Впрочем, самого Кабе это не слишком заботило. Складывается впечатление, что вопросы по поводу деталей его проекта социальной организации вызывали у Кабе скорее досаду и недоумение, чем тревогу и озабоченность. Если он и не отмахивался от них, то всего лишь отсылал читателя к тем своим общим идеям, из которых и выводил конкретные предложения по частностям.

Подобным же образом – от общего к частному – Кабе решал и весьма непростую проблему мотивации людей к труду – ключевую, как нам представляется, для оценки любой системы организации труда. Ведь как бы красиво она ни выглядела на бумаге, если она не предусматривала эффективных стимулов для трудовой деятельности, то была обречена в лучшем случае стать интересной идеей, в худшем же – трагическим заблуждением.

Весьма простое объяснение мотивов поведения людей при строе общности мы находим в воззрениях Кабе на природу человека. "Я верю, – писал он, – что человеку свойственны разум, способность к совершенствованию и общению". И в то же время он признает, что "пока еще ничтожно мало людей, чей разум достиг такой степени развития, какой мог бы, если бы о нем заботилась хорошая социальная организация"³⁶. Следовательно, причина всех несчастий и пороков человека – не в нем самом, а вне

³³ Ibidem.

³⁴ Ibidem.

³⁵ Ibid., p. 9–10.

³⁶ Ibid., p. 4.

его, в обществе. "Я верю, – пояснял свою мысль Кабе, – что пороки человека обычно являются следствием плохой социальной и политической организации, в особенности неравенства, порождающего эгоизм и безразличие, зависть и ненависть. Я верю, что все пороки исчезли бы, уступив место братству, любви и самоотверженности, если бы в социальной и политической организации неравенство заменили равенством"³⁷.

Среди общественных институтов, противных природе человека, Кабе прежде всего выделяет собственность. Впрочем, он готов признать, что "этот институт мог быть хорошим и полезным при условии, если бы земля была разделена между всеми людьми так, чтобы каждый имел равную долю и эта доля была бы по сути своей неотчуждаемой"³⁸. Но все как раз наоборот: "Почти все нации ввели у себя собственность на условиях ее неравенства и отчуждаемости". Кабе считал это "ошибкой и, может быть, самой пагубной из всех ошибок". Согласно его мнению, "неограниченная собственность привела к росту неравенства состояний" и "служит главной причиной возникновения богатства и нищеты, всех пороков, всех несчастий человечества". Отсюда делался вывод: "Я верю, что до тех пор, пока будет сохраняться собственность, с фатальной неизбежностью останутся в основном и эти несчастья и что, кто бы ни захотел устранить эти следствия, он должен будет прежде всего покончить с их причиной"³⁹.

Значит ли это, что можно ограничиться пределом собственности в соответствии с принципом равенства – каждому равную долю? Как мы видели выше, Кабе допускал такое решение, но тем не менее его не поддерживал. И объясняется это очень просто. "Я верю, – писал Кабе, – что природа предназначила землю к общему и неделимому владению, так же как воздух, свет и тепло, что она предназначила к разделу лишь плоды и предметы, необходимые для удовлетворения потребностей каждого, что общность благ естественна"⁴⁰.

Здесь мы, проследив ход умозаключений Кабе, обнаруживаем, что он никак не решал вопроса о трудовой мотивации людей. Более того, оказывается, этого вопроса для Кабе как бы не существовало. Что для него важно, так это, с одной стороны, общество, которое может быть организовано правильно (естественный строй равенства или общности) или неправильно (строй неравенства), а с другой стороны – человек с его естественными задатками. "Я верю, – писал Кабе, – что человек, будучи от природы общительным, испытывает к себе подобным такие естественные чувства, как влечение, симпатия, сочувствие, сердечность, доброта, склонность помогать и оказывать поддержку своим братьям, что братство, любовь и самоотверженность являются естественными склонностями, или инстинктами, которые укрепляются и развиваются разумом и воспитанием"⁴¹. В обществе, организованном неправильно, природа человека искажена, все лучшие его побуждения пропадают даром. Напротив, в обществе, устроенном в соответствии с законом природы, все его естественные задатки проявятся во всем блеске. Сами собой, считал Кабе, отомрут воровство, пьянство и нерадивость. Трудиться не покладая рук на благо всего общества человек будет инстинктивно, не отдавая себе в том отчета, дает понять Кабе.

Не вдаваясь в споры о природе человека, которые вели европейские философы в XVIII – начале XIX столетия и которые, несомненно, наложили отпечаток на мировоззрение Кабе, заметим лишь, что подобное чисто умозрительное объяснение трудовой мотивации людей не могло удовлетворить серьезных экономистов. Считая себя учеными, они стремились к познанию конкретных механизмов функционирования экономики, в частности и мотивов, побуждающих людей работать в полную силу, заботиться об улучшении результатов собственного труда, о последствиях своих усилий для себя лично, своих ближних и всего общества. Экономическая наука в лице

³⁷ Ibid., p. 5.

³⁸ Ibid., p. 7.

³⁹ Ibidem.

⁴⁰ Ibid., p. 6–7.

⁴¹ Ibid., p. 4–5.

своих основоположников, например французских физиократов или шотландца Адама Смита, – такое же детище Просвещения, как и нравственная философия. Поэтому либеральные экономисты первой половины XIX в. отнюдь не отрицали наличия идеальных, отвлеченных мотивов трудовой активности людей, восходящих будь то к божественной сущности человека, будь то к его природе. Вместе с тем они подчеркивали огромное значение культуры и цивилизации, глубоко отразившихся на образе мыслей современного человека и прививших ему интересы высшего порядка, которые нельзя свести к элементарным страстям и потребностям.

Шарль Дюнуайе, несомненно, принадлежал к просвещенным экономистам. Роль и значение свободы труда он рассматривал прежде всего в контексте культуры древних и новых городов – от эпохи дикости, кочевого образа жизни и рабовладения вплоть до современного ему "промышленного порядка". Вот к какому выводу он пришел, сравнивая различные этапы исторического развития человечества: "Мы не только не можем согласиться с теми упреками, которые часто бросают современной промышленной эпохе, будто бы она противоречит науке, лишена поэзии, вызывает падение нравов и входит в противоречие с общественными интересами, а, напротив, будучи глубоко убеждены в своей правоте, мы беремся смело утверждать, что именно под влиянием этого порядка и по мере того, как различные профессии очищаются от всякой примеси несправедливости, как они все более индустриализируются⁴², параллельно все более совершенствуются и изящные искусства, науки, нравы, общественные отношения, а мы сами становимся все более восприимчивыми к радостям поэзии, доводам науки, моральным и общественным императивам"⁴³.

Но все это не мешало Дюнуайе вместе с другими экономистами либеральной школы считать, что в конечном счете мотивы трудовой деятельности людей восходят к стремлению обладать собственностью. В прошлом, считал он, это стремление принимало грубые, антиобщественные формы. Промышленный порядок ввел его в цивилизованные рамки. "То, что нас охватило желание умножить наши материальные блага, – писал Дюнуайе, – отнюдь не знамение промышленной эпохи. Но если при промышленном порядке, равно как и при любом другом способе существования, первойшей потребностью человека является приобретение собственности, то все же не стоит об этом слишком печалиться, особенно когда она удовлетворяется почтенными средствами, поскольку собственность, в особенности же благоприобретенная, пробуждает в нас желания высшего порядка"⁴⁴.

Но, как ни отличаются взгляды Кабе и Дюнуайе на мотивы трудовой деятельности – один делает ставку на самоотверженность людей, другой на их стремление к приобретению собственности, – трудно не усмотреть в их теориях возможной точки пересечения. Ибо и Дюнуайе не отрицает идеальных мотивов – потребностей высшего порядка, и Кабе не стремится отменить собственность, лишь считает необходимым сделать ее общим достоянием. Почему же тогда – в продолжение мысли Кабе (сам он об этом не рассуждал) – обладание общей собственностью не может стать действенным стимулом трудовой активности, о чем, собственно, в той или иной форме писали другие социалисты, сторонники ассоциированного труда?

Ответ на этот вопрос, основанный на экономическом расчете, дал Дюнуайе. Он, по сути дела, объяснял, что в экономике, как и в математике, от перемены мест слагаемых сумма (богатства) не изменяется. Что бы ни говорили социалисты о преимуществах общего владения собственностью и ассоциации, действительность, по мнению

---

⁴² Под словом "индустрия" Дюнуайе понимал не только и не столько крупную машинную индустрию, сколько методы промышленной деятельности. Он писал: "Человек, занимающийся промышленной деятельностью, не может быть сегодня безразличен к средствам добычи своего пропитания, например к применению насилия и обмана. Наоборот, это человек, который занят созданием полезных вещей одного рода и обеспечивающий себя в меру своих потребностей и возможностей полезными вещами другого рода путем честного и свободного обмена". – *Dunoyer Ch. Op. cit.*, p. 160.

⁴³ *Ibid.*, p. 164.

⁴⁴ *Ibid.*, p. 170–171.

Дюнуайе, их опровергает: "И при порядке свободы трудящиеся классы фактически ассоциированы в той мере, в какой это допускает закон. Они получают в свое распоряжение ту долю богатства, произведенного промышленностью, которая пропорциональна авансированному ими капиталу, т.е. предоставленной ими рабочей силе. Эта доля, если ничто не мешает их свободному найму, в точности представлена их заработной платой. Если вы пожелаете ее увеличить и ограничитесь только тем, что сделаете их совладельцами предприятий и предоставите им вместо заработной платы долю в прибылях, то их благосостояние от этого существенно не изменится... оно не может не соответствовать той роли, которую играет рабочая сила в создании богатства". Поэтому идеи общего владения собственностью и справедливого распределения прибылей, под каким бы соусом их не предлагали публике, сводятся, по мнению Дюнуайе, к одному – "ассоциируя бедных с богатыми, перераспределить собственность вторых в пользу первых"⁴⁵. То, что такая операция не даст реального прироста общественного богатства и даже не послужит стимулом к повышению трудовой активности, а, наоборот, снизит активность тех, чей вклад в создание нового богатства был относительно выше, для Дюнуайе было совершенно очевидно.

В противоположность социалистам он выдвинул, как ему казалось, простые и "совершенно разумные" предложения, направленные на то, чтобы поскорее решить реальные социальные проблемы общества, в частности и проблему нищеты. "Прежде всего, – писал он, – не очевидно ли, что чем меньше преград между странами и профессиями... чем меньше общенациональных и профессиональных монополий, как частных, так и государственных, тем шире станет поле конкуренции, тем больше возрастет число полезных предприятий и тем выше будет спрос на труд рабочих классов? Расширение свободы приведет к увеличению числа рабочих мест двумя путями: облегчением возможности для создания новых предприятий и в еще большей степени стимулированием энергии предпринимателей"⁴⁶.

Главный упрек, который предъявляют режиму свободы и конкуренции, заключается в том, что он ведет к несправедливому распределению плодов труда. Дюнуайе позволил себе в этом усомниться. Неужели не очевидно, вопрошал он, что чем меньше всяких монополий и привилегий, тем меньше и возможность тех или иных групп общества наживаться за счет других? "Неужели не очевидно, – продолжал он, – что режим свободы и конкуренции в действительности ставит всех нас в то положение, когда ничто не мешает нам реализовать наши способности, не препятствует заключению нами сделок и когда каждый может в полную меру своих сил и возможностей добиваться законными средствами поставленных целей?" Но этот же режим, считал он, налагает на каждого человека и дополнительную ответственность за свои поступки. И предприниматель, и рабочий должны соизмерять силы с возможностями, расходы с доходами, сберегать излишки "на черный день" и т.д. "Будучи энергичным стимулом, конкуренция является и мощным тормозом, и, чем большее развитие она получает, тем в большей мере она требует от людей предусмотрительности"⁴⁷.

С этой точки зрения Дюнуайе видел большой недостаток всех социалистических теорий в том, что они стремятся освободить человека от всякой ответственности за свои поступки, превращают его в марионетку, послушную воле неких могущественных сил или действующую по усмотрению начальников. "Авторы наших утопий, – писал он, – дают понять, что относятся с полным пренебрежением к человеку, они хотят поставить его в такое экономическое положение, которое избавило бы его от добродетелей и облагодетельствовало бы всех, не налагая ни на кого ответственности. Не говорите им о целеустремленности, терпении, смелости, предусмотрительности, экономности, моральном долге. Все это, по их мнению, годится только для старого порочного общества и является его следствием, а в новом, искусно организо-

⁴⁵ Ibid., p. 209.

⁴⁶ Ibid., p. 211.

⁴⁷ Ibid., p. 211–212.

ванном – будет совершенно излишним. Главное, считают они, это открыть его, изобрести его организацию, которая бы работала сама по себе и обеспечила бы счастье людей благодаря своим собственным достоинствам"⁴⁸.

Трудно избавиться от впечатления, что Дюнуайе действительно задел мыслителей вроде Кабе за живое, обнажил самое уязвимое место их социальной теории. Но упреки, которые он адресовал "авторам утопий" без разбора, кажутся несправедливыми, по крайней мере по отношению к Луи Блану, неоднократно в своей "Организации труда" подчеркивавшему, что работники общественных мастерских будут весьма "заинтересованы"⁴⁹ в их процветании.

В своей книге Блан прямо ставил вопрос: "Каковы будут правила распределения плодов труда в каждой общественной мастерской?". И давал на него ответ, который поначалу внушает некоторый оптимизм: "Всегда и неизменно я видел верное решение проблемы справедливого распределения в том, чтобы сделать общим достоянием как средства труда, так и продукты потребления, учитывая при этом способности и потребности каждого... Но я не отрицаю, что надлежащее воспитание до сего дня было чистой привилегией, что способности каждого человека не поддаются точному измерению, что извращенная цивилизация, угнетая нас, превращает в себе подобных, что она, следовательно, исковеркала законы природы, что она привила нам искусственные потребности, дурные вкусы и тщеславные желания, что если бы мы попытались преждевременно ввести систему истинной пропорциональности, то, учитывая влияние этой цивилизации, мы вполне могли бы прийти к тому, что слишком многие стали бы работать все меньше, а требовать все больше"⁵⁰.

Сделав такой прогноз, разумность которого трудно оспорить, Блан достаточно неожиданно объявил себя сторонником "равенства заработной платы или по крайней мере равного раздела прибылей" на первых порах существования общественных мастерских с последующим переходом к распределению по принципу: "Каждый будет производить в соответствии со своими способностями, а потреблять в соответствии с потребностями"⁵¹.

Неудивительно, что воззрения Блана именно в этой части подверг резкой критике один из его самых известных оппонентов Мишель Шевалье. Либеральный экономист, сделавший в годы Второй империи блестящую карьеру, став министром, он отличался от многих своих коллег пристальным вниманием к так называемому социальному вопросу⁵². Причину этого, очевидно, следует искать в его сенсимонистских корнях – он был учеником и последователем Сен-Симона. Во всяком случае он проявлял заметно большую отзывчивость к нуждам социальных низов, чем его старший собрат по цеху Дюнуайе.

В августе 1844 г. Шевалье опубликовал в либеральной газете "Журналь де деба" пространную критическую статью о книге Блана⁵³. Похвально отзываясь о намерениях автора, который, по его словам, стремился "устранить пагубные последствия неограниченной конкуренции", Шевалье тем не менее расходился с ним в конечных выводах и оценках. Сравнивая конкуренцию с фруктовым деревом, плоды которого могут радовать садовника только при надлежащем уходе, он так характеризует суть своих разногласий с Бланом: "Чтобы дерево лучше плодоносило, на наш взгляд, вполне достаточно осторожной и умелой рукой срезать с него лишние ветки. Радикальная школа, к которой принадлежит Луи Блан, хочет... срубить его под корень. В этом случае плодов не только не станет больше, их не будет вообще – ни для кого. И бедные, и богатые попросту умрут с голоду"⁵⁴.

⁴⁸ Ibid., p. 212.

⁴⁹ *Blanc J.* Op. cit., p. 71, 78, 82, 86.

⁵⁰ Ibid., p. 74–75.

⁵¹ Ibid., p. 72.

⁵² О нем см. *Walch J. Michel Chevalier: économiste saint-simonien. 1806–1879.* Lille, 1974.

⁵³ Она воспроизведена Бланом в девятом издании "Организации труда". – *Blanc L.* Op. cit., p. 186–193.

⁵⁴ Ibid., p. 188.

Но любопытно то, что сам Шевалье отнюдь не был склонен к живописанию прелестей конкуренции. Он прекрасно видел все ее недостатки и пороки. "Где бы она ни появлялась, – отмечал он, – ей сопутствуют потрясения, катастрофы, банкротства и слезы. Сколько семей лишились из-за нее благосостояния, сколько надежд она похоронила! Сколько сбережений, собранных с таким трудом, превратились в дым по ее милости! Сколько работающих и порядочных людей потеряли все, вплоть до своей чести! Я ни в коей мере этого не отрицаю и скорблю об этом не меньше, чем кто-либо другой". Но ведь конкуренция, писал Шевалье, является всего лишь экономическим, "индустриальным воплощением" универсального принципа свободы. А мы знаем, продолжал он, каким болезненным был путь человечества к торжеству политической свободы, во имя которой были пролиты реки крови, так стоит ли на этом лишь основании проклинать свободу?

Равным образом и конкуренция, считал Шевалье, не заслуживает того, чтобы на нее возлагали ответственность за ложь, преступления и насилие, творимые от ее имени. И далее он высказал ряд небезынтересных суждений, ярко характеризующих его общественную позицию. "Принцип конкуренции, – утверждал он, – еще долго, если не всегда, будет законом промышленности. Все, что в наше время люди могут сделать, так это не доводить его до крайности. И вообще, никогда не следует чисто логическим путем выводить из того или иного принципа крайние умозаключения. Противоположные принципы следует уравнивать между собой. Таким образом, постараемся использовать любую возможность, чтобы уравновесить недостатки конкуренции. Если невозможно излечить полностью те болезни, к которым она приводит, то постараемся хотя бы облегчить наши страдания. Ради этого поступим с конкуренцией, или индустриальной свободой, так же, как мы поступили со свободой политической. Ее мы соединили с порядком – и добились огромного и спасительного прогресса, когда вскоре после славных дней 1830 г. к лозунгу свободы на нашем знамени добавили лозунг общественного порядка... Следуя этому примеру, давайте и по отношению к промышленности перестанем отрывать идею конкуренции от понятий ассоциации и солидарности. Спасительные и благотворные перемены не заставят себя ждать. Но упразднить конкуренцию – никогда!"⁵⁵

Определив таким образом свою позицию по коренному принципу – конкуренция? да! но уравновешенная ассоциацией и солидарностью, – Шевалье подверг строгому критическому разбору взгляды Блана по вопросу о трудовой мотивации людей в обществе, где упразднена конкуренция. Они, считал Шевалье, сводятся у Блана в основном к двум идеям. Первая – в изложении Шевалье – гласит: "Человеческим обществом можно управлять преимущественно, если не единственно, посредством чувства долга". Вторая: "Конечная цель общества – это абсолютное равенство". Обе эти идеи Шевалье назвал "радикально ошибочными". По его мнению, Блан недооценивал решающую роль "личного – прямого и непосредственного – интереса", который он неправомерно отождествлял со всеми осуждаемой "алчностью". Поэтому, писал Шевалье, Блан совершенно напрасно надеется на процветание своих общественных мастерских, поскольку "у их членов единственным мотивом к тому, чтобы как можно лучше справляться со своими обязанностями, будет не личный и прямой, а коллективный и косвенный интерес". Устраняя личный интерес, реформатор вынужден уповать только на высокую сознательность работников как главный стимул их трудовой активности. Как бы мы к тому ни относились, замечал Шевалье, но большинство людей руководствуется в повседневной жизни не чувством долга, а чувством своего личного права – "мысли об интересе преобладают над мыслями о жертвенности". "Прямое и непосредственное чувство личной выгоды, – продолжал Шевалье, – является постоянно действующим побудительным мотивом; в деловом мире, в сфере промышленного обмена и труда оно руководило и всегда будет руководить поступками людей. Упраздните его – и промышленность зачахнет и

---

⁵⁵ Ibidem.

остановится. Без него не будет прогресса в искусстве, трудовой энергии – в рабочих, жизни – в мастерских".

Разумеется, Шевалье не отрицал и того, что не хлебом единым жив человек. "Закон и религия, – писал он, – внушают людям чувство долга и прославляют жертвенность; поблагодарим их за это от всего сердца. Общество погребло бы в тот самый день, когда угасло бы чувство долга. Оно бы насквозь прогнило, если бы люди перестали преклоняться перед подвигом жертвенности и самоотречения". Но, положив руку на сердце, признаем, замечает он, что в повседневной жизни люди не склонны к жертвенным поступкам. "Ставьте памятники Цинциннату, возлагайте венки мученикам, но не надейтесь, что в своих обычных делах люди будут руководствоваться их примером", – предостерегал Шевалье⁵⁶.

Что касается принципа равного вознаграждения, то он был уверен: попытка осуществить этот принцип приведет лишь к установлению "самого грубого неравенства, самой ненавистной тирании". "Вообразите, – обращался он к читателям, – как в казарме, подобной той, в которой трудящиеся, т.е. попросту все граждане, должны по милости Луи Блана жить сообща, князь или иное первое лицо, министры, судьи самого высокого ранга, руководители предприятий, по своему положению обязанные повелевать людьми, едят из общего котла ежедневный рацион, вкушают отдых от государственных забот на общем дворе, разделяя забавы и увеселения самой пошлой публики, или размышляют о судьбах родины, об общих интересах общества, сидя в пронумерованной комнате, такой же, как и у любого гражданина, посреди грязной посуды и детских пеленок. Это не серьезно"⁵⁷.

Блан не замедлил ответить на критику Шевалье. В феврале 1845 г. его письмо было опубликовано на страницах той же "Журналь де деба"⁵⁸. В нем он развил свои взгляды по вопросу о "личном интересе", обозначив точки соприкосновения и расхождения с позицией Шевалье. Прежде всего Блан заявил, что вполне разделяет мнение своего оппонента о том, что "личный интерес является самым энергичным и убедительным стимулом человеческой деятельности". Но, продолжал он, – и здесь начинаются их разногласия – "конкуренция придает личному интересу антиобщественное направление, вынуждает человека поступать вопреки чувству долга". По словам Блана, "речь идет совсем не о том, чтобы по-мальчишески отрицать важную роль личного интереса, а о том, чтобы облагородить эту силу, очистить ее и обогатить". Этого можно добиться, считал он, если "изменить общественный строй, который по своей природе делает несовместимыми личный интерес и чувство долга, и... создать основы нового строя, при котором каждый человек находил бы удовлетворение своего личного интереса в торжестве интереса общественного". Блан утверждал: "Ассоциация способна решить эту проблему. Так, в общественных мастерских... личный интерес ничем не ущемляется, поскольку каждый работник участвует в прибылях. Единственное ограничение заключается в том, что доля отдельного работника не может увеличиться без соответствующего увеличения доли всех остальных. Таким образом, дух соревновательности не подавляется, а становится чище; личный интерес из повода для вражды превращается в средство достижения согласия и подготавливает братство; индивидуальный стимул остается в силе, но уже не расходится с моралью". Блан решительно не соглашался с мнением Шевалье о том, что при системе ассоциации личный интерес теряет свой прямой и непосредственный характер. "Я не знаю, – писал он, – ничего более прямого, чем интерес работника к увеличению прибылей, из которых он получает свою долю"⁵⁹.

В разгар революции 1848 г. Шевалье посчитал нужным вернуться к этому спору. В книге своих статей и заметок под общим названием "Письма об организации труда,

⁵⁶ Ibid., p. 189.

⁵⁷ Ibid., p. 190.

⁵⁸ Письмо Блана также воспроизведено в девятом издании "Организации труда". – *Blanc L.* Op. cit., p. 193–198.

⁵⁹ Ibid., p. 194–195.

или исследование о главных причинах нищеты и предлагаемых средствах борьбы с ней"⁶⁰ он уделил немало места и воззрениям Блана. К той критике, которая появилась из-под его пера ранее, он добавил несколько новых и небезынтересных штрихов.

Если в 1844 г. Шевалье еще мог с иронией отмахнуться от идеи Блана ввести для работников общественных мастерских равное вознаграждение за труд, как заведомо несерьезной, то в условиях демократической революции, провозгласившей одной из целей организацию труда, он посчитал своим долгом высказаться по существу вопроса, причем так, чтобы его поняли прежде всего рабочие, основная категория читателей социалистических брошюр. Истинное равенство, утверждал Шевалье в "Письмах об организации труда", заключается не в равной оплате труда, а "в равенстве возможностей социального роста для всех, кто этого заслуживает благодаря способностям и упорным личным усилиям". То, что предлагает Блан, писал Шевалье, на деле привело бы к "угнетению лучших натур посредственностями; активных, умных и добросовестных людей – эгоистами, дураками и лодырями. И хорошенько заметьте себе, – обращался Шевалье к читателям, – от этой тирании пострадали бы не только верхи общества: она свирепствовала бы и в мастерской... она означала бы не что иное, как эксплуатацию хороших работников плохими. Хорошие рабочие, столь многочисленные в Париже, уже это понимают и не выражают восторга по поводу этой системы"⁶¹.

Особенно конкретен на этот раз был Шевалье в критике тезиса Блана о том, что коллективный интерес не исключает, а, наоборот, предполагает интерес личный. "Задумайтесь, – писал Шевалье, обращаясь к своему оппоненту, – можно ли всерьез говорить о прямом интересе каждого из членов ассоциации, основанной на принципе равенства, учитывая, что в каждой отрасли промышленности трудится множество людей, сотни тысяч или даже миллионы? Допустим, их всего 100 тысяч. Если, усердно работая, один из них в течение года выпустит продукции на 100 франков больше, чем в среднем все остальные работники, сколько составит его доля, согласно правилам распределения в вашей системе? Одну тысячную франка в год, или три сантима за тридцать лет напряженной трудовой жизни. Вот все, что искусный работник получит в компенсацию за свое личное усердие. Следовательно, не толкуйте мне о личном интересе... Вы попросту разрушаете человеческую личность: вы растворяете ее в хаотическом пантеизме. Каждого из нас вы превращаете в безликий номер, в какого-нибудь каторжника"⁶².

Если доводы разума все же не смогут поколебать веру читателей в чудодейственные свойства проекта Блана, Шевалье советовал им обратиться к опыту человечества. Он свидетельствует, что среди ассоциаций, которые основаны на принципе долга, жизнеспособностью обладают лишь армия и монастыри. Но они существуют только благодаря "железной дисциплине". "Во всех армиях и монастырях мира, – писал Шевалье, – человеческую личность, во избежание ее бунта против грубого попрания ее прав, принуждают к пассивному повиновению... вот какую новую перспективу открывает нам Луи Блан. Рабочие, пожалуй, предпочтут нынешний социальный порядок"⁶³.

Собственно, можно и не подводить итоги этой заочной дискуссии о свободе и организации труда, в которой приняли участие Луи Блан, Дюнуайе, Кабе и Шевалье. Даже с дистанции нашего времени мы отказываемся полностью признать правоту одних в ущерб другим в этом эпохальном споре социализма и либерализма, который едва только разгорался в 40-х годах XIX в.

Реальная жизнь, как всегда, оказалась сложнее и запутаннее любых прогнозов и предположений. Так, Луи Блан, Кабе и другие социалисты были правы в признании

⁶⁰ *Chevalier M. Lettres sur l'organisation du travail, ou études sur les principales causes de la misère. Paris, 1848.*

⁶¹ *Ibid.*, p. 52–53.

⁶² *Ibid.*, p. 47.

⁶³ *Ibid.*, p. 70.

важности и неординарности социального вопроса, т.е. вопроса об адаптации широких слоев населения к быстрому темпу экономических перемен со времени начала промышленной революции. А Дюнуайе явно заблуждался, когда пытался доказать надуманность этой проблемы: мол, бедные сами виноваты, им не надо сразу тратить все заработанные деньги.

Гораздо взвешеннее представляется позиция Шевалье, который считал "улучшение материального положения масс" насущнейшей задачей, но предполагал добиться этого не путем передела, а путем преумножения богатства, не отменяя, а защищая частную собственность, не подавляя, а поощряя конкуренцию и прямую личную заинтересованность работников в результатах своего труда, наконец, всемерно поощряя дух ассоциации и братства в обществе, прежде всего в форме участия рабочих в прибылях предприятия при сохранении дифференцированной оплаты их труда.

"ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕЯ" АЛЕКСАНДРА I

Новая система международных отношений, вошедшая в историю под названием "венской", сложилась после ликвидации господства над Европой наполеоновской империи. Она соответствовала происшедшей в Европе перегруппировке сил, свидетельствовала о том, что французскую гегемонию сменило господство Великобритании, России и Австрии. Созданная решениями Венского конгресса 1815 г., она должна была обеспечить сохранение баланса сил, мир в Европе.

Политическая модель новой системы отражала сложность движения Европы по пути прогресса, утверждения в ней капиталистических отношений, проходивших в условиях сдерживания, а то и проявления открытого противодействия этому движению со стороны консервативно и реакционно настроенных монархов.

"Венская система" просуществовала около 40 лет, при ней Европа не знала таких длительных кровопролитных войн, которыми изобиловала наполеоновская эпоха. Однако это не означало, что она была прочной, а в лагере монархов царили мир и согласие. Противоречия, вскрывшиеся уже на Венском конгрессе по вопросам распределения сфер влияния, перекройки карты Европы, а также в связи с ревностным отношением Великобритании и Австрии к росту влияния России, авторитета Александра I на международной арене, продолжали существовать и даже нарастать в дальнейшем из-за экспансионизма европейских держав. Он проявлялся в разных формах. В первые годы действия "венской системы" особенно ярко проступило их соперничество в отношении политического влияния на страны Европы.

Активную политику с целью укрепления позиций России в Европе вел Александр I, что проявилось, в частности, в поисках им путей создания объединенной Европы с постоянно действующим центром, на котором коллегиально, но при его руководстве могли бы решаться актуальные европейские проблемы. В связи с этим складывалось отношение царя к созданному по его инициативе Священному союзу; на конгрессах им предпринимались попытки формирования на его основе более широкого по своим задачам и возможностям европейского союза, в котором он видел перспективу воплощения вынашиваемой им "идеи Европы".

Новый взгляд на некоторые из этих проблем стал возможен прежде всего в результате привлечения многих архивных документов. Это главным образом материалы многотомной фундаментальной публикации "Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел". С 1960 по 1995 г. было издано 16 томов, охватывающих 1801–1830 гг. Весьма ценно то, что в ней также использованы материалы из ряда зарубежных архивов. В обширных примечаниях дан обзор опубликованных ранее документов, среди которых "Документы для истории дипломатических сношений России с западными державами европейскими, от заключения всеобщего мира в 1814 до конгресса в Вероне в 1822 году", изданные Министерством иностранных дел (т. I–II. СПб., 1823, 1825), донесения французских, австрийских и других дипломатов из Петербурга, материалы из архива К.Л. Меттерниха, официальные бумаги британского внешнеполитического ведомства, а также другие документы. Конечно, это весьма неполный перечень всего документального состава вышеназванной публикации. Изучение некоторых вопросов рассматриваемой в статье темы потребовало привлечения из архивных фондов документов, которые

ранее не публиковались, в частности и в упомянутой многотомной публикации. К таким архивным материалам относятся документы из фондов Архива внешней политики Российской империи МИД РФ и других архивохранилищ страны.

Использованные в статье труды об Александре I также подтверждают необходимость расширения документальной базы исследования поставленных вопросов.

КОНЦЕПЦИЯ ПОЛИТИКИ АЛЕКСАНДРА I В ЕВРОПЕ. "ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕЯ"

Итак, новые исторические реалии XIX в. оказали влияние на характер внешнеполитической деятельности монархов, что проявилось в двух тенденциях их европейской политики, а именно – в адаптации к ним и противодействии им. Переплетение государственных интересов с узкоклассовыми и даже династическими продолжало играть большую роль в европейской политике монархов, включая и Александра I.

Еще в первом Парижском мирном договоре 1814 г., заключенном между Францией и участниками VI антифранцузской коалиции, не без давления Александра I была определена задача создания системы реального и длительного "равновесия сил" в Европе. Оно должно было исключить возможность осуществления нового господства над Европой какой-либо из великих держав, раздробления Европы на враждующие политические блоки. Каждая из участниц этого договора, подписывая его, помимо стремления к достижению мира в Европе преследовала и свои собственные цели. Россия явно не хотела усиления в Европе позиций Великобритании, наиболее опасного своего конкурента, Австрия и Великобритания ревниво следили за ростом влияния России.

Александр I на Венском конгрессе и после его окончания явно выражал намерение добиваться сохранения "венской системы" мирными средствами, путем коллективных соглашений, не допуская дисбаланса политических сил, который мог бы привести к новым европейским войнам. Свои взгляды на основные задачи в Европе России и других держав, на методы их реализации он подкреплял теоретическими посылками, обращением к "идее Европы".

Сама "идея Европы", или "европейская идея", была не нова, но у Александра I она получила вполне определенную политическую окраску и направленность.

Попытки подхода к Европе как внутренне единому целому имели место издавна. История оставила такие реалии европейской общности, как "европейское Возрождение", "европейское Просвещение", а в XIX в. – "европейские революции". Эти определения отражают – при всем своеобразии процессов и явлений в отдельных странах – общеевропейские типологические черты. В истории "европейской идеи" особое место занимают проекты политических планов создания объединенной Европы. Изучению этих проектов уделено значительное внимание в зарубежных исследованиях¹. В отечественной же историографии в теоретическом плане эти вопросы проанализированы менее основательно. Особый интерес здесь представляют исследования Э.А. Араб-Оглы, В.П. Волгина, И.С. Андреевой, Г.С. Кучеренко, А.О. Чубарьяна, И.С. Достяна и др.² Философ Араб-Оглы рассматривал возникновение и эволюцию

¹ *Pirrenne J.* La Sainte Alliance Organisation européenne de la paix mondiale. Neuchâtel, 1949; *Duroselle J.B.* L'idée d'Europe dans l'Histoire. Paris, 1967; *Foerster R.H.* Geschichte einer politischen Idee. München, 1967; *Cartou L.* Communautés Européennes. Paris, 1979; *Europaideen im 18. und 19. Jahrhundert in Frankreich und Zentraleuropa.* Hrsg. von H. Reinalter, Bd. 14. Frankfurt am Main, 1994.

² *Волгин В.П.* Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. М., 1958; *Кучеренко Г.С.* Сенсимонизм в общественной мысли XIX в. М., 1975; *Андреева И.С.* Проблемы мира в западноевропейской философии. М., 1975; *Достян И.С.* Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М., 1980; *Чубарьян А.О.* Европейская идея в истории. Проблемы войны и мира. М., 1987; *Федосова Е.И.* Идея европейского единства в общественно-политической мысли Франции XVIII–XIX вв. – Новая и новейшая история, 1994, № 3, с. 70–79.

"европейской идеи" в связи с существовавшими трактатами о "вечном мире"³. Он так же, как и Достян, анализировал трактаты русских авторов.

Удрученные повсеместными войнами и раздорами европейские мыслители с давних времен пытались создать концепцию единой Европы, которая могла бы обеспечить "вечный мир". Европейские гуманисты XVIII – начала XIX в. стали проявлять к этим проблемам особый интерес в связи с ростом международной напряженности в Европе, втягиванием в длительные и кровопролитные войны все большего количества стран и народов. Постоянно нарушаемый баланс сил мало служил целям мира, выражал политические амбиции отдельных держав, создавал угрозу новых войн. Наполеоновская эпоха стала тому особенно страшным примером.

Издавна мыслители-гуманисты – Эразм Роттердамский, Ян Амос Коменский, Уильям Пенн, Ш. Сен-Пьер, Ж.-Ж. Руссо, И. Гердер и другие – помимо обращений к человеческой природе, призывов к добру, разуму и справедливости пытались разработать принципы материального обеспечения идеи "вечного мира"⁴.

В России в начале XIX в. В.Ф. Малиновский создал интереснейший труд "Рассуждение о мире и войне". Рассматривая причины возникновения войн, размышляя над путями достижения "вечного мира", он пришел к выводу о целесообразности осуществления "грандиозных политических преобразований в Европе, исходящих из ее этносоциальной структуры"⁵. По его проекту объединенные Италия, Германия, союзы славянских народов и народов Пиренейского полуострова должны были стать примерами федераций по этнической принадлежности. Далее предполагалось создание общеевропейского союза с "Общим европейским собранием"⁶. Оно-то и должно было решать общеевропейские проблемы, создавать условия для реализации "европейской идеи".

В 1813 г., в обстановке возрастающего авторитета России на международной арене, Малиновский в новой работе "Общий мир", опубликованной в журнале "Сын Отечества", обосновал возможность с помощью России, при активном участии Александра I "обеспечить освобожденные народы общим их союзом между собой"⁷. На большую роль России в осуществлении "европейской идеи" указывал в своей записке, представленной на Венский конгресс, гуманист, один из теоретиков утопического социализма А. Сен-Симон⁸. Он был сторонником социальных преобразований во всех европейских странах, считал, что гарантом этих преобразований мог бы стать общеевропейский парламент⁹. Эти идеи были развиты им в 1814–1817 гг. совместно с О. Тьерри, его учеником и последователем. Тогда был создан труд "О реорганизации европейского общества, или о необходимости и средствах объединить народы Европы в единый политический организм, в котором каждый народ сохраняет свою национальную независимость".

Идеи объединенной Европы, "вечного мира", весьма интересовавшие и российскую общественность в XVIII – начале XIX в., во время перестройки европейской политической системы в 1814–1815 гг. вновь получили общественный резонанс. Это большая и самостоятельная исследовательская тема, которой посвящен ряд трудов в современной отечественной историографии. Отсылая читателя к некоторым из них¹⁰,

³ Араб-Озлы Э.А. Вступительная статья. – Малиновский В.Ф. Избранные общественно-политические сочинения. М., 1958; Трактаты о вечном мире. М., 1963.

⁴ Трактаты о вечном мире, с. 92–101.

⁵ Достян И.С. Указ. соч., с. 60.

⁶ Там же.

⁷ Сын Отечества, 1813, ч. 10, № 51, с. 242.

⁸ Кучеренко Г.С. Идеи мирной ассоциации народов в критически утопическом социализме Сен-Симона и Оуэна. – Международные отношения и внешняя политика СССР. История и современность. М., 1977, с. 277–278, 286–288.

⁹ Андреева И.С. Указ. соч., с. 179–184.

¹⁰ Степанов М. Жозеф де Местр в России. – Литературное наследство, т. 29–30. М., 1937, с. 626–726; Достян И.С. Указ. соч.; Орлик О.В. Декабристы и внешняя политика России. М., 1984; Чубарьян А.О. Указ. соч.

обратим здесь внимание на то, что "идеи Европы", "вечного мира", о чем писали многие мыслители XVIII – начала XIX в., не могли пройти мимо внимания Александра I, получившего широкое гуманитарное образование под руководством известного своими просветительскими взглядами, республиканца по убеждениям швейцарца Ф. Лагарпа. Он говорил юному воспитаннику "о правах и обязанностях человека и государя, будил в нем благородные стремления, проповедовал ему о всеобщем равенстве и любви, о благе человечества, о началах правды и справедливости"¹¹.

Надо отметить, что эпоха господства наполеоновской Франции над Европой породила своеобразный вариант реализации "европейской идеи". Его воплощение в жизнь было связано с кровавыми войнами, с покорением народов. Наполеон хотел стать главой объединенной Европы, созданной на конфедеративной основе, с введением во всех странах – без учета национальной специфики – "наполеоновского кодекса". По словам самого Наполеона, он желал бы из европейских народов "образовать единственную и единую нацию... Тогда можно было бы подумать о том, чтобы создать для семьи европейских народов организацию типа американского конгресса или судебной палаты греческих амфикионов"¹².

Александр I – освободитель Европы от Наполеона – должен был показать, что он строит свою европейскую политику на иных нравственных принципах, поэтому во главу угла своей политики в Европе он поставил мирные средства решения международных проблем, включая и реализацию "европейской идеи".

Еще на завершающем этапе антинаполеоновских войн Александр I стал проявлять стремление к объединению монархов всех дружественных стран в особый "братский союз", что должно было исключить применение силы друг против друга, создать условия для воплощения в политике христианских заповедей и помочь построить "единую Европу"¹³. Эти расплывчатые религиозно-мистические идеи затем нашли отражение как в преамбуле Акта о Священном союзе, так и в самих последующих действиях царя¹⁴. Веру Александра I в "божественное" предопределение Священного союза поддерживали и Фридрих Вильгельм III, и некоторые лица из высшего света в России, в частности баронесса Юлия Крюденер, известная своими религиозно-мистическими взглядами. Она также выступила за консервацию старого порядка в Европе, который, по ее представлению, и должен был создать условия для осуществления идей "вечного мира".

Такой широкий круг идей в той или иной степени оказывал влияние на формирование Александром I концепции политики России в Европе, его "европейской идеи". Однако в конечном счете он стремился к тому, чтобы в союзе европейских государств было реализовано главенство России.

Что касается теории баланса политических сил, то приоритет в ее разработке принадлежал Великобритании. На Венском конгрессе британский министр иностранных дел Роберт Стюарт Каслри проявил большую активность и дипломатическую гибкость, дабы утвердить как одну из первейших задач работы конгресса установление справедливого равновесия сил в Европе. "И действительно, – отмечал российский историк Л.А. Зак, – все планы реконструкции Европы, с которыми Каслри выступал в Вене (создание системы барьеров вокруг Франции, усиление Пруссии и Австрии против Франции и России), обосновывались принципом "политического равновесия сил". Отстаивая концепцию равновесия с имперских позиций Великобритании,

---

¹¹ Император Александр I (Его характеристика по сочинению Н.К. Шильдера). – Русская старина, 1899, т. 98, июнь, с. 656.

¹² Цит. по: Чубарьян А.О. Указ. соч., с. 162.

¹³ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел (далее – ВПР). Серия 1. 1801–1815, т. VIII. М., 1972, док. 225, 231, примеч. 268, 276.

¹⁴ Пресняков А.Е. Идеология Священного союза. – *Анналы*, 1923, № 3, с. 72–81; Марков Л.В. Россия и Священный Союз. – Новая и новейшая история, 1989, № 1, с. 67–68.

Каслри считал возможным ради достижения равновесия жертвовать интересами малых государств"¹⁵.

Близкими к британским были позиции и уполномоченного Австрии на конгрессе канцлера и фактического главы австрийского правительства Меттерниха. Опытный, коварный политик и дипломат, он в своих интересах, впрочем, так же как Александр I и Каслри, допускал сохранение ослабленной Франции в составе великих держав. Еще до подписания первого Парижского мирного договора 1814 г. он замечал: "На мир, который предстояло заключить с Францией, можно было смотреть с двух сторон: он мог быть определен либо чувством возмездия по отношению к Франции, либо побуждением установить самое совершенное политическое равновесие между державами"¹⁶.

Для достижения политического равновесия в Европе Меттерних был готов не считаться с интересами отдельных государств, особенно малых, что он и продемонстрировал своей политикой в Германии, Италии, в отношении славянских народов, входивших в Австрийскую империю. Апелляция Меттерниха к восстановлению легитимных принципов не столько отражала его воззрения на легитимизм, сколько служила политическим целям. Так, он считал, что порядок наследования в европейских государствах в посленаполеоновскую эпоху должен быть прежде всего подчинен интересам политического равновесия. С этих позиций он выступал против присоединения к Пруссии Саксонии – сторонницы Наполеона в его войнах с антинаполеоновскими коалициями. Австрия явно была против усиления Пруссии, своего основного конкурента в Германском союзе. Отношения же к прусско-саксонскому вопросу австрийский канцлер обосновывал тем, что изгнание саксонского короля приведет к нарушению принципа легитимизма, который был восстановлен на Венском конгрессе.

Истолковывая принцип легитимизма в своих интересах, и представитель Франции на Венском конгрессе Ш.М. Талейран выступал за сохранение престола саксонского короля и за самостоятельность Саксонии.

Принцип легитимизма и баланса сил в Европе Александр I понимал по-своему: он считал целесообразным не воссоздание Польского государства, раздробленного после его разделов Австрией, Пруссией и Россией, а образование из большей части бывшего Герцогства Варшавского, которое было создано Наполеоном в 1807 г., Царства Польского в составе Российской империи. Компенсацию же Пруссии за понесенные ею территориальные потери в связи с перекройкой политической карты Европы в 1814–1815 гг. царь предлагал осуществить за счет земель короля Саксонии. Вопрос о судьбах Польши и Саксонии, об удовлетворении территориальных претензий Пруссии юридически был оформлен на конгрессе весной 1815 г.¹⁷ После длительных дебатов саксонский король был восстановлен на троне, сохранил большую часть своих владений с городами Лейпциг и Дрезден.

Так идеи легитимизма, конституционализма, народного суверенитета, христианские догмы были взяты европейскими монархами на вооружение при создании "венской системы" "обновления" Европы. Насколько они были подчинены их собственным политическим расчетам и интересам, продемонстрировали участие ряда из них в Священном союзе, а также их взаимоотношения и политика в отношении России. На Венском конгрессе и в первые годы после его завершения скрытое недоброжелательство к активной деятельности Александра I в Европе проявили и Каслри, и Меттерних. Прежде всего сдержанно была встречена британским кабинетом сама идея Александра I создать Священный союз европейских монархов во главе с ним. И хотя по плану царя этот союз должен был служить делу мира в Европе, единению монархов, упрочению легитимности, Великобритания отказалась участвовать в нем. Ей нужна была "свобода рук" в Европе.

¹⁵ Зак Л.А. Монархи против народов. М., 1966, с. 270.

¹⁶ Metternich C.L. Mémoires, documents et écrits divers... , v. I. Paris, 1880, p. 200.

¹⁷ История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М., 1995, с. 129.

Идеологические основы Священного союза были изложены в преамбуле Акта о Священном союзе, подписанного 14 (26) сентября 1815 г. в Париже Францем I, Фридрихом Вильгельмом III и Александром I¹⁸. Согласно статьям Акта о Священном союзе эти монархи объявлялись соединенными узами "неразрывного братства", считались "как бы единоземцами". И подданные, и власти объявлялись "как бы членами единого народа христианского... тремя единого семейства отраслями, а именно Австриею, Пруссиию и Россиею".

Таким образом, Восточная и Центральная Европа становились основой для создания в дальнейшем широкого мирного содружества европейских государств, что входило прежде всего в планы Александра, увлеченного "европейской идеей".

Однако уже на стадии подготовки и подписания Акта о Священном союзе проявились разногласия между его участниками. И Александр I с легкостью уступил давлению австрийской стороны, что привело его к отказу от ряда формулировок либерального толка. Первоначальный текст Акта был написан Александром I и отредактирован одним из ярких российских политиков той эпохи греком И. Каподистрией. Тогда он был в фаворе, ранее принимая активное участие в делах Венского конгресса. В александровском варианте 1-й статьи Акта имелась формулировка "подданные трех договаривающихся сторон". После же редактирования этой статьи Францем I, а фактически Меттернихом появилась иная – "три договаривающихся монарха". Эта поправка имела существенное значение, так как в 1-й статье говорилось о задачах союза предотвращать межгосударственные конфликты, добиваться спокойствия и мира в Европе. Австрийский канцлер посчитал, что первоначальный текст мог послужить поводом для политических осложнений, так как подданные как бы признавались правоносителями наряду с монархами¹⁹. В итоге Акт о Священном союзе был подписан в редакции Меттерниха, приняв более откровенную форму защиты легитимных прав монаршей власти.

Проект Акта и поправка к нему полностью опубликованы в восьмом томе "Внешней политики России"²⁰.

Александр I, говоривший о защите небесным провидением России во время наполеоновского нашествия, не мог не оценить роль народа, всеобщий подъем и героизм при освобождении страны. Он видел и роль народов других европейских государств в освободительных походах 1813 г. И тем не менее в угоду новому союзу монархов, который мог дать ему в перспективе возможность значительной свободы действий, помог бы осуществить "европейскую идею" в его монаршем понимании, он отступил даже от словесного признания политических прав народа.

Поскольку Наполеон в глазах европейских монархов представлял "оцарствование революционного начала", то защиту государей и их подданных от революций, упрочение легитимных основ в странах Европы Александр I считал одной из основных задач Священного союза. Впоследствии контрреволюционная направленность Священного союза еще усилилась. Заметим, что совместная защита Франции от возможного распространения в ней вновь "революционных правил", которые могли повлиять на "общее спокойствие Европы", была провозглашена и одной из важнейших задач в двусторонних договорах, которыми был оформлен в ноябре 1815 г. Четверной союз в составе России, Великобритании, Австрии и Пруссии²¹.

Активную роль в Священном союзе наряду с Александром I играли австрийский император Франц I и его канцлер Меттерних, а также прусский король Фридрих Вильгельм III. "Европейская идея", которой был так увлечен Александр I, постепенно приобретала действиями Священного союза вполне реальный смысл: фактически она

¹⁸ ВПР, т. VIII, док. 231, с. 518.

¹⁹ Там же, док. 225, с. 504; *Metternich C.L.* Op. cit., v. I, p. 209–210.

²⁰ ВПР, т. VIII, док. 225, прим. 268. О правке текста Меттернихом также см. *Näf W.* Zur Geschichte der Heiligen Allianz. Bern, 1928, S. 38.

²¹ ВПР, т. VIII, док. 273, с. 613.

была использована царем при поддержке его основных партнеров по Священному союзу для закрепления консервативных устоев "венской системы".

Каслри, приложивший немало усилий, чтобы Великобритания осталась в стороне от Священного союза, назвал одной из причин этого главенствующую роль Александра в его создании. С идеями царя он был знаком ранее. Так, еще в феврале 1815 г. Каслри писал: "Император сказал мне, что эта идея, к которой он в то время, по-видимому, отнесся благоприятно, никогда не выходила у него из ума, но он считал необходимым придать ей очертания, более обязывающие непосредственно самих монархов"²².

В 1815 и в последующие годы Великобритании – одна из основных соперниц России на международной арене – отнюдь не способствовала упрочению Священного союза, но умело использовала в своих интересах его деятельность и решения его конгрессов.

Мистически-религиозные воззрения Александра I на Священный союз сочетались с вполне конкретными, реальными задачами, которые он ставил перед ним и перед самим собой как главой этого союза. Об этом свидетельствовали и его позиции на Ахенском конгрессе Четверного союза, а затем на конгрессах Священного союза в начале 20-х годов.

Александр I вообще более гибко, нежели его союзники, в частности, по Четверному союзу – Франц I и Фридрих Вильгельм III, – сумел отреагировать на "дух времени", поддержав, например, идею введения конституционной монархии с благословения монархов в ряде европейских стран. Так, вопреки возражениям Австрии он поддерживал конституционное монархическое правление в Баварии, Вюртемберге, Бадене. Настойчивость царь проявил при обосновании целесообразности даровать конституцию Царству Польскому, главой которого он стал, что не устраивало Австрию и Пруссию, тоже владевших частью польских земель. За всем этим скрывались и личные интересы Александра I, пытавшегося создать себе имидж царя – освободителя Европы, и конкретные политические цели.

Тонкость дипломатического искусства, которую проявлял Александр I во время ответственных переговоров, была высоко оценена уже Наполеоном. Царь этим отличался еще во время переговоров с Наполеоном в Тильзите в 1807 г. Дипломатические способности российского императора особенно ярко раскрылись в ходе работы Венского конгресса.

Нетрадиционность решений Александра I как политика и дипломата, сочетание либеральных воззрений с весьма консервативными, его апелляция к общечеловеческим ценностям и в то же время узкий прагматизм – все это подчас сбивало с толку, ставило в тупик даже таких искушенных политиков, как Меттерних и Талейран, хотя этот французский государственный деятель и дипломат ухитрился служить при "старом порядке", революции, Наполеоне, а затем некоторое время и при восстановленных во Франции Бурбонах²³.

По свидетельству участника Венского конгресса А.И. Михайловского-Данилевского, впоследствии видного военного историка, "невзирая на великое число чиновников российского дипломатического корпуса, находящихся в Вене, государь сам занимается беспрестанно делами, относящимися до конгресса... Мне часто случается приглашать к его величеству Меттерниха, Веллингтона, Кастельере (Каслри. – О.О.), Талейрана и других и слышать из другой комнаты весьма продолжительные и громкие их разговоры и споры, из коих господа сии выходили с столь пламенными лицами, что принуждены бывали отирать пот с лица"²⁴.

Еще один факт. Александр I, получивший из Парижа от Наполеона во время "ста дней" его последнего правления подписанный Талейраном, а также "союзниками" царя Меттернихом и Каслри секретный договор против России, повел себя настолько великодушно, что поверг в транс всех его создателей – он пошел на соглашение с

²² Цит. по: там же, прим. 276, с. 697.

²³ См. *Тарле Е.В.* Талейран. М., 1992, гл. II–VI.

²⁴ Представители России на Венском конгрессе в 1815 году. (Из воспоминаний А.И. Михайловского-Данилевского). – *Русская старина*, 1899, т. 98, июнь, с. 632.

ними, как делал и впоследствии, исходя из стратегических задач своей европейской политики. Но это было только видимое великодушие – предательства он не забыл. Как писал академик Е.В. Тарле, "царь отшвырнул прочь уже бесполезного для него Талейрана. Другого дипломата, подписавшего договор 3 января, австрийского канцлера Меттерниха, он "простил", потому что взаимная страховка абсолютизма России, Австрии и Пруссии против революции показалась ему нужной на том пути, по которому он с 1815 г. пошел... 24 сентября 1815 г. Талейран вышел в отставку"²⁵.

Интересные штрихи к политическому портрету Александра I также сделали в разное время российские историки Н.К. Шильдер, А.Е. Пресняков, С.М. Соловьев²⁶. Образ Александра I – человека, политика, дипломата, который складывался у европейских государственных деятелей, у руководителей внешней политики зарубежных стран, оказывал влияние на формирование их отношения и к проводившемуся царем внешнеполитическому курсу. Но конечно же этот личностный фактор не мог быть главным. На отношение к внешней политике России влияли прежде всего геополитические интересы европейских держав и зависимых от них так называемых "малых стран". Европейские политики искали соглашений с Россией и в то же время стремились ставить препоны ее возрастающему влиянию в Европе. Тем не менее длительное время великие державы внешне проводили политику мирного урегулирования даже наиболее острых европейских проблем, шли на компромиссы, поддерживали баланс сил в Европе. Большую роль в этом играла российская дипломатия. Авторитет Александра I на международной арене был весьма высоким. И он отдавал много времени и сил, чтобы его сохранить и упрочить. Но отвечала ли его концепция европейской политики, чрезмерная увлеченность европейскими делами, "европейской идеей" национальным интересам России? И в конце концов служила ли она делу прогрессивных преобразований в Европе? Конкретно ответы на эти вопросы могут дать факты, связанные с его внешнеполитической деятельностью до середины 20-х годов, когда 19 ноября 1825 г. она оборвалась его скоропостижной кончиной в Таганроге.

РОССИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ "ВЕНСКОЙ СИСТЕМЫ"

Первые годы существования "венской системы" стали временем относительного спокойствия в Европе. Жизнь Европы входила в мирное русло, начиналось залечивание нанесенных кровавыми войнами ран. Казалось бы, теперь во главу угла забот и практической деятельности европейских монархов должно было стать решение внутренних проблем. Однако это было далеко не так. Александр I, например, продолжал жить европейскими делами, отдавая им приоритет перед делами российскими. Помимо личных амбиций внешнеполитическая активность российского императора в Европе объяснялась и объективными причинами.

Несмотря на большое влияние на европейскую политику, Александр I не был удовлетворен позицией своих основных союзников, их отношением к России. Достигнутый с таким большим трудом баланс сил был, в сущности, хрупким. Выступая в роли миротворца, ратовавшего за единение всех европейских монархов, царь преследовал цель сохранить свой высокий престиж в делах Европы, что отвечало задачам проводившейся им имперской политики. Тогда его политику, направленную на решение даже острых международных проблем мирными средствами, методами коллективных договоров, многие современники расценивали как важную и нужную для закрепления стабильного положения в Европе. И все же отношение к его

²⁵ Тарле Е.В. Указ. соч., с. 221.

²⁶ Соловьев С.М. Император Александр I. Политика. Дипломатия. Соч., кн. XVII. М., 1996; Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. 2-е изд., т. I-IV. СПб., 1904-1905; Пресняков А.Е. Российские самодержцы. М., 1990 (очерк об Александре I им был опубликован в Петрограде в 1924 г.), и др.

политике в Европе не было и не могло быть однозначно позитивным. Восстановление власти легитимных монархов в ряде европейских государств возвращало Европу к старым порядкам, мешало ее развитию по пути прогресса. Этому немало способствовали также Австрия, Пруссия, а затем и Франция, где снова воцарились ненавистные народу Бурбоны. Но в первые годы существования "венской системы" Александр I лавировал умело, выступая с либеральными идеями, сочетая их с консервативностью мыслей и планов, что производило впечатление на российскую и зарубежную общественность.

Геополитические интересы России в Европе в то время были направлены на сохранение в ней мира, на поддержание неприкосновенности европейских границ империи, на развитие подорванных в наполеоновскую эпоху политических и экономических связей. Новые территориальные претензии при четко зафиксированной международными и двусторонними договорами линии европейских границ могли привести лишь к нежелательным обострениям отношений с соседями, прежде всего с Австрией, Пруссией, Турцией, Швецией. Ни Александр I, ни российское Министерство иностранных дел во главе с К.В. Нессельроде после Венского конгресса не проявляли территориального экспансионизма по отношению к Австрии, Пруссии, другим соседям. Россию интересовало княжество Молдавия, находившееся в зависимости от Османской империи. После Бухарестского мира 1812 г. Россия вовсе не претендовала на его присоединение, но такие идеи время от времени появлялись у отдельных государственных деятелей, считавших, однако, это делом далекой перспективы. Официально Россия вела покровительственную политику в отношении Дунайских княжеств. В целом для европейского курса внешней политики России в первые годы после Венского конгресса и установления "венской системы" характерным был политический экспансионизм. Дальнейшее расширение европейских границ для России не было тогда актуальным, поскольку она приобрела в 1809 г. Финляндию, в 1812 г. Бессарабию, в 1815 г. Царство Польское.

Трактат о передаче России на вечное владение части Польши был подписан 21 апреля 1815 г. Россией, Австрией и Пруссией. Александр I принял титул царя (короля) польского²⁷. 27 ноября Александром I Польше была дарована конституция, предоставлявшая ей автономные права. Она была опубликована в Варшаве на французском языке. На русском языке в российской периодической печати она тогда не публиковалась. Эта конституция Царства Польского – конституционной монархии, связанной с Российской империей реальной унией, общностью царствующей династии, провозглашала разделение законодательной и исполнительной властей, вводила двухпалатный сейм, декларировала неприкосновенность личности, свободу печати, сохранение "национального войска". Польский язык был признан официальным языком. Конституция 1815 г. просуществовала до начала 30-х годов XIX в. Формально она была одной из самых либеральных в тогдашней Европе²⁸. После подавления Польского восстания 1830–1831 гг. эта конституция была отменена и был издан Органический статут Царства Польского 1832 г., значительно ограничивший прежние, провозглашенные конституцией 1815 г. политические права.

Провозглашение в Польше конституционного строя поначалу вселило надежду в прогрессивно мыслящую часть российского общества на возможность изменения политического строя и в России, на ограничение самодержавия. Но дальнейшая внутренняя политика показала несбыточность таких надежд. В различных кругах российской общественности и даже среди представителей правящей элиты распространялось недовольство политикой царя в Польше. Сдержанное и критическое отношение к ней проявляли А.С. Пушкин, П.А. Вяземский, государственный деятель адмирал Н.С. Мордвинов и даже близкий к царскому двору историк Н.М. Карамзин. Возникал недоуменный вопрос: почему поляки, принимавшие участие в походе Напо-

²⁷ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ) (Собр. 1-е), т. XXXIII, № 25824, ст. V.

²⁸ См. *Обушенкова Л.А.* Королевство Польское. М., 1979, с. 49–52.

леона в Россию в 1812 г., получили конституционное правление, а русскому народу, победившему в освободительной войне, вынесшему ее основные тяготы, в этом отказано? В 1818 г. на открытии сейма в Варшаве Александр I, хотя и в весьма неопределенных выражениях, пообещал установление конституционных порядков и в России. Крупному государственному деятелю Н.Н. Новосильцеву, с 1815 г. занимавшему пост российского комиссара при Административном совете Царства Польского, было поручено составить "Уставную грамоту" для России, а А.А. Аракчееву – проект отмены крепостного права. В 1820 г. "Уставная грамота" была закончена, но царем она так принята и не была, а законодательные акты по охране крепостничества, наоборот, ужесточились.

Критическое отношение к политике царя в Польше подогревалось в России и стремлением польской аристократии восстановить свою страну не в этнографических рамках, а включить в нее литовские и белорусские земли. Александр I на открытии сейма в связи с такими территориальными претензиями проявил дипломатичность и высказался весьма туманно, но не резко отрицательно²⁹.

Для Александра I дарование Польше в 1815 г. конституции было прежде всего актом дипломатическим и политическим. Царю нужно было прочнее привязать Польшу к России. Как созданное Наполеоном в 1807 г. Великое Герцогство Варшавское стало важным плацдармом для сосредоточения сил у границ России, так и Царство Польское в составе Российской империи должно было служить ее военно-стратегическим и политическим интересам³⁰. Царь не собирался воевать в Европе, но для сохранения в ней баланса сил, для предотвращения новых революций нужен был плацдарм для быстрого военного реагирования. Им-то и стала Польша, в которой было сосредоточено немалое количество российских войск.

Введением в Польше конституции Александр I также хотел продемонстрировать Европе либеральность своих взглядов.

Таким образом, одной из основных черт имперской политики России в Европе стал политический экспансионизм. Осуществление геополитических интересов проводилось методами ведения "контроля над пространством"³¹. Большую роль в этом играли военная мощь России, ее армии, дислоцированные вдоль западных границ. Особое значение приобретало искусство дипломатии.

Сначала Александр I при проведении своего курса внешней политики в Европе возлагал большие надежды на деятельность Четверного союза. Но уже первые годы показали трудности в достижении совместных решений по ряду важных общеевропейских политических вопросов, в которых также была особо заинтересована и российская сторона. Речь шла об условиях возможного присоединения Франции к Четверному союзу, о ее границах, сроках выплаты ее долгов по репарациям и о сроках вывода из страны временно размещенных оккупационных войск. Лидировали в Четверном союзе Россия и Великобритания, обладавшие одна – огромной военной мощью, а другая – непревзойденным морским флотом, высоко развитой промышленностью.

Австрия, проиграв большинство крупных сражений в антинаполеоновских войнах, уже на Венском конгрессе сумела оказать влияние на его важнейшие решения, что сказалось на судьбах ряда европейских государств, в первую очередь Германского союза и Италии. Большую роль в этом сыграл австрийский канцлер Меттерних. Ревниво следя за возраставшим в Европе авторитетом Александра I, особенно среди "малых стран", Австрия нередко следовала в русле политики Великобритании, сильной соперницы России на международной арене. Более тесное соприкосновение интересов

²⁹ Kieniewicz S. *Przemiany społecznej gospodarcze w Królestwie Polskim (1815–1830)*. Warszawa, 1951, s. 89, etc.

³⁰ Обзор европейских внешнеторговых связей Польши см. *Обушенкова Л.А.* Указ. соч., с. 222–272.

³¹ Термин "контроль над пространством" введен исследователями современной геополитики. По нашему мнению, он может быть применен и при изучении истории международных отношений XIX в. См. *Плешаков К.* Геополитика в свете глобальных перемен. – *Международная жизнь*, 1994, № 10, с. 32.

Австрии и России проявилось на Балканах, что определило специфику их балканских отношений.

Пруссия по ряду причин более тяготела к России, но нередко оказывалась и в фарватере британской или австрийской политики. В связи с соперничеством Пруссии и Австрии за главенство в Германском союзе, обе искали расположения России, но это не мешало им поддерживать и явно антироссийские происки Великобритании.

На севере Европы Россия находила поддержку своей политики со стороны бывшего французского маршала Ж.Б. Бернадота, с 1818 г. ставшего королем Швеции и Норвегии под именем Карла XIV Юхана. Швеция была заинтересована в стабильности немецких государств Германского союза, а это в немалой степени зависело от России. Ее интересовали и возможности дальнейшего развития торговых связей с Россией. Российский рынок был для нее более доступным, нежели западный.

Положение немецких государств в Германском союзе, их взаимоотношения, внутренний строй стали предметом внимания и дипломатических демаршей уже в первые годы после Венского конгресса не только Австрии, Пруссии, но и России. Вопрос о создании единого германского государства, отброшенный решениями Венского конгресса на многие десятилетия, весьма сказывался на взаимоотношениях континентальных держав.

Свое политическое влияние в Европе царское правительство во главе с Александром I пыталось использовать и для упрочения положения России в странах Балканского полуострова, где она издавна вела активную политику, покровительствовала христианским народам, находившимся в зависимости от Османской империи. Балканы занимали особое место во внешней политике России.

Немалую озабоченность российское Министерство иностранных дел проявляло в связи с нестабильностью положения в странах Апеннинского и Пиренейского полуостровов.

Великобритания, как и Россия, в отличие от ряда других государств после Венского конгресса не выдвигала территориальных претензий в Европе. Для нее важнее было до времени сохранить созданный баланс сил, который давал ей возможность осуществлять политическое и экономическое давление на европейские государства.

Таковы были основной расклад сил и сфер влияния в Европе в первые годы существования "венской системы", положение в ней России.

Европейские монархи в целях сохранения баланса сил и мира в Европе не только демонстрировали свое внешнее единение, но и весьма охотно, особенно в первые годы после Венского конгресса, прибегали к громким обещаниям своим народам, а порой даже шли на некоторые уступки их требованиям. Такая политика была более органичной для стран с конституционной монархией, нежели для России, Австрии, Пруссии. Но и ими она проводилась. Так, Александр I в письме от 21 марта 1816 г. лорду Каслри даже упрекнул правителей тех стран, "где упорно пытаются сразу же возродить институты, изжившие себя". Он подчеркнул, что "там слишком мало считаются с новым мировоззрением народов, которые надлежит постепенно привести к устойчивому порядку и миру"³². Даровав конституцию Польше, он выступил за введение конституций в ряде южнонемецких государств. Александр I внимательно следил за реакцией европейской общественности, особенно прессы, на все важнейшие акции внешней политики России, на деятельность ее дипломатов в странах Европы. Об этом свидетельствует, в частности, сохранившаяся в фонде Канцелярии министра иностранных дел Архива внешней политики Российской империи обширная подборка газет и журналов, статей из них, присланных из дипломатических представительств России за рубежом³³.

В самой же России ее внешняя политика, как правило, освещалась с официальных позиций и в тех органах печати, которым было дозволено писать о ней. Более

³² ВПР, серия II. 1815–1830, т. IX. М., 1974, док. 33, с. 112.

³³ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), ф. Канцелярия, д. 12734, л. 49–140 об.

разнообразным был спектр мнений по поводу европейских политических событий и позиции России в связи с ними в кругах российской общественности. По-разному была оценена и так называемая "конституционная дипломатия" Александра I. По ряду причин некоторыми и консервативно, и прогрессивно настроенными представителями российской общественности было критически воспринято, как мы уже отмечали, дарование царем конституции Царству Польскому и в то же время одобрено поддержанное Александром I введение конституционной хартии 1814 г. во Франции, испанской конституции 1812 г. Н.М. Карамзин, С.С. Уваров, Н.С. Мордвинов, П.Д. Киселев, а также Н.И., А.И. и С.И. Тургеневы, П.А. Вяземский, М.Ф. Орлов, П.И. Пестель, Н.М. Муравьев и многие другие именно так относились к европейской политике царя.

Что касается Карамзина, то он как сторонник прочной монархической власти в России неодобрительно высказывался по поводу широкого распространения либеральных идей в Европе. Он писал брату В.М. Карамзину: "У нас слава богу! Все тихо! А в Европе южной и голодно, и мрачно... Между тем шумят о конституциях. Сапожники, портные хотят быть законодателями, особенно в ученой немецкой земле"³⁴.

В то же время Карамзин не перечеркивал значения деятельности европейских монархов по введению ими конституционно-монархического строя в некоторых европейских государствах, поскольку это отвечало взглядам Александра I, могло содействовать общей стабилизации положения в Европе, упорчить "венскую систему". Подобные взгляды выражал основанный в 1815 г. и, видимо, не без участия самого Александра I петербургский "Дух журналов". Так, в том же году, освещая события в Испании после воцарения короля Фердинанда VII и отмены им конституции 1812 г., журнал подчеркивал, что "не в конституциях благо народа", но если они имеются в государстве, то для их реализации "нужна власть, стоящая выше конституции"³⁵. Эту же мысль журнал проводил, первым воспроизведя на русском языке текст речи Александра I в польском сейме 15 марта 1818 г.³⁶

Хрупкость политического равновесия и спокойствия в Европе из-за нерешенности европейских монархами ряда назревших социально-политических проблем и даже из-за их поворота от либерализма к реакционности отмечали многие современники. Весьма интересны размышления по поводу происходивших в европейских странах событий либерально настроенного С.И. Тургенева. Тогда он служил во Франции по дипломатической части. Там в 1817 г. он написал большую работу о современных международных отношениях, уделив пристальное внимание не только конкретным событиям, но и теоретическим вопросам. Работа не была оформлена им в виде отдельного труда, а сохранилась в его пространственных дневниковых записях за 1817 г., затем воплотилась в ряде статей. "Всеобщий мир существует, – писал он 4 июня 1817 г., – да, внешний мир, но взгляните внимательно и вы найдете, что нет ничего менее мирного, чем внутреннее положение европейских государств... Пробуждение там будет грозным"³⁷. Так он за несколько лет до начала европейских революций 20-х годов предчувствовал их возможность. Не исключали революционных взрывов и европейские монархи, по-своему пытавшиеся их предотвратить. По мнению С.И. Тургенева, тогда от деятельности европейских правителей могло зависеть многое³⁸.

Дипломаты держав, вошедших в Четверной союз, считали, что одной из общих задач ближайшего конгресса – в Ахене в 1818 г. – будет организация отпора ре-

³⁴ Цит. по: Додолев М.А. Россия и Испания 1808–1823 гг. М., 1984, с. 149.

³⁵ Дух журналов, 1815, № 50.

³⁶ Дух журналов, 1818, № 27.

³⁷ Отдел рукописей Института русской литературы Российской академии наук (Пушкинский Дом) (далее – ОР ИРЛИ РАН), ф. 309, д. 21, л. 31об. Дневник С.И. Тургенева не издан, его готовил к изданию А.Н. Шебунин в 30-х годах. См. Архив Шебунина в Отделе рукописей государственной библиотеки в Санкт-Петербурге, ф. 849. См. также: Сироткин В.Г. А.Н. Шебунин – историк общественной мысли и внешней политики России первой четверти XIX в. – В кн.: История и историки. 1973. М., 1975, с. 113–127.

³⁸ ОР ИРЛИ РАН, ф. 309, д. 21, л. 34об. – 35.

волюционным идеям, распространение которых в Европе вызывало немалое беспокойство у их правителей. Но наряду с этим главным, как представлял Александр I, станет противодействие держав росту влияния России в Европе. Поэтому Александр I еще до открытия конгресса в ответ на явно наметившееся британо-австрийское сближение развернул деятельность по изменению статуса Франции, по привлечению ее в Четверной союз.

Для сохранения баланса сил Александр I считал целесообразным восстановление Францией статуса великой державы при участии в этом России. Постепенное сближение с Францией дало бы возможность России более эффективно противодействовать и соперничеству Великобритании.

В целом каждая из держав в преддверии конгресса в Ахене предполагала достичь на нем соглашения по ряду важных для всех участников вопросов и в то же время решить некоторые из них, отражавшие их собственные интересы.

Большую активность при подготовке Ахенского конгресса развил Меттерних. К его личности, политической деятельности было привлечено внимание современников из разных европейских стран. Впоследствии были опубликованы его обширные мемуары, переписка, служебные записки, в частности и по подготовке Ахенского конгресса. Интерес к личности Меттерниха проявляют и современные историки и политики, и среди них бывший государственный секретарь США, политолог Г. Киссинджер. В специальном исследовании, посвященном деятельности Меттерниха и Каслри по установлению мира в Европе в 1812–1822 гг., автор назвал австрийского канцлера "посредственным стратегом, но великим тактиком"³⁹. Но в действительности Меттерних умел тонко разрабатывать стратегию австрийской дипломатии и применять неординарные тактические приемы для осуществления своих внешнеполитических замыслов и планов. Это проявилось в Вене в 1814–1815 гг., на Ахенском конгрессе в 1818 г., а затем на конгрессах Священного союза в начале 20-х годов.

Накануне созыва Ахенского конгресса Меттерних был насторожен возможным расширением состава государств, "имеющих право на исключительное руководство общей политикой и решение всех спорных вопросов". Стрелы были направлены прежде всего против России, престиж которой в Четверном союзе мог быть упрочен после вхождения в него Франции. О благожелательном отношении к этому Александра I сообщал в депешах из Петербурга в Вену австрийский посланник Л.-И. Лебцельтерн⁴⁰.

Позиции держав перед открытием конгресса, главные цели на нем Александра I подробно проанализированы в российских дипломатических документах. Так, один из российских уполномоченных на конгрессе, статс-секретарь по иностранным делам Каподистрия в докладе "О встрече в Ахене", направленном от имени Министерства иностранных дел Александру I 24 июня 1818 г., обращал внимание царя на позиции Австрии и Великобритании, излагал концепцию политики России, формулировал общие задачи в Европе Четверного союза⁴¹.

То, какие вопросы для обсуждения в Ахене готовила российская сторона, показывает и "собственноручная записка императора Александра относительно предмета переговоров в Ахене 1818 года". В ней говорилось: "1. Выступление оккупационной армии. 2. Поведение союзных держав в отношении Франции. 3. Должно ли допустить Францию в общий союз европейских государств без всякой предосторожности, или 4. Не налагает ли болезненное состояние Франции на европейские державы обязанности принять меры, которые были бы способны предохранить их от заразы,

³⁹ Kissinger H. A World Restored. Metternich, Castlereagh and the Problem of Peace. 1812–1822. Boston, 1957, p. 12.

⁴⁰ Николай Михайлович (Романов), вел. кн. Донесения австрийского посланника при русском дворе Лебцельтерна за 1816–1826 гг. СПб., 1913, с. 16–19 (донесение Меттерниху от 1 января 1818 г.).

⁴¹ ВПР, т. X. М., 1976, док. 127, с. 423–433; международный конгресс в Ахене был организован участниками Четверного союза. Ср.: История дипломатии, т. 1. М., 1959, с. 527–528, а также Марков Л.В. Указ. соч., с. 68–69.

могущей явиться оттуда, и вместе с тем оказались бы благотворными для самой Франции, поддерживая в ней спокойствие? 5. В чем должны заключаться эти меры предосторожности? а) тесный союз между державами; б) военное соглашение на подходящий случай. 6. Свойство договора должно обуславливаться перечисленными выше пунктами. 7. Гласность договора, чтобы служить сдерживающим началом для французских деятелей смуты"⁴².

Перед открытием конгресса Четверного союза французское правительство с большим интересом отнеслось к позициям России, что, в частности, видно из переписки французского посланника в Петербурге графа Антуана Ноая с министерством иностранных дел в Париже. В одном из официальных донесений Ноай подчеркнул следующее: "Император, говоря о переговорах, которые должны состояться на берегах Рейна, выразил мне ясно свое желание, чтобы мы играли там роль, соответствующую независимой державе". И далее он разъяснял: участвовали бы "как народ, который на основе полнейшего равенства объединяется с другими народами, чтобы обсудить с ними свои особые интересы и вопросы, решение которых может быть связано с общим благополучием Европы"⁴³.

Поддержка Россией Франции имела для французского правительства большое значение.

Из дипломатических соображений Александр I в начале 1818 г. предложил находившемуся со специальной миссией в Вене Ю.А. Головкину сообщить австрийскому правительству о передаче Австрии инициативы в постановке вопроса о Франции. Французские дипломаты знали о подлинной роли России в подготовке вступления Франции в Четверной союз и ценили это.

На Ахенском конгрессе российский император намеревался привлечь внимание к своей давней идее создания объединенной Европы – политического "всеобщего европейского союза" с периодически созываемыми съездами для решения не только экстраординарных, но и текущих вопросов. Главенство в нем Александр I предполагал оставить за собой. Этот союз мог дать возможность России, опираясь на свой авторитет среди "малых стран", действовать на международной арене более независимо от Великобритании и Австрии, нежели это она могла в рамках Четверного союза. Наброски плана создания такого союза были представлены на конгрессе в докладе Каподистрии "О встрече в Ахене" и сразу же получили резкое противодействие Каслри и Меттерниха. После этого конгресса царь стал еще большие надежды возлагать на деятельность Священного союза, в котором продолжал главенствовать.

Сам Каподистрия не избежал нападков со стороны Меттерниха и Каслри. Они считали его, как и Нессельроде, сильным противником их политики и стремились отстранить от внешнеполитических дел. Действительно, вскоре это и произошло, видимо, не без их давления на Александра I.

Ахенский конгресс начал работу 20 сентября 1818 г. Состоялось 47 заседаний. Помимо членов Четверного союза и представителей Франции на конгресс было приглашено много наблюдателей из других европейских стран. На конгресс прибыли Александр I, Франц I и Фридрих Вильгельм III в сопровождении многочисленной свиты, а также Нессельроде, Каподистрия, Меттерних, прусский канцлер К. Гарденберг, управляющий департаментом иностранных дел Х.Г. Бернсторф и Каслри. Были приглашены премьер-министр Франции герцог Ришелье и главнокомандующий оккупационными войсками во Франции герцог Веллингтон.

Первым на конгрессе был решен вопрос о выводе к 30 ноября 1818 г. из Франции всех оккупационных войск и о своевременной выплате ею репараций. Представители четырех государств условились заключить об этом отдельную конвенцию, оформленную в виде идентичных по содержанию двусторонних соглашений. Текст русско-

⁴² Шильдер Н.К. Указ. соч., т. IV. СПб., 1898, с. 496; см. также: ВПР, т. X, док. 149.

⁴³ Николай Михайлович (Романов), вел. кн. Император Александр I. Опыт исторического исследования, т. 2. СПб., 1912, с. 267.

французской конвенции от 27 сентября (9 октября) был опубликован Ф. Мартенсом⁴⁴. В ходе обсуждения этого вопроса и принятия по нему решения по предложению Меттерниха было достигнуто соглашение об официальном допуске к дальнейшей работе конгресса представителя Франции. Об этом герцог Ришелье был уведомлен специальной нотой от 23 сентября. Союз из Четверного превратился в Пятерной.

Большое значение при принятии решений, относившихся к Франции, имела позиция российской делегации, лично Александра I. Как отмечал английский историк Ч.К. Вебстер, "у царя преваляло желание облегчить вывод или сокращение войск союзников во Франции, оккупацию которой он, собственно, никогда не одобрял"⁴⁵.

В дальнейшем российскими представителями на конгрессе искусно были использованы некоторые разногласия между Австрией и Великобританией по ряду других вопросов, что дало возможность при поддержке прусской стороны подготовить соглашение о соблюдении европейскими странами гарантийного договора о нерушимости границ в соответствии с Заключительным Актом Венского конгресса⁴⁶. Нерушимость границ заботила Россию, поскольку Австрия проявляла поползновение к их расширению прежде всего на Апеннинском полуострове и на Балканах. К неудовольствию Великобритании, австрийские уполномоченные на конгрессе из дипломатических соображений были вынуждены поддержать российские предложения. Каслри даже выступил против обсуждения выходящих за рамки поставленных в программу конгресса вопросов, тем более тех, которые не отвечали интересам британской политики.

Европейские монархи рассмотрели некоторые вопросы, связанные с проявлением национально-освободительной борьбы в латиноамериканских колониях Испании, с конфликтом этой метрополии с колониями⁴⁷. Тон при обсуждении колониальных сюжетов задал Каслри, поскольку британская сторона имела в странах Латинской Америки значительные торговые интересы. Российская сторона высказалась только за "моральную поддержку" Испании и в качестве заслона развитию революционных настроений в самой Испании предлагала ей проведение реформ и восстановление конституции 1812 г.

Итоговые документы конгресса носили в целом компромиссный характер. Россия тоже была вынуждена принять компромиссные решения по ряду интересовавших ее вопросов. Конгресс продемонстрировал прочность позиций России в Европе, определил расстановку сил внутри союза, взаимоотношения его участников. На нем обнажились ранее приглушаемые имперские амбиции европейских держав, их позиции в отношении национально-освободительной и революционной борьбы народов.

Расстановку сил на конгрессе, интересы его основных участников, их отношение к политике России раскрыл один из виднейших русских историков XIX в. С.М. Соловьев. Он писал: "Различие в принципах немедленно обнаружилось на конференциях: Англия и Австрия настаивали на необходимости продолжения Четверного союза (Россия, Англия, Австрия и Пруссия); Россия настаивала на союзе общем, европейском, или Великом союзе, братском и христианском". И далее ученый подчеркивал: "Обнаружилась тесная связь между кабинетами лондонским и венским; главною причиною этой связи была ревность, страх, возбужденный колоссальным величием России, вмешательством ее кабинета во все европейские отношения. Было замечено с русской стороны, что Англия и Австрия стремились: во-первых, чтобы держать Францию в продолжительном несовершеннолетии; во-вторых, следовать той же политике и относительно Испании; в-третьих, держать Нидерланды и Португалию в зависимости

⁴⁴ Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, т. VII. СПб., 1885, с. 302–306.

⁴⁵ Webster C.K. The Foreign Policy of Castlereagh, 1815–1822. London, 1934, p. 55. Подробнее см. Сурткин В.Г. Историография и источники франко-русских отношений 1815–1822 гг. – В кн.: Проблемы революционных движений и международных отношений в новое и новейшее время. М., 1973.

⁴⁶ Мартенс Ф. Указ. соч., т. VIII. СПб., 1888, с. 229–315.

⁴⁷ ВПР, т. X, док. 159.

от Англии; в-четвертых, государства итальянские держать в такой же зависимости от Австрии; в-пятых, вооружить германскую конфедерацию для удержания России в завоевательных замыслах; в-шестых, установить прямые сношения между Германией и Оттоманской Портой с целью действовать на Россию, не нарушая, по-видимому, Четверного союза; в-седьмых, вмешиваться в отношения северных государств; в-восьмых, вмешиваться также в отношения России к Персии и Турции"⁴⁸.

Однако Соловьев не придал должного внимания антиреволюционной направленности конгресса, а именно она, несмотря на скрытые и явные противоречия между его участниками, сыграла решающую роль в сплочении сил европейских монархов. И Александр I приложил к этому немалые усилия.

Решения конгресса, предназначенные для публикации, были зафиксированы в Протоколе от 3(15) ноября 1818 г., подписанном уполномоченными России, Австрии, Франции, Великобритании и Пруссии. Статьи Секретного протокола об условиях военных действий в случае революции во Франции, подписанного в тот же день, показывают, что конгресс встал на защиту установившихся в Европе режимов, раскрывают его антиреволюционную направленность⁴⁹.

Прогрессивная российская общественность неодобрительно отнеслась к решениям конгресса, к позициям, занятым на нем Александром I. Так, Пушкин в сатирических рождественских "Нозлях", приуроченных к возвращению царя из Ахена в Петербург, назвал его "кочующим деспотом", тем самым развенчав представление о нем как об "освободителе народов". Высмеивал поэт и усиление зависимости дипломатии Александра от австрийской и прусской политики⁵⁰. Не поддержал интервенционистских идей Ахенского конгресса С.И. Тургенев, принимавший участие в его работе. Он назвал секретное решение конгресса "отправить снова союзные войска во Францию, как только это мероприятие будет признано необходимым", нарушением суверенных прав государства, а секретный протокол – антинародным актом. Тургенев полагал, что "можно, однако, оспаривать право союзников занимать Францию, когда в ней нет больше Бонапарта"⁵¹.

В 1819 г. под давлением Меттерниха был созван Карлсбадский съезд уполномоченных Германского союза. Он носил явно реакционный характер и не встретил противодействия Александра I. На нем Австрия и Пруссия добились усиления своего давления на немецкие, в частности южные, государства Германского союза, на их конституционный строй. Карлсбадские решения продемонстрировали еще более откровенно, нежели Секретный протокол Ахенского конгресса, возможность применения силового давления для обеспечения прочности устоев "венской системы", для осуществления собственных интересов в Центральной Европе Австрией и Пруссией.

Меттерних выразил удовлетворение итогами Карлсбадского съезда. Его подлинное отношение к дипломатии других европейских держав, особенно к российской, проявилось в его частных письмах к Лебцельтерну. Он ему доверял и писал обо всем откровенно. Эта переписка из архива Лебцельтерна, как и его официальные донесения в Вену, частично были изданы в 1913 г. великим князем Николаем Михайловичем, президентом Русского исторического общества. Из переписки видно, что Меттерних, преувеличивая свой дипломатический талант, явно недооценивал искусство российской дипломатии, ее деятельность на конгрессах⁵². Публикация этой переписки расширяет представления о Меттернихе как человеке и дипломате. Лебцельтерн с 1816 г. находился в Петербурге и был отозван оттуда в 1826 г. в связи с процессом по делу декабристов, поскольку по нему проходил муж сестры его жены, урожденной Лаваль, князь С.П. Трубецкой.

⁴⁸ Соловьев С.М. Указ. соч., с. 560–561.

⁴⁹ Мартенс Ф. Указ. соч., т. VII, с. 318–321.

⁵⁰ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 10-ти т., т. 1. М., 1956, с. 342.

⁵¹ ОР ИРЛИ РАН, ф. 309, д. 23, л. 80–80б.

⁵² Николай Михайлович (Романов), вел. кн. Донесения австрийского посланника при русском дворе Лебцельтерна за 1816–1826 гг., с. 337–401.

Итак, к концу 10-х годов XIX в. во внешнеполитическом курсе России стала нарастать тенденция более активного противодействия буржуазным правопорядкам, усиливалась забота о сохранении единства монархов перед угрозой возможных новых революций и лидерства Александра I в политических европейских союзах.

АЛЕКСАНДР I И РОССИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ НА КОНГРЕССАХ СВЯЩЕННОГО СОЮЗА

Новое десятилетие XIX в. стало для "венской системы" временем серьезных испытаний на прочность, на устойчивость ее социально-политических основ. В начале 20-х годов по Европе прокатилась волна революций, охватившая в основном страны Пиренейского, Апеннинского и Балканского полуостровов. События на Балканах дали толчок возникновению длительного восточного кризиса, в который оказались втянуты все европейские державы и в завершении которого большую роль сыграла Россия⁵³.

Начало 20-х годов XIX в. вошло в историю международных отношений и как "эпоха конгрессов" Священного союза. Их созыв был связан с организацией противодействия революциям со стороны европейских монархов – членов Священного союза. На конгрессах Священного союза проявились позиции всех европейских держав не только по отношению к революциям, организации борьбы с ними, но и по ряду других проблем, имевших большое международное значение. Участие в конгрессах Александра I проливает дополнительный свет на его политические взгляды и на цели его политики в Европе.

Противодействие буржуазным революциям, стремление заслонить от их влияния Россию доминировали во внешней политике царизма всегда, когда остро вставал вопрос защиты легитимизма, самой "венской системы". Но это не означает, что из поля зрения петербургского правительства полностью исчезали другие задачи, направленные на обеспечение дальнейшего развития дипломатических, экономических, культурных связей России с европейскими странами, на сохранение ее прочного положения в венской системе международных отношений.

Каковы бы ни были взгляды и результаты научных дискуссий ученых в России и в других странах – сторонников той или иной концепции исторического развития⁵⁴, сама история Европы XIX в. показала, какими путями она двигалась вперед. В зависимости от конкретных внутри- и внешнеполитических условий в разное время, в разных странах развитие по пути прогресса осуществлялось с помощью реформ или в результате социально-политических преобразований революционными методами.

Так, в начале 20-х годов XIX в. влияние на развитие революционных процессов в Европе оказала буржуазная революция в Испании 1820–1823 гг., – существенным образом отразившаяся и на международных отношениях, и на дипломатии европейских держав. С возвращением на престол в Испании в 1814 г. короля Фердинанда VII страна вернулась к абсолютизму, конституция 1812 г. была отменена. Борьба за ее восстановление и стала одной из первейших задач испанской революции.

Вслед за испанской революцией произошли революции в Италии и Португалии. Венский конгресс закрепил политическую раздробленность Италии, узаконив существование восьми государств на Апеннинском полуострове. Габсбургская монархия стала оказывать большое влияние на Королевство Обеих Сицилий, в котором власть Бурбонов была восстановлена австрийскими штыками.

⁵³ Политика России во время восточного кризиса 20-х годов, являясь частью ее политики в Восточном вопросе, который возник в середине XVIII в. и стал острой международной проблемой, специально в статье не рассматривается. Это особая тема, которая основательно освещена современными исследователями.

⁵⁴ См. Буржуазные революции XVII–XIX вв. в современной зарубежной историографии. М., 1986; Барз М.А., Черняк Е.Б. Революции европейского масштаба в процессе перехода от феодализма к капитализму (XVI–XIX вв.). – Новая и новейшая история, 1988, № 1; Актуальные проблемы изучения Великой французской революции. М., 1989; "Круглый стол". Якобинство в исторических итогах Великой французской революции. – Новая и новейшая история, 1996, № 5, и др.

В июле 1820 г. в Неаполе произошла фактически бескровная революция. Весьма неутешительные сведения поступали оттуда в Петербург от посланника Г.О. Штапельберга, наблюдавшего с первого дня революции полную растерянность короля и его кабинета⁵⁵.

Как глава Священного союза, Александр I был готов к организации ответных коллективных контрреволюционных мер, которые могли быть выработаны на конгрессе этого союза. Меттерних же надеялся получить согласие России на подавление революции австрийскими войсками без обсуждения этого вопроса с другими партнерами по Священному союзу, так как отлично представлял их нежелание усиления позиций Австрии в Италии. Верный принципам союза, Александр отказался от идеи Меттерниха на двусторонней основе достичь договоренности о реальных мерах против неаполитанской революции. Однако помимо внешней приверженности идеям Священного союза Александр I также не был заинтересован в усилении австрийских позиций в Италии, во все возраставших претензиях Габсбургов на восстановление прежнего влияния в Европе, в том числе на Балканах. Этому-то и не учел австрийский канцлер.

Во внешнеполитическом курсе России еще не были утрачены элементы либерализма, которые были связаны и с деятельностью Каподистрии. В это время Каподистрия еще пользовался доверием и расположением Александра I и мог оказывать влияние на принимавшиеся царем решения⁵⁶.

Возможность продемонстрировать значение Священного союза в защите легитимных устоев, в ограждении Европы от распространения революционных выступлений российское внешнеполитическое ведомство подчеркнуло в ряде инструкций, направленных в апреле 1820 г. своим дипломатическим представителям за рубежом. Так, 19 апреля Нессельроде в инструкции посланнику в Вене Ю.А. Головкину, послу в Лондоне Х.А. Ливену и посланнику в Берлине Д.М. Алопеусу обращал внимание на ухудшение политической обстановки в Европе и на необходимость европейских монархов предпринимать действия по ее стабилизации. "С устрашающей быстротой в Европе следуют одно за другим события, которые удручают радетели блага и одобряют зачинщиков беспорядков и революций"⁵⁷, – говорилось в инструкции. Неутешительные сведения из Мадрида сообщил в Петербург 14 июня 1820 г. поверенный в делах М.Н. Булгари: депутаты кортесов создали "Подготовительный комитет" с целью изменения конституции 1812 г. для ограничения королевской власти. В Мадриде усиливалось влияние революционного генерала А. Кироги⁵⁸.

Беспокойство вызывала не только Испания, но также Франция, которая, по определению Нессельроде, стала "злосчастной колыбелью" революции, вновь угрожающей Европе.

В инструкции дипломатам от 19 апреля также обращалось внимание на необходимость активизации действий Священного союза: "Союз этот, без сомнения, существует. Однако достаточно ли он могуч?... Мы не сомневаемся, что союзные кабинеты с их высокой мудростью размышляют об этом деле, от которого зависит общее спасение. Император уже обдумывал его... Он признает необходимость вдохнуть новую жизнь и в европейский союз, сделав его более активным". Но он тоже "проникается мыслью о наличии препятствий, по-видимому, мешающих достижению столь желанного результата"⁵⁹. Последняя фраза привлекла особое внимание царя и была собственноручно им отредактирована.

Созыв конгресса Священного союза поддержали Пруссия и тюрингский кабинет, о чем свидетельствовал отправленный 3 июля К.О. Поццо-ди-Борго из Парижа

⁵⁵ ВПР, т. XI. М., 1979, док. 141.

⁵⁶ Там же, док. 113, 131, 146, 155.

⁵⁷ Там же, док. 113, с. 353.

⁵⁸ АВПРИ, ф. Канцелярия, д. 2992, л. 259.

⁵⁹ ВПР, т. XI, док. 113, с. 353.

"Мемуар французского правительства относительно положения в Испании". Посол подчеркивал, что в нем также был намечен план практических действий "для сохранения легитимности и неприкосновенности испанской монархии"⁶⁰. Английское правительство, хотя и не сразу, тоже признало целесообразным дать совместный отпор организованному в Европе "заговору, не оставляющему никаких надежд на возврат к прежнему порядку"⁶¹. Его представители приглашались на все конгрессы.

Настроения властителей европейских держав разделяли монархи ряда итальянских государств.

Первый конгресс Священного союза был созван в Троппау и открыт 23 октября 1820 г. Он положил начало "эпохе конгрессов"⁶². На нем присутствовали три монарха – Александр I, Франц I и Фридрих Вильгельм III, оба российских статс-секретаря – Нессельроде и Каподистрия, главы внешнеполитических ведомств Австрии и Пруссии Меттерних и Гарденберг, а также многие другие дипломаты разных рангов.

Уже 27 октября было достигнуто устное соглашение между Австрией, Россией, Францией, Пруссией и Великобританией "действовать совместно против революции, этого врага всех народов и всех правительств"⁶³.

Незадолго до открытия конгресса Каподистрия представил Александру I доклад о программе русской делегации в Троппау. В нем подчеркивалось, что она будет придерживаться решения прежних международных договоров, принципов и устоев Священного союза. Обращалось внимание на принятие совместных мер, прежде всего "морального воздействия", на революционные правительства, на обеспечение умеренности проводившихся ими социально-политических реформ и безопасности монаршей власти⁶⁴. Так, предполагалось, что на конгрессе российская делегация будет выступать за политические методы урегулирования острых проблем Королевства Обеих Сицилий, а также и других стран, где произошли или могли еще произойти революции.

23 октября от имени австрийского кабинета Меттерних представил на конгресс записку. В ней были выделены два положения: о необходимости принятия конгрессом решения о праве союзных держав на вмешательство во внутренние дела государств, где произошли революции, для их подавления и о праве Австрии самой лишь при "моральной поддержке" других государств разобратся с событиями в Неаполе. Предполагались и военные методы борьбы с ними. Неаполитанский король Фердинанд I в письмах к Францу I просил у него помощи, включая и военную⁶⁵.

В начале работы конгресса уполномоченные России следовали намерению Александра I попытаться остановить дальнейшее развитие революции в Неаполе политическими методами, не допустить самостоятельных действий Австрии в Италии. Однако первая же реакция других участников конгресса на записку Меттерниха показала, что в стане "союзников" нет единства и что позициям российского императора тоже готовится серьезное противодействие. Так, прусский канцлер от имени Фридриха Вильгельма III поддержал австрийские предложения. Британская сторона, следуя своей традиционной политике таскать каштаны из огня чужими руками, отказалась от участия в решении. Этой же тактике последовали и французские уполномоченные.

Но Меттерних не собирался отступать. Ему помогли события в Петербурге – волнения в Семеновском гвардейском полку, шефом которого был Александр I. Представив этот факт как новое свидетельство распространения революционных настроений в Европе, даже в могущественнейшей России, Меттерних сумел добиться отступления российской стороны от первоначальных позиций.

⁶⁰ АВПРИ, ф. Канцелярия, д. 2992, л. 256–256 об.

⁶¹ ВПР, т. XI, док. 151, с. 472. Донесение Х. Ливена в Петербург от 2 августа 1820 г.

⁶² См. история дипломатии, т. 1, с. 529–533.

⁶³ АВПРИ, ф. Канцелярия, д. 2992, л. 375.

⁶⁴ ВПР, т. XI, док. 170, 175, прим. 207.

⁶⁵ Там же, прим. 207, с. 787.

7(19) ноября 1820 г. монархами Австрии, России, Пруссии был подписан предварительный протокол. В нем видно явное отступление Александра I от линии Каподистрии. Монархи провозглашали свое право военной интервенции в страны, где произошли революции, даже без согласия на то правительств этих стран. Это право возводилось в принцип действий Священного союза. В случае невозможности договориться с новым неаполитанским правительством пойти на уступки требованиям короля Фердинанда I предполагалось осуществить интервенцию.

Методы борьбы с неаполитанской революцией не были осуждены британскими и французскими представителями на конгрессе, хотя они и отказались подписать условия предварительного протокола.

Продолжение обсуждения вопросов борьбы с европейскими революциями и непосредственно военной интервенции в Неаполитанское королевство было предложено провести в Лайбахе (Любляне). Заседания конгресса в Лайбахе начались 11 января 1821 г. На него был приглашен неаполитанский король Фердинанд I, присутствовали правители других итальянских государств, настроенные контрреволюционно.

На международную обстановку в Европе начала 1821 г. продолжали влиять революционные события в Испании. "Вестник Европы" отмечал, что "неумолимые либералы раздавали там (в Малаге. – *О.О.*) прокламации с заглавием "Испанская республика!"⁶⁶. Непокойно было и в странах Центральной и Южной Европы. Обострилась обстановка на Балканах. Все это заставило участников Священного союза сделаться более терпимыми к позициям друг друга, перед лицом общей опасности на время забыть о личных амбициях и пойти на компромиссные соглашения. 2 февраля в Лайбахе были приняты австрийские предложения о вводе ее войск в Неаполитанское королевство. Великобритания сохраняла нейтралитет, который, по сути, гарантировал проведение решения Священного союза о военной интервенции⁶⁷.

Александр I не сразу смирился с усилением позиций Австрии на конгрессе, а после ее решения об интервенции в Неаполитанское королевство – с возможным упрочением положения Австрии и на всем Апеннинском полуострове. Стремясь сохранить лидерство в Священном союзе, а также в целях гарантии баланса сил он даже был готов отправить российские войска в Италию для подавления революции. Однако от этой затеи все же отказался, увидев ее непопулярность в России. Отрицательно высказывались В.П. Кочубей, Н.С. Мордвинов, И.В. Васильчиков, А.А. Закревский, А.П. Ермолов и др. Кроме того, его пугали огромные затраты, которых она потребовала бы.

23 марта 1821 г. австрийские войска вступили в Неаполь. Революция была подавлена. Вскоре участь Неаполя постигла и Пьемонт, где также произошла революция. И она тоже была подавлена австрийцами.

Александр I не оставлял надежды на возможность урегулирования отношений с новыми пьемонтскими властями политическими методами. Но его не поддержали не только Меттерних, но и представители подавляющего большинства итальянских государств, озабоченные своей судьбой и мало думавшие о последствиях австрийской интервенции для Италии.

Официально конгресс в Лайбахе закончился 26 февраля 1821 г. Но еще до середины мая там оставались многие его участники, среди которых был и Александр I. Все следили за действиями австрийцев в Италии. Не ослабевало напряжение на Пиренейском полуострове. После заключения Россией в 1812 г. союзного договора с Испанией Пиренейский полуостров занимал немаловажное место в европейской политике России, стремившейся упрочить свое влияние в Средиземноморье. Тревогу вызывали и начавшиеся революционные выступления на Балканах. Восстания в зависимых от Порты княжествах Валахии и Молдавии, которым покровительствовала Россия, активизировали действия царя по сплочению европейских монархов.

⁶⁶ Вестник Европы, 1821, ч. 116, № 4, с. 317.

⁶⁷ British and Foreign State Papers. V. 1820–1821. London, 1830, p. 1160–1162.

Лайбахский конгресс продемонстрировал Европе внешнее единство Священного союза, его силу. Александр I благодаря гибкой политике российской дипломатии не утратил своего престижа. Хотя в Священном союзе возросло влияние Австрии, но оно все же не было столь велико, как это хотел представить Меттерних, о чем свидетельствуют его личные записи и высказывания той поры. Так, оценивая результаты Лайбахского конгресса для австрийской политики в Европе, Меттерних с упоением восклицал: "Мы ведем за собой императора Александра!"⁶⁸. Реально это было далеко не так. И прежде всего это показала российская политика во время восточного кризиса. Но была в высказывании австрийского канцлера и доля истины. Под его влиянием Александр удалил с политической арены в 1822 г. Каподистрию, укрепились позиции Нессельроде, относившегося к Меттерниху с большим пиететом.

Стремление подавить все революционные очаги в Европе, сохранить легитимные устои заставили членов Священного союза вновь собраться вместе. Местом проведения нового и последнего в истории Священного союза конгресса была избрана Верона. Он заседал с 20 октября по 14 декабря 1822 г. Непосредственной его целью стало подавление революции в Испании.

Незадолго до открытия Веронского конгресса в Великобритании государственным секретарем по иностранным делам был назначен Дж. Каннинг, признанный впоследствии одним из виднейших дипломатов не только того времени, но и всего XIX в. Каннинг еще более решительно, нежели его предшественник, начал разваливать и Священный, и Пятерной союзы, в которых главенствовала Россия. Свое отношение к Священному союзу Каннинг проявил уже во время Веронского конгресса, снабдив британского представителя на нем фельдмаршала герцога Веллингтона соответствующими инструкциями⁶⁹.

Сначала Веллингтон заявлял, что для безопасности Франции достаточно сосредоточения ее войск на испано-французской границе. И только после длительных дискуссий и в связи с явно усилившимся стремлением участников конгресса поддержать военную интервенцию в Испанию Веллингтон в интересах Британии изменил свою позицию.

Вопрос о методах подавления испанской революции во многом зависел от позиции России. Ее поверенный в делах в Мадриде Булгари получил из Вероны от Нессельроде предписание обратиться к испанскому революционному правительству с призывом восстановить власть Фердинанда VII и "мудрой национальной администрации". В нем подчеркивалось, что ни Александр I, ни другие монархи не смогут улучшать отношения с Испанией, пока Фердинанд VII лишен возможности "свободно выражать свою волю"⁷⁰. Подобные предписания из Вероны были направлены Австрией, Пруссией и Францией своим дипломатическим представителям в Мадриде. Тогда же они стали предпринимать шаги к подготовке французской интервенции в Испанию.

30 октября уполномоченный России на конгрессе Д.П. Татищев сделал конфиденциальное заявление, в котором говорилось о том, что Александр I поручил "обсудить с представителями других союзных дворов вопросы о разрыве дипломатических отношений с революционным правительством Испании, о моральной, а в случае необходимости и материальной поддержке Франции в ее действиях против Испании"⁷¹.

К этому времени произошло дальнейшее сближение позиций России, Австрии и Франции. 31 октября в ответ на запрос французского правительства о готовности

⁶⁸ Цит. по: *Шильдер Н.К.* Указ. соч., т. IV, с. 471.

⁶⁹ *Wellington A.W.* Despatches, Correspondence and Memoranda... V. I (January 1819 to December 1822). London, 1867, p. 496–498; *Дебидур А.* Дипломатическая история Европы, т. I. Священный союз. М., 1947, с. 204–205 (пер. с фр.). Новые документы позволяют уточнить выводы Дебидура, особенно о позициях Александра I.

⁷⁰ *British and Foreign State Papers.* V. 1822–1823. London, 1828, p. 912–915.

⁷¹ ВПР, т. XII, М., 1980, с. 588; *Wellington A.W.* Op. cit., v. 1, p. 496–498.

союзных держав оказать ему моральную и материальную поддержку в "защите от возможного нападения со стороны испанских революционеров" Меттерних высказался утвердительно. Ответ российской стороны от 31 октября свидетельствовал о ее поддержке военной интервенции.

Протокол, подписанный 7(19) ноября 1822 г. уполномоченными России, Австрии, Пруссии и Франции, подтверждал принятые на предшествовавших конгрессах принципы подавления революций. Он стал секретным соглашением четырех держав по подготовке интервенции в Испанию⁷².

Веллингтон отказался подписать протокол, мотивируя это тем, что жизнь испанского короля может подвергнуться опасности. Обсуждая же с присутствовавшим на конгрессе российским послом в Лондоне Ливеном возможный план продвижения французских войск по Испании, который и был использован Францией, он тем самым тихо санкционировал эту вооруженную акцию. Обстановку на Пиренейском полуострове Великобритания хотела использовать для осуществления собственных интересов там и в заокеанских владениях Испании и Португалии. Ей не нужно было усиление влияния на Пиренейском полуострове других, помимо Франции, держав, особенно России, с которой уже существовало соперничество в Средиземноморье.

Весной 1823 г. стотысячная армия Франции во главе с герцогом Ангулемским вторглась в Испанию; осенью революция была полностью подавлена и восстановлена неограниченная власть Фердинанда VII. Так была осуществлена главная цель участников Веронского конгресса.

Кроме того, конгресс урегулировал ряд вопросов международного права, связанных с защитой морской торговли от пиратства, пресечением работорговли и др. Эта сторона деятельности конгресса не нашла отражения в "Истории дипломатии"⁷³. При обсуждении мер по окончательному запрещению работорговли Нессельроде от имени Александра I назвал работорговлю "предосудительной с точки зрения религии, справедливости и человеколюбия" и заявил, что готов присоединиться к мерам, которые примет конгресс⁷⁴.

В конце ноября был принят Протокол пяти держав, подтверждавший декларацию Венского конгресса о запрещении торговли неграми; пиратство приравнивалось к работорговле. Российские уполномоченные на конгрессе заявили также об отказе России покупать колониальные товары у стран, не прекративших работорговлю. Александр I поручил Нессельроде уведомить об этом Португалию, продолжавшую заниматься этим грязным промыслом.

Веронский конгресс стал "последним триумфом Священного союза". Конгрессы Священного союза достигли своей цели: "венская система" с ее легитимными устоями была сохранена, волна европейских революций начала 20-х годов XIX в. отбита. На конгрессах раскрылась политика российской дипломатии и Александра I, который все больше отступал от своих прежних позиций и отказывался от либеральных идей. В дальнейшем конгрессы больше не собирались.

Активное участие в Священном союзе Александра I отвлекало его от решения многих внутренних дел, что вызывало недовольство в различных кругах российского общества и даже в правительственных сферах. Весьма едко по поводу деятельности Александра I в Священном союзе писал П.А. Вяземский: "Дострой свой дом, а потом иди чинить чужие дома. Образуй, просвети, разреши Россию, и тогда она сама, не суясь ни в Троппау, ни в Лайбах, существенною, нравственною силою своею будет безапелляционным посредником европейских судеб"⁷⁵.

Александр I в конце правления проводил внешнюю политику, исходя из более конкретных политических и экономических интересов России в Европе. В центре внимания царя и российской дипломатии оказались Балканы.

⁷² ВПР, т. XII, с. 591.

⁷³ История дипломатии, т. I, с. 531–533.

⁷⁴ ВПР, т. XII, док. 207, с. 592.

⁷⁵ Русский архив, 1879, № 4, с. 520.

Со смертью Александра I завершилась одна из сложнейших и интереснейших эпох и в жизни России в целом, и в истории ее внешней политики и дипломатии. Значительное место в ней занимает период после Венского конгресса, когда престиж России, самого царя на международной арене был особенно высок. Можно по-разному рассматривать итоги этого периода, но было бы исторически неверно как идеализировать деятельность Александра I, так и окрашивать ее только в черные тона. У историков различных направлений его сложная и противоречивая личность вызывала и вызывает неослабевающий интерес. Современники Александра I называли его "блестящим метеором Севера", "сфинксом", "Северным Тальма"⁷⁶. Он был умелым политиком, искусным дипломатом, по-своему представлявшим собственное назначение в упрочении мира в Европе и в защите интересов России.

И все же созданный им Священный союз так и не стал той наднациональной моделью "объединенной Европы", осуществить которую пытался Александр I. Можно согласиться с определением А.О. Чубарьяна, считающего Священный союз скорее "политическим соглашением, устанавливавшим общие намерения и намечавшим основы и условия для совместных действий"⁷⁷. Тогда, в условиях новых исторических реалий, закладывались основы объединения европейских консервативных и реакционных сил. Это объединение и стало одним из вариантов "европейской идеи", или "идеи Европы".

---

⁷⁶ Ульянов Н. Александр I – император, актер, человек. – Родина, 1992, № 6–7, с. 146 (перепечатка из отдельного издания: Северный Тальма. Вашингтон, 1964).

⁷⁷ Чубарьян А.О. Указ. соч., с. 174.

ВАЖНЕЙШИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК В 1996 г.

В институтах Отделения истории в 1996 г. продолжалась работа по широкому фронту исторических наук. В целом каждый из институтов сохраняет и развивает свои научные направления и свой подход к решению проблем исторической науки.

Было опубликовано в общей сложности 320 научных работ, включая коллективные труды, индивидуальные монографии, сборники научных статей, материалы научных конференций, научно-популярные книги, учебники и учебные пособия, проведено много научных встреч, в том числе и международных. Значительные положительные результаты стали возможны благодаря активному участию ученых в конкурсах российских и международных научных фондов, ведения хозяйственных работ, за счет рационального использования академической собственности и привлечения спонсоров.

Деятельность историков имеет большое значение для российского общества, обеспечивая научную концепцию прошлого, преемственность исторических традиций и культурного наследия нашей страны, переживающей этап глубоких общественных трансформаций. Историки выполняют важную образовательную и просветительскую работу, содействуют экспертному обеспечению некоторых направлений внутренней и внешней политики государства.

Институт этнологии и антропологии РАН (ИЭА РАН) совместно с Министерством национальностей России разработал концепцию государственной национальной политики Российской Федерации, утвержденную 15 июня 1996 г., а также федеральный закон "О национально-культурной автономии", принятый в июле 1996 г. Действует сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, которая объединяет специалистов научных учреждений российских республик и ряда государств бывшего СССР.

В 1996 г. завершились федеральная программа "Возрождение и обновление России", а также принятая Отделением истории в 1992 г. пятилетняя программа "История мировой цивилизации и судьбы России". По этим программам в институтах был издан и завершен ряд фундаментальных трудов. В изучении истории России продолжается исследование многих событий, исторических фигур, отдельных фактов, особенно по таким ключевым вопросам, как цивилизационный уровень России, сочетание революционного процесса и реформизма, социальная структура российского общества на различных этапах, соотношение власти и общества в исторической перспективе и ряд других.

Опубликовано немало трудов, в которых по-новому или на неизвестной ранее документальной базе решается сложный комплекс проблем отечественной истории, в частности Институтом российской истории РАН (ИРИ РАН) трехтомник "История России с древнейших времен до конца XX в." (отв. редактор член-корр. А.Н. Сахаров). Он отражает новейшие достижения отечественной исторической науки, давая современные оценки многих спорных и неоднозначных проблем истории России и СССР. Издание рекомендовано Государственным Комитетом РФ по высшему образованию и Министерством образования РФ в качестве учебного пособия для вузов.

В рамках работы над программой "Обновление и возрождение России" Санкт-Петербургский филиал ИРИ РАН опубликовал при финансовой поддержке Российского государственного научного фонда коллективный труд "Власть и реформы. От самодержавной к советской России" (отв. редактор академик Б.В. Ананьич). Данному исследованию присущ широкий хронологический охват: история эволюции государственной власти в России прослеживается с XV в. и до рубежа 1920–1930-х годов. На основе достижений отечественной и зарубежной науки и нового архивного материала исследованы важнейшие внутривластные процессы в России XV – XX вв. и внешнеполитические акции царизма. Авторами раскрыты как факторы, приводившие к отказу от реформ, так и неспособность самодержавия, а позднее и советской власти, их проведения, что предопределяло запаздывание и половинчатость реформ в России.

В масштабном исследовании д.и.н. В.М. Кабузана "Русские в мире в XVIII–XX вв. Формирование этнических и полиэтнических границ русского этноса" (ИРИ РАН) впервые прослеживается динамика численности, а также формирования этнических и полиэтнических границ русского этноса на протяжении трех столетий.

В книге д.и.н. А.Г. Тартаковского "Неразгаданный Барклай. Легенды и быль 1812 года" (ИРИ РАН) восстанавливается реальный облик и роль Барклая де Толли в военно-политической ситуации 1812 г., выясняется истинный масштаб и механизм возникновения гонения на него в армии и обществе, рассказывается о борьбе полководца за свою реабилитацию в глазах общественности.

В монографии д.и.н. В.В. Кабанова "Кооперация, революция, социализм" (ИРИ РАН) раскрывается опыт дореволюционной кооперации, показывается утопичность и недемократичность "ленинского кооперативного плана", анализируются противоречия между государством и кооперацией, приведшие к распаду сельскохозяйственной кооперации к концу 20-х годов, прогнозируются возможности ее возрождения.

Примером плодотворного российско-американского международного сотрудничества является выпущенный Московским государственным университетом в 1996 г. том материалов международной конференции "Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.)" (отв. редактор член-корр. РАН Л.В. Милов). Состоялась юбилейная 25 сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, организованная МГУ и Отделением истории РАН.

В рамках программы научных исследований "Славянский мир: история и современность" завершена работа в Институте славяноведения и балканистики РАН (ИСБ РАН) над первым томом "Очерков истории славянских культур", выполненным по международной программе ЮНЕСКО. Рассчитанный на широкого читателя, он дает представление о прародине славян, об уровне материальной и духовной жизни древних славян в контексте наших знаний о культуре других европейских народов на той же стадии развития. В работе над книгой продолжилась плодотворная практика комплексного подхода – соединение усилий историков, историков культуры, литературоведов, лингвистов.

В монографии академика Г.Г. Литаврина "Византия, Болгария, Древняя Русь в IX–XI вв. (спорные проблемы)" (ИСБ РАН) на основе прочтения всей совокупности старославянских, греческих, латинских и восточных письменных источников предпринята попытка выяснения причин принятия Древней Русью в качестве монотеистической религии именно христианства в его византийском (восточном), а не западном варианте. Эта проблема получила развитие в шестом выпуске институтского сборника "Славяне и их соседи": "Греческий и славянский мир в средние века и раннее новое время".

В истекшем году успешно функционировали недавно созданные при институте центры белорусистики и украинистики.

Одним из приоритетных направлений программы "Возрождение и обновление России (этнологические и исторические проблемы)" в ИЭА РАН являлось изучение крупнейшего народа России – русских. Серьезным вкладом института в изучение темы стали законченный фундаментальный труд "Русские", который скоро увидит свет, а

также книга к.и.н. В.А. Липинской "Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае XVIII – начала XX в." Здесь на большом полевом и архивном материале рассмотрены проблемы освоения русскими сибирских пространств как части процесса формирования этнотерритории народа; адаптация переселенцев в новых осваиваемых районах; развитие историко-культурных ареалов на изучаемой территории. Наряду с традиционными для российской этнографии исследованиями по этнической истории и формированию этнической территории русских был усилен акцент на изучение специфических проблем постсоветского периода, таких, как разнообразные аспекты существования русской диаспоры, формирования и развития национального самосознания у русских, новых форм и направлений их миграционной подвижности. Кроме того, существенное внимание уделялось проблеме распада СССР, его причинам и влиянию на этнокультурные процессы и другие стороны социальной жизни общества.

В центре внимания специалистов ИЭА РАН – складывание новых форм российской государственности, становление общероссийского самосознания, изучение идеологии и политики национализма разного типа, соотношения демократии и национализма, проблемы межэтнической толерантности, формирования этнических стереотипов и установок, роли лидеров и элит в управлении межэтническими конфликтами, выборе стратегии межэтнических взаимодействий.

На материалах обширного социологического исследования во всех субъектах Российской Федерации выполнено трехтомное исследование д.и.н. М.Н. Губогло "Развивающийся электорат России", а также коллективная монография "Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов". В лондонском издательстве "Сейдж" опубликована монография д.и.н. В.А. Тишкова "Этничность, национализм и конфликты до и после распада СССР", которая получила высокую оценку международной научной общественности как наиболее глубокое и объективное рассмотрение этой сложной проблемы новейшей истории.

В книге "Миграции и новые диаспоры в постсоветских государствах" (ИЭА РАН) речь идет о профессиональном мониторинге миграционных процессов и их возможных перспективах, что предполагает глубокий анализ этнокультурных ситуаций, состояния межэтнических отношений, политической обстановки в обществе, а также мотивов и установок отдельных граждан и групп населения. Именно недостаточное знание конкретных проблем, интересов людей и логики частных стратегий и коллективного поведения стало в прошлом причиной многих кризисов и осуществления ошибочной и недальновидной политики.

В работе д.и.н. С.В. Чешко "Распад Советского Союза" (ИЭА РАН) анализируются причины и механизмы распада СССР как мультиэтнической социально-политической системы. В основе такой постановки задачи лежит ставшее почти нормативным в научном и общественном мнении представление о том, что СССР был погублен именно национальными проблемами. Вместе с тем в работе затрагиваются и более общие вопросы развития советского общества и государства, поскольку вне широкого социального контекста заниматься этнополитическими изысканиями, а тем более пытаться найти причины распада мультиэтнической социальной системы – совершенно бессмысленно.

В монографии д.и.н. А.С. Мыльникова (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого "Кунсткамера" РАН) на материалах научных представлений XVI – начала XVIII в. о происхождении славянской суперэтнической общности и отдельных славянских этносов прослеживается механизм мифологического мышления и постепенного перехода к поискам рационалистического объяснения проблем этногенеза. Исследование базируется на печатных и рукописных источниках на русском, украинском, белорусском, польском, чешском, немецком, шведском, итальянском, латинском языках, выявленных автором в отечественных и зарубежных хранилищах (Германия, Швеция, Чехия, Литва). Монография является первой частью исследовательского проекта, целью которого является изучение процесса складывания этнокультурных стереотипов о славянских народах.

В области востоковедения исследования велись в рамках изучения таких проблем, как "Культурные, религиозные и этнические факторы в локальных и глобальных процессах современности", "Восточное общество в конце XX столетия: социально-экономическое и политическое развитие", "Восток и Россия: история и перспективы отношений" и др.

Архивом РАН к 100-летию выдающегося отечественного востоковеда, основателя и главы отечественной школы японистики академика Н.И. Конрада осуществлено издание тома "Конрад. Неопубликованные работы. Письма". Выход работы в свет стал заметным событием в отечественной историографии.

Религиозные и традиционные философские доктрины имели и имеют огромное влияние на все сферы социально-политической жизни народов Востока. Исследования, ведущиеся в Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения РАН (СПбФ ИВ РАН), охватывают как публикацию переводов важнейших памятников, так и создание на основе анализа оригинальных источников обобщающих трудов по различным аспектам изучения религий Востока, их развития и существования. В отчетном году сдана в печать работа д.и.н. Е.П. Островской и д. филос. н. В.И. Рудого "Энциклопедия Абхидхармы. Раздел III. Учение о мире. Раздел IV. Учение о карме. Перевод с санскрита, историко-философское и культурологическое исследование, комментарий, реконструкция системы" (СПбФ ИВ РАН). В монографии представлены третий и четвертый разделы трактата Васубанху (IV–V вв. н. э.) "Абхидхарма-ошбхашья", фундаментального источника для изучения классической буддистской религиозно-философской мысли. Полный перевод памятника с санскритского оригинала в мировой буддологии предпринимается впервые.

Большое значение для современной России имеет опыт восточных стран. В работе академика С.Л. Тихвинского "Путь Китая к объединению и независимости (1898–1948)" анализируются события в Китае в первой половине XX столетия, прежде всего национально-освободительное движение, целью которого было покончить с колониальной зависимостью от иностранных держав и добиться объединения страны, раздираемой на части милитаристскими кликами. Борьбу за национальное освобождение Китая в первой четверти XX в. возглавил китайский революционер-демократ доктор Сунь Ятсен. После его смерти эту борьбу продолжила компартия Китая. Книга написана на материалах биографии Чжоу Эньлая, видного деятеля КПК. Повествование завершается образованием КНР 1 октября 1949 г.

Представляют большой научный и практический интерес книги С.Л. Тихвинского "Россия – Япония обречены на добрососедство. Воспоминания дипломата и размышления историка", академика В.С. Мясникова "Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XX вв." (ИДВ РАН).

В работе д. и. н. И.П. Лебедевой "Японские корпорации: стратегия развития" (ИВ РАН) поднимается ряд вопросов по организации и управлению производством в крупных промышленных компаниях Японии. Проанализированы новые формы организационных структур компаний, делающие их более "открытыми" для малейшего изменения рынков, методы централизации контроля за прибылью и управления фондами, а также такая уникальная форма организации японского бизнеса, как кэй-рэцу – группирование крупных, средних и мелких фирм, дающая японским компаниям ряд конкурентных преимуществ.

В сборнике статей ИВ РАН "Республика Корея: опыт модернизации" раскрывается практическая ценность опыта Южной Кореи в сфере производства и создания демократических институтов. Подчеркнута исключительная роль государства в проведении реформ "сверху".

Серьезные успехи были достигнуты в изучении всеобщей истории. В Институте всеобщей истории РАН (ИВИ РАН) завершен проект "Демократия в Западной Европе в XX в.", в рамках которого проводилось исследование различных аспектов развития демократии в Западной Европе: изменение понимания демократии, подхода к демократии некоторых политических деятелей и политико-идеологических течений,

эволюции демократических институтов разного уровня, соотношение политической и социальной демократии.

В рамках программы "Возрождение и обновление России" в 1996 г. институтом изданы сборники "Россия и Франция", "Россия и Италия", ведется разработка программы "Американская цивилизация и Россия в мировом историческом процессе". Готовятся к изданию сборники "Британия и мы", "Германия и Россия", "Россия и Италия" (вып. 3), "Россия и Франция", "Коминтерн и Латинская Америка", "Коминтерн и Испания", "Коминтерн и Африка", "Коминтерн и Италия". Осуществлен проект по истории парламентаризма в странах Европы XIX–XX вв.

Важное научное и практическое значение имеют сборник документов под редакцией академика Г.Н. Севостьянова "Россия и США: торгово-экономические отношения. 1900–1930 гг." и сборник статей под редакцией д. и. н. Р.Ф. Иванова "Межрасовые и межнациональные отношения в Европе и Америке XIX–XX вв." (оба – ИВИ РАН).

Среди проблем, анализируемых в подготавливаемом в ИВИ РАН втором томе "Истории экономики и бизнеса", – специализация и диверсификация аграрной экономики, взаимосвязь производительности и социальной организации города, динамика этнодемографических процессов крупного политического региона, этнос и элиты, экономические аспекты культурной политики государства, социально-психологический анализ категорий бедности и др.

В институте завершена работа по изданию труда "История Дании с древнейших времен до начала XX в." В этом исследовании – первом отечественном изложении истории Дании, основанном на широком круге источников и литературы, наряду с анализом внутривнутриполитического и экономического развития Дании на всех исторических этапах, начиная со средневековья, обращается внимание на международное положение Дании, ее внешнюю политику и роль в Средневековой Европе. Особое место отведено многовековым отношениям Дании с Россией.

Сотрудниками ИВИ РАН велась работа над проектами, связанными с историей мировых войн и мировых конфликтов, их причин, течения, результатов, роли Коминтерна во второй мировой войне. На основе ныне доступных документов архивов России, Великобритании, США, Финляндии шла работа над трудами "Война и дипломатия", "Зимняя война 1939–1940 гг. Политическая история", "Версальский мир и создание Версальской системы", "Коминтерн и вторая мировая война". Эти документы позволяют раскрыть во многом неизвестную картину успехов и неудач отечественной дипломатии, взаимных уступок и компромиссов, совместного принятия важнейших политических и военных решений, исследовать политическую историю советско-финляндского конфликта. В рамках этих проектов проводились конференции "Причины мировых войн XX в." и "Предотвращение вооруженных конфликтов: стратегия и история" (совместно с фондом Карнеги).

Институтом продолжалась реализация крупного международного проекта по истории "холодной войны". Значительный интерес вызвало издание совместного российско-норвежского сборника ИВИ РАН по истории взаимоотношений между двумя странами в 1917–1955 гг., завершена работа над проектом "Тоталитаризм в Европе XX в. Из истории идей, движений, режимов и их преодолений". В рамках изучения тоталитаризма XX в. ставится проблема, как и почему в Европе нынешнего века возникли диктаторские режимы, которые стремились подчинить всех воле одного вождя, одной партии – государству, единой идеологии. Анализируются общие черты и различия систем фашизма в Италии, национал-социализма в Германии, сталинизма в СССР, а также близкий к ним режимов в Испании, Португалии, Греции, в странах Центральной и Восточной Европы. В центре внимания были такие вопросы, как корни тоталитаризма, положение церкви и состояние культуры в условиях тоталитарного государства, антифашистское Сопротивление и т.д. Особо анализируются причины краха тоталитарных систем, пути их преодоления в разных странах, альтернативы тоталитарным тенденциям.

На основе большого количества архивных документов завершается подготовка к изданию пятитомника "Архив Коминтерна" (ИВИ РАН).

В 1996 г. успешно закончена работа над проектами "История мировых цивилизаций", "Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни до начала нового времени", "Диалог со временем" и др. (ИВИ РАН). В этой области особое внимание уделялось вопросам методологии и эпистемологии исторического исследования. Проводилась оценка и разработка современных актуальных проблем исторического познания: проблемы времени, исторического развития и ситуации, междисциплинарного подхода и моделирования; углубление представлений о логике исторического исследования, определение научных критериев моделирования исторических процессов. Исследователи делали акцент на роли человека в истории. Проводилось изучение истории ментальностей, соотношения и взаимовлияния социального и ментального в историческом процессе.

Авторы труда "Человек в кругу семьи" (ИВИ РАН) рассматривают своеобразие частной сферы в рамках докапиталистических обществ, придя к следующим выводам: частная жизнь в предшествующих обществах осмысливалась их современниками как сфера, тесно переплетавшаяся с публичной; уже вследствие этого частная жизнь подлежала строгой регламентации, во многом исключавшей вседозволенность; тем не менее в сознании и подсознании современников частная сфера обособлялась как по своему содержанию, так и по возможности для индивида принимать нестандартные решения. Анализ таких нестандартных решений показал, что не только в новое время и не только в конце средневековья отдельно взятый человек обладал определенной свободой выбора и был способен на поступки, нарушавшие принятые стереотипы поведения.

Институт истории материальной культуры РАН (ИИМК РАН) по одной из важнейших проблем мировой истории "Типология и историко-сравнительный анализ цивилизаций" выпустил очередной четвертый ежегодник "Археологические вести". Он содержит статьи ученых России (Санкт-Петербурга, Москвы, Новосибирска и др.), Молдовы, Украины, Узбекистана, а также Англии, Дании и Норвегии. Представлены как обобщающие исследования по археологии от каменного века вплоть до средневековья, так и публикации новейших материалов, в частности впервые публикуется в виде серии статей широкая подборка уникальных по научной и художественной ценности материалов из новейших раскопок погребений кочевников раннего железного века Сибири, результаты совместных международных экспедиционных и лабораторных научных проектов, обзоры фондов.

Д.и.н., проф. Г.Ф. Коробкова и д.и.н. В.Е. Щелинский опубликовали первую часть книги "Методика микро- и макроанализа древних орудий труда". Эта книга является началом большой коллекции монографий, подготовленной сотрудниками экспериментально-трассологических лабораторий ИИМК РАН. Кроме общих историографических, теоретических и методических вопросов экспериментально-трассологических исследований в работе особое внимание уделено характеристике блоков следов изнашивания, сохраняющихся на поверхности древних инструментов, которые позволяют определять конкретные функции дифференцированных типов орудий. Издание рассчитано на широкий круг специалистов, как имеющих представление о методике функционального анализа инструментов, так и не владеющих его приемами.

Важнейшие научные результаты в области отечественной и мировой археологии были получены сотрудниками Института археологии РАН (ИА РАН) на раскопках в Новгороде, в ходе которых было исследовано около 1000 кв. м площади средневекового города, найдено 16 берестяных грамот и 7 свинцовых печатей (руководитель академик В.Л. Янин).

Институтом опубликован объемный фундаментальный труд "Археология. Неолит Северной Евразии", входящий в серию "Археология СССР" в 20 томах. В нем обобщены все материалы и работы, связанные с изучением неолита отечественной археологической наукой. В книге впервые в полном объеме опубликованы результаты

всех радиоуглеродных анализов, что делает этот труд неоценимым для всех специалистов.

Событием в науке стал выход в свет монографии д.и.н. В.В. Седова "Славяне в раннем средневековье" (ИА РАН), являющейся продолжением книги "Славяне в древности". Этот фундаментальный труд в двух томах обобщает все, что сделано в области изучения истории и археологии славян.

Продолжалась работа над "Археологической картой России (по областям)" (ИА РАН). Вышли из печати две книги: "Археологическая карта России. Московская область. Часть 3" и "Археологическая карта России. Рязанская область. Часть 3", содержащие сведения о 700 памятниках.

В рамках федеральной программы возрождения России ИА РАН успешно проводил возложенную на него работу по контролю за археологическими исследованиями на территории России. В соответствии с поступившими заявками институтом выдано 784 открытых листа на право ведения полевых археологических исследований на территории 76 субъектов Российской Федерации (в 1995 г. было выдано 745 листов). Было рассмотрено 595 отчетов о раскопках 1995 и более ранних лет. После утверждения отчеты поступают в архив института, который является уникальным хранилищем материалов о раскопках на территории России.

ИА РАН продолжил работу по общероссийской целевой программе "Сохранение археологического наследия народов Российской Федерации" на 1995–2000 гг. Ее целью является выявление памятников археологии в местах массовой приватизации земель и аварийные раскопки памятников, разрушаемых природной средой. Хронические неплатежи из федеральных источников осложняют осуществление программы.

В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН завершена работа над справочником "Архивы России. Часть 1. Москва и Санкт-Петербург", который станет крупным вкладом в российское архивоведение.

Вышел в свет "Археографический ежегодник за 1994 г." под совместным грифом Отделения истории РАН, Археографической комиссии и Государственной архивной службы Российской Федерации. "Археографический ежегодник за 1995 г." сдан в издательство "Наука", и уже подготовлен к изданию "Археографический ежегодник за 1996 г." Составлен алфавитный указатель статей и материалов, помещенных в десяти томах ежегодника за 1987–1996 гг.

Труды ученых Отделения истории отражают современный уровень отечественной науки. По основным параметрам российская историческая наука в области археологии, классического востоковедения, этнографии, некоторых направлений всеобщей и отечественной истории, изданий архивных материалов, памятников исторической мысли находится на уровне мировых достижений.

О ПУБЛИКАЦИЯХ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

18 марта 1997 г. в Росархиве состоялось первое заседание Научного совета, посвященное обсуждению опыта и перспектив реализации крупных совместных проектов архивных и научных учреждений по публикации архивных документов на примере проектов "Трагедия советской деревни" и "История Коминтерна". В его работе приняли участие видные ученые ряда научных учреждений Российской академии наук – Института российской истории (ИРИ), Института всеобщей истории (ИВИ), Института Дальнего Востока (ИДВ), Института проблем управления, Археографической комиссии, а также Института мировой литературы (ИМЛ), Научно-исследовательского института культуры, Московского государственного университета, Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), Литературного института, ведущие специалисты Росархива и Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (ВНИИДАД), директора и научные сотрудники федеральных государственных архивов и центров хранения документации, Центрального архива Федеральной службы безопасности (ЦА ФСБ) Российской Федерации.

Открывая заседание, председатель Научного совета, руководитель Федеральной архивной службы РФ, член-корр. РАН В.П. Козлов отметил, что архивные учреждения Российской Федерации свою археографическую деятельность традиционно осуществляли в тесном содружестве с научными учреждениями страны. С 1991 г., когда открылись широкие возможности для введения в научный оборот новых, ранее недоступных, находящихся на специальном хранении архивных документов, Росархив совместно с научными институтами РАН разработал Сводный план подготовки документальных публикаций и справочно-информационных изданий на 1992–1993 гг. и последующие годы. На его основе была составлена Программа изданий исторических источников и научно-справочной литературы на 1994–2000 гг. в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 23 августа 1993 г. № 838 "О реализации государственной политики в архивном деле". В Программу было включено 130 томов документальных публикаций и 18 томов архивных справочников. Это – издания научного типа, составляющие многотомные серии, уже опубликованные в предшествующие годы, и очередные тома этих серий – "Письма и бумаги императора Петра I", "Восстание декабристов", "Особые журналы Совета Министров Российской империи", "Декреты Советской власти" и др. Кроме того, в Программу вошли и издания комплексов архивных документов, переведенных на открытый режим хранения, по проблемам, ранее являвшимся закрытыми: антибольшевистское сопротивление, антисоветская оппозиция, подлинная история коллективизации, неизвестные работы В.И. Ленина, история Коминтерна и др. Программа была одобрена Правительством Российской Федерации, однако Министерство финансов отказалось ее финансировать. Несмотря на такие сложные финансовые условия, архивные учреждения России совместно с научными институтами РАН продолжают работу по подготовке многотомных публикаций. Цифры и факты, которые привел В.П. Козлов, служат тому ярким доказательством. За 1993–1996 гг. в свет вышло 20 томов сборников документов, и среди них – "Меньшевики в 1917 г.", "Россия антибольшевистская", "Особые журналы Совета Министров царской России", "Хроника рабочего движения в России", "Протоколы Президиума ВСНХ. 1919 г.",

"Приказы наркома обороны СССР" (т. 1), "Коминтерн и вторая мировая война" (ч. 1), "Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг.". Ряд публикаций был издан благодаря финансовой поддержке зарубежных партнеров и спонсоров и на средства российских фондов – Российского фонда фундаментальных исследований и Российского гуманитарного научного фонда.

В.П. Козлов особо подчеркнул, что совместная работа по подготовке публикаций оказывает положительное влияние на развитие и совершенствование форм и методов деятельности архивных учреждений, внедрение современных технологий в архивное дело, повышение научного и профессионального уровня российских архивистов. Высокую оценку научной общественности в России и за рубежом получили документальные публикации, вышедшие на двух языках, включая русский, – "Советский антифашистский комитет 1941–1948 гг.", "Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг." и др. Были названы также первый том катынской серии сборников "Пленники необъявленной войны" на польском языке и "Коминтерн и Монголия" на монгольском языке. В заключение В.П. Козлов отметил, что архивисты большое значение придадут развитию основ археографии. Так, в 1997 г. ВНИИДАД, Российским центром хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ) и Центром хранения современной документации (ЦХСД) будут подготовлены методические пособия по изданию судебно-следственной документации советского периода и документов центральных органов КПСС. Докладчик подчеркнул необходимость глубже проанализировать опыт публикаций документов XX в., появившихся в последние годы, и на базе этого анализа разработать теоретические и методические основы археографии современных документов.

С докладом о сотрудничестве историков и архивистов при работе над проектом "История Коминтерна" выступил директор ИВИ РАН, член-корр. РАН А.О. Чубарьян. Он сказал, что кооперация историков и архивистов особенно важна сейчас, когда потребность общества знать реальную историю советских десятилетий нередко удовлетворяется либо "радикалами", меняющими оценки на прямо противоположные при сохранении прежней источниковой базы, либо "традиционалистами", ретуширующими новыми модными терминами прежние партийные концепции. Достичь научной объективности можно лишь введением в научный оборот крупных пластов документальных источников, особенно тех, которые более 70 лет были полностью недоступными. И примером такого введения в научный оборот источников могут служить совместные проекты историков и архивистов по истории Коминтерна, в которых участвуют исследователи Института всеобщей истории РАН и специалисты РЦХИДНИ. Докладчик рассказал об актуальности документов Коминтерна, отражающих основные этапы его деятельности, стратегию и тактику в отдельных странах, трансформацию Коминтерна из штаба мировой революции в политический инструмент И.В. Сталина, с помощью которого он реализовывал свои планы на мировой арене. Документы помогают понять накал борьбы между сторонниками различных направлений в рабочем и коммунистическом движении, стремление Кремля и руководства Коминтерна подавить любую оппозицию. Оратор охарактеризовал источниковую базу публикации, куда входит почти четверть миллиона дел, в том числе фонды самого Коминтерна, личные фонды руководителей компартий, фонды РСДРП(б), ЦК ВКП(б), В.И. Ленина. При этом он сказал о тех трудностях, с которыми столкнулись составители, когда они не смогли включить в корпус документов материалы из переписки Г. Димитрова с И.В. Сталиным, так как она готовится к изданию по соглашению с Йельским университетом. Другим ограничителем при выявлении документов для включения в публикацию стала незавершенность процесса рассекречивания документов Коминтерна.

Докладчик остановился на методике отбора документов для публикации, в процессе которого проводился тщательный источниковедческий анализ, устанавливались подлинность и достоверность документа, аутентичность его текста, границы и степень тенденциозности, важность для раскрытия проблематики тома, определялись авторст-

во, датировка. Выявлялись и фиксировались различия между черновыми и окончательными вариантами тех или иных решений, деклараций. В ряде случаев для публикации отбирался неокончательный вариант, а промежуточный, с большими правками руководящих деятелей ИККИ, членов политбюро ЦК ВКП(б), раскрывающий процесс выработки решения. Особенностью издания является и то, что наряду с подлинниками публикуются экземпляры, напечатанные под копирку с подлинником, также имеющие номер и дату. Это сделано в связи с тем, что документы Коминтерна, адресованные в другие организации, разбросаны по многим архивам, в большинстве своем еще не доступным исследователям. Говоря о других проблемах при отборе документов, автор осветил и сложность, связанные с установлением авторства документа, датировки, так как иногда имелось множество дат – время составления документа, его утверждения, отправки, получения, иногда документы вообще не имели датировки, что требовало установить дату по другим документам или по содержанию. В докладе подчеркивалось, что наряду с кропотливой источниковедческой работой составители творчески решали и развивали вопросы археографии. Было решено публиковать документы полностью, без изъятий. Тщательно передаются все изменения, вносившиеся в текст, приводятся резолюции, пометы, визы, штампы, подчеркивания того, кто знакомился с источником. Таким образом, за основу взят академический принцип публикации, сохраняющий формуляр документа, включая его "шапку", т.е. обращение к адресату, что в соответствии с действующими правилами публикации документов опускается.

В докладе была дана характеристика справочного аппарата издания: вступительных статей к каждому тому, помогающих ориентироваться в документах, подстрочных текстологических и смысловых комментариев, облегчающих восприятие текста.

В заключение А.О. Чубарьян сказал о перспективах подготовки крупных научно-исследовательских проектов, подчеркнув необходимость издания на русском языке переписки Г. Димитрова с И.В. Сталиным, с включением в нее писем Сталина, хранящихся в Президентском архиве, материалов ЦК ВКП(б), личных фондов руководящих партийных деятелей РКП(б)–ВКП(б)–ЦК КПСС, материалов, касающихся внешней политики СССР и международных проблем, материалов СВАГ. И такие публикации возможны только при сотрудничестве историков и архивистов.

Доклад главного научного сотрудника ИРИ РАН д.и.н. В.П. Данилова был посвящен ходу и результатам работы над проектом "Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1937 гг.". В отличие от "Истории Коминтерна" этот проект является международным, в нем принимают участие с российской стороны – ИРИ РАН, Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Российский государственный архив экономики (РГАЭ), РЦХИДНИ, Российский государственный военный архив (РГВА) и ЦА ФСБ РФ, с другой стороны – Бостонский колледж в США, университет Торонто в Канаде, а также профессор Р.У. Дэвис (Великобритания) и профессор С. Уиткрофт (Австралия). По соглашению, заключенному сторонами 1 сентября 1994 г., издание осуществляется на русском языке в России, предусматривается возможность полного или частичного издания перевода на английский язык. Предполагается издание пяти томов, завершается работа над первым томом, охватывающим период с мая 1927 г. по ноябрь 1929 г. Начата работа по составлению второго тома и идет выявление документов для третьего и четвертого томов. Основную задачу участники проекта видят в раскрытии происходившего непосредственно в деревне, того, какой была практическая политика, и последствий этой политики. Эта задача и определила основной состав документов сборника и роль тех фондов архивов, в которых отражаются деревенские события. Среди них фонды Центрального архива ФСБ занимают особое место.

Докладчик говорил о трудностях, с которыми столкнулись составители при отборе документов. Речь идет прежде всего об отражении в сборнике позиций высшего партийно-государственного руководства, об идейно-политической борьбе внутри него,

которая стала отражением развертывавшейся в стране народной трагедии. После ряда обсуждений было решено включить в сборник материалы, отразившие столкновение Фрумкина и Молотова при сталинском участии, выступления и предложения Бухарина, Рыкова, Томского. В заключение оратор отметил, что работа по определению состава включаемых в сборник документов, их археографической обработке и комментированию потребовала значительных усилий и времени в связи с тем, что составители работают с неисследованными фондами при отсутствии традиций комментирования этой совершенно новой категории документов.

По докладам развернулась оживленная дискуссия. Д.и.н. Н.С. Ивницкий, член авторского коллектива проекта "Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1937 гг.", подчеркнул актуальность подготовки такого издания, так как предыдущие публикации, имеющие большое значение для своего времени, особенно общесоюзные серии конца 50-х–90-х годов, не давали целостной и правдивой картины событий, происходивших в деревне в конце 20–30-х годах. С начала 90-х годов в связи с открытостью материалов ЦА ФСБ, ряда фондов и документов ГАРФ и РГАЭ стало возможным более полное освещение процессов коллективизации и раскулачивания. Однако материалы по выработке политики партийного руководства до сих пор недоступны, так как находятся в Президентском архиве, хотя по своей сути никакого отношения к этому архиву не имеют. Это создает большие сложности составителям сборника, подрывает его фундаментальный замысел. Выступавший обратился с просьбой к руководству Росархива войти в Администрацию Президента с вопросом о передаче документов Администрации в федеральные архивы для облегчения доступа к ним с целью всестороннего использования.

Главный редактор журнала "Новая и новейшая история", главный научный сотрудник ИВИ академик Г.Н. Севостьянов отметил своевременность и большое научное и практическое значение обсуждаемых проблем. За последние годы появился ряд фундаментальных публикаций, которые дают возможность по-новому взглянуть на историю. Однако рецензий на такие сборники в исторических журналах мало, и это положение необходимо исправить. Появление таких публикаций ставит с особой остротой задачу координации работы историков и архивистов, поэтому следует поддержать предложение о создании Комиссии по источниковедческим проблемам отечественных документов XX в. с включением в нее представителей Росархива.

Проблема выбора вида публикации была затронута заведующим кафедрой МГУ, членом-корр. РАН Л.В. Миловым. Он считает, что при тематической публикации сделать репрезентативную выборку силами 20 сотрудников за короткий срок невозможно. Более предпочтительным является метод типической выборки 12 климатических зон, резко отличающихся друг от друга, в которых имелись разные социальные вопросы, разное отношение к политике партии. Вызвало сомнение у выступавшего название "Трагедия советской деревни", так как деревня продолжала существовать, поэтому им было предложено другое название – "Трагедия крестьянства" и подчеркнута целесообразность составления справочника персоналий.

Председатель Археографической комиссии РАН, академик РАО С.О. Шмидт сказал, что публикации, подобные обсуждаемым, призваны устранить "белые пятна" в истории, пополнить историографию. Историческая наука и историография взаимно обогащают друг друга, что не всегда понимают историки. Необходимо на базе таких многотомных публикаций готовить учебники и хрестоматии для расширения знаний учащейся молодежи.

В выступлении директора ИМЛИ, член-корр. РАН Ф.Ф. Кузнецова говорилось о целесообразности при подготовке крупных совместных проектов по публикации документов использования новейших достижений в области информационных технологий. ИМЛИ при работе над любыми изданиями параллельно готовит книгу и базу данных. При этом Ф.Ф. Кузнецов обратил внимание на то, что если не объединить все базы данных для будущего вхождения в Интернет, то вскоре наша историческая наука будет стоять перед технологическим занавесом.

Основной акцент в выступлении члена Президентского совета, профессора Литературного института д.и.н. М.О. Чудаковой был сделан на важности и своевременности появления обсуждаемых проектов, необходимости научной объективности при отборе документов. При подготовке проекта "Трагедия советской деревни", отметила выступавшая, следует показать сопротивление народа во всем его многообразии, при подборе же документов для публикации "История Коминтерна" и при составлении комментариев не надо бояться резких оценок политики партий. И по одному и другому проектам следует разработать и опубликовать научно-методические принципы их подготовки.

Идею разработки теоретических и методических основ археографии современных документов, выдвинутую в выступлении В.П. Козлова, поддержали многие. Д.и.н., проф. А.Д. Степанский (РГГУ) согласился с необходимостью активизации разработки проблем археографии документов XX в. при тесной связи с проблемами источниковедения и архивоведения. По его мнению, при комиссии, организуемой Отделением истории РАН, следует образовать подкомиссию археографии. Говоря об обсуждаемых проектах, он подчеркнул, что они представляют два варианта ситуации "открытия архивов". При этом "История Коминтерна" – это освоение "археографической целины", "Трагедия советской деревни" – преодоление фальсификаций прошлых лет. Эти проекты, отметил выступавший, представляют два вида археографических публикаций: пофондовый, вернее поучрежденческий, и тематический. Попытка составителей проекта "Трагедия советской деревни" создать объективную тематическую публикацию представляет большой принципиальный интерес. Что касается "Истории Коминтерна", то поскольку наряду с фондом Коминтерна привлекаются и другие существует проблема отбора документов самого Коминтерна, поэтому в археографическом предисловии необходимо более основательно мотивировать принятые решения.

Заместитель директора ЦХСД В.Ю. Афиани, касаясь подготовки обсуждаемых проектов, отметил, что, к сожалению, разрабатываемые научно-методические принципы для каждого проекта недоступны для научной общественности – они не публикуются. Их издание могло бы способствовать разработке единых методов публикации тех видов и разновидностей источников XX в., которые только недавно стали доступными историкам и археографам. При этом В.Ю. Афиани сослался на отечественные традиции, когда опыт подготовки фундаментальных исследований всегда существенно обогащал и источниковедение, и археографию, а публиковавшиеся правила подготовки документов к печати по отдельным крупным комплексам документов, становились заметными вехами в истории исторической науки и, во многом, определяли последующую практическую работу. В качестве примера он привел подготовку А.С. Лаппо-Данилевским "Правил издания грамот Коллегии экономии", разработку С.Н. Валком методических принципов издания "Декретов Октябрьской революции".

Д.и.н., проф. Е.И. Пивовар (МГУ) коснулся двух проблем, вытекающих из имеющегося опыта. Во-первых, необходимость перерастания первого этапа публикации закрытых материалов в другой, сочетающей не только археографическую практику, но и значительно более глубокий источниковедческий анализ. Выступавший отметил, что проявляется тенденция подмены понятий "достоверность", "объективность" и "секретность", так как далеко не все ранее сверхсекретные материалы могут автоматически считаться достоверными. Он, говоря о необходимости источниковедческого анализа таких сведений, заметил, что нужна еще более кропотливая работа, в противном случае можно скатиться к "иллюстративным изложениям". Оратор подчеркнул, что пришло время поставить вопрос об актуальности публикаций документов зафиксированных на нетрадиционных носителях, в частности мультимедийными издательскими средствами; положительный опыт таких синтетических работ уже имеется в области преподавания в вузах, у краеведов, историков искусства, специалистов по исторической информатике.

На необходимость учета особенностей создания фонда Коминтерна при подготовке к изданию его документов обратил внимание главный научный сотрудник Росархива к.и.н. И.И. Кудрявцев. Среди этих особенностей он назвал обширный объем документации, многоязычность, своеобразность системы ведения делопроизводства, включая особые условия секретности и конспиративности, наличие большого количества дублетных и копийных материалов, что обуславливает трудности выявления, отбора, выбора и передачи текста документов. Выступавший сказал, что эти особенности не были в полной мере приняты во внимание в изданной первой части сборника документов "Коминтерн и вторая мировая война", где имеется перегруженность подстрочных примечаний и предисловия, цитирование публикуемых документов, повторяемость элементов в легендах, отсутствие сведений о наличии документов на других языках, шифров вариантов, недостаточный научно-справочный аппарат издания.

Об участии федеральных архивов в проекте "Трагедия советской деревни" рассказали директор РГАЭ к.и.н. Е.А. Тюрина и заместитель начальника отдела публикаций РГВА к.и.н. Н.С. Тархова. Е.А. Тюрина отметила, что в архиве с конца 60-х годов проводилась большая работа по сбору материалов о коллективизации и раскулачивании и в конце 80-х годов были изданы два тома, в которых уже опубликованы ранее неизвестные документы, в частности о репрессиях аграрников-экономистов. Выступавшая рассказала об опыте работы архива по введению в научный оборот документов о социальной истории советского общества и в особенности крестьянства, назвала среди вышедших публикаций сборник документов "Красная Армия и коллективизация", подготовленный совместно с коллегами из Италии и ставший первым результатом работы над проектом "Трагедия советской деревни".

Опытом совместной работы архивных и научных учреждений России поделились сотрудники ГАРФ и РЦХИДНИ. Начальник отдела публикации ГАРФ Т.В. Царевская подчеркнула, что наибольшую сложность вызывает процесс рассекречивания документов, когда из-за закрытости документов отдельных ведомств публикации выходят в "усеченном" варианте. Выступавшая сказала, что необходимо создать методическую базу для публикации документов новой и новейшей истории. Начальник отдела РЦХИДНИ д.и.н. Г.М. Адибеков рассказал о разработке истории Коминтерна сотрудниками РЦХИДНИ и учеными институтов РАН, в частности о создании сборника документов сотрудниками центра и института востоковедения РАН и изданного в Улан-Баторе. Сборник был подготовлен по решению российско-монгольской комиссии по сотрудничеству в области архивов, созданной в 1992 г. в рамках реализации соглашения между правительствами России и Монголии. По оценке научной общественности обеих стран эта книга является первым изданием, в котором объективно, без идеологизированности, показаны истинные взаимоотношения Коммунистического Интернационала и Монгольской народно-революционной партии. Оратор сообщил, что силами сотрудников РЦХИДНИ подготовлено и выйдет в 1997 г. в свет информационно-справочное пособие "Организационная структура Коминтерна", издание которого получило финансовую поддержку РГНФ.

По итогам обсуждения было принято решение Научного совета, в котором признается необходимым активизировать и расширять разработку теоретических и методических вопросов археографии документов по истории XX в. Поддержана инициатива Отделения истории РАН о создании Комиссии по источниковедческим проблемам отечественных документов XX в. Научный совет решил обратиться с просьбой к Бюро Отделения истории РАН включить в состав Комиссии представителей Росархива, архивных учреждений федерального уровня, хранящих документы по истории XX в. Научный совет постановил обратиться с просьбой к руководству Росархива по двум вопросам: 1) войти в администрацию Президента Российской Федерации с предложением передать непрофильные документы Архива Президента Российской Федерации архивным учреждениям Федеральной архивной Службы России, а также внести

на рассмотрение руководства администрации вопрос о возможном участии в рассмотренных проектах Архива Президента Российской Федерации; 2) создать на базе ВНИИДАД, архивных учреждений федерального уровня, хранящих документы по истории XX в., комиссию по подготовке в 1998 г. конференции по актуальным проблемам публикации документов XX в. Журналу предложено "Отечественные архивы" опубликовать статью, посвященную проблемам археографии современной документации новой и новейшей истории.

И.В. Волкова,
начальник отдела организации
научно-исследовательской работы
Росархива

© 1997 г.

**ОТВЕТЫ ГЛАВНОГО КОНСУЛЬТАНТА
ГРУППЫ КОНСУЛЬТАНТОВ
СЛУЖБЫ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ РОССИИ
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА В.А. КИРПИЧЕНКО
НА ВОПРОСЫ ЖУРНАЛА "НОВАЯ
И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ"**

Уважаемый Вадим Алексеевич, Служба внешней разведки (СВР) России работает над шеститомником "Очерки истории российской внешней разведки", главным редактором которого является бывший директор СВР академик Е.М. Примаков, а Вы – заместителем главного редактора. "Очерки" – первое российское научное издание такого рода, призванное на документальной основе показать деятельность разведывательной службы нашей страны от эпохи Ивана Грозного до наших дней. Первые два тома вышли в свет в издательстве "Международные отношения"¹.

Как возникла идея "Очерков"? Какую цель они преследуют? Можно ли вообще писать историю разведки?

Думаю, можно. Нами уже предпринимались попытки как-то обобщить историю внешней разведки. К 50-летию нашей Службы был выпущен, правда, для служебного пользования, однотомник "Истории разведки". Предпринимались попытки продолжить эту работу в связи с 60-летием Службы, которое отмечалось в 1980 г., обобщить то, что мы наработали за шестьдесят лет. Это было интересное начинание, хотя оно являлось лишь первым поверхностным и непрофессиональным приближением к познанию нашей истории.

После этих опытов руководство разведки решило создать более солидную работу по истории разведки, причем вначале мыслилось, что каждое подразделение Службы начнет писать историю своего управления для служебного пользования. Но в целом этот эксперимент не пошел, поскольку каждый на своем участке делал свое дело, а эта работа требует погружения в толщи наших архивов, подчинения себя целиком этой идее. Таких людей, могущих полностью посвятить себя этой работе, не нашлось, и постепенно эта идея заглохла.

Вторая попытка увенчалась успехом. Мы вплотную занялись реализацией этого начинания с образованием СВР в декабре 1991 г. и назначением академика Е.М. Примакова на должность директора². Евгений Максимович поставил передо мной эту задачу. Мы посоветовались с ветеранами разведки и решили, что документы могут поднять наши ветераны, и они же посвятят часть своего времени написанию "Очерков". Долго обсуждали, как писать: для служебного пользования, для внутреннего пользования с привычными нам грифами "секретно" или для широкой общественности.

¹ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 1. М., 1995; Т. 2, М., 1996.

² Академик Е.М. Примаков, в настоящее время являющийся министром иностранных дел РФ, возглавлял СВР с сентября 1991 г. по август 1996 г.

Решили писать для широкой общественности, потому что ранее мы сами никогда о себе ничего не писали, за исключением отдельных художественных произведений, хотя и основанных на реальностях. А о нас писали много, и в основном на Западе. Все это было пронизано духом "холодной войны". Вот мы в конце концов решили сами написать о себе правду. Можно ли открывать архивы, можно ли создать историю разведки? Мы не ставим перед собой задачу описать работу разведки день за днем, это невозможно. Решено было сделать научное введение к каждому тому истории разведки, описать эпоху, в которой действовали наши разведчики. В "Очерках" рассказывается об отдельных эпизодах, о конкретных разведчиках, крупных оперативных мероприятиях.

"Очерки" основаны на архивных источниках или на проверенных документами воспоминаниях непосредственных участников событий. Что же касается способности разведчиков "писать историю", я бы сказал, что, может быть, благодаря специальной подготовке, своему профессиональному развитию разведчик может описывать исторические факты и события более точно, чем даже некоторые историки.

У каждого, в конце концов, есть личный взгляд на историю. А разведчик самим фактом своей профессиональной деятельности – человек неангажированный. Он всегда стремился добывать правду, даже неприятную для своего правительства. Поэтому я думаю, что разведчик может стать хорошим историком. Во всяком случае, скрупулезность, желание доискаться до истины, дойти до первоисточников – это те качества разведчика, которые могут помочь ему стать историком.

Вы сказали, что ваше издание адресовано широкому кругу читателей. А что вы хотите рассказать читателям?

Прежде всего правду о разведке. Есть много историй, в которых искажается образ разведки и разведчика. Да, конечно, мы были частью идеологического аппарата, мы гордо себя называли боевым отрядом партии. Но при этом разведчики всегда добывали информацию в интересах своего государства, всегда были настроены патриотично, многим жертвовали во имя долга. Поэтому я думаю, что широкому кругу читателей мы должны рассказать правду о разведке и людях, которые в ней работали, и тем самым ответить на те необъективные публикации, которые писались в духе "холодной войны", тенденциозно и неправильно.

Как определялась периодизация томов, какие периоды истории разведки в них отражены и в чем характерная особенность этого времени для внешней разведки?

Мы исходили из конкретного состояния наших архивов, наличия в них материалов, а также учитывали определенные этапы исторического развития нашего государства и разведки. По первому тому, включающему материалы о событиях до 1917 года, имелся лишь минимум сведений. До революции разведка в России не сложилась как мощный государственный аппарат, была раздроблена, ею занимались различные ведомства. Поэтому все, что мы собирали интересного о крупных политических деятелях, военачальниках, которые непосредственно вели разведку, мы включили в первый том – от зарождения разведки в отдаленные века до 1917 г.

Во втором томе рассматривается становление разведки во времена советской власти с 1917 по 1933 г. В этот период разведка боролась с антисоветскими воинскими вооруженными эмигрантскими формированиями, связанными с зарубежными разведслужбами и ставившими своей задачей реставрацию прежнего режима. Другое направление – работа с троцкистскими и националистическими группировками, которые действовали за пределами нашего государства.

Третий том включает события с 1933 по 1941 г. Это понятно: с приходом Гитлера к власти в Германии изменилась политическая ситуация в Европе. Проявился четкий курс Германии на создание военного блока против СССР. И задачи нашей Службы изменились соответствующим образом.

Четвертый том посвящен Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Этот период включает большое количество материалов о подвигах разведчиков, о том, какие задачи они решали.

Пятый и шестой тома – рассказывают о современности. Пятый том посвящен событиям с 1945 до конца 60-х гг., а шестой – работе российской разведки до настоящего времени.

Как были восприняты "Очерки" интересующимися этой тематикой читателями и вашими коллегами – профессиональными разведчиками? Известно, что широкая гласность вредит разведке. Не содержит ли ваш труд чего-нибудь лишнего, что может помешать ей в практической деятельности?

Я думаю, что любители чужих тайн скорее будут нас упрекать за то, что мы мало раскрываем секретов. Такой задачи мы не ставили, поскольку где секреты, там и люди. Мы, конечно, должны учитывать и мнение родственников наших помощников, и интересы государства. Поэтому мы выбираем те эпизоды из деятельности российской разведки, которые не могут повлиять на проведение нашей внешней политики, но поучительны и интересны. "Очерки" как раскрывают деятельность разведки на отдельных этапах ее развития, так и показывают направления нашей внешней политики: над чем разведка работала, как обеспечивала внешнеполитические мероприятия. У нас строгая внутренняя цензура, и мы не допустим опасной для нас утечки информации.

Что касается реакции на наш труд, то я удовлетворен теми откликами, которые мы получаем. Ветераны разведки очень активно критикуют, делают предложения. Появление каждого тома мы обсуждаем в нашей Ассоциации ветеранов внешней разведки, где, пожалуй, больше всего высказывается критических замечаний. Людям хочется, чтобы было рассказано побольше, однако наши возможности не позволяют сделать это. Есть и некоторые огрехи и неточности, однако трудность заключается в том, чтобы выработать общий стиль для разных очерков, что весьма трудно, ибо они различны по своему объему и по разнообразию сюжетов.

Мы очень волновались, когда вышел первый том. Это волнение не покидало нас и во время работы над вторым томом. Сейчас чувствуем себя достаточно уверенно: авторский коллектив сработался и реакция читателей нас радует. Газеты откликнулись на наш труд, посвятили ему целые страницы и высказали одобрительные слова. Отмечается, что впервые Россия имеет точно выверенный документальный материал о деятельности своей внешней разведки.

Вадим Алексеевич, вам как разведчику хорошо известно, что каждая разведслужба обладает своим профессиональным и даже национальным почерком. В чем выражены особенности внешней разведки России и как они проявлялись?

Работа внешней разведки СССР, а затем России в различные периоды, конечно, строилась по-разному. С точки зрения сегодняшнего дня многое в нашей деятельности в 20-е или 30-е гг. выглядело примитивно. В частности, наши разведчики излишне решительно делали вербовочные предложения. Иногда чуть ли не с первой встречи потенциальному источнику информации предлагалось сотрудничество. Конечно, эти люди предварительно изучались, однако меня поражала быстрота вербовок, которые проводились в то время.

Конечно, вербовка облегчалась тем, что в 20-е – 30-е гг. еще не было такого тяжелого давления со стороны полицейских органов и контрразведывательных служб, поскольку в тот период только проходило их становление. Еще не было мощного контрразведывательного заслона. Поэтому в случае неудачной вербовки разведчик не рисковал сразу попасть в тюрьму.

Основой всего и вся было раскрытие планов нацистской Германии и других агрессивных государств, направленных против СССР, в условиях уже начавшейся второй мировой войны. Конечно, работа советской разведки облегчалась тем, что у нас было много политических и идейных союзников, для которых Советский Союз был своего рода моделью государства социальной справедливости. О злоупотреблениях, которые творились в нашей стране, широко еще не говорилось. Многие политики, дипломаты, журналисты, общественные деятели шли на сотрудничество с советской разведкой, чтобы предотвратить угрозу распространения фашизма и войны. Мы

приобретали новые источники информации, так как были связаны с антифашистским Сопротивлением разных стран.

Насколько широко использовались архивы внешней разведки при работе над "Очерками". Были ли для Вас некоторые документы сюрпризом?

Конечно, были. Буквально на каждом шагу нас ожидал какой-либо сюрприз. Во-первых, мы исходили из того, что наша публикация строго документальна, хотя нам иногда не хватало документов: архивы в разные времена "чистились". Каждый уходивший на расстрел нарком "чистил" архивы, поэтому прорех много и не всегда возможно найти нужный материал. Иногда имеются разрозненные сведения об операции, о человеке, но видно, что это часть "романа с продолжением". Во всяком случае, строгости в отборе материалов и документальная основа "Очерков" – это главное.

Мое внимание привлекли быстрота установления связей с носителями информации, напористость, которыми был отмечен почерк нашей работы накануне второй мировой войны. Это качество сегодня, конечно, не свойственно нам. Мы действуем осмозрительнее, изучаем, готовимся.

Несмотря на то, что уже опубликовано много материалов о репрессиях, все-таки эта катастрофа на меня произвела ошеломляющее впечатление. Был истреблен цвет разведки: по существу, все руководящие кадры, начиная от высшего руководящего звена, были или уволены или уничтожены.

Возникает вопрос: как смогли уцелеть несколько десятков человек, которым удалось избежать репрессий, поскольку даже уцелевшие подвергались унижительным допросам. Эта трагическая сторона нашей действительности больше всего поражает: как при том, что в резидентурах накануне войны у нас оставалось по два-три работника, люди могли добывать ценную информацию. Это, конечно, проявление героизма, работа в экстремальных условиях, тем более что наши сотрудники знали, что творилось в СССР в те годы, но они продолжали самоотверженно работать.

В прессе говорится об ужесточении режима допуска в секретные архивы внешней разведки. Означает ли это, что архив СВР закрылся для посторонних лиц?

Вопрос чисто журналистский. Наш архив никогда не открывался для граждан, он находится под семью замками, и из него извлекаются только источники, представляющие исторический интерес и не могущие нанести ущерб разведке и государству. Запросы от наших ученых, писателей, журналистов идут в Центр общественных связей СВР, который рассматривает состоятельность запросов и направляет просьбу в архив. Соответствующие комиссии определяют возможность рассекречивания материалов. Поэтому можно сказать, что здесь нет никакого ужесточения, никаких новых порядков не вводилось. Согласно правилам, определенным на основе закона о государственной тайне, разведывательные сведения, составляющие государственную тайну, могут быть рассекречены только через 50 лет. Там, где секретность смысла уже не имеет, мы идем на публикацию документов. Однако наши архивы никогда не были открытыми. Они не могут быть открыты для широкой публики, ибо это может нанести ущерб государственным интересам. Наша открытость носит избирательный характер.

На выходе третий том "Очерков". Он посвящен деятельности советской разведки в 1933–1941 гг. В чем его качественное отличие от двух предыдущих?

Думаю, что третий том – это качественно новый этап нашей работы. Авторский коллектив уже приобрел опыт, мы сработались друг с другом. Поэтому заблаговременно собрали материалы для третьего тома, определились с документами, которые туда должны войти. Отличительной особенностью тома является то, что это материалы о работе разведки в то время, когда назревала угроза второй мировой войны и когда она уже началась. Третий том имеет еще более широкую документальную базу по сравнению с первым и вторым. По объему он будет больше, чем предыдущие.

В какой степени внешняя разведка органов государственной безопасности СССР сумела в предвоенный период решить свою главную задачу – проникнуть в основные структуры "третьего рейха"? Как разведка была осведомлена о подготовке Герма-

нии к нападению на СССР и почему фашистская агрессия оказалась неожиданной для Сталина?

Я думаю, что внешняя разведка уже сказала об этом свое окончательное слово и пересмотра нашей концепции не будет.

Во-первых, давайте поставим вопрос так: была ли гитлеровская агрессия внезапной для СССР? Почему Москва заявила о внезапном и вероломном нападении? А могло бы быть другое заявление со стороны Сталина и Молотова? Как же можно было сказать, что война не была для нас внезапной, мы ее ждали и готовились? Наверное, интересы политики требовали сказать так, поскольку СССР имел договор о ненападении с Германией.

Известны случаи, когда некоторые наши разведчики приезжавшие в Центр, с началом войны пытались в Москве найти правду: как же так, мы предупреждали о том, что будет война, и называли даже сроки, и вдруг все заявляют, что она началась "внезапно".

Сталин знал, что война будет, что Гитлер к ней готовится. Не только внешне-политическая разведка, но и военная разведка, и погранвойска, и территориальные органы госбезопасности докладывали об этом. Шли соответствующие материалы и по дипломатическим каналам.

Дело обстоит по-другому: Сталин знал, что нужно еще года полтора-два, чтобы закончить перевооружение Красной Армии; он верил в свою дипломатию и в то, что Гитлер, не раздалавшись с Англией, не нападет на Советский Союз.

Кроме того, хотя разведка и давала "наверх" много материалов о подготовке Гитлера к войне, мы должны быть самокритичными и признать, что от нас проскальзывала и дезинформация. Гитлер создал успешно действующие дезинформационные каналы: в ту пору у нас не было ни информационной, ни аналитической службы. Да и руководители страны не требовали от НКВД аналитической информации. Они требовали, так сказать, "свежие факты" без всякой обработки, конкретику. Что мы получали от источников информации, то и докладывали без всяких комментариев и анализа. Если предположить, что мы сопровождали бы каждое донесение источника своим анализом и комментариями и что эта аналитическая информация шла бы ежедневно, то, конечно, восприятие Сталина и Молотова могло бы быть совершенно другим.

Следует признать, что в то время искусства доклада информации не существовало, разведка не имела прямого доступа к Сталину; зная его настроения, руководители органов госбезопасности правили нашу информацию, говорили, что "надо" и что пока "не надо". Короче говоря, проблема не в том, что сообщила или не сообщила разведка о сроках нападения, вопрос о месте разведки в системе государственной власти. Разведка не была самостоятельным органом. Я не хочу сказать, что было полное невнимание к нам со стороны политбюро. Время от времени решения по разведке принимались, но их выполнение не очень хорошо контролировалось. В целом же, советские руководители накануне войны не придавали нашей Службе большого государственного значения.

На Западе нашумела книга воспоминаний бывшего заместителя начальника Иностранного отдела НКВД и начальника разведывательно-диверсионного управления НКВД-НКГБ П.А. Судоплатова "Разведка и Кремль", она и у нас получила широкую аудиторию. Судоплатов пишет, что с приходом Берии к руководству органами госбезопасности практически несколько месяцев перед началом войны от разведки вообще не поступало никакой информации. Он утверждает, что разведка не смогла справиться с поставленными задачами, в том числе из-за подозрительности Сталина, который не доверял ее сообщениям о планах Гитлера.

Такой период повторился и в 1953 г. Как и в довоенное время, разведчиков отзывали в Москву и "разбирались" с ними. Конечно, ущерб разведке в предвоенные годы был нанесен большой. Что касается книги Судоплатова, то будем исходить из того, что писал ее не он сам. Книга написана с его слов путем сбора многочисленных

материалов о КГБ и разведке. Немало сведений не соответствует действительности. Много, очевидно, было лишь задано руководством разведки, а в книге это фигурирует как уже совершившийся факт.

Я считаю, что книга интересна прежде всего тем, что она передает атмосферу, которая сложилась в органах разведки. Воспоминания Судоплатова являются хорошим материалом, чтобы на его основе историки разведки разобрались в том, что соответствует действительности, а что нет.

Разведка в предвоенный период свой долг выполнила. Она использовала все имевшиеся сведения о приготовлениях Гитлера к войне. Была масса непровержимых материалов из очень солидных источников. То, что им не было придано должного значения, – это уже от разведки не зависело: она не имела и не имеет права контроля за тем, как высшая власть распоряжается ее информацией.

Какое влияние оказали массовые репрессии на дееспособность разведки и удалось ли и в какой мере восстановить ее к началу войны?

В разведке произошло следующее: по существу, все опытные кадры и все руководящие работники в 1937–1938 гг. были репрессированы. Руководство НКВД, правительство и политбюро понимали, что в таком обескровленном состоянии разведка ничего не может сделать. Было принято решение политбюро пополнить разведку молодыми специалистами, в основном с техническим образованием. В 1938–1939 гг. был большой приток молодых людей в разведку. Молодежь никогда не состояла в оппозициях, не примыкала ни к троцкистам, ни к бухаринцам. Это был свежий материал, из которого можно было "лепить" разведчиков.

Некоторые из них успели выехать в резидентуры еще до начала войны, но большинство стало пополнять ряды разведчиков уже в ходе войны. Конечно, они не имели практического опыта, прошли ускоренную подготовку в Школе особого назначения, у них были и трудности с иностранными языками: доучивать языки им пришлось уже "на поле боя". Однако сделали они много. Недавно мы чествовали нескольких человек из этой когорты. Некоторые из них добывали секреты атомного оружия и в наше время были удостоены звания Героев Российской Федерации.

Не могли бы вы назвать несколько имен офицеров, пришедших в разведку накануне войны и блестяще проявивших себя впоследствии?

Таких имен много. Я назову Героев Российской Федерации А.А. Яцкова, который, к сожалению, недавно скончался, и ныне здравствующих А.С. Феклисова и В.Б. Барковского. Они были теми людьми, которые пришли к нам после разгрома разведки в 1938 г. и через два-три года начали активную работу за рубежом в тех странах, где разведка действовала активно – в США и Великобритании.

Как во время Великой Отечественной войны разведка выполняла свои задачи? Удавалось ли ей проникнуть в стратегические планы гитлеровского командования?

Я бы не сказал, что разведка знала все. Но по главным проблемам, которые перед ней стояли, давались правильные и своевременные ответы. Трудно, конечно, говорить о большой работе в Германии, откуда были высланы "легальные" разведчики, куда было трудно проникать с нелегальных позиций, однако работа по Германии велась и в этой стране, и через сопредельные территории, и из других стран. В частности, у нас имелась мощная агентура, приобретенная на основе неприятия фашизма, в том числе знаменитая Кэмбриджская пятерка. Были и другие источники информации по Германии. Дело в том, что наши союзники – англичане и американцы – никогда нам не сообщали полной информации по Германии, которой они располагали, и мы получали эту информацию через нашу агентуру. Во всех странах, где присутствовали советские разведчики, действовал тот же лозунг, который был общим для нашей страны: "Все для фронта, все для победы!"

В этом плане надо также сказать хорошие слова и о Судоплатове как о руководителе IV Управления НКВД-НКГБ, которое вело разведывательно-диверсионную работу на временно оккупированных территориях. Много информации о замыслах германского командования наша разведка получала от людей Судоплатова. Класси-

ческий пример – Николай Кузнецов, действовавший как германский офицер Пауль Зиберт. Кроме того, каждый крупный партизанский отряд вел разведку. Была также работа по проникновению в школы германской военной разведки – абвера. Оттуда тоже черпалась информация, перехватывались вражеские агенты. IV Управление занималось также и похищением гитлеровских офицеров и генералов, которых привозили в Москву, перехватывались секретные документы. Таким образом, разведка свой долг выполнила. Но, повторяю, мы никогда не говорим, что свой долг она выполнила полностью, это – часть от целого. Однако люди шли на риск, на смерть.

В своих мемуарах А.С. Феклисов³, работавший в то время в США, подчеркивает, что он и его коллеги знали, что их товарищи, находившиеся на фронте, каждую минуту могли погибнуть, шли на смертельный риск. Поэтому резидентура работала день и ночь, не зная отдыха и усталости, понимая, что им все-таки легче, чем тем людям, которые находились в партизанских отрядах и на фронте. Его коллега по резидентуре В.А. Лягин написал рапорт руководству разведки с просьбой послать его в тыл врага. Он работал на николаевских верфях, был захвачен гитлеровцами и расстрелян. В 1944 г. В.А. Лягину посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Вадим Алексеевич, вы были участником Великой Отечественной войны. В разведку пришли уже в послевоенное время и прошли путь от рядового сотрудника до первого заместителя начальника разведки. Вы арабист, автор книги "Из архива разведчика"⁴. Проблемы Ближнего Востока вам близки и понятны. Вы были очевидцем Суэцкого кризиса 1956 г. Не могли бы вы рассказать, как начинались эти события, кто был виновником возникновения конфликта в зоне Суэцкого канала и какова была в связи с этим позиция великих держав?

В Египте в 1952 г. была свергнута монархия короля Фарука и к власти пришли "Свободные офицеры". Душой этого революционного переворота был подполковник Г.А. Насер, который впоследствии стал президентом Египта. Он, не желая рвать традиционные связи Каира с Англией, США, Францией и другими странами Запада и опасаясь сближения с Советским Союзом, отношения Египта с которым носили формальный характер, одновременно стремился проводить независимую национальную политику. Ради этого он пошел на свержение короля, поскольку монархия уже погибла, государство не было способно противостоять Израилю, который являлся главным противником Египта. Конечно, перед Насером встала проблема создания военной экономики, получения оружия и проведения политики, отвечавшей интересам Египта.

Когда Насер обратился за военной и экономической помощью к странам Запада, то он или получал отказы, или выдвигались такие условия, которые ему не подходили. Обещания военной помощи со стороны США предусматривали установление полного контроля за этими программами со стороны Вашингтона. Так же было и тогда, когда египетский президент обратился к Западу с просьбой об оказании содействия в сооружении на Ниле высотной Асуанской плотины. Поэтому Насер все больше разочаровывался в Западе и обратился в сторону СССР.

Надо сказать, что наша разведка уловила этот интерес со стороны Насера и стала устанавливать полезные контакты. Политическая и военная разведка СССР начала активно работать в окружении Насера. Когда Насер понял, что ему Запад оружия не продаст, он обратился к нам. Встал вопрос о поставках советского оружия и направлении советских военных специалистов. Когда об этих переговорах и приезде первых военных специалистов в Египет стало известно Западу, Международный банк развития, Англия и США аннулировали свои обязательства по финансированию строительства Асуанской плотины.

³ Феклисов А.С. За океаном и на острове. М., 1994.

⁴ Кирпиченко В.А. Из архива разведчика. М., 1993.

Это было началом разрыва Египта с Западом. У Насера созрела идея национализации Суэцкого канала. Я полагаю, что с точки зрения международного права это было законно, поскольку канал строился на египетской территории. Разумеется, египетский президент отдавал себе отчет в возможных последствиях национализации канала.

Знала ли советская разведка о планах Насера? После того, как было объявлено, что Запад не будет финансировать строительство Асуанской плотины, резидентура пришла к выводу о том, что ответным шагом будет национализация Суэцкого канала. Советское руководство знало, что в повестку дня встал вопрос о национализации.

Египтяне очень хорошо подготовились к этой акции, национализацией руководил очень толковый офицер Махмуд Юнис. На замену каждого иностранца он заблаговременно подготовил египетского специалиста. Операция по подготовке кадров проводилась в тайне. Разумеется, многие египтяне уже работали на канале и заблаговременно присматривались к делам, однако утечки информации не было. В день национализации Суэцкого канала резидент КГБ В.П. Соболев, впоследствии ставший заместителем начальника внешней разведки и уже проработавший около десяти лет в Египте, сделал вывод: будет война.

С этого времени мы активизировали сбор информации из западных посольств, от египтян о подготовке на случай войны. Повторяю, для советского руководства никакой неожиданности здесь не было. Другой вопрос: как следовало реагировать на это событие, как помочь Египту? У советского руководства имелось время подумать об этом.

При национализации канала у египтян не хватило опытных лоцманов, поскольку они почти все были иностранцы, и тогда из Советского Союза отправилось несколько десятков специалистов этого профиля. Были также приглашены лоцманы из других дружественных Египту стран.

Можно ли утверждать, что с этого времени зародилась советско-египетская дружба?

У меня на сей счет есть своя точка отсчета. Это визит в Египет в мае 1956 г. секретаря ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР Д.Т. Шепилова. Шепилов имел задачей специально разъяснить Насеру, что мы готовы помочь Египту в становлении подлинной независимости. Во время бесед с президентом Египта были обговорены, пока еще не совсем конкретно, вопросы советской помощи в сооружении Асуанской плотины, направления военных специалистов, продажи оружия. Как теперь говорят, после этого визита СССР взял курс на стратегическое партнерство с Египтом. Быстро стали развиваться экономические отношения и военно-техническое сотрудничество.

В ответ на национализацию Суэцкого канала Израиль ввел в зону канала войска. Израиль поддержали Англия и Франция. Какова была реакция советского руководства на военную акцию этих трех стран 30–31 октября 1956 г. в зоне Суэцкого канала?

Конечно, ввод войск Англии, Франции и Израиля не был неожиданностью для советского руководства. Встал вопрос об оказании военной помощи Египту. Несколько дней ушло у советского руководства на размышления.

Резидентура регулярно докладывала информацию в Москву. 4 ноября 1956 г. мы направили советскому руководству телеграмму о том, что больше 24 часов Насер не продержится, поскольку Египет не располагает необходимыми ресурсами и не имеет возможности противостоять трем мощным в военном отношении державам. В документе содержался вывод, что без помощи Советского Союза поражение Египта станет неизбежным. Такая же информация была направлена в Москву и послом СССР Е.Д. Киселевым. После этого и прозвучал знаменитый "ультиматум Булганина" Англии и Франции, в котором давалось ясно понять, что СССР окажет Египту военную помощь.

Советским Союзом проводилась демонстрация силы: маневры войск Закавказского военного округа, учения Черноморского флота, учения войск Варшавского договора в

Болгарии. Была организована запись добровольцев в помощь Египту, причем, что интересно, она не была инспирирована сверху.

Проросли зерна советско-египетской дружбы, Египет воспринимался в СССР как жертва агрессии. Разумеется, западные спецслужбы знали об этих настроениях.

Кроме того, агрессия не вызвала одобрения в третьем мире. Англия, Франция и Израиль поняли, что если они одержат военную победу, то в политическом плане она обернется поражением, поскольку перед всем миром они предстали как агрессоры. Это вынудило Париж, Лондон и Тель-Авив отступить.

Что же касается США, то они лучше просчитали политическую ситуацию и воздержались от прямого вмешательства, а вскоре начали решительно теснить позиции Англии и Франции в арабском мире.

Тройственная агрессия дала импульс к быстрому распаду колониальных империй, подъему национально-освободительного движения. Одновременно США постарались заполнить возникший вакуум в экономической, политической и военной сферах.

Какова была реакция Лондона и Парижа на ноту главы советского правительства Н.А. Булганина, в которой выражалась готовность Советского Союза применить против них такое оружие, которым они не располагают? Как быстро они на это прореагировали?

Они прореагировали сразу, восприняв этот ультиматум как решимость Н.С. Хрущева начать против них военные действия. Это увязывалось с венгерскими событиями: выступая против Насера, державы Запада одновременно оказывали поддержку оппозиционным силам в Венгрии. Они, несомненно, решили нанести удар одновременно в двух местах, однако были вынуждены серьезно отнестись к ультиматуму и отступили.

Много лет спустя, незадолго до своей смерти, непосредственный участник этих событий Шепилов вспоминал, что Хрущев решительно выступал за оказание военной помощи Египту. Может быть, это не было единодушным мнением и окончательным решением президиума ЦК КПСС, однако у самого Хрущева решимости воевать было хоть отбавляй.

Какие меры были предприняты Москвой в отношении Израиля?

Советский Союз отозвал своего посла из Тель-Авива и дал понять, что предпримет и другие "адекватные меры". Это был недвусмысленный сигнал всем участникам тройственной агрессии о том, что СССР настроен решительно. Разумеется, позиция СССР сыграла важную роль.

Можно ли считать, что тройственная агрессия против Египта показала, что Запад выступает против всего арабского мира, и это послужило одной из причин краха Багдадского пакта?

Можно, поскольку не только наступил крах Багдадского пакта, но и началась эра ускоренной деколонизации. Сразу рассыпалась вся колониальная система Запада. В 1959 г. была провозглашена независимость Ганы, через год от ига колониализма освободилась Гвинея. 1960 г. стал годом независимости Африки. Произошло изменение политической карты мира. Суэцкая авантюра, конечно же, была попыткой задержать процесс распада колониальной системы.

Вскоре после этого министры иностранных дел Франции и Англии Пино и Селенг-Ллойд заявили, что это была непродуманная акция, то есть самокритично признали свои ошибки. Так что это был большой политический просчет западных держав, последняя их попытка сохранить сферы влияния, сохранить колониальный мир.

Как на ваш взгляд, усилились ли в Египте симпатии в отношении Советского Союза и его авторитет в странах третьего мира после вывода иностранных войск из зоны Суэцкого канала?

Не только повысился авторитет и усилились позиции, но и возникло чувство глубокой благодарности и даже любви к советским людям. Было народное ликование. Восторженная толпа даже подняла мою автомашину, пронесла ее на руках метров

десять. Как потом комментировали западные политологи, оказание решительной поддержки Насеру в отражении тройственной агрессии, поставки советского оружия и другие шаги позволили Советскому Союзу укрепить свое влияние на Ближнем и Среднем Востоке. С тех пор Египет рассматривался как противник Запада и союзник СССР.

Конечно, у египтян были и иждевенческие настроения, египетские политические деятели считали, что возможности Советского Союза безграничны, и удивлялись, когда мы не могли удовлетворять всех их appetитов. У нас были и несовпадения политических оценок, например, в вопросе об отношении к коммунистам на Ближнем Востоке. Это был постоянный пункт противоречий: мы выступали за то, чтобы коммунисты имели право участвовать в общественной жизни, а Насер был решительным антикоммунистом. Но он все же понял, что египетские коммунисты не его враги, а скорее союзники. Противоречий возникало у нас много, но основа нашей дружбы и сотрудничества никогда не размывалась. Курс на свертывание отношений с СССР начался только после смерти Насера и прихода к власти А. Садата.

Какова была роль внешней разведки в тот период и насколько ее информация была востребована высшим политическим руководством страны?

Все время из Центра нам шли указания на получение новых сведений. Направление Шепилова в Египет было свидетельством интереса Кремля к событиям в этой стране. Надо сказать, что мы и военные разведчики оказались значительно впереди наших дипломатов. Я не люблю подчеркивать наше преимущество, возможно, в некоторых странах дипломаты дают более глубокие оценки перспектив развития отношений, но в Египте сложилась именно такая ситуация. Прежний посол Е.Д. Киселев, учитывая антикоммунизм Насера, не понимал, что насеровский национализм может быть нашим союзником.

Имея довольно большие связи при дворе короля Фарука и в его правительстве, наши дипломаты не имели важных контактов среди окружения Насера. Они не могли предложить экономическую помощь Египту, не говоря уже о военной. То, что Насер и его соратники могут стать союзниками СССР, первыми почувствовали военные разведчики и мы. У меня лично было несколько хороших знакомых из ближайшего окружения президента, были такие связи и у моих коллег. Поэтому мы первыми заговорили о том, что с Насером надо дружить, что он может быть нашим потенциальным союзником.

В 1956 г. Министр иностранных дел СССР Шепилов, выступая перед советским дипломатическим активом, подробно рассказал, какая острая закулисная борьба у нас велась вокруг Египта. При этом он упомянул ваше имя...

Тогда на этом совещании Шепилов сказал: "Вот, смотрите, как получается: посол контактов в окружении Насера не имеет, а какой-то начинающий дипломат, атташе, организовал мою встречу с Насером и оказался в курсе событий". После этого мне сразу присвоили ранг второго секретаря.

Эту встречу я организовал через одну "близкую связь". Этот человек был вхож к Насеру, он и устроил прием президентом Шепилова. Можно сказать, что Шепилов прорубил окно в Египет. Разведка просто отслеживала тенденции, сообщила, что Египет нуждается в союзнике и смотрит в сторону нашей страны. Этой информацией пользовался Шепилов, причем я говорю только об информации из Египта, но она поступала и из других стран. В это время еще действовала знаменитая Кэмбриджская пятерка, которая исследовала отношения Англии, Франции и США к новому руководству Египта. Я думаю, что информация нашей резидентуры была основной, но и из Англии также поступали сведения, позволившие советскому руководству предпринять решительные шаги.

Можно ли сказать, что внешняя разведка успешно справилась со своими задачами и внесла вклад в развитие советско-египетских отношений?

Несомненно. У нас после Суэцкого кризиса установились партнерские отношения с египтянами по линии органов безопасности и я представлял интересы нашей Службы.

Советские специалисты успешно построили и Асуанскую плотину, и другие объекты. В этом развивающемся сотрудничестве есть и вклад разведки.

Уважаемый Вадим Алексеевич, благодарим вас за интервью.

Разрешите мне, в свою очередь, выразить благодарность журналу "Новая и новейшая история" за внимание к истории разведки. Мои коллеги и я с интересом читаем ваши публикации по этой теме.

Предлагаю читателям ознакомиться с некоторыми уникальными архивными документами, которые свидетельствуют о начале подготовки нацистской агрессии против СССР с лета 1940 г.

Интервью провели
В.Л. ПЕЩЕРСКИЙ, В.Н. КАРПОВ

**НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ
ИЗ АРХИВОВ СВР И ФСБ РОССИИ
О ПОДГОТОВКЕ ГЕРМАНИЕЙ
ВОЙНЫ С СССР 1940–1941 гг.**

Документ № 1¹

СССР
Народный Комиссариат
внутренних дел
15 июля 1940 г.
№ 2848, 6
г. Москва

Сов. секретно

Народному комиссару обороны СССР
Маршалу Советского Союза
товарищу Тимошенко

По данным закордонной агентуры пограничных войск Белорусского округа, с 1 по 7 июля с.г. в г. Варшаву и его окрестности прибыло семь дивизий немецких войск. Прибывшие войска заняли все казармы и часть учреждений г. Варшавы. Кроме того, части войск отмечены в: Новый Двор, Рембертув, Гродиск, Корчев и других пунктах в радиусе 60 километров от Варшавы.

Вокруг Варшавы производятся фортификационные работы. На шоссежных дорогах сооружаются противотанковые препятствия.

В связи с передвижением войск, с 5 по 7 июля было приостановлено пассажирское движение на линии Варшава – Люблин.

Пехота, артиллерия и танки из Люблина (80 километров от нашей границы) направляются в сторону советской границы походным порядком.

По данным закордонной агентуры 88 и 89 пограничных отрядов, против участка этих отрядов немецкая пограничная полиция снимается с охраны границы и отводится в тыл. Охрану границы несут полевые части германской армии.

По данным закордонной агентуры пограничных войск Украинской ССР, отмечается прибытие в пограничную полосу в направлении гор. Перемышль германских пехотных и танковых частей и переброска войск из этого района в северном направлении.

¹ В документах №№ 1–4, подготовленных летом и осенью 1940 г. сотрудниками управлений Народного комиссариата внутренних дел (НКВД), пограничных войск, внешней разведки, главного транспортного управления (ГТУ), отмечается начавшаяся концентрация германских войск на оккупированной нацистами польской территории и их движение в направлении советской границы. Перемещение частей вермахта сопровождалось работами по их обустройству на новых местах дислокации. Разведка информировала также и о деятельности украинских националистов.

Среди разведывательных данных встречаются элементы дезинформации: сообщается о том, что Германия осуществит нападение на СССР после разгрома Великобритании. Внешняя разведка в то время еще не располагала возможностями распознать дезинформацию и исключить ее из своих сообщений.

Указанные в документах населенные пункты находятся на польской территории, оккупированной в сентябре 1939 г. Германией.

Архив Службы внешней разведки России (далее – Архив СВР), д. 21616, т. 1, л. 272–273; 295–296; т. 2, с. 153–155; 167–169.

За последнее время отмечены вновь прибывшие части германской армии:
в г. Кросно (65 км юго-восточнее Перемышль) – пять пехотных полков №№ 647, 289, 134, 438 и 36;
в г. Ярослав (20 км севернее Перемышль) – 39 пехотный и 116 артиллерийский полки;
в г. Жешув (60 км северо-западнее Перемышль) – 129 пехотный, зенитный и артиллерийский полки;
в г. Пшеворск (40 км северо-западнее Перемышль) – 192 пехотный, 44 тяжело-артиллерийский полки и 16 отдельный станково-пулеметный батальон.

7.VI.1940 года в г. Ярослав прибыло три эшелона немецких войск с 70 танками.

Отмечено прибытие танковой части в г. Люблин (100 км юго-западнее Брест-Литовск).

11.VII.1940 года в г. Лапцут (45 км северо-западнее Перемышль) расположен штаб в составе трех генералов и 30 офицеров неустановленного соединения.

Продолжаются работы по строительству укреплений: против участка 98 пограничного отряда в районе Серебрипа, Бердице, Дубенка, Холм (45–60 км северо-западнее Владимир–Волынский) строятся огневые точки. Против участка 91 пограничного отряда в районе Цешанун-Дзыкув (85 км северо-западнее Львов) производились работы по отрывке окопов и установке проволочных заграждений.

Против участка 92 пограничного отряда, в районах Жешув-Пшеворск, Яворник-Польский, Дынув (35–40 км северо-западнее Перемышль) производится отрывка окопов и устанавливаются мины. На работах занято около 2500 солдат и несколько экскаваторов.

В различных местах пограничной полосы производится ремонт шоссежных дорог.

Разослано:
т. Сталину
т. Молотову
т. Ворошилову
т. Тимошенко

Народный комиссар внутренних дел
Союза ССР
Л. Берия

Документ № 2

СССР
Народный Комиссариат
Внутренних дел
27 июля 1940 г.
№ 5/10089
г. Москва

Сов. секретно
Начальнику 5 Управления Красной Армии
генерал-лейтенанту
тов. Голикову²

Нами из Братиславы получены сведения о некоторых мероприятиях немцев в Словакии, которые заслуживают нашего внимания:

Недавно в каждый полк словацкой армии был направлен немецкий инструктор. В каждом полку имеется немецкая часть, численностью до батальона, в составе которого находятся исключительно словацкие немцы.

Все немцы, которые когда-то проживали в Словакии, по приказу из Берлина должны прибыть в Словакию не позднее августа месяца.

В некоторых городах Словакии (Прешов) – появилось много молодых немецких офицеров.

² Ф.И. Голиков – заместитель начальника Генштаба Красной Армии (ГШ РККА). Начальник разведывательного управления ГШ РККА.

Немцы учли наличие бензина в Словакии на 30.VI.40 года и предложили словацкому правительству иметь полными горючего все бензохранилища и бензоколонки.

В районе Вучи Врх (Белые Карпаты) немцы проводят весьма секретные фортификационные работы, на которых заняты исключительно немцы в количестве около 2000 человек.

В районе Линтово, около св. Петра (Восточная Словакия) – построен крупный аэродром.

В середине июня м-ца из Германии на Зволин прошли два поезда, груженные танками. Один из поездов остановился в Крупине, второй на южной границе Центральной Словакии.

Через Люнденбург в Словакию в начале июля м-ца прибыло несколько десятков поездов с германскими военными частями и аммуницией.

В Вену из Франции в начале июля с/г прибыли две германские моторизованных дивизии, каждая из которых имеет до 8000 моторов (автомобили и мотоциклы).

В Плавецки Подгарды (близ Синицы) прибыли воинские части из Франции, а находившиеся тут ранее части были переброшены в Ю-В часть б. Польши.

В Словакию прибыло около 200 агентов гестапо с заданием очистить Словакию от русофильски настроенных элементов [главным] о[бразом] от панславистов. В первую очередь эти мероприятия будут проведены в правительственных учреждениях Словакии.

В последнее время в армии Словакии проведены аресты лиц по обвинению в панславистской пропаганде. Капитан ВИЦ был арестован за то, что после капитуляции Франции заявил: "немецкие успехи во Франции – чепуха! Все равно в конце войны победят русские, а значит и мы!".

Прошу дать оценку³.

Начальник V Отдела ГУГБ НКВД СССР
Фитин

Документ № 3

СССР
Народный Комиссариат
внутренних дел
17 сентября 1940 г.
№ 16/42879

Сов. секретно
и[сполняющему] д[ела] Начальника
Информационного Отдела Разведыват.
Управления Генштаба Красной Армии
Полковнику тов. Пугачеву

Препровождается информационно-разведывательная сводка по Германии, по состоянию на 16/IX–1940 г.

Оценку материалам прошу выслать в ГТУ НКВД.

Приложение: По тексту.

Зам. нач. I Отдела ГТУ НКВД СССР
Капитан государственной безопасности
Бененсон

³ Вписано рукой М.П. Фитина. Фитин – начальник иностранного отдела Главного управления госбезопасности (ГУГБ); он возглавлял внешнюю разведку с 1939 по 1946 г.

Главное
транспортное управление
16 сентября 1940 г.

СПЕЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ
Информационно-разведывательная сводка
(по Германии)
по состоянию на 16/IX-1940 г.

По сообщениям заагентуры ДТО⁴ НКВД Львовской жел. дор. в 15-ти км западнее станции Журавицы, вдоль границы СССР, немцами производится строительство малых укрепленных точек, состоящих из окопов с пулеметными гнездами. Эта линия укреплений немцами маскируется, работы производятся только в ночное время и в зону строительства без специальных пропусков никто не допускается.

Наряду с этим усиленно сооружаются крупные бетонные укрепления и проволочные заграждения вблизи г.г. Ярослава и Ржешева. На ст. Ярослав в большом количестве прибывают и разгружаются строительные материалы (камень, железо, лес), а также воинские соединения, танки, снаряды и мины. Для сооружения укреплений мобилизовано местное крестьянское население, начиная с 14-ти летнего возраста и переброшены строительные рабочие, занятые на развитии ст. Журавицы.

В г. Радымно расквартировано около 2-х полков германских войск, в числе которых имеются пехотные, артиллерийские, танковые и пулеметные соединения. Эти войска размещены в 5-ти казармах, вблизи железнодорожной станции.

2 сентября на ст. Журавицы прибыли и разгружались шесть эшелонов с войсками. Из числа прибывших войск многие ведут агитацию среди местного украинского населения, о необходимости вступления украинцев в германскую армию для борьбы за создание "Самостийной Украины". По селам генерал-губернаторства разъезжают и агитаторы из числа украинских националистов, которые проводят активную работу по созданию украинских националистических организаций под лозунгом борьбы с Советским Союзом, за создание "Самостийной Украины".

От агентуры продолжают поступать сообщения о формировании немцами украинских националистических полков, причем среди них проводится агитация, что по окончании войны с Англией они будут использованы в военных действиях против СССР для создания "Самостийной Украины".

Зам. начальника I Отдела ГТУ НКВД
Капитан государственной безопасности
Бененсон

Документ № 4

НКВД СССР
Главное
Транспортное управление
1 октября 1940 г.

Совершенно секретно
СПЕЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ
Информационно-разведывательная сводка
(по Германии)
по состоянию на 1-е октября 40 г.

По сообщению заагентуры ДТО НКВД Львовской, Белостокской и Брестской жел. дорог с 14 по 22 августа с.г. по жел. дороге через Варшаву, в сторону границы СССР проследовало большое количество германских войск, примерно до 30 воинских эшелонов в день. Пассажирское движение в эти дни было отменено. Во время этих перевозок хождение лиц по городу прекращалось с 10 часов вечера до 6 часов утра.

⁴ Дорожно-транспортный отдел.

Германские войска также прибывают в район ст. Тересполь. С 1-го августа в Тересполь прибыло 20 воинских транспортов с французского фронта, из них: 1 эшелон тяжелой и 3 с легкой артиллерией, 3 с противотанковыми пушками, 5 с тяжелыми автомашинами, 5 эшелонов кавалерии и 3 с обозным имуществом. Прибывшие войска расположились в имении Корошинского, что в пяти километрах от ст. Тересполь. Штаб прибывших германских войск разместился в м. Тересполь в здании школы. Прибывшие германские солдаты говорят: "как только покончим с Англией, пойдем на Россию".

Концентрация немецких войск отмечается на юг от гор. Бреста и от Острова-Мозовецкого на север: В Бельском, Луковском, Седлецом и Яновском, а также Сувальском уездах. Войска преимущественно состоят из специальных частей: саперные, части связи и жандармерии. Севернее города Холм расположены танковые бригады, артиллерия и моторизованная пехота.

Западнее ст. Малкино в лесу немцы в августе месяце построили большое количество барачков, в которых разместились прибывшие туда воинские части.

В имении помещика Лобочева расквартировалась кавалерийская часть (наименование части не установлено).

На ст. ст. Перемышль и Журавица в ночное время продолжают прибывать германские воинские части, в связи с чем немцы издали приказ, запрещающий гражданскому населению выходить на улицу после 10 часов вечера.

В 4–5 километрах к западу от Варшавы в военном городке Окентья немцы восстановили разрушенный бомбардировкой во время германо-польской войны военный аэродром, построили на нем ангары и бомбоубежище. С этого аэродрома ежедневно поднимается по 100–150 самолетов, где обучаются летному делу молодые летчики.

От военного городка Окентья в восточном направлении немцами поспешно строится бетонированный шоссе́нный тракт шириной в 20 метров.

В 8 километрах от ст. Тересполь находится немецкий аэродром и второй аэродром расположен в Белой Подляске, что в 30 клм. от ст. Тересполь.

Кроме этого, в местечке Дубецко недалеко от ст. Журавица также расположен аэродром, на котором сосредоточено большое количество немецких военных самолетов.

Наряду с передвижением войск в сторону Советской границы от закагентуры продолжают поступать данные о строительстве немцами укреплений по Сов. границе. На одной из возвышенностей в районе Перемышля на месте старой крепости немцы выстроили железобетонную укрепленную точку. Такие укрепления немцы строят по всей границе, причем строительство идет исключительно в ночное время.

Вблизи города Ярослав немцы начиная с 15-го августа поспешно строят блиндажи, на грузовиках подвозят к границе листовое гофрированное железо толщиной 2–2,5 сантиметра.

16-го сентября с.г. немецкие власти оповестили все население гор. Перемышль о том, чтобы никто ночью из домов не выходил под страхом расстрела. Наш закагент высказал предположение, что в эту ночь немцы возили вооружения и боеприпасы в укрепленные точки, расположенные вблизи границы СССР.

Центральные отделы гестапо в Варшаве расположены в 3-х местах: 1) по ул. Малая Шука (быв. наивысшая изба контроля), 2) по ул. Вейска в здании бывш. сейма и 3) по ул. Краковское предместье в бывш. университете им. Пилсудского.

От закагентуры продолжают также поступать сообщения о формировании немцами антисоветских формирований из среды поляков, украинцев и белорусов.

В гор. Варшаве организованы комитеты белорусов и украинцев. Эти комитеты ставят перед собой задачу "создать независимые Белорусское и Украинское государства". Немцы также создали из украинской молодежи военную организацию под названием "ГСУ" (гитлеровская самостийная Украина).

Документ № 5⁵

Совершенно секретно

СООБЩЕНИЕ НКГБ СССР В НКО СССР

от 31 марта 1941 г.

По имеющимся у нас данным, начиная с декабря 1940 г. до настоящего времени отмечается усиленное продвижение немецких войск к нашей границе.

1. Из Гумбинена по направлению к Штальюпенену с 28 февраля с.г. по 3 марта проследовало 11–12 эшелонов с саперами и пехотой.

2. В Комарово прибыл и расквартировался 316-й полк.

3. В Остров прибыл и расквартировался 48-й противотанковый полк.

Много войск немецкой армии сосредоточено в деревнях между городами Островом и Остроленка.

4. В последних числах декабря 1940 г. 525-й артиллерийский полк передвигался со стороны г. Сандожежа через Островец.

5. 9 марта 1941 г. к д. Корощин Бяла-Подлясского уезда прибыл и расквартировался пехотный полк под № 584. В этой же деревне размещается конно-пулеметная команда. На погонах офицеров и солдат конно-пулеметной команды имеется № 17 (численность полка и команды неизвестна).

6. 21 марта с.г. в Соколов прибыла пехотная часть численностью до 1000 человек.

7. Того же числа в Седлец прибыло 3 эшелона с боеприпасами и до 5000 солдат пехоты и артиллерии.

8. В первых числах февраля с.г. на ст. Туросель прибыло 500 человек новобранцев-немцев якобы для пополнения 18-го пехотного полка, штаб которого дислоцируется в Мышинце. Прибывшие разместились в бараках в г. Туросель в урочище Подгурнэ.

9. 7 марта в Сувалки прибыли немецкие части.

10. 17 февраля на ст. Плятерово на 8 автодрезинах прибыло около 100 немецких офицеров.

6 марта на ту же станцию прибыло пассажирским поездом около 300 немецких солдат с винтовками, противогАЗами и ранцами. До прибытия этого поезда на станции находилось около 200 немецких солдат в полном вооружении, последними производилась выгрузка 10 товарных вагонов военного имущества, которое на автомашинах и подводах перевозилось в направлении нашей границы.

11. В конце февраля и начале марта с.г. большое количество немецких войск подошло к нашей границе и расквартировалось в приграничных деревнях (район ст. Плятерово). В Плятерово все школы закрыты и заселены прибывшими немецкими солдатами. Такое же положение отмечено и в районе Острова.

---

⁵ В начале 1941 г. внешняя разведка была реорганизована и подчинена Народному комиссариату государственной безопасности (НКГБ). V (разведывательный) отдел главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД в феврале 1941 г. был преобразован в I управление НКГБ.

В документах №№ 5–8, подготовленных в марте–июне 1941 г., отмечается, что в это время увеличилась концентрация германских войск на границе с СССР. Нацисты осуществляли комплексные мероприятия по подготовке вермахта к ведению боевых действий против СССР. В целях маскировки отдельным видам подготовительных работ придавался якобы "оборонительный" характер. Значительно возросла активность германской разведки в приграничной полосе.

Архив СВР, д. 21616, т. 4, л. 13–18; д. 21616, т. 2, л. 149–150.

Центральный Архив ФСБ, ф. 1 ос., оп. 10, п. 9, л. 92–93; ф. 3 ос., оп. 8, п. 9, л. 87–89.

12. На ст. Малкия наблюдался приезд группами по 10–15 немецких офицеров и 20–30 военных летчиков.

1 марта на двух грузовых автомашинах со стороны Варшавы в Малкия прибыло около 50 немецких солдат и 2 легковые машины с командным составом немецкой армии.

13. В Клайпеду 13–14 марта прибыла моточасть, артиллерийская и подводная⁶ части немецкой армии.

21 марта в порт Клайпеда прибыло три неразгруженных корабля.

14. 21 марта отмечено движение воинских эшелонов с частями немецкой армии через Варшаву в направлении Соколов, Седлец, Замостье.

15. В Варшаву прибыло большое количество самолетов. Подвозятся авиабомбы, последние сгружаются в районе Беланы.

Прибытие эшелонов с боеприпасами отмечено также в Соколове. Часть боеприпасов из Соколова направляется в сторону Яблонь и Стердынь.

Перевозимые в военных эшелонах танки, орудия и автомашины окрашены в белый цвет.

В ночное время движение поездов увеличивалось, причем все идущие поезда затемнены.

В связи с передвижением немецких войск в Варшаве несколько раз задерживалось городское движение транспорта и пешеходов. Преимущественно двигались бронетанковые части и пехота на автомобилях.

За последнее время в Варшаве очень много встречается военных в возрасте 17–18 лет, из которых много летчиков и выпускников юнкерских училищ.

16. В феврале 1941 г. на собственной территории Германии и Восточной Пруссии проводилась очередная мобилизация запасников в возрасте от 16 до 60 лет в немецкую армию.

17. На территории всей Сувальской области проводится расширение существующих шоссе до ширины шоссе Восточной Пруссии, работа проводится от Восточной Пруссии к границе СССР. Расширение дорог проводится ускоренным темпом.

18. Саперами немецкой армии усиленно ремонтируются дороги в направлении Соколов-Стердынь, Соколов-Яблонь, Венгров-Соколов, Седлец-Соколов. К работам также привлечено местное население.

19. В приграничных пунктах генерал-губернаторства против Брестской области германскими властями предложено освободить все школы и дополнительно подготовить помещения для прибытия ожидаемых воинских частей немецкой армии.

20. По всем деревням в приграничной полосе германские власти берут на учет у крестьян весь скот, клеймят его, после чего убой и продажа скота могут быть разрешены только с ведома властей.

21. За последнее время выявлено месторасположение немецких войск в следующих местах:

около восточной стороны шоссе, идущей из д. Залесье на ст. Хотылово, в лесу в деревянных бараках размещаются бронетанковые части и части тяжелой и легкой артиллерии;

в м. Тересполь в зданиях бывших школ в настоящее время расквартирован кавалерийский полк;

в г. Бяла-Подляска размещаются авиационные, артиллерийские и пехотные части. Номера частей и количество солдат не установлено;

в Островце на площади лесного склада, против вагоноремонтного завода в пяти больших новостроенных бараках размещены немецкие солдаты. Вблизи барakov имеется продовольственный склад. В окрестностях д. Островец прибывающие немецкие воинские части размещаются в школах и других помещениях;

⁶ Имеется в виду гужевой транспорт.

в Варшаве по ул. Черняковской против стадиона размещается конный полк СС. Против казарм 1-го полка бывших польских швалежоров размещается 8-й конный полк СС;

в доме № 57 по ул. Ерусалимской размещается фронтное управление, так называемое фронтдинштелле. На этой же улице в доме № 75 помещается АНБ, то есть малое фронтное управление;

по ул. Белведерской в бывшем общежитии академичек и по ул. Мысливецкой в помещении бывших польских казарм расположены воинские части. Солдаты этих частей все пожилого возраста;

по ул. Колинковской расположен 4-й батальон пехоты;

авиационные части в Варшаве расположены в окрестности аэродромов Мокотова и Окенцы;

по пути из Варшавы возле ст. Сулиховск, что в 24 км от Варшавы в сторону Минск-Мазовецкий, имеются блиндажи, замаскированные входы в подземелье, а также противотанковые укрепления. Последние устроены из рельс по 8 штук вместе высотой около метра. Противотанковые укрепления имеются по обеим сторонам железной дороги;

в 50–60 км от западной стороны шоссеиной дороги, идущей от ст. Хотылова на д. Залестье, на самом стыке с шоссеиной дорогой Тересполь – Бяла-Подляска расположены бензиновая база и склады боеприпасов, куда со ст. Хотылова в большом количестве на грузовых автомашинах подвозится бензин;

на расстоянии 1 км от северо-восточной стороны железнодорожной станции Бяла-Подляска на ровном месте немцами строится военный аэродром, площадь которого равняется 5 кв.км. На аэродроме выстроен один ангар и достраивается какое-то большое здание. Около ангара стоят одномоторные и двухмоторные самолеты-истребители в количестве 6–7 штук. На строительстве аэродрома работает большое количество солдат бывшей польской армии.

Начальник I-го Управления НКГБ Союза ССР⁷

Документ № 6

Совершенно секретно

СООБЩЕНИЕ НКГБ СССР В НКО СССР

от 9 апреля 1941 г.

В настоящее время отмечается передвижение крупных соединений немецких войск по направлению к советской границе.

Воинские части сосредоточиваются в направлении Люблина, Перемышля и (в Восточной) Пруссии, где, по данным, требующим проверки, имеется уже около 30 дивизий.

В район Томашов-Замостье прибыли 4-я пехотная дивизия, танковая часть, полк корпусной артиллерии, бронепоезд с замаскированными соломой площадками, груженными танками, пушками и пулеметами, и пять тысяч солдат нового пополнения.

В район г. Холм прибыла пехотная часть численностью до одной дивизии; в Люблин – 26-й артиллерийский полк и 64-й мотомехполк; в район Соколова – 208-я пехотная дивизия; в местечко Радзин – штаб 40-й пехотной дивизии; в Хешув – два эшелона кавалерии, артиллерия и танки.

По непроверенным данным, на аэродроме Свидники имеется до 500 самолетов.

⁷ М.П. Фитин.

В Ярослав прибыли пехотная часть, самокатчики и кавалерийское подразделение численностью до 800 человек. Ежедневно в сторону Ярослава-Дынув проходит 6–8 воинских эшелонов.

В Перемышль прибыл батальон пехоты; на станцию Избица – эшелон в составе 30 вагонов с тяжелыми и легкими танками и 10 гаубицами.

Передвижение и скопление войск отмечено также в районах: Красново, Санок, Рыманов, Розвадов и Журавицы. Вместе с переброской войск производится усиленный подвоз боеприпасов, строительство укреплений, аэродромов и дорог.

На ст. Белжец прибыло 100 вагонов с боеприпасами и амуницией, которые затем были направлены на склады урочища Домброво, Колбушева и Глогува.

На военные склады, расположенные в лесу, в 3 километрах от станции Избица, и в Лабунском лесу, подвозка боеприпасов ведется автотранспортом круглые сутки.

Форсируется строительство укреплений на линии Варшава–Модлин и по реке Буг, а также аэродромов в районах Ясенка, Лабуны, Дуб и Клименсов – у сахарного завода.

Строятся шоссейные дороги Холм–Дорогуск, Замостье–Томашов, Тышовцы–Лашев.

В окрестностях Радома немцы предложили выехать всем жителям из 168 деревень, где якобы строится 3-я линия укреплений против советско-германской границы. Из Пोलка выселены все поляки.

Варшавское городское управление отдало секретный приказ о приведении в порядок всех бомбоубежищ.

Вдоль границы с Литовской ССР немцы очистили 25-километровую зону, где, по непроверенным данным, создан укрепленный район. Устанавливаются доты, привезенные с "линии Мажино".

С 8 марта по Брестскому шоссе по ночам к советской границе ежедневно идут крупные войсковые соединения и много кавалерии.

Концентрация немецких войск замечена в местечке Соколов.

Кроме того, отмечается передвижение немецких войск в Румынии. Из Констанцы в г. Бабадаг (в 40 км от советской границы) прибыло большое количество войск, которые расположились в лесу около города.

В то же время отмечено убытие некоторых воинских частей: из Холма – 23-го артиллерийского полка, из Замостья – 209-й пехотной дивизии (отправлены якобы в Болгарию) и из Радымно – 146-го саперного полка с артдивизионом.

В связи с большими перебросками немецких войск, боеприпасов и строительных материалов с января наблюдается значительное сокращение и нарушение пассажирского движения в восточном направлении. Пассажирские поезда следуют с большим опозданием, ожидая пропуска порожняка с востока.

Начальник I-го Управления НКГБ Союза ССР

Документ № 7

Совершенно секретно

СООБЩЕНИЕ НКВД СССР В ЦК ВКП(б) И СНК СССР

от 2 июня 1941 г.

Пограничными отрядами НКВД Белорусской, Украинской и Молдавской ССР добыты следующие сведения о военных мероприятиях немцев вблизи границы с СССР.

В районах Томашов и Лежайск сосредоточиваются две армейские группы. В этих районах выявлены штабы двух армий: штаб 16 армии в м. Улянув, 85 километров юго-западнее Люблина и штаб армии – в фл. Ульсеж (45 км юго-западнее Владимира-Болынского), командующим которой является генерал Райхенау (требует уточнения).

25 мая из Варшавы в направлении Люблин–Холм и Люблин–Замостье–Грубешов отмечена переброска войск всех родов. Передвижение войск происходит в основном ночью.

17 мая в Тересполь прибыла группа летчиков, а на аэродром в Воскшенице (вблизи Тересполя) было доставлено сто бомбардировщиков.

25 апреля из Болгарии в Восточную Пруссию прибыла 35 пехотная дивизия.

В мае месяце отмечено инспектирование частей германских войск в Восточной Пруссии и на территории генерал-губернаторства и рекогносцировка в пограничной полосе высшими чинами германской армии.

5–7 мая Гитлер в сопровождении Геринга и Реддера присутствовал на маневрах германского флота в Балтийском море, в районе Готтенгафен (Гдыня). В средних числах мая Гитлер прибыл в Варшаву в сопровождении шести высших офицеров германской армии и с 22 мая начал инспектирование войск в Восточной Пруссии.

Генералы германской армии производят рекогносцировки вблизи границы: 11 мая генерал Райхенау – в районе м. Ульгувек (27 км восточнее Томашова и 9 км от линии границы); 18 мая генерал с группой офицеров – в районе Белжец (7 км юго-западнее Томашова, вблизи границы) и 23 мая генерал с группой офицеров производил рекогносцировку и осмотр военных сооружений в районе Радымно.

Во многих пунктах вблизи границы сосредоточены понтоны, брезентовые и надувные лодки. Наибольшее количество их отмечено на направлениях на Брест и Львов.

Продолжаются работы по устройству оборонительных сооружений вблизи границы, главным образом в ночное время.

Отпуска военнослужащим из частей германской армии запрещены.

Кроме того, получены сведения о переброске германских войск из Будапешта и Бухареста в направлении границ с СССР в районы: Воловец (Венгрия) и Сучава – Ботошаны (Румыния).

Начальник I-го Управления НКВД СССР

Документ № 8

Совершенно секретно

СООБЩЕНИЕ НКВД СССР В ЦК ВКП(б), СНК СССР и НКВД СССР от 12 июня 1941 г.

По границе с Германией с 28 сентября 1939 г. по 16 октября 1940 года, т.е. за год после принятия под охрану границы СССР с Германией нашими пограничными войсками, со стороны Германии нарушили нашу границу 120 самолетов.

За прошедшие после октября 1940 года около 8 месяцев, т.е. по 10 июня 1941 года, со стороны Германии нарушили границу Союза ССР 185 самолетов. Особенно усилились нарушения нашей границы германскими самолетами за последние один-полтора месяца. Только за май и 10 дней июня 1941 г. границу СССР нарушил 91 германский самолет.

Нарушения границы СССР германскими самолетами не носят случайного характера, что подтверждается направлением и глубиной полетов над нашей территорией. В ряде случаев немецкие самолеты пролетали над нашей территорией до 100 и больше километров и особенно в направлении районов, где производятся оборонительные сооружения, и над пунктами расположения крупных гарнизонов Красной Армии.

15 апреля этого года в районе г. Ровно истребителями Красной Армии был приземлен германский военный самолет, у экипажа которого оказались карты Черни-

говской области Украинской ССР, а также аэрофотосъемочные принадлежности и заснятая пленка. Этот самолет залетел на нашу территорию на глубину до 200 километров.

С 1-го января по 10-е июня 1941 года, то есть за 5 месяцев и 10 дней, всего было задержано 2080 человек нарушителей границы со стороны Германии. Из этого числа уже разоблачено 183 человека агентов германской разведки.

Количество задержаний нарушителей границы за 1941 год по месяцам составило в январе 503, в феврале 475, в марте 381, в апреле 260. В мае и за 10 дней июня количество задержанных нарушителей из Германии увеличилось. В мае задержано 353 нарушителя и за 10 дней июня – 108.

За пять с половиной месяцев при задержании нарушителей на границе с Германией в связи с оказанием вооруженного сопротивления убито 36 и ранено 25 нарушителей границы.

За последнее время был ряд случаев задержания заброшенных в СССР агентов германских разведывательных органов, снабженных портативными приемно-передающими радиостанциями, оружием и гранатами.

Начальник I-го Управления НКВД СССР

© 1997 г.

Г.Н. ПЕСКОВА

СТАНОВЛЕНИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СОВЕТСКОЙ РОССИЕЙ И КИТАЕМ.

1917–1924 гг.

ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

О годах становления новых отношений между Советской Россией и Китаем многое известно из сборников документов и фундаментальных исследований¹, публикаций, мемуарной литературы². Однако значительная часть информации оставалась недоступной историкам. Гриф секретности не позволяет использовать хранящиеся в Архиве Министерства иностранных дел документы и материалы, касающиеся добрососедских отношений между двумя государствами, почти одновременно сбросившими монархию и ставшими в историческое одночасье республиками, испытывавшими давление со стороны великих держав. В Архиве внешней политики Российской Федерации в фондах секретариата наркома по иностранным делам Г.В. Чичерина и его заместителя Л.М. Карахана хранятся: официальная переписка внешнеполитических ведомств, докладные записки советских дипломатических и консульских представителей в Китае в Народный комиссариат по иностранным делам (НКВД), записи бесед и переговоров с китайскими военачальниками и видными государственными деятелями. В Архиве внешней политики Российской Федерации содержатся фонды: Договорных актов, Материалов членов коллегии НКВД, Министерства иностранных дел Дальневосточной Республики (МИД ДВР), Уполномоченного ДВР в Китае, Референтуры по Китаю, Сибирской миссии НКВД в Иркутске. Архивные документы проливают дополнительный свет на позицию Советской России в отношении Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), Маньчжурии, Монголии, Синьцзяна, контактов с провинциальными правителями Китая. Эти источники позволяют по-новому оценить стиль и методы дипломатии молодого советского государства, сочетавшей и использовавшей в практической деятельности как идеологические, так и прагматические компоненты.

---

¹ Документы внешней политики России (далее – ДВП СССР), т. I. М., 1957; т. II. М., 1958; т. IV. М., 1960; т. V. М., 1961; т. VI. М., 1962; Советско-китайские отношения. 1917–1957. Сборник документов. М., 1959; История дипломатии, т. III. М., 1965; Международные отношения на Дальнем Востоке. Книга вторая. 1917–1945. М., 1973; История внешней политики СССР. 1917–1945, т. I. М., 1980; Сборник материалов по истории китайско-советских отношений. 1917–1924 (на кит. яз.). Пекин, 1993.

² Капица М.С. Советско-китайские отношения. 1917–1958. М., 1958; Пын Мин. История китайско-советской дружбы. М., 1959; Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем. 1917–1974. М., 1977; Далин С.А. Китайские мемуары. 1921–1927. М., 1982; Новейшая история Китая. 1917–1927. М., 1983; Соколов В.В. На боевых постах дипломатического фронта: жизнь и деятельность Л.М. Карахана. М., 1983; Линь Цзюнь. Дипломатические связи между Китаем и Советским Союзом. 1917–1927. Харбин, 1990 (на кит. яз.)

ОБСТАНОВКА В КИТАЕ

Синьхайская революция 1911 г. привела к краху Цинской империи и образованию Китайской республики. Однако Китай был политически и экономически раздробленным, полufeодальным, полукOLONиальным государством, подвергавшимся давлению извне и терзаемым внутренними распрями между военными группировками. Колониальная политика великих держав, их борьба за сферы влияния стали причиной бесконечных политических кризисов, которые порой грозили расчленением китайского государства. Многие внешнеполитические инициативы пекинского центрального правительства вызывали сопротивление провинциальных властей и вели к глубоким внутривполитическим потрясениям.

К 1917 г. Китай был поделен между милитаристскими кликами на сферы влияния: в Маньчжурии хозяйничал маршал Чжан Цзолин, опиравшийся на Японию, в Центральном Китае – У Пэйфу, ориентированный на США и Англию. Наряду с центральным правительством правой ориентации Дуань Цижуя в Пекине, на юге Китая в Гуандуне существовало демократическое правительство Сунь Ятсена. Последний то поддерживался, то игнорировался иностранными державами сообразно их интересам. В 1920 г., когда Сунь Ятсен, теснимый своими противниками, был вынужден покинуть Кантон, он нашел убежище на территории французской концессии в Шанхае. Однако после его возвращения к власти в 1921 г. ни Франция, ни Англия не оказали ему поддержки, лишив даже причитавшейся до того кантонскому правительству части таможенных сборов.

К 1919 г. положение изменилось. Державы Антанты по окончании первой мировой войны снова обратили внимание на Китай и принимали активное участие во внутривполитических интригах в стране. Поддержав китайских военачальников, командующих войсками в провинциях, осуществивших там как военную, так и гражданскую власть, они совершили государственный переворот, закончившийся избранием Цао Куня президентом республики и ослаблением японского влияния. США получили доминирующее положение в Китае, потеснив Японию. Таким образом, Китай постоянно находился в зависимости от тех или иных иностранных государств.

ПЕРВЫЕ ШАГИ СОВЕТСКОЙ РОССИИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ОТНОШЕНИЙ С КИТАЙСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ

РСФСР с начала своей внешнеполитической деятельности стремилась установить новые, построенные на принципах равноправия и взаимного уважения суверенитета, дружественные отношения с великим соседом – Китаем. Уже в ноябре – декабре 1917 г. нарком по иностранным делам Л.Д. Троцкий вступил в переговоры с китайским посланником в Петрограде Лю Цзинжэнем об установлении стабильных связей между Россией и Китаем. Тогда же китайцам был направлен Декрет о мире. Поскольку пекинское правительство формально считалось общенациональным, Советская Россия, открыто заявив об отказе от всех прав и привилегий в Китае, предложила Пекину пересмотреть все неравноправные договоры и соглашения: договор 1896 г. о КВЖД, "заключительный протокол" 1901 г., секретные соглашения России с Японией, касающиеся Китая с 1907 по 1916 г. По существу, было дано заверение вернуть китайскому народу все, что было отнято у него царским правительством самостоятельно либо совместно с Японией и другими державами. Речь шла в первую очередь о КВЖД, о концессиях и праве экстерриториальности³. Декретом РСФСР от 22 ноября 1917 г. все дипломатические и консульские чиновники, не признавшие советской власти, были отстранены от должностей⁴. В конце ноября 1917 г. НКВД

³ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ), ф. 100, п. 1, д. 1, л. 1–5; Известия, 5.VII.1918.

⁴ ДВП СССР, т. I, с. 41.

сообщил китайскому правительству, что бывший посланник России Н.А. Кудашев в Китае и управляющий КВЖД генерал Д.Л. Хорват отстранены от должностей. Для урегулирования вопросов по КВЖД Наркоминдел предложил создать смешанную русско-китайскую ликвидационную комиссию⁵.

Однако в связи с начавшейся военной интервенцией против Советской России китайское правительство отозвало Лю Цзинжэня в Пекин⁶. Стремясь использовать Северо-Восток Китая (Маньчжурию) в качестве плацдарма для интервенции на советском Дальнем Востоке, союзники пытались втянуть Китай в борьбу против его северного соседа. Под предлогом борьбы против коммунистического влияния 27 декабря 1917 г. пекинское правительство запретило вывоз в Россию продовольствия, включая основной экспортный товар – чай. 11 января 1918 г. была закрыта китайская граница и прекращена перевозка грузов. Пекин не реагировал на переданную в мае просьбу советского правительства пресечь использование белогвардейскими отрядами Семенова китайской территории в качестве базы для враждебных действий против России⁷. Более того, 16 мая 1918 г. правительство Дуань Цижуя подписало с Японией секретное соглашение об участии китайских войск в интервенции, дополненное через три дня военно-морским соглашением. Пекин продолжал поддерживать сношения с миссией и консульствами царского правительства, не допуская в страну советских представителей.

В августе 1918 г. пекинское правительство объявило о посылке своих войск в Сибирь на Забайкальский фронт, где они принимали участие в военных операциях. В связи с интервенцией Пекин прервал переговоры в Петрограде, а в конце марта 1918 г. отозвал своего посланника из России. Однако даже в такое не простое для Советской России время РСФСР 2 декабря 1918 г. отказалась от российской доли контрибуции, наложенной на Китай великими державами после подавления народного восстания ихэтуаней 1900–1901 гг.⁸

Несмотря на сложную военную и политическую обстановку, пробивались ростки новых форм взаимных связей между двумя странами. Неофициально в Сибири действовала широкая сеть китайских консулов⁹. Тогда же в городах Сибири, Приамурья и Средней Азии – Хабаровске, Владивостоке, Чите, Иркутске, Омске и Ташкенте при местных советах были учреждены международные отделы для общего руководства всеми вопросами пограничных сношений с Китаем. С целью же защиты интересов российских граждан за границей и оказания помощи центру в формировании консульского корпуса в местных советах назначались особые комиссары. Вместо отстраненных от должностей царских дипломатов, говорилось в инструкции НКВД международным отделам краевых совдепов от 22 февраля 1918 г., "там, где есть крупные русские колонии и образовались исполнительные комитеты, стоящие на платформе советской власти, русская колония может наметить своего кандидата на должность консула, немедленно представляя своего кандидата с его квалификацией на утверждение в Петроград. Положение это главным образом имеет в виду Маньчжурию, Монголию и Восточный Туркестан". Утвержденные советские консульские представители обязаны были немедленно принять от прежних консулов дома, имущество, консульские архивы и приступить к текущим делам. Подбор кандидатов на консульскую службу и контроль за их деятельностью осуществляли местные власти: Владивостокский совдеп курировал советские консульства в Восточной Маньчжурии, в японской провинции Хакодате, а также в Корее, Хабаровский – в Гиринской, Мукденской и Хэйлунцзянской провинциях, Читинский – в Халхе, Иркутский – в Урге, Омский – в Кобдо, Ташкентский – в Кульдже и Восточном

---

⁵ Там же, с. 47.

⁶ АВП РФ, ф. 100, оп. 2а, п. 1, д. 1, л. 5.

⁷ ДВП СССР, т. 1, с. 339–341.

⁸ АВП РФ, ф. 100, оп. 2а, п. 133, д. 9, л. 6.

⁹ АВП РФ, ф. 100, оп. 2а, п. 3, д. 7, л. 69.

Туркестане. На Владивосток возлагалась также обязанность установить отношения с Тяньцзинем, Чифу и Шанхаем, где имелись русские колонии¹⁰.

В 1918 г. стали налаживаться деловые связи между приграничными районами российского Туркестана и китайской провинции Синьцзян. Они поддерживались с ведома российского и пекинского правительств и позднее были оформлены в виде торгового договора между синьцзянским ду-цзюнем (военным губернатором. – Г.П.) и ташкентским советом, утвержденного затем центральным правительством Китая¹¹. 18 декабря 1919 г. из Ташкента было направлено письмо губернатору Кульджи, в котором предлагалось открыть в этом городе торговое агентство и прислать в Ташкент представителей для переговоров. Уполномоченный по иностранным делам Синьцзяна 3 марта 1920 г. ответил, что открытие советского торгового агентства в Кульдже пока несвоевременно из-за гражданской войны в России. Вместе с тем местные власти не запрещали своим гражданам торговать¹². Китайцы соорудили складской пункт для своих товаров в Джаркенде, получив гарантию их свободного провоза через границу. Они обязались поставлять по бартеру кожевенный товар, скот, мануфактуру, нитки и чай¹³. Прибывшая в Ташкент в январе 1920 г. кульджинская делегация также настаивала на учреждении китайского торгового агентства в г. Верном (Алма-Ата).

Переговоры были продолжены в Кульдже, для чего в апреле 1920 г. туда выехала из Ташкента торгово-дипломатическая миссия. 27 мая 1920 г. после заседания смешанной русско-китайской комиссии был подписан Кульджинский (Илийский) протокол, который предусматривал для поддержания двусторонних связей учреждение советского консульства в Кульдже и кульджинского агентства в Верном. Торговым трактом на китайской территории служила дорога через пост Хоргос, со стороны РСФСР – через Хоргосскую таможню¹⁴. С этого времени между РСФСР и китайской провинцией Синьцзян были установлены нормальные добрососедские отношения. В мае 1920 г. в Кульджу был назначен уполномоченный НКВД Э.М. Пумпур.

С согласия местных властей в 1921 г. советские войска совместно с китайскими частями участвовали в ликвидации белогвардейских отрядов, бежавших на территорию провинции Синьцзян¹⁵. В записке Наркоминдела секретарю ЦК РКП(б) В.М. Молотову от 16 мая 1921 г. в этой связи говорилось: "Нам необходимо уничтожить белогвардейские гнезда около наших границ. Они особенно стали опасны теперь, с тех пор, как Япония стала усиленно заниматься осуществлением утопии паназиатизма. В Японии с большим почетом принимаются депутации контрреволюционных узбеков и других среднеазиатских народностей. Через посредство наших белогвардейских гнезд в Монголии и Китайском Туркестане японцы оказывают поддержку контрреволюционным элементам в Средней Азии. Борьба против этих белогвардейских гнезд является поэтому первостепенной необходимостью"¹⁶.

3 июня 1921 г. Г.В. Чичерин в письме Молотову, говоря о действиях повстанцев в западных китайских провинциях, отмечал: "Эти провинции были для нас опасны тем, что там укрепились дутовцы и анненковцы. Именно поэтому мы там заигрывали с мусульманами и поднимали последних против засилья белогвардейцев"¹⁷.

Летом 1919 г. началось изгнание интервентов и белогвардейцев из Сибири. Части Красной Армии приближались к границам Китая. 25 июля 1919 г. совнарком обратился к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая с декларацией, в которой выражалась готовность России договориться с Китаем о полной ликвидации

¹⁰ ДВП СССР, т. I, с. 109–111.

¹¹ АВП РФ, ф. 0100, оп. 5, п. 101, д. 1, л. 69–70.

¹² Там же, п. 102, д. 2, л. 11.

¹³ Известия, 29.IV.1920.

¹⁴ АВП РФ, ф. 3а, Китай, д. 1.

¹⁵ Там же, ф. 0100, оп. 5, п. 101, д. 2, л. 1.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, л. 2.

актов насилия и несправедливости, совершенных царским правительством в отношении китайского народа. В декларации разъяснялось, что у советского правительства и Красной Армии нет каких бы то ни было намерений захватывать китайскую территорию. "Напротив, – говорилось в документе, – советское правительство отказалось от всех завоеваний, которые сделало царское правительство, отобрав от Китая Маньчжурию и другие области..., отказывается от получения с Китая контрибуции за боксерское восстание 1900 г..., уничтожает все особые привилегии, все фактории русских купцов на китайской земле... и предлагает китайскому народу, в лице его правительства, ныне же вступить с нами в официальное сношение и выслать своих представителей навстречу нашей армии"¹⁸.

Советское правительство принимало меры к тому, чтобы в Китае узнали об обращении. 3 марта 1920 г. Уполномоченный НКВД в Сибири и на Дальнем Востоке Я.Д. Янсон направил документ в китайское консульство в Иркутске с просьбой передать его пекинскому правительству и довести до сведения общественности. От имени РСФСР консульству было предложено поставить перед Пекином вопрос о немедленном открытии мирных переговоров и практическом решении всех затронутых в нем проблем¹⁹.

Полагая, что советская власть долго не просуществует, пекинское правительство официально не реагировало на обращение совнаркома. Между тем правительство Южного Китая сообщило, что "обращение рабоче-крестьянского правительства к китайскому народу уже достигло Китая, и весь китайский народ проникнут исключительной благодарностью"²⁰.

ОТНОШЕНИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКИ С КИТАЕМ

ДВР была создана 6 апреля 1920 г. и являлась временным государственным образованием. Ее провозглашение в условиях интервенции на Дальнем Востоке было продиктовано стремлением Советской России обеспечить себе передышку на восточном фронте, чтобы собрать силы для разгрома готовившегося третьего похода Антанты. В обращении учредительного съезда Забайкалья к правительствам США, Англии, Японии, Китая, Франции, Италии, РСФСР, к правительствам и народам всего мира говорилось: "Принимая во внимание географическое и экономическое положение нашего края, его пограничное расположение, отдаленность и оторванность от центра Российской Республики, народ Забайкалья через избранных своих представителей постановляет декларировать Дальний Восток (от Байкала до Тихого океана, включая области Забайкальскую, Амурскую, Приморскую, Сахалин, Камчатку и полосу отчуждения Китайской железной дороги) самостоятельной Республикой". В ДВР устанавливалась демократическая власть, выражавшая волю всего народа через его представителей и гарантировавшая всем слоям населения демократические свободы, которые являлись залогом мирного развития общественных сил. Временное правительство, избираемое учредительным съездом, включало представителей политических партий и национальностей, проживающих на этой территории. Обращаясь к правительствам и народам мира, учредительный съезд заявлял, что "Дальневосточная республика стремится установить добрососедские дружественные отношения со всеми странами, особенно с теми, которые непосредственно с ней соприкасаются и граждане которых находятся на ее территории"²¹.

Пекинское правительство проявило большой интерес к ДВР. Уже в апреле 1920 г. республику посетила делегация китайских властей Маньчжурии и Внешней Монголии. Во время визита произошел обмен мнениями о КВЖД, торговле, установлении дипломатических отношений. Однако какого-либо соглашения достигнуто не было. В

¹⁸ Известия, 26.VIII.1919.

¹⁹ АВП РФ, ф. 212, п. 101, д. 12, л. 6.

²⁰ Вестник НКВД, № 1–2, 15.III.1921.

²¹ ДВП СССР, т. II. с. 444–445.

июне для ознакомления с обстановкой в республике прибыла миссия советников пекинского правительства. Миссии была вручена нота, в которой указывалось, что в интересах граждан обеих стран необходимо скорейшее установление взаимно благоприятных отношений, и предлагалось созвать конференцию с участием РСФСР, ДВР и Китая для решения всех спорных вопросов²². НКВД РСФСР оказывал всестороннюю помощь в создании внешнеполитических органов ДВР, посылал туда опытных работников, содействовал налаживанию контактов с сопредельным государством. В июне 1920 г. в пограничный пункт Маймачен прибыла направляющаяся в Пекин миссия ДВР во главе с И.Л. Юриным, будущим министром иностранных дел Дальневосточной республики, с целью завязать всеобъемлющие отношения со своим соседом. Однако китайцы отказались пропустить миссию через границу²³. Делегация ДВР смогла прибыть в Пекин лишь 21 августа. На переговорах с китайской стороной были выдвинуты предложения об установлении дипломатических и консульских отношений и заключении торгового договора. Проект договора включал такие важные положения, как ликвидация привилегий России, признание и уважение суверенитета, взаимность, равноправие²⁴.

В беседах с министром иностранных дел Ян Хойцином и председателем "Комиссии по русским делам" Лю Цзинжэнем Юрин затрагивал также вопрос о КВЖД, предлагая урегулировать его на основе советских деклараций от 1919 и 1920 гг. При этом он делал упор на то, что проблема КВЖД касается только русских и китайцев и в ее решении они не должны подвергаться влиянию извне. По мнению Юрина, этот вопрос мог быть решен на основе совместного владения дорогой либо передачи ее Китаю при условии обеспечения им определенных гарантий. Пекин признавал, что КВЖД построена на средства русского народа, но не поддержал предложение о ее совместном использовании²⁵.

В результате взаимных претензий и давления США и Англии начавшиеся переговоры не привели к решению крупных вопросов. Вместе с тем ДВР удалось добиться результатов по некоторым пунктам. 7 марта 1921 г. в г. Маньчжурия состоялось подписание соглашения между правительствами ДВР и провинции Хэйлуцзян о порядке пограничного и железнодорожного сообщения. В тот же день были разработаны и утверждены условия железнодорожного движения между КВЖД и Читинской железной дорогой, а с 8 марта движение возобновилось²⁶. На большее китайские власти идти не хотели.

В целях затягивания переговоров был использован монгольский вопрос. Перенесенные в Мукден (Шэньян) в мае 1921 г. переговоры так и не сдвинулись с места.

В 1921 г. советские войска разгромили отступившие на территорию Внешней Монголии отряды барона Р.Ф. Унгерн фон Шернберга²⁷. Нарком по иностранным делам Г.В. Чичерин направил 15 июня 1921 г. через министерство иностранных дел ДВР правительству Китая заявление, в котором указывалось, что Россия и Китай имеют общих врагов, как, например, Унгерн фон Шернберг, установивший свою власть в Монголии. Атаки белогвардейцев против Советской России и союзной ей ДВР привели к военным действиям, что заставило советские войска, нанося ответные удары, пересечь границы Монголии. "Сражение с унгернскими бандами продолжается в интересах самого Китая, дабы заставить уважать его права, которые Российская Республика желает охранять и которые она активно поддерживает", – писал Чичерин. В заявлении подчеркивалось, что "русские войска лишь в качестве неизменного друга Китая сражаются с общим врагом. В этой связи, – говорилось далее, – российское

²² Известия, 25.VI.1920.

²³ АВП РФ, ф. 490, п. 22, д. 28, л. 207.

²⁴ Там же, ф. 100, п. 3, д. 18, л. 40–41.

²⁵ Там же, ф. 100, п. 2, д. 11, л. 6–7.

²⁶ Там же, д. 10, л. 1–4.

²⁷ Там же, ф. 0100, п. 186, д. 46, л. 5.

правительство категорически заявляет, что оно ведет борьбу с изменником Унгерном на базе признания прав Китая и что русские войска эвакуируются из Монголии, коль скоро их задача будет выполнена. Твердая решимость охранять права Китая ведет Россию к ее целям в ее борьбе с врагом Китая"²⁸. Китайские власти игнорировали это заявление.

В июле 1921 г. в Китай вновь был направлен Юрин с целью разъяснить китайским властям советскую позицию в связи с операциями частей Красной Армии в Монголии. В беседах с министром иностранных дел Ян Хойцином был поднят также вопрос о совместном управлении КВЖД, однако, как и раньше, он по-прежнему не встретил поддержки у пекинских властей²⁹. Не увенчались успехом и переговоры о торговом договоре³⁰. К этому времени Китай и другие страны убедились, что ДВР не удастся оторвать от Советской России, поэтому Пекин окончательно потерял интерес к развитию отношений с республикой. Предложение делегации ДВР перенести переговоры в Читу натолкнулись на категорический отказ китайских властей³¹.

Хотя ни одна крупная проблема отношений между ДВР и Китаем не была решена, первые контакты все же дали положительные результаты. Между двумя республиками установились отношения де-факто. В Пекине было учреждено представительство ДВР, которое после отъезда Юрина возглавил А.Ф. Агарев. В Харбине (Маньчжурия) начало функционировать управление уполномоченного ДВР во главе с Пумпянским. Географическое положение Харбина позволяло правительству ДВР поддерживать прямые связи с Пекином, Шанхаем, Дайреном, Мукденом и другими городами.

С отменой права российской экстерриториальности в Китае китайские власти в сентябре 1920 г. взяли под свой контроль все концессии царского правительства. Был расформирован российский пограничный окружной суд. Все уголовные и гражданские дела российских граждан в Китае подлежали рассмотрению в китайском суде, для ведения которых создавалось специальное особое бюро по русским делам³².

Полоса отчуждения КВЖД, где находилось до 400 тыс. человек русскоязычного населения, управляемая специальным уполномоченным ДВР Э.К. Озарниным, превратилась в особый район восточных провинций с китайскими судами, полицией, охраной³³. Китайцы не признавали официального статуса за Озарниным, но по существу он выполнял функции генерального консула. Его аппарат занимался торгово-экономическими вопросами, защитой интересов российских граждан, эвакуацией беженцев из Южного Приморья, проблемами судоходства, просветительской деятельностью³⁴.

МИССИЯ ЧЖАН СЫЛИНЯ

Пекинское правительство под давлением широких слоев китайского общества в конце концов высказалось за установление дружественных отношений между Китаем и Россией. С этой целью в ДВР и Москву была направлена военно-дипломатическая миссия во главе с генералом Чжан Сылинем. 24 апреля 1920 г. она прибыла в Верхнеудинск. В состав миссии входили представители китайского командования в Маньчжурии и пекинского генштаба. Вместе с делегацией в Верхнеудинск прибыло много китайских коммерсантов.

²⁸ Там же, ф. 100, п. 5, д. 15, л. 5.

²⁹ Там же, п. 2, д. 11, л. 8.

³⁰ Там же, п. 3, д. 18, л. 3.

³¹ Там же, п. 2, д. 11, л. 7.

³² Рубеж. Тихоокеанский альманах. Владивосток, 1992, № 1, с. 322.

³³ АВП РФ, ф. 0100, оп. 6, п. 103, д. 4, л. 30.

³⁴ Там же, л. 44, 45, 96, 103.

Уведомив министерство иностранных дел ДВР, что китайское правительство уполномочило миссию войти в сношения с правительством ДВР и выяснить его положение, политическую программу и планы, состояние отношений с РСФСР, Чжан Сылинь встретился с министром иностранных дел ДВР Юриным. Стороны обменялись мнениями об установлении консульских связей, о выезде китайских рабочих на родину, по торговым вопросам³⁵. На состоявшейся затем конференции выяснилось, что Китай признает преемственные права нового российского правительства в Сибири и на КВЖД, оккупация которой китайскими войсками носит временный характер и продлится до окончательного упрочения власти на Дальнем Востоке. Граница открывалась для вывоза и ввоза товаров. Китайцы соглашались пропустить на свою территорию консульских представителей России, гарантируя им права и преимущества официального представительства³⁶. 27 апреля китайская миссия выехала в Иркутск, а 5 сентября прибыла в Москву.

Еще до прибытия китайской делегации в Москву Чичерин запросил 8 июня 1920 г. министерство иностранных дел Китая о том, является ли миссия Чжан Сылиня полномочной заключать соглашение об официальных отношениях между двумя странами. Нарком выразил готовность направить российскую миссию в Пекин³⁷. Ответа из Пекина не поступило. Однако, как следует из телеграммы Дуань Цижуя в адрес Чжан Сылиня накануне его отъезда из Китая, вступление в официальные отношения с Советской Россией возможно было только тогда, когда "большевики приобретут за границей достаточное доверие". Чжан Сылиню поручалось ознакомиться с положением в России и путем неофициальных переговоров выяснить истинные намерения советского правительства, подготовив таким образом базу для будущих переговоров³⁸. 23 июля 1920 г. в директивах из Пекина Чжан Сылиню предлагалось вступить в переговоры по вопросам, относящимся к пожеланиям обеих сторон³⁹. Но и в этой телеграмме не содержалось указаний заключить официальное соглашение.

Переговоры с китайской делегацией вели в Москве Г.В. Чичерин и заместитель наркома по иностранным делам Л.М. Карахан. Советское правительство стремилось максимально использовать пребывание китайской делегации, чтобы разъяснить политику РСФСР в отношении Китая и договориться об установлении дружественных отношений. 27 сентября 1920 г. китайской миссии был вручен текст обращения к китайскому правительству с изложением основных принципов внешней политики Советской России и путей нормализации отношений между двумя странами. В сопроводительном письме к проекту соглашения Карахан выражал готовность российского правительства к установлению политического союза с Китаем⁴⁰.

Чжан Сылинь был принят Председателем Совнаркома РСФСР В.И. Лениным, который расценил приезд миссии как первый шаг к сближению Китая и России. Указав на общность целей двух стран, несмотря на различия путей развития, Ленин выражал надежду, что связи между РСФСР и Китаем упрочатся⁴¹. Главу китайской делегации принимали и другие члены советского правительства и Наркомата иностранных дел.

Пекинское правительство проявляло заинтересованность в советских предложениях, но оно не могло решиться установить официальные дипломатические отношения с РСФСР до того, как это сделает Европа.

³⁵ Там же, л. 110, 139, 140.

³⁶ Известия, 29.IV.1920.

³⁷ АВП РФ, ф. 04, п. 151, д. 51392, л. 10.

³⁸ Там же, л. 16.

³⁹ Там же, л. 14.

⁴⁰ Там же, ф. 0100, оп. 6, п. 104, д. 23, л. 43–46; ф. 100, п. 1, д. 9, л. 3–6.

⁴¹ Известия, 9.XI.1920.

28 сентября 1920 г. Чжан Сылинь получил из Пекина указание срочно выехать в Китай. 1 октября он прислал в НКИД письмо, в котором отмечал, что миссия в полной мере успела ознакомиться с экономическим и политическим положением в РСФСР и возвращается на родину. Свою задачу по возвращении в Китай он видел в том, чтобы рассеять провокационные слухи, усиленно распространявшиеся в отношении России⁴².

18 октября пекинское правительство через советского представителя в Лондоне Л.Б. Красина официально сообщило правительству РСФСР, что отзывает Чжан Сылиня, поскольку он не имеет полномочий на ведение переговоров. На деле оно действовало под давлением стран Антанты, препятствовавших соглашению.

На прощальной аудиенции 31 октября Чичерин повторил слова Ленина, заявив, что хотя пути России и Китая различны в данный момент, но цели одинаковы – освобождение от иностранного вмешательства во внешние и внутренние дела двух стран. Чжан Сылинь высказался за дальнейшее сближение двух стран⁴³. В ноябре 1920 г. он покинул Москву.

В результате прошедших переговоров было устранено важное препятствие на пути нормализации отношений. Указом президента Цао Куня от 23 сентября 1920 г. Пекин объявил о своем отказе впредь признавать бывших представителей царского правительства в Китае⁴⁴.

В ходе переговоров с китайской миссией Чжан Сылиня российское правительство высказывало пожелание иметь постоянного представителя Китая в Москве. Незадолго до отъезда, 12 октября 1920 г., Чжан Сылинь сообщил в Наркоминдел, что в Москву, Иркутск и Омск будут назначены генеральные консулы Китая⁴⁵. Вскоре в Москву прибыл Чэнь Гуанпин в качестве генконсула. Были назначены китайские консулы также в Иркутск и Омск.

В этой связи НКИД выразил Чжан Сылиню 16 октября удовлетворение, заметив, что пребывание постоянных представителей Китая в РСФСР облегчит установление выгодных для двух стран политических и экономических отношений. Одновременно в письме сообщалось о готовности РСФСР на основе взаимности направить российского дипломатического представителя в Пекин, а консулов – в Тяньцзинь, Шанхай и Кантон⁴⁶. Чжан Сылинь обещал информировать об этом пекинское правительство.

С подобным предложением выступал 5 мая 1920 г. и уполномоченный НКИД в Сибири и на Дальнем Востоке Я.Д. Янсон. Необходимость иметь советских представителей в крупных городах Китая он мотивировал освобождением Востока от белогвардейцев. По мнению Янсона, Наркоминдел должен был назначить своих представителей в Омске, Иркутске, Владивостоке, а также в Центральной Азии⁴⁷.

Поскольку ответа из Пекина не последовало, НКИД направил 27 октября 1920 г. в министерство иностранных дел Китая телеграмму, в которой просил известить о своем решении в связи с намерением правительства России направить в Китай своих представителей⁴⁸. В ноябре министерство наконец сообщило, что до признания Китаем советского правительства оно не видит возможности принять официальных лиц РСФСР в качестве консулов. 3 февраля 1921 г. НКИД объявил Чэнь Гуанпину, что его признание советской стороной генеральным консулом Китая состоится только в порядке взаимности⁴⁹.

⁴² АВП РФ, ф. 04, п. 151, д. 51392, л. 34–35.

⁴³ Известия, 9.XI.1920.

⁴⁴ АВП РФ, ф. 0100, оп. 5, п. 101, д. 1, л. 70.

⁴⁵ Там же, ф. 100, п. 1, д. 9, л. 7.

⁴⁶ Там же, л. 8.

⁴⁷ Там же, ф. 08, оп. 3, п. 1, д. 1, л. 7, 18.

⁴⁸ Там же, ф. 100, п. 1, д. 9, л. 11.

⁴⁹ Там же, л. 12, 17.

Позднее советское правительство не прекращало попыток урегулировать отношения с Пекином. 10 марта 1921 г. Карахан направил ноту министерству иностранных дел Китая с предложением начать переговоры в Пекине, а до того обменяться консульскими представителями. 26 марта китайцы отреагировали положительно. 14 апреля НКВД предложил наделить полномочиями своих представителей для ведения переговоров с китайской стороной⁵⁰.

После длительной переписки, которая велась обоими правительствами через торгового представителя РСФСР в Англии Красина и китайскую миссию в Лондоне, пекинское правительство в апреле 1921 г. наконец сообщило о своем согласии принять советского представителя⁵¹. Однако и после этого оно всячески затягивало начало переговоров, выдвигая всевозможные требования. В ноте правительства РСФСР правительству Китая от 20 июня 1921 г. говорилось: "Китайское правительство только что поставило новые предварительные условия, раньше чем принять русского представителя в Пекине, с единственным результатом затянуть переговоры и отложить разрешение самых прочных политических и экономических дел между обеими странами"⁵².

16 июля 1921 г. стало известно об официальном согласии Пекина принять советскую торговую делегацию во главе с членом коллегии НКВД А.Л. Шейнманом. Сообщая об этом Молотову, Чичерин писал: "Этим надо воспользоваться и в форме торговой делегации возобновить сношение с Китаем, имеющее величайшее политическое значение для всего нашего положения в Азии и для освободительного движения народов Востока. Эта задача настолько важна, что... до назначения тов. Карахана в Варшаву обсуждался план его назначения в Пекин. Итак, в Пекин следует назначить кого-либо из наилучших наших политиков". Учитывая уровень представительства Китая в Москве, предлагалось в Пекин назначить генконсула. "Это должно быть лицо, – докладывал Наркоминдел в ЦК РКП(б) 20 июня 1921 г., – заслуживающее полного доверия и хорошо знающее политику центра. Таким может быть тов. Янсон. Вряд ли мы решились бы его рекомендовать в качестве полномочного представителя в Китае, т.к. для полномочного представителя требовалось бы более широкое знание мировой политики, но задача генерального консула будет более узкая и будет вращаться в рамках дальневосточных вопросов и задач, великолепно известных тов. Янсону"⁵³. О готовности подписать в кратчайшие сроки торговый договор заявил 27 июля 1921 г. премьер китайского правительства Дуань Цижуй на встрече с министром иностранных дел ДВР Юриным⁵⁴.

На решение пекинских властей начать переговоры с советским правительством повлияло два обстоятельства – разгром интервенции и подписание РСФСР мирных договоров с Финляндией и Польшей и ряда соглашений с другими государствами: торгового соглашения с Англией, договоров с Ираном, Афганистаном, Турцией, начавшиеся переговоры с Италией, а также установление дипломатических отношений с прибалтийскими государствами. Пекин учитывал и сближение Советской России с правительством Сунь Ятсена. В письме Чичерину от 28 августа 1921 г. Сунь Ятсен отмечал: "Я чрезвычайно заинтересован вашим делом, в особенности организацией ваших Советов, вашей армии и образования. Я хотел бы знать все, что Вы и другие можете сообщить мне об этих вещах, в особенности об образовании. Подобно Москве, я хотел бы заложить основы Китайской Республики глубоко в умах молодого поколения – тружеников завтрашнего дня"⁵⁵.

Военный губернатор Маньчжурии маршал Чжан Цзолин в беседе с заместителем министра иностранных дел ДВР И.С. Кожевниковым 28 июля 1921 г. также говорил о

⁵⁰ Там же, ф. 08, оп. 4, п. 1, д. 3, л. 6–8, 10.

⁵¹ Там же, ф. 100, п. 1, д. 9, л. 22.

⁵² Там же, ф. 100, оп. 8, п. 5, д. 10, л. 65–67.

⁵³ Там же, ф. 0100, оп. 5, п. 101, д. 2, л. 3.

⁵⁴ Там же, оп. 6, п. 103, д. 3, л. 22.

⁵⁵ Большевик, 1950, № 19, с. 48.

желании ускорить подписание договора с Россией: "Мы очень желаем, чтобы Россия была сильной. Когда нам рассказывают про россиян, я представителям великих держав в шутку говорю, по-моему, ничего в России худого нет, я вот то же самое, что и россияне, думаю сделать в Китае. Вы знаете, ведь в Китае давно уже демократия преобладает... Я не боюсь коммунизма в Китае, поэтому пойду на соглашение с ДВР и РСФСР"⁵⁶.

МИССИЯ А.К. ПАЙКЕСА В КИТАЙ

В июне 1921 г. правительство РСФСР приняло решение направить в Пекин в качестве неофициального посланника своего представителя для проведения переговоров. "Но ему, – говорилось в советской ноте правительству Китая от 19 июня, – должен быть гарантирован китайским правительством дипломатический иммунитет и все способы сношений с Москвой, в частности право [использования. – Г.П.] курьеров и шифровальной переписки"⁵⁷.

Возглавить первую дипломатическую делегацию РСФСР было поручено А.К. Пайкесу. В инструкции Чичерина от 11 ноября 1921 г. в этой связи предписывалось: "Мы не должны медлить и должны воспользоваться благоприятной конъюнктурой в Пекине. Колебания пекинское правительство зависят исключительно от того, что оно в очень сильной мере зависит от антантовских держав, т.к. действительная власть в Китае принадлежит генералам. Мы, однако, должны систематически всегда принципиально поддерживать идею единства, независимости и суверенных прав Китая. Положение для нас может иногда складываться довольно сложно. Вы должны сноситься и принципиально решать вопросы с пекинским правительством как принципиальным носителем центральной власти в Китае. В то же время, однако, мы знаем, что фактически власть в руках генералов и нам приходится иногда по существу дела входить с ними в сношения и начинать с ними переговоры... Наконец, по своему политическому характеру нам гораздо ближе и симпатичнее демократическое правительство Юга с демократом-революционером Сун Ятсеном во главе. Когда мы наладим отношения с Пекином и будем иметь там полномочное представительство, надо будет наладить отношения и с правительством Сун Ятсена... Он считает юридически свое правительство единственно законным на основании преемственности, ибо оно есть юридическое продолжение разогнанного учредительного собрания... В вопросе о КВЖД для нас главное есть форма управления – необходимость тройственного управления... Придать этому необходимо характер временной меры, ссылаясь на ненормальное положение, в особенности в Маньчжурии, и на необходимость ограждения безопасности границ ДВР и товарообмена от всяких нападений белогвардейцев"⁵⁸.

12 декабря 1921 г. в Пекин прибыла делегация РСФСР во главе с Пайкесом. К нему присоединился представитель ДВР А.Ф. Агарев. Переговоры с пекинским правительством они вели совместно. Советская миссия разместилась в здании царского посольства, из которого незадолго до этого китайская сторона выдворила царских чиновников, претендовавших на представительство России. Они представляли интересы то Колчака, то Семенова, то "правительство" Приморья братьев Меркуловых. Факт передачи здания российского посольства советской миссии свидетельствовал об изменениях в позиции Пекина по отношению к Советской России. И все же пекинское правительство затягивало решение вопроса о дипломатическом признании Советской России. 16 декабря состоялась первая беседа Пайкеса с министром иностранных дел Ян Хойцином, во время которой советский представитель заявил, что китайское правительство должно быть заинтересовано в том, чтобы КВЖД действительно досталась Китаю и не перешла в руки третьих стран. При этом он

⁵⁶ АВП РФ, ф. 0100, оп. 5, п. 102, д. 14, л. 5.

⁵⁷ ДВП СССР, т. IV, с. 181–182.

⁵⁸ АВП РФ, ф. 0100, оп. 5, п. 101, д. 1, л. 1–3.

подчеркнул, что собственниками дороги являются исключительно Советская Россия и Китай. Министр с этим согласился. В ходе беседы обсуждался вопрос о выводе советских войск из Внешней Монголии. Пайкес заверил собеседника, что войска уйдут, как только Россия получит реальную гарантию, что группировка белых в этот район в дальнейшем допускаться не будет⁵⁹. Он также информировал Ян Хойцина о том, что монгольское правительство обратилось к РСФСР с просьбой о посредничестве в его переговорах с Китаем, и заметил, что российское правительство готово взять на себя посредничество в урегулировании отношений между Внешней Монголией и Китаем. Однако это предложение не встретило поддержки⁶⁰.

В вопросе о КВЖД и на этот раз не обошлось без вмешательства в переговоры США, которые были против передачи дороги ее законным владельцам – России и Китаю. Под видом интернационализации КВЖД Америка хотела закрепиться там, упрочив свои позиции на северо-востоке Китая. Каждая из других заинтересованных сторон – Англия, Франция и Япония – преследовала собственные цели. Попытки лишить Советскую Россию юридических прав на КВЖД предпринимали также и белогвардейские лидеры. С этой целью адмирал А.В. Колчак и генерал Д.Л. Хорват создали в 1919 г. в Пекине Общество акционеров КВЖД. Свои претензии на дорогу предъявляло в 1921–1922 гг. белогвардейское "правительство" Приморья во главе с крупными местными купцами – Меркуловыми. Генерал Хорват также выступал в Пекине в качестве представителя этого "правительства". Он был все еще очень влиятельным человеком в пекинских кругах⁶¹.

Продолжая тему о КВЖД, Чичерин писал Пайкесу 9 января 1922 г.: "Что касается КВЖД, мы требуем присутствия наших гарнизонов в полосе отчуждения в качестве друзей Китая. Их пребывание там будет временным, впредь до окончательного успокоения страны и ухода всяких иностранцев и белогвардейцев. Но совершенно ясно, что при всевозможных семеновцах, каппелевцах и японских гарнизонов мы не можем обойтись без введения туда наших гарнизонов. Мы передадим железную дорогу Китаю безвозмездно, не требуя с него никаких возмещений наших расходов и именно поэтому мы вправе требовать для себя военных и экономических гарантий, т.е. введения наших гарнизонов и совместного управления." В письме была изложена советская позиция и по монгольскому вопросу: "Из Монголии же мы не можем вывести наши войска, пока Монголии грозит опасность со стороны всяких белогвардейцев и бандитов. Наши войска находятся там по просьбе самого монгольского правительства. Их присутствие там не связано с отношениями между Монголией и Китаем"⁶².

Пекинские власти уклонялись от переговоров о КВЖД и хотели свести дело к обсуждению лишь монгольской проблемы. В январе 1922 г. Ян Хойцин, прибегая к тактике проволочек, предложил проводить неофициальные встречи на уровне второстепенных лиц, не предоставляя им полномочий, рассматривать основные вопросы. Пайкес же настаивал на созыве официальной конференции. Ему вступить в переговоры с китайцами так и не удалось. "Официально сидим без дела", – писал Пайкес в Наркоминдел 13 февраля 1922 г.

Позиция Китая в отношении России во многом определялась сильным нажимом на него держав на Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. с целью не допустить заключения советско-китайского соглашения⁶³. Другим обстоятельством, приведшим к

⁵⁹ Там же, ф. 492, п. 1, д. 1, л. 44, 45.

⁶⁰ Там же, л. 45.

⁶¹ Сладковский М.И. Указ. соч. с. 10, 17.

⁶² АВП РФ, ф. 0100, оп. 5, п. 101, д. 1, л. 12–14.

⁶³ Вашингтонская конференция США, Англии, Китая, Японии, Франции, Италии, Голландии, Бельгии и Португалии подвергла Советскую Россию остракизму. Под вывеской "интернационализации" КВЖД США хотели установить свой контроль над железной дорогой. Япония пыталась сохранить на КВЖД положение де-факто в связи с расквартированием вдоль дороги японских войск. Участники конференции внушали Китаю, что все вопросы установления отношений с Советской Россией, включая проблему КВЖД, он должен решать не в двустороннем порядке, а только по согласованию с ними. – См. Дипломатический словарь, т. I. М., 1984, с. 174–175.

тому, что переговоры с первой миссией РСФСР так и не начались, было обострение внутренней борьбы в Китае. Весной 1922 г. Япония, пытаясь взять реванш за поражение на Вашингтонской конференции, организовала выступление Чжан Цзолина против чжильской группировки. Сунь Ятсен, считая своим главным противником У Пэйфу, ориентировавшегося на США и угрожавшего Южному Китаю, по тактическим соображениям поддержал выступление Чжан Цзолина. В результате чжильская группировка одержала победу, а Чжан Цзолин потерпел поражение. Правительство Сунь Ятсена было свергнуто, и он вынужден был бежать в Шанхай.

В условиях перегруппировки борющихся в Китае сил, поиска путей примирения Севера и Юга с целью объединения Китая в рамках коалиционного правительства Россия, по мнению советника миссии Пайкеса В.Д. Виленского (Сибирякова), должна была расширить сферу переговоров с китайцами, не ограничиваясь вопросами о КВЖД и Монголии, поставить задачу провести переговоры о политическом и торговом соглашении в полном объеме⁶⁴. Характеризуя Пайкеса как человека безынициативного, сосредоточившегося только на двух не самых главных вопросах, к тому же, по его мнению, случайно оказавшегося в качестве "посла" в Китае и поэтому не способного решать более крупные дела, Виленский в письме в НКВД 11 мая 1922 г. излагал свою программу действий: "Поэтому-то на грани новых возможностей в Китае невольно напрашивается мысль о новых лицах, которые смогли бы выполнить ту работу, которая у нас несомненно должна быть в Китае. На очереди стоит вопрос о русско-китайском союзе, который весьма вероятен в условиях победы националистических элементов, становящихся сейчас у власти. Весьма вероятно, что этот союз мог бы иметь основы соглашения оборонительного порядка против японского влияния в Маньчжурии, что для У Пэйфу представляет несомненно актуальную задачу... Кроме того, поскольку У Пэйфу ставит себе задачи создания национальной армии для консолидации государственной власти в Китае и борьбы за его независимость, постольку он, конечно, не может обойти опыт русской Красной Армии и здесь мы можем тоже найти целый ряд точек соприкосновения. Отсюда вывод, что У Пэйфу должен стать не только предметом нашего изучения, но и математической точкой приложения нашей активной политики в Китае". Говоря о возможностях создания пролетарской партии в Китае, Виленский отмечал: "Только при условии наличия такой партии РСФСР может поставить на более или менее прочные рельсы свое влияние на китайские дела, а равно и вообще дальнейший ход китайской революции, которая отнюдь еще не закончила своего бега. За исключением партии Гоминдан, в Китае нет крупных политических организаций, имеющих четкую программу. Есть военные группировки, есть попытки организационного сплочения буржуазии, но эти попытки слабы и чаще всего они стремятся блокироваться с какой-либо из военных группировок... Для организации рабочей партии в Китае сейчас есть предпосылки. Среди части китайской интеллигенции и особенно учащейся молодежи в последние годы широко привилось учение марксизма. Кроме того, за последние годы многим из китайских марксистов удалось побывать в Советской России, что обогатило их организационный опыт. В результате мы имеем целый ряд китайских коммунистических организаций в разных городах Китая. Правда, эти организации пока малочисленны, они имеют интеллигентский состав в большинстве, но все же они оказывают заметное влияние на движение китайской молодежи, женское движение и развитие профессионального движения. Во всяком случае уже сейчас эти зародыши политического объединения элементов будущей рабочей партии в Китае играют серьезную роль и, конечно, нашей основной задачей является помощь китайским товарищам в их партийном строительстве... Исходя из принципа максимальной самостоятельности китайских масс, а равно стремясь по возможности легализовать и этим расширить рабочее движение, мы советовали нашим китайским товарищам свои организационные руководящие центры перенести на Юг Китая в Кантон, который, по

⁶⁴ АВП РФ, ф. 0100, оп. 5, п. 101, д. 1, л. 16-16об.

нашему мнению, должен быть превращен в операционную базу китайских коммунистов, которые к тому же там имеют возможности широкого воздействия на гомиندانовцев⁶⁵.

В письме Чичерину 5 июня 1922 г. Виленский напоминал: "Нам нужна активная политика в Китае. Нужно давить на У Пэйфу, добиваясь постановки вопроса о нашем признании. Есть основания думать, что он, учитывая выгоды признания Советской России для общей постановки вопроса об освобождении Китая от иностранной опеки, пойдет на соглашение с нами"⁶⁶.

В Наркоминделе с вниманием отнеслись к предложениям Виленского. Вскоре Пайкесу была направлена директива провести необходимую работу среди военных группировок Китая для выяснения возможности их использования в интересах расширения советского влияния в стране. Виленскому, в частности, было поручено заниматься "чжилийской кликой", возглавлявшейся генералами Цао Кунем и У Пэйфу, в центральной части Китая. Эта группировка была наиболее могущественной и влиятельной, она фактически контролировала деятельность пекинского правительства, стремилась к национальному возрождению Китая. Переговоры об установлении отношений с У Пэйфу состоялись, но из-за противодействия США и Англии также окончились безрезультатно⁶⁷. Накопленный материал и свои наблюдения Виленский использовал при подготовке проекта военно-политического договора между РСФСР и Китаем, который, по его словам, мог оказаться полезным в переговорах с китайцами, а также стать необходимой стратегической предпосылкой для борьбы за независимость Китая и установление мирного равновесия на Дальнем Востоке, взаимной защиты интересов и территориальной целостности договаривающихся сторон⁶⁸.

Для установления непосредственных контактов с Сунь Ятсеном на юг Китая в мае 1922 г. был направлен сотрудник миссии РСФСР и представитель Коминтерна С.А. Далин. В ходе бесед с ним Сунь Ятсен высказывался за тесное сотрудничество с Советской Россией и проявил заинтересованность в заключении военного союза против Японии. Однако из-за нестабильной обстановки он считал преждевременным вступать в официальные переговоры. В вопросе о монгольской независимости глава южного правительства занял твердую позицию: "Монголия является неотъемлемой частью Китая... и на основе китайской конституции входит в состав Китайской Республики". Касясь внутренних дел, Сунь Ятсен заявлял, что испытывает острую нужду в опытных специалистах по вопросам государственного строительства, организации контроля за производством, и выражал желание получить таких специалистов из России. Однако из его высказываний, по словам Далина, можно было понять, что он побаивается советизации Китая, но и не исключает ее⁶⁹.

Позже положение Сунь Ятсена на юге страны значительно укрепилось. При участии советской стороны он примирился даже с прежним противником У Пэйфу⁷⁰.

МИССИЯ А.А. ИОФФЕ В КИТАЙ

27 июня 1922 г. НКИД РСФСР уведомил Пекин через представителя китайского правительства в Москве Шэнь Чжунсюня о назначении чрезвычайного и полномочного представителя России в Китае "для того, чтобы сделать более тесными узы дружбы, которые всегда существовали между Россией и Китаем"⁷¹. Выполнение указанных функций было возложено на А.А. Иоффе, которому также поручалось проведение

⁶⁵ Там же, ф. 0100, оп. 5, п. 101, д. 1, л. 22–24.

⁶⁶ Там же, л. 26.

⁶⁷ Там же, оп. 7, п. 107, д. 19, л. 15–15об.

⁶⁸ Там же, оп. 5, п. 102, д. 13, л. 1–5.

⁶⁹ Там же, п. 101, д. 1, л. 32–32об.

⁷⁰ Там же, ф. 0100, оп. 7, п. 107, д. 19, л. 108–108об.

⁷¹ ДВП СССР, т. V, с. 756.

переговоров с Японией. В ответной ноте китайского правительства от 10 июля подтверждалась готовность китайского правительства "принять г. Иоффе полуофициальным представителем Правительства РСФСР в Пекине"⁷².

По прибытии в Пекин 12 августа возглавлявшейся Иоффе делегации Пайкес выехал в Москву. Новая российская делегация на этот раз имела более широкие полномочия – перед ней была поставлена задача добиться установления официальных дипломатических отношений с Китаем, заключить торговый договор и соглашение о КВЖД.

После предварительного обмена мнениями между сторонами Иоффе 2 сентября 1922 г. передал министру иностранных дел Китая Веллингтону Ку (Гу Вэйцзюню) меморандум, в котором говорилось, что российское правительство готово вести переговоры о заключении нового соглашения с Китаем на основе принципов, изложенных в Обращении от 25 июля 1919 г. и в ноте от 27 сентября 1920 г.⁷³

7 сентября 1922 г. министерство иностранных дел Китая сообщило о согласии пекинского правительства созвать совместную конференцию для обсуждения вопросов, касавшихся установления добрососедских отношений⁷⁴.

В это же время в РСФСР выработывалась юридическая концепция правопреемства Российской Федерации по отношению к наследию, оставленному царской Россией. В записке НКВД в связи с подготовкой проекта советско-китайского договора отмечалось: "Правительство РСФСР, являясь после Октябрьской революции полным правопреемником всего комплекса международных правоотношений российского временного правительства и тем самым и императорского правительства, наследует в этой области все права и обязанности бывших русских правительств... Изменение в самой России частно-правовых отношений в силу нового революционного права не может изменить общего положения подобного международного правопреемства... В Китае положение наше базируется на тех же принципах... Ни продолжительное отсутствие русского представительства в Китае, ни наличие до 1920 г. в Пекине русского контрреволюционного псевдопредставительства не могут влиять на действительность тех договоров, заключенных с Россией, впредь до заключения нового договора с новым русским правительством, которое бы тем самым отказалось от всех прежних договоров. Это понимал даже бывший русский посланник в Китае, переживший в Пекине при поддержке держав Антанты и вопреки всем нормам международного права почти на три года падение временного правительства. В последней своей ноте от 24 сентября 1920 г. на имя китайского правительства он указывал на необходимость сохранения статус-кво русско-китайских договоров, впредь до согласия на их отмену или изменение со стороны нового русского правительства. Таково юридическое положение дела при начале переговоров о заключении нового русско-китайского договора. Все прежние договоры, заключенные между российским и китайским правительствами, действительны, как бы часто они за последнее время не нарушались Китаем или третьими державами"⁷⁵.

Правительство ДВР 28 октября 1922 г. передало Иоффе свои полномочия на ведение переговоров с Китаем и заключение соглашения⁷⁶. После освобождения территории Дальнего Востока (за исключением района Северного Сахалина) от интервентов и белогвардейцев народное собрание ДВР высказалось 14 ноября 1922 г. за присоединение к РСФСР. С прекращением существования ДВР работа представительства не прекратилась и, по словам уполномоченного ДВР в Маньчжурии Б.А. Похвалинского, "лишь красные грифы на гербах и бланках ДВР с буквами РСФСР указывали на свершившийся автоматический переход"⁷⁷. Вербальной нотой от

⁷² АВП РФ, ф. 492, п. 1, д. 1, л. 19.

⁷³ Известия, 16.IX.1922.

⁷⁴ ДВП СССР, т. V., с. 567.

⁷⁵ АВП РФ, ф. 0100, оп. 7, п. 107, д. 19, л. 117–119.

⁷⁶ Там же, ф. 028, оп. 2а, п. 9а, д. 2, л. 2.

⁷⁷ Там же, ф. 0100, оп. 6, п. 103, д. 4, л. 114.

13 декабря 1922 г. министру иностранных дел Китайской Республики сообщалось об упразднении миссии ДВР в Китае⁷⁸.

Китайские власти отнеслись к этим событиям спокойно, заявив, что они рассматривали ДВР как проводника политики Москвы и что в конце концов для них гораздо удобнее иметь дело с представителем России, нежели с посредниками⁷⁹.

Подводя итоги деятельности представительства ДВР в Харбине (Маньчжурия), Похвалинский отмечал, что оно не только "успело в период своего более полуторагодового существования под флагом ДВР пустить здесь крепкие и надежные корни, но и в будущем при правильной постановке дела оно сможет дать очень и очень много на почве проведения наших задач в трех восточных провинциях"⁸⁰.

В порядке подготовки к конференции в Пекине проходил интенсивный обмен мнениями по многим вопросам, представлявшим интерес для обеих сторон: с КВЖД, Внешней Монголии, пограничных делах, судоходстве по Амуру и Сунгари, о судах Добровольного флота, уведенных белогвардейцами, положении советских граждан в Северной Маньчжурии. В советском руководстве имелись различные подходы к обсуждавшимся вопросам⁸¹.

Проблема КВЖД приобрела особую остроту в ноябре 1922 г. после вхождения в состав РСФСР Владивостока и Приморской области. Необходимо было прочно связать с центром при помощи этой дороги самую отдаленную часть России. Делегация РСФСР предложила договориться о совместном использовании КВЖД. Пекин, ссылаясь на один из рабочих вариантов Обращения советского правительства от 1919 г., получивший широкое хождение в Китае, заявил, будто Россия совершенно отказалась от каких-либо прав на КВЖД. Разъясняя суть дела в письме Чичерину от 13 октября 1923 г., Карахан отмечал, что небрежность в работе с документами обернулась для советской стороны политическими издержками: "Для Китая вопрос о КВЖД имеет громадное значение и разрешение его осложняется тем, что в Китай неофициальным путем попал проект декларации 1919 г., где пункт о КВЖД был сформулирован в смысле безвозмездной передачи дороги Китаю. В одном из первоначальных проектов такой пункт действительно был, но он был мною вычеркнут. Тем не менее я очень подозреваю, что по невнимательности и халатности Вознесенский, который был тогда заведующим отделом Востока, мог этот проект кому-нибудь дать и, таким образом, он мог попасть в печать. К счастью, экземпляры, которые были подписаны мною, не содержат этого пункта и один из этих экземпляров, который был мною передан через генерала Чжан Сюлина в МИД, представляет собой точную копию подлинной декларации за моей подписью и не содержит этого пункта. Но большое распространение в Китае приобрел именно этот неточный текст"⁸². Россия действительно предлагала два варианта решения этого вопроса: совместная эксплуатация КВЖД либо передача ее в полную собственность Китаю. Однако впоследствии временно пришлось отказаться от второго варианта из-за очевидного намерения США, Японии, а также Русско-Азиатского Банка, за которым стояла Франция, закрепиться на этой дороге и использовать ее для подрывной деятельности против России. Стремясь не допустить захвата КВЖД третьими

⁷⁸ Там же, п. 104, д. 23, л. 22.

⁷⁹ Там же, п. 103, д. 4, л. 115.

⁸⁰ Там же, л. 116–117.

⁸¹ Известия, 24.IX.1922; АВП РФ, ф. 100, п. 3, д. 7, л. 28–30.

В написанной по материалам архива МИД России статье китайского исследователя Линь Цзюня "Советский Союз и Китай в 20-е годы" (Новая и новейшая история, 1997, № 3) содержатся некоторые спорные тезисы, отражающие имевшую место полемику по конкретным внешнеполитическим вопросам, характерную на стадии выработки советским руководством политических решений. Официальная позиция советского правительства фиксировалась в документах правительства и НКВД.

⁸² АВП РФ, ф. 0100, оп. 5, п. 101, д. 1, л. 234–235.

В меморандуме советского представительства от 21 декабря 1922 г. подтверждалось, что в подлинном тексте Декларации 1919 г. отсутствовало положение о безвозмездной передаче КВЖД Китаю. – Там же, оп. 6, п. 104, д. 24, л. 4.

странами, российская делегация представила пекинским властям официальный текст декларации 1919 г., в которой предлагалось, чтобы оба правительства заключили договор о порядке пользования дорогой⁸³. Инструктируя Иоффе по этому вопросу, Чичерин писал: "Никаких уступок мы не должны делать и по вопросу о КВЖД. Вы сами указываете, что японцы усиливают Северную Маньчжурию и снабжают скопившихся там белогвардейцев оружием и средствами. Очищая Приморье, японцы укрепляются в Маньчжурии. Наш договор с Китаем о КВЖД имеет скорее характер программы нашей будущей работы в Маньчжурии. Отвоевывать ее придется когда-нибудь нам. Скопившиеся там белогвардейцы и японцы будут непрерывно угрожать и Чите, и Владивостоку. Сейчас мы еще не можем этого делать, но в недалеком будущем нам придется взяться за Маньчжурию. КВЖД нам придется отвоевывать. Мы признаем теоретически собственность китайского народа на КВЖД, но безусловно требуем себе права военных гарнизонов и управления КВЖД посредством смешанной комиссии. Мы заняты суровой борьбой с реальностью. Передать КВЖД Китаю – значит передать ее японцам и белогвардейцам"⁸⁴.

При обсуждении монгольского вопроса китайская сторона вновь настаивала на выводе советских войск из Внешней Монголии⁸⁵. Ссылаясь на сообщение печати о подписании секретного соглашения между РСФСР и Монголией, Пекин заявил, что не признает никаких соглашений, заключенных между российским правительством и Внешней Монголией. 15 ноября 1921 г. Иоффе подтвердил, что действительно в Москве было подписано 5 ноября соглашение между правительством РСФСР и народным правительством Монголии о восстановлении дружественных отношений между Россией и Монголией. Текст соглашения был опубликован в официальных изданиях. Отменялись все договоры и соглашения, заключенные между бывшим царским правительством России и бывшим правительством автономной Монголии, и никаких покушений на суверенитет Китая в соглашении не содержалось⁸⁶. Чичерин по монгольскому вопросу писал Иоффе 17 октября 1922 г.: "Создание народно-революционного правительства в Монголии было одним из крупнейших успехов нашей политики. Советизация там нет, и для нее в Монголии нет почвы. Это хорошее демократическое народное правительство первобытной национальности, представляющей благоприятную почву для такого строя, может быть целиком в руках Унгерна с его белогвардейцами и помогавшими ему японцами. Народные массы Монголии ждали нас и шедшую вместе с нами революционную монгольскую армию как избавителей... Сами монголы умоляют нас не уходить и отставить гарнизон в Урге для защиты их от всяких белогвардейцев, японцев, хунхузов и от войск Чжан Цзолина. Мы не имеем права бросить их на произвол судьбы. Это противоречит элементарнейшим нашим интересам, ибо Монголия в руках белогвардейцев, японцев или других авантюристов держала бы громадную нашу сибирскую границу под вечной угрозой. Итак, полное самоуправление и самоопределение Монголии должно быть неприкосновенным и нами поддерживаться. Претензии Китая будут в достаточной мере удовлетворены теоретическим признанием его сюзеренитета (в данном случае исторической вассальной зависимости Монголии от Китая. – Г.П.) и в крайнем случае суверенитета, без права вмешательства в дела Монголии, в особенности без права держать там войска. Мы заявляем категорически, что наши войска остаются в Монголии по просьбе самого монгольского правительства лишь до тех пор, пока Монголия не может сама себя защищать. Их пребывание там временное... Совершенно неверно, якобы китайцы не пойдут на тройственную конференцию (Монголия, Россия, Китай). Главное не спешить и сохранять полное терпение и выдержку. Нам нечего торопиться с этим договором. Настаивайте на нашей точке зрения. Тяните, не рвите ни в коем

⁸³ Там же, ф. 100, п. 3, д. 7, л. 28–30.

⁸⁴ Там же, ф. 08, оп. 5, п. 3, д. 173, л. 11–12.

⁸⁵ Там же, ф. 100, п. 8, д. 7, л. 11–12.

⁸⁶ Там же, п. 3, д. 7, л. 32, 35–37.

случае. Разрыва не будет. Вас из Пекина не погонят. Неизменно сохраняйте самый дружелюбный и выдержанный тон. Пройдет время и китайцы с полной готовностью пойдут на нашу комбинацию с Монголией"⁸⁷.

В целом в ходе переговоров российская делегация возражала против выдергивания какого-либо вопроса из всего комплекса проблем, подлежащих разрешению на предстоящей конференции, в целях установления нормальных всесторонних отношений между РСФСР и Китаем. Главным же требованием советской стороны, отмечал Чичерин, было признание Советской России де-юре. "Это неперемное условие соглашения, – писал он Иоффе. – Пусть китайцы вначале отмахиваются и разыгрывают сцену ужаса: это не должно вас смущать. Нам некуда торопиться. Сидите себе в Пекине, распространяйте вокруг себя симпатии к Советской России, расширяйте ваши связи среди различных элементов китайского общества, в провинции, укрепляйте хорошие отношения с Гоминданом, прогрессистами, У Пэйфу. В Пекине время не будет потеряно, наоборот, чрезвычайно многое может быть сделано также и в области нашей мировой политики и наших международных отношений вообще. Работа громадная. Свяжитесь с американцами, нащупывайте японцев, вглядывайтесь в мировые отношения и в нашу международную обстановку через пекинское окно, весьма выгодно расположенное. Еще немного и Китай пойдет на признание нас де-юре"⁸⁸.

В январе 1923 г. Иоффе выехал в Японию на лечение. В этой связи НКИД предложил прибывшему в Россию в мае 1922 г. китайскому представителю Шэн Чжунсюню⁸⁹ перенести переговоры в Москву. Мотивировалось это тем, что полпред серьезно болен и нескоро сможет приступить к своим обязанностям⁹⁰.

По пути в Японию Иоффе встречался в Шанхае с Сунь Ятсеном. Во время бесед была достигнута договоренность и взаимопонимание по широкому спектру вопросов двусторонних отношений⁹¹.

Касаясь тактики дипломатии, Иоффе в письмах, отправленных Карахану в конце 1922 – начале 1923 гг., сообщал, что "все эти годы мы вели в Китае такую политику, что упорно предлагали ему переговоры по отдельным наиболее важным вопросам то о КВЖД, то о Монголии, то о плавании по рекам". В результате Пекин согласился на переговоры по всему комплексу вопросов, включая дипломатические и консульские дела, которые могли бы завершиться заключением всеобъемлющего договора с обязательным юридическим признанием России. По информации Иоффе, иностранные представители в Китае дали ему понять, что не будут этому препятствовать⁹².

На позицию Пекина оказали влияние начавшиеся в Токио советско-японские переговоры и, в частности, тот факт, что их вел Иоффе, формально продолжавший возглавлять советскую делегацию в Китае.

17 февраля 1923 г., отвечая на советское предложение о перенесении переговоров в Москву, министерство иностранных дел Китая высказалось за их продолжение в Пекине и обратилось с просьбой к правительству СССР "ускорить приезд А.А. Иоффе в Пекин для немедленного открытия переговоров или же для этой цели назначить уполномоченное лицо"⁹³.

К сожалению, из-за затянувшейся болезни Иоффе сроки созыва советско-китайской конференции постоянно переносились. 4 апреля 1923 г. китайское правительство вербальной нотой сообщило о своем намерении немедленно начать переговоры и назначило главой своей делегации Ван Чжэнтин⁹⁴. Лишь 20 июля 1923 г. после

⁸⁷ Там же, ф. 08, оп. 5, п. 3, д. 17, л. 9–10.

⁸⁸ Там же, л. 10–11.

⁸⁹ Там же, ф. 0100, оп. 5, п. 101, д. 1, л. 49–55; оп. 7, п. 104, д. 1, л. 67.

⁹⁰ Там же, ф. 100, п. 163, д. 1, л. 93.

⁹¹ Там же, ф. 100, оп. 4а, п. 163, д. 1, л. 94–95.

⁹² Там же, ф. 08, оп. 5, п. 3, д. 18, л. 13–15; Там же, оп. 6, п. 4, д. 8, л. 36–37.

⁹³ ДВП СССР, т. VI, с. 216–217.

⁹⁴ АВП РФ, ф. 0100, оп. 7, п. 104, д. 1, л. 36; оп. 6, п. 104, д. 24, л. 55–63.

неоднократных требований китайской стороны Наркоминдел сообщил Шэн Чжунсюню, что из-за продолжительной и серьезной болезни Иоффе советское правительство поручило возглавить переговоры заместителю наркома иностранных дел Карахану, который должен был в ближайшее время выехать на Дальний Восток⁹⁵. 27 июля китайские власти были официально уведомлены об отзыве из Китая Иоффе и назначении полпредом РСФСР в Пекине Карахана⁹⁶.

В ожидании подписания договора между РСФСР и Китаем был установлен порядок, в силу которого по обоюдному согласию признавались китайской стороной – полпредство России в Пекине, а также управления российских уполномоченных НКИД, выполнявших консульские функции, в Шанхае, Харбине, Суйфыньхэ (ст. Пограничная), Сахаляне (Хэйхэ), Чифу (Яньтай), Кульдже, Чугучаке и Урумчи; советской стороной – миссия Китайской Республики в Москве, ее уполномоченные в Чите, Благовещенске, Владивостоке, Никольск-Уссурийске, Хабаровске, Ново-Николаевске, Киеве и Иркутске. Представители обеих сторон, несмотря на отсутствие полного юридического признания, были наделены почти всеми дипломатическими и консульскими полномочиями, включая право сообщения со своими правительствами через шифропереписку и дипкурьерскую связь. В условиях нестабильной обстановки и возможного распада Китая были учреждены независимые российские агентства в Кантоне и Мукдене для связи соответственно с Сунь Ятсеном и Чжан Цзолином. В целях координации с Дальревкомом действий в отношении Китая в Читу также был назначен уполномоченный Наркоминдела⁹⁷.

Круг вопросов, которыми приходилось заниматься российским представителям, был очень широк. Это и пограничные инциденты, и деятельность белогвардейских организаций и контрабандистов, и пароходное сообщение между Чифу и Владивостоком, обложение судов пошлинами, миграция китайского населения, в частности из Шаньдунской провинции на заработки на советский Дальний Восток, хозяйственная деятельность российских граждан на спорных островах по р. Аргуни, обслуживание граждан, связанных интересами с Россией, вопросы въезда и выезда, паспортные дела и истребование документов, правовое положение российских граждан в полосе отчуждения КВЖД.⁹⁸

Анализ внутреннего положения в Китае, сделанный в советском полпредстве в Пекине в сентябре 1923 г., сводился к выводу о необходимости для России по примеру западных стран "иметь своих людей при каждом видном представителе Китая", при Сунь Ятсене, маршалах Чжан Цзолине и Дуань Цижуге, генерале У Пэйфу и др. "При этом, – подчеркивалось в документе, – не по одному представителю, а по несколько лиц, так как они будут освещать каждый по-своему, но по разным донесениям из одного и того же места все же можно будет составить себе среднюю картину более или менее точную о том, что в действительности у того или иного дущюня происходит. Иначе мы все время будем бродить на ощупь и неминуемо спотыкаться, т.к. в Китае мы не можем сейчас по условиям момента вести иной политики, чем базируясь на его национально-освободительном движении. Другими словами, мы должны опираться на реальные силы, быть в связи со всеми реальными силами, но среди них все-таки приходится учитывать и Пекин. Правда, нам не следует признавать пекинское правительство до тех пор, пока оно нас не признает, в этом кроется известный козырь и залог успеха, но если каждый год советской работы в Китае дал что-то, то это произошло главным образом потому, что мы все-таки находились в центре и отсюда волны нашего морального воздействия, при способности китайцев мгновенно передавать что угодно и куда угодно, катились по всему Китаю и будили его общественное самосознание. Таким образом, почва в Пекине у нас уже подготовлена, нас здесь научились "воспринимать". Подводя итоги сказанному, пол-

⁹⁵ Там же, л. 89.

⁹⁶ Там же, оп. 6, п. 104, д. 24, л. 113.

⁹⁷ Там же, оп. 7, п. 104, д. 1, л. 50–52, 54; п. 105, д. 3, л. 325–325об.; Там же, п. 107, д. 19, л. 173–176.

⁹⁸ Там же, ф. 0100, оп. 7, п. 105, д. 3, л. 4, 9–10, 63–71, 107, 119, 219.

предство резюмировало, что "как бы китайцы не грызлись между собой, а все вместе со своим правительством, но во внешних делах они все объединяются"⁹⁹.

В целом, по мнению НКВД, "наша политика в Китае вполне predetermined общими принципами, многократно провозглашенными нами по отношению к восточным народам. Положение наше может лишь укрепиться при соблюдении нейтралитета среди борющихся как в самом Китае, так и вокруг него сил"¹⁰⁰.

МИССИЯ Л.М. КАРАХАНА В КИТАЙ

В начале августа 1923 г. Карахан в ранге чрезвычайного и полномочного представителя СССР выехал в Китай во главе третьей советской дипломатической делегации. Его путь пролегал через Маньчжурию. Он посетил Харбин и Мукден (Шэньян), где встречался с маршалом Чжан Цзолином, который высказывал желание установить дружественные отношения с СССР¹⁰¹. В письме Чичерину от 27 августа Карахан доложил о расстановке сил в Китае и задачах, которые предстояло решать делегации: "Мы исходили из того, что пекинское правительство, будучи совершенно игрушкой в руках дипломатического корпуса, ...не является той политической силой, с которой мы могли бы твердо договориться. В Китае у нас есть конечная цель и ближайшие задачи. Конечная цель – это создание объединенного национального всекитайского правительства в Пекине, возглавляемое Суном, с руководящим влиянием тех групп, которые мы объединяем под словом Гоминдан... Ближайшие же задачи – решение вопроса о КВЖД, который может быть решен только с Чжан Цзолином. И если мы потеряем всякую надежду договориться с ним мирно, мы можем пойти на военное занятие КВЖД. В конечном счете, закрепляясь на КВЖД, развязывая руки Чжану для похода на Пекин, мы создаем условия, облегчающие совместный приход Чжана и Сунь Ятсена в Пекин. В то же время, владея КВЖД, мы укрепляем нашу позицию в Маньчжурии, что явится сильным орудием нашего давления на Чжана и облегчит разрешение спора между Чжаном и Суном в пользу последнего"¹⁰².

Вопрос о КВЖД детально обсуждался в ходе переговоров между Караханом и прибывшей в Москву 26 мая 1923 г. маньчжурской делегацией во главе с Ши Люем, выступившей с предложением заключить сепаратный договор с Мукденом. По мнению НКВД, такое соглашение представлялось весьма выгодным, поскольку ставило Маньчжурию "в положение как бы второй Монголии". При этом учитывался и тот факт, что воздействие СССР на Мукден могло быть гораздо "внушительнее", нежели на Пекин, находившийся в сфере иностранного влияния. Тогда же были выработаны общие принципы соглашения. Оговорены паритет российских и китайских делегатов в правлении дороги и преобладание российских членов в финансовой комиссии¹⁰³.

Ко времени прибытия Карахана в Китай ситуация улучшилась: интервенция окончилась неудачей. В Китае ширилось движение за признание Советской России. В Наркоминделе, не отрицая в принципе возможности решения конкретных вопросов на переговорах с местными маньчжурскими властями, полагали, что теперь уже "весь Китай чрезвычайно заинтересован в установлении добрососедских отношений" с СССР, в том числе и Маньчжурия, имеющая с ним общую границу. В вопросе о КВЖД позиция НКВД сводилась к следующему: "Фактически КВЖД принадлежит России, потому что построена на ее деньги... Делом России является то, будет она

⁹⁹ Там же, оп. 6, п. 103, д. 3, л. 149–154.

¹⁰⁰ Там же, оп. 7, п. 107, д. 19, л. 178.

¹⁰¹ Там же, оп. 6, п. 104, д. 24, л. 70–74. О деятельности Карахана в Китае см.: *Соколов В.В.* Страницы жизни и деятельности Л.М. Карахана. – Новая и новейшая история, 1978, № 4, с. 103–108.

¹⁰² АВП РФ, ф. 0100, оп. 5, п. 101, д. 1, л. 153–155.

¹⁰³ Там же, оп. 7, п. 107, д. 17, л. 307–314; д. 19, л. 220–223.

требовать возвращения ее собственности или откажется от этого... КВЖД соединяет одну часть России с другой и до тех пор, пока Россия не в силах построить себе новую дорогу на своей территории или привести Амурскую дорогу к тому, чтобы она могла заменить КВЖД, она не сможет отказаться от КВЖД как от дороги, являющейся продолжением и частью великого сибирского пути"¹⁰⁴.

2 сентября 1923 г. Карахан прибыл в Пекин, где ему была оказана торжественная встреча. В честь советской делегации устраивались многочисленные приемы, на которых необходимость восстановления отношений между двумя державами признавалась всеми без исключения¹⁰⁵. Об общности интересов двух стран полпред писал: "Политические деятели высказывали примерно одни и те же мысли: Китай беден финансами, но богат естественными ресурсами так же, как и мы, и поэтому обоим странам необходимо идти совместно, чтобы укрепить свою экономическую жизнь. Члены парламента, сочувствующие нам, говорят, что Китай должен нас признать, не считаясь с тем, что будут говорить иностранцы по этому поводу"¹⁰⁶.

7 сентября полпредство РСФСР в Китае было переименовано в представительство СССР. СССР выступил в качестве правопреемника РСФСР¹⁰⁷. В письме от 11 сентября 1923 г. к Чичерину Карахан высказывал предположение, что еще до начала конференции с китайцами, возможно, удастся добиться восстановления нормальных отношений де-юре и передачи советской стороне здания посольства. По его словам, вокруг этого требования нужно было объединить различные слои китайского общества, парламента, сената, для чего представлялось целесообразным провести соответствующую кампанию. Заслуживающим внимания обстоятельством Карахан считал резкий поворот всех без исключения политических партий и военных группировок в отношении СССР: "Если год тому назад нашими сторонниками и друзьями были лишь студенчество, профессура, гоминдановцы и примыкающие к ним националистические элементы, то сейчас необходимость восстановления сношений с нами признается всеми без исключения". Признание СССР де-юре не только укрепляло международное положение советского государства, но и создавало твердую базу для межгосударственных отношений с Китаем. Это давало возможность, в частности, отстаивать интересы страны, касающиеся ее концессий, судов, капиталов в банках, прав на Русско-Азиатский банк и, что самое главное, прав на КВЖД. В отношении последней, в случае юридического признания СССР, считал Карахан, в дальнейшем "ни одна из иностранных держав не имеет под собой международно-правовой почвы для каких-либо протестов или какого-либо вмешательства в этот вопрос, ибо на основании Вашингтонских и других решений права России на дорогу являются неоспоримыми"¹⁰⁸.

24 сентября 1923 г. Карахан вручил копии верительных грамот министру иностранных дел Китая Веллингтону Ку. Полпред просил НКИД срочно выслать ему подлинники грамот для вручения их президенту Китайской Республики Цао Куню¹⁰⁹. Он полагал, что, поскольку СССР являлся правопреемником России, а отношения между Россией и Китаем официально разорваны не были, станет возможным обмен дипломатическими представителями и тем самым восстановление официальных отношений между двумя странами. После нормализации отношений, по мнению Карахана, было бы значительно легче решать и другие вопросы.

Пекин соглашался иметь дело с Караханом не как с чрезвычайным и полномочным послом СССР, а как с советским представителем на переговорах по урегулированию отношений между странами. Пекин подчеркивал, что с приездом Карахана ничего в отношениях между сторонами не изменилось, эти отношения продолжают быть де-

¹⁰⁴ Там же, оп. 5, п. 102, д. 19, л. 4–6.

¹⁰⁵ Там же, п. 105, д. 2, л. 22.

¹⁰⁶ Там же, ф. 0100, оп. 7, п. 109, д. 36, л. 1–3.

¹⁰⁷ Там же, оп. 6, п. 104, д. 24, л. 70–74, 116.

¹⁰⁸ Там же, оп. 5, п. 101, д. 1, л. 160–165; оп. 7, п. 105, д. 2, л. 25–26.

¹⁰⁹ Там же, ф. 0100, оп. 7, п. 105, д. 2, л. 25–26.

факто и единственное изменение состоит в том, что Карахан представляет теперь не Россию, а СССР¹¹⁰.

В ответ на это советское правительство, исходя из принципа взаимности, заявило, что не может принять в Москве назначенного в октябре 1923 г. официального дипломатического представителя Китая Ли Цзяо, и соглашалось лишь на предоставление ему такого же статуса, каким пользовался Карахан¹¹¹.

В сентябре состоялись предварительные консультации между Караханом и главой китайской делегации Ван Чжэнтином, в ходе которых советский представитель настаивал на незамедлительном установлении дипломатических отношений, а представитель Китая предлагал обсудить все спорные вопросы на конференции¹¹². Позднее позиция Ван Чжэнтина претерпела некоторые изменения. Он согласился на советское предложение при условии подписания соглашения, которое содержало бы принципиальные основания, каким образом должны решаться вопросы на будущей конференции. Карахан, полемизируя со своим оппонентом, в письме от 30 ноября 1923 г. отмечал, что разница во взглядах у нас заключалась не в том, что он предлагал все вопросы разрешить немедленно в предварительном соглашении, превращая его в уплату за признание Китаем СССР. Карахан требовал восстановления нормальных отношений между обеими странами "без всякой специальной платы за это". По существу же он был готов учитывать национальные интересы Китая¹¹³.

Не менее острая дискуссия развернулась и по КВЖД. Не настаивая на прежней жесткой позиции, Карахан предлагал наркому проявить большие гибкости в подходе к вопросу о КВЖД: "Я бы очень хотел, чтобы вы обдумали, не представилось бы возможным признать, что акции КВЖД, находящиеся у нас, мы передаем Китаю, и, таким образом, Китай делается собственником дороги, но что дорога считается заложенной у нас, и впредь до того, как Китай ее не выкупит, мы имеем большинство в правлении и все преимущества и привилегии, которые вытекают из устава общества КВЖД, за исключением, конечно, тех статей, которые прямо нарушают суверенитет Китайской Республики. Может быть, при такой формулировке, которая номинально дает что-то Китаю, а фактически оставляет все в наших руках, было бы легче добиться соглашения, причем на самой конференции мы могли бы установить сроки и условия выкупа, которые были бы теми же самыми, что и в самом договоре 1896 г., т.е. право выкупа Китай имеет приблизительно через 16 лет после того, как он уплатит всю стоимость дороги. Такое положение, номинально признающее Китай собственником дороги и фактически сохраняющее за нами все права и большинство в правлении, может быть, могло бы облегчить разрешение вопроса"¹¹⁴.

Находясь в Пекине, Карахан и другие члены советской делегации выступали с речами, публиковали статьи в местной прессе, проводили, по образному выражению полпреда, открытую дипломатию¹¹⁵. Укреплению связей с общественностью Китая способствовало решение советского правительства о передаче российской доли контрибуции, наложенной на Китай империалистическими государствами после подавления восстания ихэтуаней, на нужды просвещения в Китае¹¹⁶.

В сложной внутривосточной обстановке в Китае приходилось прилагать немало усилий для поддержания необходимых связей с различными регионами страны. Чичерин и Карахан вели регулярную переписку с Сунь Ятсеном, Чжан Цзолином, У Пэйфу¹¹⁷. Придавая важное значение образованию в Китае единого демократического фронта во главе с Сунь Ятсеном, советское правительство установило особо довери-

¹¹⁰ Там же, л. 39.

¹¹¹ Там же, п. 107, д. 19, л. 234; оп. 5, п. 101, д. 1, л. 389.

¹¹² Там же, п. 105, д. 2, л. 40.

¹¹³ ДВП СССР, т. VI, с. 526–527.

¹¹⁴ АВП РФ, ф. 0100, оп. 5, п. 101, д. 1, л. 234–235.

¹¹⁵ ДВП СССР, т. VI, с. 438–439, 462–463.

¹¹⁶ Там же, с. 500–504, 508–509, 538–540.

¹¹⁷ Там же, с. 435–436; АВП РФ, ф. 0100, оп. 7, п. 107, д. 19, л. 16, 27, 31, 182, 185, 189.

тельные отношения с кантонским правительством. 2 сентября 1923 г. в Москву прибыла кантонская военная делегация во главе с начальником штаба Чан Кайши. Главная цель ее поездки заключалась в получении от СССР военной и финансовой помощи для проведения реорганизации Гоминдана и создания революционных вооруженных сил. В Москве делегация была принята наркомом по военным и военноморским делам Л.Д. Троцким, который в беседе доказывал необходимость замены военных методов борьбы политическими. Они встречались также с Г.Е. Зиновьевым, Л.Б. Каменевым и другими членами Исполкома Коминтерна, с секретарем ЦК РКП(б) Я.Э. Рудзутаком, председателем ЦИК Союза СССР М.И. Калининым. Им были высказаны рекомендации по программе и тактике деятельности Гоминдана в связи с предстоящим I съездом, предложен проект создания военной школы для обучения китайских революционеров. Были удовлетворены просьба китайских делегатов об оказании им военной помощи. С этой целью в Кантон была направлена в конце 1923 г. первая группа советских военных специалистов¹¹⁸. В отношении финансовой помощи Сунь Ятсен поднимал вопрос еще в бытность в Китае Иоффе, который довел до его сведения решение ЦК РКП(б) о готовности СССР предоставить кантонскому правительству ссуду в 2 млн. руб. и оказать помощь вооружением. Однако вскоре вслед за этим в Москве было принято другое решение – о выделении Кантону уже не 2 млн. руб., а лишь 500 тыс. руб. Расходы же на партию, прессу и военные нужды намного превышали отпущенные средства. Учитывая изменившуюся ситуацию с финансовой помощью, Карахан предложил употребить выделенные полмиллиона в первую очередь на политические цели, отнеся к ним расходы и на военную школу¹¹⁹.

Карахан подробно информировал Сунь Ятсена о консультациях с центральным правительством Китая. Так, в письме от 14 января 1924 г., сообщив о предложении Ван Чжэнтиня заключить соглашение по спорным вопросам до начала официальных переговоров, полпред комментировал свою позицию следующим образом: "Не желая быть непримиримым, я попытался путем обмена мнениями с ним выяснить, что он понимает под этим принципиальным соглашением, и этот обмен мнениями показал, что он предполагает заставить меня подписать предварительное соглашение, которое в окончательном виде разрешает наиболее интересующие его вопросы: о КВЖД и монгольский. Я, конечно, решительно отклонил его попытку контрабандой протащить то, что должно быть разрешено на конференции". Ван неоднократно настаивал на безоговорочной передаче КВЖД Китаю. В ответ Карахан утверждал: "Если даже признать доказанным, что русский народ должен подарить китайскому КВЖД, что означает 1,2 млрд. долл., то во всяком случае он это не мог бы сделать в переговорах с Ваном и пекинским кабинетом. Я отделяю китайский народ от пекинского правительства. Если бы в Пекине был действительно национальный и демократический кабинет, тогда был бы другой разговор. Если бы в Пекине было правительство Сунь Ятсена, тогда не было бы той жертвы, которой мы не несли для этого правительства, ибо мы знали, что это делается для народа, а не для чжилийской клики"¹²⁰.

Останавливаясь на факторах, мешавших подписанию соглашения между СССР и Китаем, Карахан писал Чичерину 3 ноября 1923 г.: "Глава китайской делегации Ван хотел бы пойти несколько дальше нам навстречу и готов был, может быть, заключить приемлемое для нас соглашение, но он связан инструкцией правительства, которая была ему навязана вместе с подписанием полномочий на ведение и заключение соглашения. Инструкция содержит, например, такие пункты, как возмещение всех убытков от национализации, реквизиции и других мероприятий советского правительства. Она предусматривает бесплатную передачу КВЖД в собственность Китая,

¹¹⁸ В группу, возглавляемую П.А. Павловым, входили: А.П. Черapanов, Я.Г. Герман, П.И. Смоленцев, Н.И. Терешатов, В.Я. Поляк. С октября 1924 г., после смерти Павлова, группу возглавил В.К. Блюхер. – АВП РФ, ф. 0100, оп. 5, п. 101, д. 1, л. 178–182, 331–332, 336, 354, 377, 381; оп. 7, п. 106, д. 11, л. 4; д. 10, л. 26.

¹¹⁹ Там же, оп. 8, п. 109, д. 1, л. 106–108.

¹²⁰ Там же, оп. 7, п. 106, д. 11, л. 4–5об.

вознаграждение Китая за все те убытки, которые китайское население и правительство понесли в связи с отступлением белогвардейских армий на китайскую территорию, и возмещение всех тех расходов, которые китайское правительство несло по содержанию белых армий и эмиграции". По мнению Карахана, требования пекинского правительства продиктованы великими державами, которые, не решаясь прямо запретить Китаю установить нормальные отношения с СССР, посоветовали ему пойти на соглашение с советской стороной, но на определенных условиях, которые и продиктовали. Влияние великих держав и стало основным тормозом, препятствовавшим заключению соглашения. Однако были и другие факторы, по словам полпреда, "чисто китайские". "Китайцы привыкли, – писал он, – что иностранцы их грабят, растаскивают все, что плохо лежит, и когда у них появляется хоть маленькая надежда, что они могут вернуть себе награбленное, или если они чувствуют в каком-нибудь пункте малейшую слабость, они делаются чрезвычайно наглыми и стараются выторговывать с чисто азиатской выдержкой все, что возможно. Они лучше, чем какие-либо другие дипломаты, способны торговаться до седьмого пота"¹²¹. Отмечая отличия западной дипломатии от восточной, советское полпредство сообщало: "Здесь поневоле приходится учитывать особенности Дальнего Востока, брать долгой вежливостью, чтобы добиться чего-нибудь по существу, и никакие шпильки здесь хороших результатов не дадут, т.к. китайцы превеликие философы, предпочитают смотреть, что делают другие, а затем, так лет через сто, они вынесут свое суждение... С другой стороны, на них необычайно действует аргумент силы"¹²².

Понимая, что переговоры зашли в тупик, Карахан тем не менее не терял оптимизма. "Я не прекращаю работы по воздействию на китайское правительство и на президента, – писал он. – Разными путями, через приближенных к Цао Куню лиц, с которыми он считается и советы которых имеют для него значение, мы обрабатываем сейчас самого президента. Ему посылаются меморандумы, проекты соглашений с нами, приемлемые для нас, и мы будем продолжать эту работу, которая несомненно в конце концов даст результат. Но эта работа рассчитана не на немедленный эффект, а на продолжительное время"¹²³.

Невозможность найти общий язык с китайской стороной по вопросу о КВЖД вызывала негативную реакцию в НКВД. Чичерин писал Карахану 6 ноября 1923 г.: "Вечная отсрочка соглашения вызывает нервность. Уже дней десять тому назад я сообщил вам о нашем согласии на предложенные китайцами четыре пункта с тем только различием, что железная дорога должна считаться нашей вплоть до выкупа, а не китайской с залогом. Дело в том, что может случиться, что эти переговоры ничем не кончатся, а у китайского правительства останется бумажка с признанием железной дороги китайской. Этого надо избежать"¹²⁴.

В письме Ван Чжэнтину от 17 января 1924 г. Карахан выражал все же надежду на благополучный исход переговоров: "Я черпаю надежду в той эволюции, которая на наших глазах произошла в позиции пекинского кабинета за последние годы. В 1918–1920 гг. он принимал участие в попытках свержения советского правительства, затем в 1921–1922 гг. он отказался от интервенции, но пока еще был против обмена представителями и соглашался восстановить нормальные отношения, но лишь при известных условиях, которые являются как бы ценой этого важного политического акта. Я надеюсь, что придет день, когда китайское правительство изменит и теперешнюю свою позицию, и тогда я буду вместе с вами счастлив открыть конференцию, чтобы покончить со всеми несомненно легко разрешимыми русско-китайскими вопросами"¹²⁵.

¹²¹ Там же, оп. 5, п. 101, д. 1, л. 254–258.

¹²² Там же, оп. 6, п. 104, д. 23, л. 1.

¹²³ Там же, оп. 5, п. 101, д. 1, л. 257–258.

¹²⁴ Там же, л. 265.

¹²⁵ Там же, ф. 100, оп. 6, п. 3, д. 7, л. 37–41.

Перелом в позиции пекинского кабинета произошел лишь после признания СССР Англией, Италией и Францией. Карахан информировал НКВД 9 февраля 1924 г.: "После признания нас Англией и Италией здесь в Пекине можно наблюдать некоторую растерянность. Китайцы чувствуют, что они потеряли лицо, что позиция, которая нами была занята с самого начала, а именно "сперва признание, а потом конференция", эта наша позиция фактически принята Англией"¹²⁶.

25 февраля советская и китайская делегация договорились о порядке ведения переговоров. Было решено сначала выработать общие принципы урегулирования и восстановления дипломатических отношений с одновременным подписанием соглашения. К 1 марта проект был готов. В нем предусматривалось установление дипломатических отношений между СССР и Китаем, аннулирование всех конвенций, договоров и соглашений, ущемлявших суверенные права Китая, запрещение на территории двух стран деятельности организаций и групп, ставящих целью борьбу против правительства другой стороны, отказ СССР от особых прав и концессий в Китае и прав экстерриториальности, от российской доли контрибуции, наложенной на Китай великими державами после подавления восстания ихэтуаней. Был разработан проект соглашения и по КВЖД¹²⁷. Договоренность по другим вопросам была зафиксирована в подготовленных декларациях.

3 марта 1924 г. Ван Чжэнтин вручил президенту Цао Куню проект соглашения. На следующий день он был передан кабинету министров. 6 марта Ван информировал кабинет министров о своих переговорах. Через два дня соглашение обсуждалось в кабинете министров. Среди факторов, ускоривших ход переговоров, Карахан в письме Чичерину от 10 марта 1924 г. назвал кроме признания СССР Англией и Италией, кампанию поддержки СССР в прогрессивной китайской прессе, среди общественности и особенно интеллигенции, провал попыток китайцев устранить управляющего КВЖД, а также интриги министра иностранных дел Китая Веллингтона Ку против Ван Чжэнтиня, что, по мнению полпреда, было самым решающим. В конечном счете все эти обстоятельства укрепили советскую позицию¹²⁸.

В преддверии восстановления двусторонних отношений Карахан в письме Чичерину от 11 марта писал о необходимости подбора опытных профессиональных кадров для работы в Китае: "Сейчас же после признания Китаем мы получаем консульское имущество в ряде городов: в Тяньцзине, Ханькоу, Шанхае, Кантоне и Чифу. Перед нами встанет вопрос о назначении во все эти пункты консулов, причем некоторые из этих пунктов требуют консулов с большой квалификацией, ибо никогда не следует забывать, что Китай – это страна почти с полмиллиардным населением и что при внутренней борьбе, которая здесь происходит, наши консулы в каждом из пунктов выполняют не только консульские, но и серьезные политические функции. В Кантоне по существу наряду с консульскими обязанностями нужно заниматься и партийно-революционными делами (реорганизация Гоминдана). Важное экономическое и политическое значение имеет Шанхай, где генконсул должен быть человеком хорошо подготовленным и квалифицированным. Ханькоу является важным наблюдательным пунктом на реке Янцзы в центре Китая и имеет для нас интерес как чайный центр. Там имелись десятки крупнейших чайных русских фабрик, которые работали всегда на Россию. С постепенным развитием торговых связей с Китаем мы несомненно вернемся к этому центру как единственно выгодному для нас чайному рынку... Тот же вопрос возникает в отношении Мукдена, где мы должны иметь достаточно ответственного человека, ибо, дальше внедряясь в КВЖД, мы должны иметь постоянный наблюдательный пункт в Мукдене и лицо, улаживающее всякие недоразумения и трения, которые у нас в связи с КВЖД возникают"¹²⁹.

¹²⁶ Там же, ф. 0100, оп. 8, п. 109, д. 1, л. 63.

¹²⁷ Там же, л. 136–141, 149–153.

¹²⁸ Там же, л. 134–135.

¹²⁹ Там же, п. 109, д. 1, л. 142–143.

Информируя Москву о дальнейших событиях, Карахан отмечал, что Ван Чжэнтин ежедневно присутствовал на заседаниях кабинета, где детально докладывал о встречах с советским коллегой: "Таким образом, кабинет был в курсе всей деятельности и всех подробностей. 13-го утром состоялось решающее заседание кабинета, на котором Ван сделал свой исчерпывающий доклад и где все члены кабинета выразили удовлетворение результатами, достигнутыми Ваном. Сейчас же из кабинета, – продолжал Карахан, – Ван поехал ко мне и начиная с двух часов дня 13-го до восьми часов утра 14-го марта он сидел у меня, не выходя из моего кабинета (обедал и ужинал у меня), до тех пор пока мы не подписали предварительного текста соглашения. Я должен был применить этот героический метод, потому что достаточно изучил китайцев и знаю, что они считают величайшей добродетелью не торопиться и тянуть бесконечно. Поэтому я решил, что, если мы будем действовать по обычному методу, мы еще просидим несколько недель, и поэтому я решил запереть его у себя в кабинете и закончить дело в один прием... Подписав 14 марта утром все тексты, мы условились в течение 14 марта, как только каллиграфы перепишут набело все эти соглашения, собраться и подписать их в торжественной обстановке. На каллиграфах и торжественной обстановке Ван Чжэнтин очень сильно настаивал, несмотря на все мое сопротивление. В продолжение 14 марта мне сообщили, что дело не в каллиграфах, а имеются какие-то другие затруднения, и потребовал у Ван Чжэнтин, чтобы он объяснил мне, и только 15-го вечером выяснилось, что китайское правительство решило дезавуировать его подпись и запретило ему подписывать соглашение набело, причем правительство мотивировало это свое решение тем, что Ван Чжэнтин не осведомлял достаточно полно кабинет о ходе переговоров и не имел полномочий согласиться на те условия, которые сформулированы в соглашении 14 марта". Таким образом, Пекин дезавуировал подпись своего представителя, сославшись на превышение им полномочий. Переговоры были прерваны. Сообщая об этом, Карахан писал Чичерину: "В предыдущем письме от 10 марта я писал вам, что пока не имеешь подписанного текста в кармане, никогда нельзя быть уверенным, что дело будет сделано. Оказалось, что я ошибся. В Китае можно иметь подписанный текст и все-таки дело может быть не сделано".

К срыву переговоров были причастны также Франция, США и Япония. Воспользовавшись вмешательством этих стран, министр иностранных дел Китая Веллингтон Ку принял меры, чтобы окончательно скомпрометировать своего соперника Ван Чжэнтин и устранить его от переговоров.

После отказа пекинского кабинета утвердить соглашение, подписанное Ваном, Карахан категорически возражал против продолжения переговоров, на чем настаивала китайская сторона. В нотах от 16 и 19 марта Карахан заявлял, что готов в течение трех дней ждать подтверждения подписанных документов, по истечении же этого срока не будет считать себя ими связанным¹³⁰. Полпред оставался последовательным в главном – сначала признание, затем переговоры. 16 марта Чичерин направил китайскому представителю в Москве письмо, в котором возложил всю ответственность за происшедшее на пекинское правительство¹³¹.

Несмотря на демарши советской стороны, позиция Пекина оставалась прежней. Ван Чжэнтин был отстранен от переговоров, и на его место был назначен Веллингтон Ку¹³². Подтверждая намерение Пекина продолжать переговоры, президент Цао Кунь издал 20 марта указ, предписывавший внести поправки в уже достигнутые договоренности¹³³.

"Срыв соглашения и переговоров, – писал Карахан, – вызвал очень большое оживление и большое общественное движение, обострил отношения в самом кабинете, между кабинетом и У Пэйфу и отдельными дуч-зюнами, на которых этот

¹³⁰ Там же, ф. 0100, оп. 8, п. 109, д. 1, л. 163–168.

¹³¹ Там же, п. 101, д. 5, л. 19.

¹³² Там же, оп. 8, п. 109, д. 1, л. 169.

¹³³ Там же, ф. 100, п. 5, д. 1, л. 20.

кабинет держится, создав положение, из которого единственным выходом может быть кризис кабинета".

Мукден согласился признать и немедленно осуществить подписанное Ван Чжэн-тином соглашение в части, касавшейся Маньчжурии и КВЖД. Ван Чжэн-тин, который, по словам Карахана, "сорвался на русском вопросе", стал "преданнейшим нам человеком и всю свою карьеру связывает с нами". При его поддержке переговоры с Мукденом вступили в завершающую стадию. "Подписав соглашение с Мукденом, – информировал полпред наркома, – мы твердо встанем на нашей позиции: "сперва признание, потом разговоры" и, поскольку мы упрочимся на КВЖД, пекинский кабинет вынужден будет пойти на наше предложение, ибо другого выхода не будет. В Пекине великолепно поймут, что мы сидим в Монголии, на КВЖД и что никаких других серьезных интересов у нас нет... Это несомненно стимулировало бы очень сильно пекинский кабинет и заставило его немедленно признать нас"¹³⁴.

Твердая позиция, занятая советским представителем, дала свои результаты. Все попытки Веллингтона Ку добиться личной встречи с Караханом неизменно отклонялись. Однако инцидент, связанный с неудавшимся покушением на министра иностранных дел Китая, изменил ситуацию. Полпред выразил Веллингтону Ку свое сочувствие. С благодарностью "за выраженные чувства" министр иностранных дел направил к Карахану для неофициальных переговоров своего советника Чжу. В ходе бесед китайский посланец, выразив сожаление по поводу тупика, в который зашли переговоры, спросил Карахана, как можно было бы подвинуть дело. Полпред согласился пойти навстречу китайской стороне и сделать кое-какие уступки, как он выразился, "для сохранения лица" Веллингтона Ку. 22 мая 1924 г. он передал Чжу поправки к соглашению, на которые была готова пойти советская сторона, а также пожелания уступок, которые она хотела бы получить взамен от пекинского правительства. Для ответа отводилось несколько дней. Получив поправки, Веллингтон Ку немедленно отправил своего посланца в Мукден, чтобы на месте удостовериться о положении дел в переговорах с Чжан Цзолином. "Это заставило меня, в свою очередь, – писал позднее Карахан Чичерину, – послать телеграмму политическому советнику Н.М. Бородину, "чтобы он тянул разговоры о переводе с английского на русский и китайский и создавал бы иллюзию возможности договориться". Убедившись в намерении Мукдена подписать сепаратное соглашение, Чжу заверил полпреда о согласии в целом Веллингтона Ку с поправками, но просил внести некоторые редакционные изменения. Сделанная 28 мая редакция по существу свела текст к первоначальным требованиям министра "об аннулировании договоров с Монголией о нашем обязательстве вывести войска из Монголии безо всякого условия и об обсуждении вопроса об имуществе Духовной миссии на конференции без каких-либо мер после подписания. Я, – заметил Карахан, – на это ответил с чрезвычайной резкостью, вернул все проекты, сказав, что прекращаю с ним разговоры и посылаю сегодня же телеграмму в Мукден, чтобы там подписали соглашение". Лишь после этого Веллингтон Ку решил пойти на максимальные уступки и принять предложения Карахана, по существу не противоречащие соглашению, подписанному Ван Чжэн-тином. "На этот раз, – сообщал Карахан, – я был уверен в том, что дело сделано окончательно, лишь после того, как все документы были подписаны набело и я ознакомился с текстом президентского мандата". Все договоренности по просьбе китайцев содержались в строжайшей тайне из-за возможного противодействия со стороны западных стран¹³⁵.

31 мая 1924 г. состоялось подписание "Соглашения об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой", которое предусматривало установление нормальных дипломатических и консульских отно-

¹³⁴ Там же, п. 109, д. 1, л. 169–171.

¹³⁵ Там же, ф. 0100, оп. 8, п. 109, д. 1, л. 315–317. Более подробных сведений о покушении на Веллингтона Ку в мае 1924 г. в АВП РФ не выявлено.

шений между двумя странами. Ряд вопросов двусторонних отношений был решен в декларациях и нотах в приложении к соглашению.

Соглашение состояло из преамбулы, 15 статей и заключительной части. Наиболее важными положениями соглашения стали: отказ СССР от прав экстерриториальности, консульской юрисдикции, привилегий, касавшихся всех концессий, приобретенных царским правительством, от российской части контрибуции, наложенной на Китай после подавления народного восстания ихэтуаней. Внешняя Монголия была признана составной частью Китая. Советская сторона брала на себя обязательство вывести войска из Монголии без указания сроков вывода. СССР согласился на выкуп КВЖД Китаем на его национальные средства. Обе стороны согласились, что будущее КВЖД определят СССР и Китай без участия какой-либо третьей стороны или сторон. Для руководства КВЖД создавалось правление, пять членов которого назначались советской стороной и пять – китайской. Соглашение определяло порядок работы администрации, ревизионной комиссии¹³⁶. Препровождая тексты соглашения Чичерину, Карахан отмечал, что "подписанное на этот раз соглашение не только не является по существу ухудшением соглашения 14-го марта, но и значительно улучшает наше положение в сравнении с ванчжэнтиновским проектом"¹³⁷. Соглашение не предусматривало обмена ратификационными грамотами.

13 июня 1924 г. полпред направил в министерство иностранных дел Китая ноту, в которой предложил поднять уровень дипломатических представительств обеих стран до посольств¹³⁸. Предложение было встречено в дипкорпусе в Пекине с явным неудовольствием, поскольку Советский Союз в случае согласия Пекина становился первым государством, признававшим Китай в качестве державы высокого ранга. Кроме того, назначение советского дипломата в качестве посла автоматически делало его старшиной дипкорпуса (дуаиеном), против чего другие страны сильно возражали. После ожесточенных столкновений по этому вопросу заинтересованных сторон китайское правительство известило Карахана 14 июля 1924 г. о согласии принять в Пекине на взаимной основе посла СССР¹³⁹.

Летом 1924 г. соотношение сил в Китае вновь резко изменилось. Державы спешно перестраивали свои позиции, делая ставку не на центральное правительство, власть которого становилась шаткой и призрачной, а на автономное мукденское правительство во главе с Чжан Цзолином, чье влияние заметно упрочилось. Не желая допустить перехода КВЖД в совместное советско-китайское управление, они использовали недовольство маршала Чжан Цзолина, который не участвовал в Пекине в выработке соглашения о дороге. Этому в немалой степени способствовал тот факт, что советская сторона после подписания соглашения в Пекине прервала переговоры с Мукденом¹⁴⁰. В одном из писем Карахан обращал внимание центра на роль провинциальных властей в решении политических вопросов. "Когда говорят о Китае, – писал он, – у нас мыслят одну сторону, одну единицу. Маньчжурия – это, скажем, Архангельская губерния или Белоруссия – окраина, которая неразрывно связана с остальной страной. Это величайшая ошибка. Китай – это 450 млн народа, разбитого на десятки самостоятельных или полусамостоятельных государств, с разными языками, деньгами, связанных друг с другом очень своеобразно различными нитями, но так, что каждый генерал-губернатор в своей провинции считает себя самостоятельным в прямой пропорции к имеющимся у него войскам. Он заключает соглашения с инодержавами, сдает концессии, чеканит монету и даже, когда он признает Пекин, то лишь постольку, поскольку это ему нравится, распоряжение из Пекина выполняется, если оно не идет против его интересов"¹⁴¹.

¹³⁶ АВП РФ, ф. 0100, оп. 8, п. 109, д. 1, л. 405–423.

¹³⁷ Там же, л. 318–321.

¹³⁸ Там же, ф. 100, оп. 41а, п. 163, д. 2, л. 54–55.

¹³⁹ Там же, ф. 0100, оп. 8, п. 109, д. 1, л. 322–323, 362–367, 578.

¹⁴⁰ Там же, л. 348–350; п. 110, д. 2, л. 112–117.

¹⁴¹ Там же, л. 79–81.

Попытки пекинского правительства убедить Чжан Цзолина не противодействовать реализации соглашения о КВЖД не дали результатов. Маньчжурский правитель заявил, что не признает подписанного соглашения, поскольку дорога находится в Северо-Восточном Китае. Не получив гарантий со стороны Пекина в признании Чжан Цзолином соглашения от 31 мая 1924 г. и заручившись его согласием на подписание с Мукденом сепаратного соглашения, Карахан вновь направил туда своего представителя¹⁴². Полпред исходил из целесообразности заключения соглашения с местными властями, считал это вполне обычным делом для Китая. "Сам по себе факт заключения соглашения с местными правительствами, – писал он Чичерину, – не является ни с точки зрения китайского правительства, ни с точки зрения установившейся международной практики или общественного мнения в Китае фактом недопустимым". Однако позиция Чичерина в вопросе о сепаратных соглашениях, в частности с приграничными провинциями Китая, была резко отрицательной. В этой связи Карахан отмечал в письме к наркому от 25 августа 1924 г.: "Я не знаю всех аргументов, а также не учитываю всей обстановки, которая заставила вас принять решение о незаключении соглашения. Возможно, вы переоценили значение Пекина". Далее он излагал уже свою точку зрения: "Через него (Пекин) мы КВЖД не получим никогда. Только соглашение с Чжан Цзолином может это дать. Я стою за подписание соглашения, которое достигнуто в Мукдене"¹⁴³.

Аналогичную позицию Чичерин занимал и в отношении Синьцзяна, с которым начиная с сентября 1923 г. в Урумчи велись переговоры о заключении торгового соглашения¹⁴⁴. "Ваше соглашение в Пекине, – отмечал нарком в письме Карахану 1 июля 1924 г., – радикально меняет наше отношение к этому проекту локального соглашения и дальнейшим переговорам в Урумчи вообще. Вы знаете, что на сепаратные переговоры мы пошли в момент, когда не было почти никакой надежды на скорое общее соглашение с Китаем и только этим путем нам казалось возможным так или иначе обеспечить наши политические и экономические интересы в Синьцзяне. Сейчас в результате пекинского соглашения положение совершенно иное. Нам незачем идти сейчас на уступки..., которые мы вынуждены были сделать в сепаратных переговорах. Сейчас мы можем прервать переговоры, заявив администрации Синьцзяна..., что после общего соглашения с Китаем и перед началом торговых переговоров в Пекине продолжение переговоров в Урумчи не только не целесообразно, но и было бы также актом нелояльности в отношении Пекина. Действительно, продолжение переговоров в Урумчи было бы понято в Пекине как игра с нашей стороны на сепаратизме синьцзянского дудзюна, известного своей враждебностью Пекину. Но мы станем на эту позицию только тогда, когда выяснится, что пекинское соглашение путем ли подписания вслед за ним консульской конвенции или простым согласием китпра (китайского правительства. – Г.П.) открывает нам возможность учредить наши агентства в том или ином пункте Синьцзяна". Выразив надежду на получение согласия Пекина на учреждение консульств в Урумчи, Кашгаре и Чугучаке, Чичерин заключил: "Предстоящие торговые переговоры в Пекине с подписанием торгового соглашения, распространенного на Синьцзянскую провинцию, создадут нормальные правовые и технические условия для развития и укрепления наших торговых связей с Западным Китаем"¹⁴⁵.

В сентябре Чжан Цзолин после многочисленных проволок согласился наконец урегулировать вопрос о КВЖД¹⁴⁶. 20 сентября 1924 г. "Соглашение между правительством Союза ССР и правительством Автономных Трех Восточных Провинций Китайской Республики о КВЖД, судоходстве, передемаркации границы, тарифном и торговом соглашениях" было подписано. В части, касавшейся КВЖД, оно мало чем

¹⁴² Там же, п. 109, д. 1, л. 350–353.

¹⁴³ Там же, п. 110, д. 2, л. 4.

¹⁴⁴ Там же, ф. 0100, оп. 5а, п. 104, д. 2, л. 6.

¹⁴⁵ Там же, оп. 8, п. 109, д. 1, л. 505–506.

¹⁴⁶ Там же, л. 592–596.

отличалось от Пекинского соглашения от 31 мая. Мукденское соглашение предусматривало сокращение срока совместной эксплуатации дороги с 80 до 60 лет, подробнее фиксировало принципы формирования и деятельности правления и управления КВЖД. Регулировались также некоторые другие вопросы, имеющие важное значение для обеих сторон.

Стороны согласились решить на основе равенства, взаимности и уважения суверенитета вопрос о плавании их судов в пограничных частях рек, озер и других водных путей, причем детали подлежали урегулированию в совместной комиссии в течение двух месяцев со дня подписания соглашения.

Стороны договорились произвести с помощью смешанной комиссии редемаркацию своих границ, а до этого придерживаться существовавших границ. Далее была зафиксирована договоренность поручить смешанной комиссии в соответствии с принципами равноправия и взаимности выработать таможенный тариф и заключить торговый договор. Соглашение вступило в силу со дня его подписания¹⁴⁷.

17 марта 1925 г. пекинское правительство уведомило полпредство СССР об утверждении мукденского соглашения в качестве приложения к пекинскому соглашению от 31 мая 1924 г.

Одновременно с заключением мукденского соглашения были подписаны две декларации. В одной из них местные власти заявили, что немедленно после подписания соглашения от 20 сентября 1924 г. правительству СССР будут переданы все консульские здания, принадлежавшие России. В другой декларации было записано обязательство сторон пресечь деятельность или прекратить службу лиц, представляющих угрозу другой стороне¹⁴⁸.

В связи с подписанием мукденского соглашения Карахан 5 октября сделал заявление представителям печати в Пекине, в котором говорилось: "Восстановление прав СССР на Восточно-Китайской дороге открывает перед нами широкие перспективы экономического и политического сотрудничества с Китаем... Помимо политических, экономических и других преимуществ Советский Союз вернул себе 3 октября железнодорожное имущество, которое, по своему скромному подсчету, оценивается больше чем в полмиллиарда рублей золотом"¹⁴⁹.

Советско-китайские переговоры 1924 г. и подписанные в итоге совместные документы заложили хорошую основу для дальнейшего развития отношений между СССР и Китайской Республикой. Они позволили решить с китайской стороной и другие вопросы. В частности, предусмотренное соглашением от 31 мая 1924 г. установление консульских отношений. Одновременно с дипломатическими затянулось более чем на полгода. Но уже к концу 1924 – началу 1925 г. была создана разветвленная сеть советских консульских учреждений в Китае.

В целом в труднейший для России период окончания первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революции 1917 г., интервенции и гражданской войны молодая российская дипломатия сумела вывести страну из политической изоляции и утвердить авторитет советского государства на международной арене. На Востоке одним из главных дипломатических достижений стала нормализация отношений с Китаем. Опыт, приобретенный во время становления новых советско-китайских отношений в 1917–1924 гг., свидетельствует о том, что обе стороны могут успешно решать все спорные вопросы между собой путем переговоров, не прибегая к угрозам и военной силе.

Как показала история, всякое обострение отношений между двумя великими соседями наносит ущерб прежде всего их народам. Еще в 1922 г. Чичерин отмечал, что Россия и Китай – это естественные союзники и в этой дружественной политике им принадлежит будущее.

¹⁴⁷ Там же, п. 163, д. 2, д. 74–80.

¹⁴⁸ Там же, л. 81–83.

¹⁴⁹ Известия, 7.X.1924.

© 1997 г.

В.А. НИКОЛЬСКИЙ*

**ЗАПИСКИ СОВЕТСКОГО ВОЕННОГО АТТАШЕ
В ШВЕЦИИ (1960–1963 гг.)**

В конце 1960 г. было принято решение о моем назначении советским военным, военно-морским и военно-воздушным атташе в Швеции. Через Министерство иностранных дел СССР был получен агреман (согласие), оформлены на меня, жену Евдокию Андреевну и дочь Елену (старшая дочь Татьяна оставалась в Москве), дипломатические паспорта, получена финская транзитная виза. Подготовка к отъезду велась в такой спешке, будто бы от моего срочного прибытия к шведам, по меньшей мере, зависела судьба мира.

Наконец, получив последнее напутствие от заместителя начальника Генерального штаба генерала армии И.А. Серова, 30 октября 1960 г. мы с женой и шестилетней дочерью выехали в Стокгольм.

Если не считать пребывания с нашими войсками в Польше, Венгрии, Австрии, ГДР и кратковременного посещения в составе советской военной миссии ФРГ, это было наше первое самостоятельное путешествие в "капиталистическую" страну и мы, понятно, испытывали некоторое волнение.

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

До Хельсинки, через Ленинград, шел прямой поезд. Непродолжительная остановка на пограничной станции, таможенные и пограничные формальности, которые нас, как имевших дипломатические паспорта, почти не касались, и мы в Финляндии. Пассажиров с нами ехало очень мало – несколько финнов и шведов, очевидно, возвращавшихся на родину после интересного туристского путешествия.

Через окно поезда и на станциях мы наблюдали лоскутные, но заботливо ухоженные поля, благоустроенные шоссе и дороги, одиночные хутора – фермы, издали похожие на игрушки, строгий порядок на железнодорожных станциях, спокойный неторопливый народ и никаких следов войны, а ведь она на протяжении двадцати лет обожгла маленькую Финляндию дважды.

В Хельсинки на вокзале нас встретил помощник военно-морского атташе при нашем посольстве капитан 2 ранга Иван Положенцев, который сообщил, что рейсовый теплоход в Стокгольм отходит из Турку 2 ноября, предложил нам после небольшого отдыха осмотреть город, съездить на территорию бывшей советской базы в Порккала–Удд, посетить кладбище павших в боях советских воинов. Мы с радостью воспользовались этим предложением.

В Хельсинки, несмотря на явную неприязнь населения ко всему советскому, сохранялись следы бывшего русского влияния в стране, составлявшей несколько губерний Российской империи (Сант-Михельская, Тавасгустская, Куопиосская, Там-

---

* Никольский Виталий Александрович, 1910 г. рождения, генерал-майор в отставке, бывший сотрудник Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных сил СССР.

мерсфорсская, Выборгская, Улеаборгская, Гельсингфорсская, Турку). Одна из центральных площадей финляндской столицы называется Александрплац в честь царя Александра II, давшего стране некое подобие конституции, по которой она имела свой сейм. Несмотря на несколько войн с Россией, на этой площади сохранился памятник царю – Большая улица в городе также называется его именем.

В Порккала–Удд, переданном безвозмездно со всеми сооружениями финнам, мы посетили большое заброшенное кладбище советских воинов, павших в боях с фашизмом. Могилы с большим количеством наших безвестных героев охраняются в соответствии с договором финским сторожем, который даже при желании не в состоянии поддерживать захоронения в порядке. На все нужны деньги, а их для ухода за мертвыми никто не выделяет.

Бывший в ту пору военным атташе при посольстве СССР в Финляндии генерал-майор В.И. Лазарев с горечью говорил, что даже передачу большого числа крупных жилых массивов на Порккала–Удд, выстроенных нашими военными строителями, финская реакция использовала в антисоветских целях, организовав их общественный просмотр с показом образцов "советского бескультурья и бесхозяйственности". Нужно признаться, что показать действительно было что. Некоторые объекты были построены наспех, без канализации и водопровода, в общежитиях офицеров водились клопы и тараканы, не известные финнам даже в деревенских условиях.

То обстоятельство, что в скальном грунте нами были выстроены оборонные сооружения, а на болоте создан аэродром и все это подарено финским властям, от обывателя скрывали.

В ресторане гостиницы, где мы остановились, произошел комичный случай, свидетельствующий о плохом знании обстановки нашими товарищами в Центре. На проезд транзитом через Финляндию с семьей в 3 человека я получил 3 тыс. финских марок. Перед отъездом начальники заверили меня, что на эту сумму в Финляндии можно безбедно прожить несколько дней. Каково же было наше удивление, когда за сравнительно скромный обед нам предъявили счет 4 тыс. марок. От конфуза спасла бумажка в 50 крон, полученная в Москве на первые расходы по прибытии в Швецию. Эта бумажка была подобострастно принята официантом. Оказывается, в Финляндии шведская валюта предпочтительнее, чем отечественная.

На следующий день в местном поезде с маленьким паровозиком и вагонами, по меньшей мере ровесниками века, мы выехали в Турку. Непривычный порядок, спокойствие и тишина царили повсюду. Пассажиры степенно, вполголоса переговаривались между собою. Недаром говорят, что финны своих соотечественников, произносящих в день больше десяти слов, считают болтунами.

В Турку наш теплоход "Алатар" был уже у пристани. Пограничный и таможенный контроль проходили только мы, так как у скандинавов имеется соглашение о безвизовом и беспаспортном передвижении в северных странах (Норвегия, Швеция, Финляндия, Дания, Исландия).

Документом при путешествиях между этими государствами может служить "северная карточка", водительские права, удостоверение на право получения почтовой корреспонденции или какое-либо другое свидетельство, снабженное фотокарточкой владельца.

Административным органам при необходимости весьма легко проверить подозрительную личность. Нужную справку о человеке полиция любой скандинавской страны даст своему коллеге из соседнего государства по телефону.

На линии Стокгольм–Турку в то время ходили маленькие, но комфортабельные теплоходы. Навигация обычно продолжалась до глубокой зимы.

Наш корабль "Алатар" вечером отдал швартовы в Турку, а утром мы уже прошли Альмагрудский маяк и вступили в полосу бесчисленного множества каменных островов – шхер, которые, подобно кочкам на болоте, в хаотическом беспорядке торчали из морской глади. Все было ново и интересно. Обмен приветствиями при

встрече с другими кораблями, старые форты, прикрывавшие в прошлом фарватер, степенные, несколько чопорные пассажиры, среди которых было много финских студентов, следовавших на какую-то встречу со своими упсальскими коллегами, отсутствие суматохи, такой привычной в наших местах при подходе поезда или корабля к месту назначения. Здесь поездка из одной страны в другую при наличии денег являлась делом более простым, чем путешествие из Москвы в Ленинград или Тулу.

В Стокгольме на пассажирской пристани, к моему изумлению, нас встречала целая представительная делегация из сотрудников посольства во главе с послом СССР в Швеции Федором Тарасовичем Гусевым. Здесь были все мои коллеги из аппарата военного атташе, в том числе генерал-майор С.И. Ющенко, которого мне предстояло сменить, советники и секретари посольства с женами, три офицера из занимавшейся внешними связями командной экспедиции шведских вооруженных сил, представлявших сухопутные войска, военно-воздушные силы и военно-морской флот. У многих дам были цветы.

Понятно, что такой радушный прием на шведской земле относился не лично ко мне. Встречали представителя нашей могучей армии. Тем не менее все это было неожиданно и несколько озадачило и растрогало нас.

Оказывается, опытный дипломат и хороший организатор посол Ф.Т. Гусев взял за правило торжественно встречать и тепло провожать каждого дипломатического сотрудника советского посольства. Его примеру последовал торгпред Б.И. Харченко, и такое правило вошло в традицию советской колонии в Швеции.

3 ноября после официального представления послу и знакомства с рядом сотрудников советской колонии в Стокгольме для меня начались бесчисленные визиты к шведским официальным лицам и коллегам.

Раньше военных атташе принимал король, но в дальнейшем эту процедуру отменили, ограничив визитом к главнокомандующему армии и заведующему соответствующим отделом министерства иностранных дел. В целях сокращения процедуры мы наносили визиты совместно с моим предшественником генералом С.И. Ющенко. Эта церемония продолжалась около двух недель. Нужно было объехать около трех десятков различных должностных лиц, начиная от шведского высшего командования и кончая частными знакомыми генерала Ющенко.

Военные представители иностранных государств в Стокгольме были организованы в ассоциацию, имевшую своего дуайена. Дуайену необходимо было нанести визит одному из первых. У меня эта необходимость отпадала, так как дуайеном в ту пору являлся Ющенко. Путешествия с ним вдвоем напоминали в какой-то мере прием и сдачу дежурства. На каждый визит в зависимости от теплоты отношений со страной и личных симпатий уходило от 10 минут до получаса. У шведского военного руководства встреча нового и прощание со старым военным атташе проходили строго официально и без возлияний. Все же иностранные коллеги считали своим долгом выпить за успехи нового и старого советского военного атташе, а англичане даже устроили в нашу честь прием с шампанским и преподнесением какого-то сувенира Ющенко. При всем желании вынести в день больше 3–4 визитов было весьма трудно. Прощаться с дуайеном и познакомиться с новым советским представителем собирались, как правило, все помощники военного атташе, которому наносился визит, но практически запомнить их по фамилиям с первого раза было невозможно. Лица и имена мелькали, как в калейдоскопе, и на их "расстановку по своим местам" потребовалось определенное время.

Мне повезло, 6 ноября посол СССР проводил большой прием по случаю очередной годовщины Октября, на котором мне удалось несколько закрепить в памяти своих новых знакомых и повстречаться с новыми лицами, в частности, с министром обороны Швеции Свенном Андерсоном, почтившем нас своим прибытием. Это был первый дипломатический прием, на котором пришлось выступать не в качестве гостя, а на правах хозяина, поскольку любезный Ф.Т. Гусев в целях лучшего моего знакомства с

обстановкой и порядками на такого рода сборищах поставил нас с женою рядом с собою и представлял шведским официальным лицам, прибывшим на прием.

На этом приеме мне удалось с помощью своих офицеров в общих чертах закрепить беглое знакомство с многочисленной группой военных представителей, многие из которых, по крайней мере внешне, казались такими свойскими парнями, прибывшими к своему приятелю повеселиться и выпить за его здоровье. Истинное лицо и характер каждого удалось узнать лишь значительно позже в процессе длительной работы и частых контактов с этими людьми.

После приема иностранцев в посольстве остались лишь члены советской колонии и началась встреча нашего праздника. В середине торжества Федор Тарасович сообщил об отъезде Ющенко и представил меня с женой всему составу советской колонии. Знакомство с коллективом было установлено.

Через несколько дней на средства, отпущенные послом, Ющенко был дан прием по случаю его отбытия на родину и вступления в должность нового военного атташе. На прием были приглашены все атташе с женами, шведские офицеры и генералы, многие гражданские лица. Уже тогда меня удивило крайне незначительное количество шведов, принявших приглашение. Мои умудренные опытом помощники разочаровали меня еще больше, заявив, что шведских офицеров было больше, чем они ожидали. Обычно их бывает всего несколько человек.

11 ноября большая группа сотрудников посольства и все офицеры службы военного атташе провожали Ющенко на родину. Были цветы, речи, прощальные тосты. Советский генерал за время службы в стране сумел завоевать уважение.

С отъездом генерала Ющенко на родину мы переехали из гостиницы "Фореста" на Лидинге в его старую квартиру на Линеегатан, 21. Квартира была со всеми удобствами, из 4 больших комнат, с домофоном и вспомогательными помещениями.

Дороговизна квартир коснулась прямым образом и нас. За большие апартаменты, которые нужны были преимущественно в представительских целях, в месяц приходилось платить 824 кроны, и, хотя 50% этой суммы датировалось, все же оставшиеся к личной оплате 412 крон составили свыше 20% всего денежного содержания.

Началась работа. В первую очередь нужно было изучить город, в дальнейшем ознакомиться со страной.

Нет необходимости останавливаться на описании Стокгольма. Они имеются в любой энциклопедии. Это действительно Северная Венеция. Город красив, благоустроен, и в какой-то степени напоминает Ленинград. Большое число достопримечательных мест, от парка-музея Скансена до королевского дворца, всегда заполнены местными и зарубежными туристами, из которых предприимчивые шведы мастерски выжимают деньги. Даже королевский дворец, за исключением небольших апартаментов его величества, открыт для платного осмотра, причем платить нужно не только за вход, но и в самом здании при переходе из одного отдела этого своеобразного музея в другой. Интересно, как бы реагировал наш турист в Эрмитаже, если бы ему при переходе из одной комнаты в другую пришлось брать дополнительные билеты и за приличную сумму?

В городе много музеев, выставок, архитектурных памятников. Отличные естественно-исторический, исторический, военный, военно-морской, этнографический музеи, национальная картинная галерея, парк-усадебная скульптура Карла Миллеса, церквушки-музеи, в том числе усыпальница королей, рыцарская церковь, в которой изображены гербы всех рыцарских фамилий Швеции и лиц, награжденных орденом Серафима – высшим рыцарским орденом. Приятно было видеть, что этот орден был когда-то получен русскими полководцами: Суворовым, Кутузовым, Миллютиным и некоторыми другими.

По существу весь старый город, сохранивший свой средневековой облик – с узкими улочками, маленькими площадями, цеховыми складами, является интересным, неповторимым музеем архитектуры, прикладного искусства, быта прошлого.

По-своему заслуживает внимания своей экспозицией музей модернистской живописи и скульптуры. Даже выдавшие виды пожилые шведы ходят по залам этого музея, укоризненно покачивая головой.

В городе много памятников. Создается впечатление, что, чем меньше народ, тем больше он дал человечеству великих людей: Линней, Берцеллиус, Цельсий, Энн Линд, Андреас Цорн, Карл Миллес и многие другие. Затем идут царствующие особы – Карл XII, указывающий мечом на восток. Замысел скульптора иные трактуют как призыв к новому походу на Россию; другие, более благоразумные, утверждают, что король, показывая на восток, предупреждает своих сограждан: "Не ходите в этом направлении, будете биты, как и я". Солидное место занимают короли Густав I, II, III, IV, все посаженные на отлично выполненных бронзовых коней, так что иногда не всегда поймешь, кому же сооружен памятник.

Понятно, что дело не в талантливости нации, а в бережном отношении шведов к своей истории, хранении уже созданного, в отсутствии свойственного нам стремления не только развенчивать вчерашние авторитеты, но и разрушать все, напоминающее о них.

Особо стоит остановиться на корабле-музее "Ваза", поднятом в 1962 г. со дна залива, где он пролежал триста с лишним лет. Добротно построенный шведскими кораблестроителями 84-пушечный, трехмачтовый великан был опрокинут во время освящения налетевшим штормом и законсервирован морем до наших дней вместе со всем оборудованием, утварью, вооружением. Все это сейчас выставлено для обозрения, понятно за определенную плату.

Своеобразными музеями являются шведские кладбища. Памятники на этих кладбищах иногда являются настоящими произведениями искусства и могли бы украсить любой провинциальный музей. Хотя смерть уравнивает всех, но над одним усопшим высится целый мавзолей, а над другим, рядом, простой холм земли. Такой холмик с крестом из черного мрамора можно найти и над нашей соотечественницей профессором математики Софьей Ковалевской, нашедшей когда-то приют в Швеции и умершей там сорока лет от роду.

Для советского человека смешанное чувство удивления и безразличия вызывало собачье кладбище недалеко от Дьюр Гордена. Траурные урны из бронзы и мрамора, гранитные барельефы дорогих "покойников", трогательные надписи золотом на плитах и памятниках говорят не столько о высоком благосостоянии хозяев подошедших псов, сколько об их, хозяев, психическом складе.

Кстати, и от собак, коих в Стокгольме великое множество, магистрат имеет доход. За каждую собаку владелец должен платить солидный налог, идущий на дотацию к зарплате дворникам, убирающим улицы.

Изучение шведской столицы заняло у меня несколько месяцев, после чего мы с помощниками приступили к поездкам по стране, в перерывах между которыми продолжалось развитие и закрепление некоторых знакомств с коллегами по ассоциации военных атташе.

АССОЦИАЦИЯ ВОЕННЫХ АТТАШЕ В СТОКГОЛЬМЕ

Всего при соответствующих посольствах в шведской столице в 60-х годах было аккредитовано до двух десятков военных представителей, со своими аппаратами с общим числом до сотни человек в различных офицерских и генеральских чинах. Состав каждого аппарата военного атташе обуславливался двухсторонним соглашением со шведами, и количество военных дипломатов, вероятно, определялось не столько представительскими и материальными соображениями, сколько объемом задач, стоявших перед разведкой той или иной страны.

Англичане и американцы имели в Швеции по три самостоятельных аппарата военного, военно-морского и военно-воздушного атташе с большим числом офицеров соответствующих специальностей, для которых основной задачей являлась разведка

против СССР и других социалистических стран. Голландец, датчанин, норвежец, турок, финн, западный немец, египтянин в единственном числе представляли свои армии, флот и авиацию, австриец и швейцарец – только армию и авиацию. Многие из представителей армий малых стран были аккредитованы постоянно в Стокгольме, но числились одновременно по совместительству соответствующими атташе во всех скандинавских странах, где они выполняли свои обязанности наездом. Им не было необходимости заниматься агентурной разведкой, так как значительную часть интересующих их сведений они могли получить непосредственно из штабов тех стран, где они были представлены.

Военно-воздушный, военно-морской и военный атташе Израиля постоянно пребывал в Лондоне и в Швецию наездом лишь изредка, так же как и его коллега иранец, аккредитованный постоянно в Москве, чех – в Берлине, аргентинец – в Париже и т.д.

Китаец был аккредитован одновременно помимо Стокгольма в Дании и Финляндии. Во всех этих странах он со своими "гражданскими" сотрудниками занимался политической разведкой. Микроскопические армии скандинавов его просто не интересовали.

Несомненно, все военные представители являлись профессиональными разведчиками, хотя каждый из них и пытался показать себя простым солдатом, далеким от политики.

Иногда попадались отдельные офицеры, которые, очевидно, не являлись профессиональными шпионами. Часть их даже симпатизировала нашей стране, кое в чем помогала нам, ее представителям. Но такие люди недолго задерживались в дипломатах.

Помнится швейцарский военный атташе Рейнольд Галузер, выбившийся в полковники федеральной армии из крестьян. Симпатичный, лояльный к нам человек, имевший независимое суждение по ряду вопросов. Он быстро должен был освободить дипломатическую должность из-за неверности молодой жены, которая бросила его с двумя детьми, сойдясь с богатым шведом.

Английский военно-воздушный атташе коммодор Макдональд, участвовавший в боевых операциях против немцев во время войны и друживший с нашими летчиками, терпеть не мог немцев и, подвыпив, неоднократно заявлял, что если начнется война, то он охотно доделал бы то, что он не успел сделать с немцами во второй мировой войне. Макдональд открыто показывал свою неприязнь военному атташе ФРГ, и, возможно, поэтому с почетом был переведен на новое место службы на Британские острова.

Но таких было весьма немного. Большинство служило своим правительствам ревностно, всячески избегало близкого общения с нами, дабы не испортить себе карьеру, и уезжало домой неохотно, пытаясь всемерно продлить свое пребывание на военно-дипломатической службе, которая помимо морального удовлетворения приносила и немалые материальные блага. Военный атташе Дании, например, получал в месяц свыше 10 тыс. крон. Это немало, учитывая, что мы с семьей в 3 человека безбедно жили на мои 1900.

В общем, вся разноплеменная военно-дипломатическая ассоциация в Стокгольме разделялась на три обособленные группы: представителей социалистических стран – СССР, Польши, Китая и ЧССР; западников; нейтралов – австрийца подполковника Шремса, финна подполковника Хейнрихса, швейцарца полковника Галузера. К нейтралам примыкал военный атташе Объединенной Арабской Республики (ОАР) бригадный генерал Гамаль Сейф Насер.

Нейтралитет указанных выше представителей часто являлся показным, а финн и австриец, не скрывая своих взглядов, открыто симпатизировали американцам и западным немцам.

Все международные осложнения, как в зеркале, отражались в этом многонациональном коллективе. Объявил первый секретарь ЦК КПСС, председатель Совета Министров СССР Н.С. Хрущев о взрыве нашей водородной бомбы и о том, что

стратегические, глобальные ракеты мы выпускаем, как сосиски, поточным методом – сразу почувствовалось охлаждение во взаимоотношениях даже с вечно улыбающимся шутником и весельчаком, душой общества голландцем Тен-Броком. В разгар Карибского кризиса, когда накал страстей достигал особой остроты, американцы едва лишь здоровались. Смягчалась несколько напряженность на международной арене, вновь налаживались отношения, слышались шутки на общих встречах, завязывались беседы.

Организационно все военные представители в Стокгольме входили в ассоциацию военных атташе, возглавляющуюся дуайеном. Этот пост по очереди передавался коллеге, прослужившему наибольшее количество времени в Швеции. Для ведения несложной переписки и ведения финансового хозяйства на общем собрании всех военных атташе и их помощников избирался секретарь. Им обычно старались выдвинуть одного из подчиненных дуайена. Каждый член ассоциации вне зависимости от должностного положения вносил ежеквартально 75 крон членских взносов, которые расходовались на организацию ежегодных балов в честь шведских офицеров, покупку прощальных памятных подарков при убытии членов ассоциации на родину.

Весь корпус военных атташе и их помощников ежемесячно собирался в каком-либо клубе или ресторане на общие ленчи. Эти встречи являлись удобным поводом для бесед с нужными лицами. За завтраком обычно объявлялось об убытии того или иного члена ассоциации к новому месту службы, вручались памятные подарки, обычно серебряная шкатулка или поднос с автографами коллег, дуайен представлял обществу вновь прибывших офицеров, обуславливались всевозможные увеселительные мероприятия.

Поскольку подобные завтраки не обходились без спиртного, к концу их становились разговорчивее, чем обычно, даже молчаливые скандинавы – норвежцы и датчанин, беседы выносили за пределы клуба, слышались шутки, анекдоты, учинялись товарищеские розыгрыши. Следует заметить, что большинство офицеров переходили через известный промежуток времени на "ты".

Помимо официальных встреч на еженедельных завтраках и различных дипломатических приемах, члены ассоциации собирались иногда в частном порядке. Это обычно происходило на Рождество или на Новый год. Каждый участник такой встречи приносил с собою помимо бутылки национального напитка (водка, виски, коньяк, джин, сливовица) какую-нибудь безделушку. Все это складывалось в мешок и какой-либо доброволец Дед Мороз с шутками и песнями оделял пляшущих вокруг елки официальных шпионов, обремененных далеко не христианскими задачами, пряниками, сувенирами, хлопушками, после чего устраивалась грандиозная пьянка с песнями, играми и танцами. Почти как русские вечеринки где-либо под Тулой с пением романса "Шумел камыш".

Такие торжества проходили обычно без дам, как мальчишники.

С женами собирались не менее двух раз на балы. Один раз у министра обороны Швеции и один раз на ответном в честь гостеприимного хозяина и шведских генералов и офицеров. На этих балах обязательно присутствовали министр и много генералов и офицеров шведской армии.

Балы обычно проводились в здании пехотного училища – древнем замке, в котором учились еще соратники Карла XII. Перед входом выстраивался почетный караул шведских солдат в экзотической форме в кирасах и киверах.

Веселье продолжалось далеко за полночь. Министр Свен Андерссон, который и сам был не дурак выпить, спиртного не жалел, и некоторые офицеры напивались до того, что расторопные солдаты-официанты деликатно относили их в автомашины и отправляли домой. Обстановка создавалась самая непринужденная. Гостеприимный хозяин и его супруга являлись душой общества. Министр попевал всюду. Он успевал перетанцевать с десятком жен дипломатов, побеседовать с мужьями, выпить за мир, дружбу в порядке общих тостов, сказать несколько коротких, но умных речей, стараясь на задеть ни Востока, ни Запада, – и все это без шпаргалки, без суфлеров,

экспромтом. В кулуарах за кофе с коньяком собирались группы уставших от танцев дам и военных. Начинались шутки, создавались благоприятные условия и для деловых бесед.

Язык на таких общих сборищах, равно как на всех собраниях ассоциации, унавливался английский. Министр и все шведские генералы и офицеры хорошо владели им. Андерссон, кроме того, неплохо говорил по-немецки. Странно, но на таких вечерах услышать шведскую речь было невозможно. Из военных атташе никто, кроме финна, норвежца и датчанина, язык страны пребывания не знал. Шведы владели немецким языком, но предпочитали ему английский.

Любопытно, что в Стокгольме одно время военным, военно-морским атташе США были соответственно полковник Шмидт и корветтенкапитан Лауф, военным атташе Франции полковник Фукс, военно-морским атташе Аргентины фрегатенкапитан Циммерман, военным атташе Финляндии подполковник Хейнрихс, военным атташе Швейцарии полковник Галузер. Все они прекрасно говорили по-немецки и являлись потомками натурализовавшихся в соответствующих странах германских предков. Как-то заметив этих офицеров вместе на ленче в ассоциации, я шутя сказал им, что военному атташе ФРГ подполковнику Тиммигу с такими земляками работать, вероятно, одно удовольствие.

В процессе общения с коллегами на официальных мероприятиях в ассоциации, на приемах в посольствах различных стран создавались реальные возможности получения зачастую весьма интересной информации. Нужно было уметь использовать эти возможности, не игнорируя ни одно из таких мероприятий, руководствуясь старым народным поучением, что под лежачий камень вода не течет. Важно было с первых дней своего пребывания показать себя знающим свое дело, веселым, общительным, интеллигентным человеком, с которым любому собеседнику интересно поговорить по широкому кругу вопросов. Нашему офицеру необходимо было уметь слушать и знать, что в личной беседе, наедине, симпатизирующий ему иностранец может сообщить ряд сведений, которые по нашим понятиям составляли бы какую-то часть государственной и военной тайны. При этом о своей стране и ее армии этот иностранец будет сохранять молчание, но иногда охотно поделится своими сведениями о стране пребывания или армии третьей страны.

Шведские власти с большим мастерством и изобретательностью пытались занять иностранных военных представителей различными мероприятиями, носящими увеселительный или спортивный характер. На их проведение тратились значительные средства, но, очевидно, цель их оправдывала.

Летом для ассоциации военных атташе устраивались частые выезды на соревнования по ориентированию с бегом по пересеченной местности. Эти ристалища проводились с соблюдением всех правил. Участники соревнований вывозились в закрытой автомашине в глухую лесистую местность, где им давали карты с указанием азимутов 5–6 контрольных точек. Эти точки нужно было найти, занести в отчетную карточку их маркировку и при правильной ориентировке по замкнутому кругу протяженностью в 5 км вернуться в исходное положение.

Занимательно было наблюдать разношерстную вереницу уже пожилых людей, перелезающих через бурелом, прыгающих по кочкам, задыхающихся в стремлении обогнать друг друга. Как ни странно, а даже у стариков элементы соревнования пробуждали азарт, старание не ударить лицом в грязь перед иностранными коллегами, показать себя здоровыми, сильными, умелыми.

По окончании соревнований был праздничный обед, вручались призы и участники, за исключением настоящих спортсменов, которых бывало не так много, на 2–3 дня выходили из строя.

Для морских офицеров организовывались гонки на яхтах, соревнования по плаванию.

Все сотрудники военных атташе часто приглашались на товарищеские встречи по стрельбе из армейской винтовки, пистолета, автомата, пулемета. В них принимали

участие и шведские офицеры, демонстрировавшие весьма приличные стрелковые успехи. И такие соревнования заканчивались традиционным обедом, на котором победителей, занявших первые 15–20 мест, хозяева рассаживали в порядке поощрения с дамами по принципу: чем лучше результаты стрельбы, тем сановнее дама. Занявший первое место обычно усаживался с женой командующего и т.д. Плохие стрелки дам не получали и сидели в мужском обществе, являясь объектом насмешек всей компании. Первое место по стрельбе занимал обычно швейцарский полковник Рейнольд Галузер, которого в шутку прозвали Вильгельмом Теллем. Многие из вояк совсем не умели стрелять. Рекорд в этом отношении побивал почти всегда итальянец контр-адмирал Феррари, который умудрялся вообще не попадать в мишень.

Зимой проводилось обучение всех офицеров ассоциации ходьбе на лыжах. Шведы – отличные лыжники, и соревноваться с ними в этом виде спорта даже молодым людям было нелегко. На массовых вылазках в качестве старшего инструктора обычно выступал майор Вестерберг – превосходный горнолыжник, удивлявший своим мастерством даже швейцарца Галузера, являвшегося первоклассным спортсменом.

Периодически все военные дипломаты приглашались в военные, военно-морские и летные школы, на учения гражданской обороны, на экскурсии в музеи. Кстати, в военном музее у шведов между прочими экспонатами хранятся пушки и знамена, отобранные у Петра I под Нарвой. Интересная выставка манекенов солдат шведской армии в обмундировании и с вооружением от самых древних времен до наших дней.

Шведские военные власти периодически демонстрировали обзорные военные кинофильмы, читали лекции по истории шведской армии и даже иногда демонстрировали свою, предназначенную на экспорт, военную технику¹.

Понятно, что все эти мероприятия касались совершенно открытых вопросов и какого-либо информационного интереса не представляли. Однако не посещать их было нельзя. Пренебрежение к ним могло быть весьма неблагоприятно расценено хозяевами. Если атташе не интересовался тем, что им показывали в официальном плане, то, вероятно, он был занят чем-либо предосудительным и за ним целесообразно усилить наблюдение.

Понятно, что все эти забавы открывали официальные возможности общения наших офицеров хотя бы с коллегами из капиталистических стран. Контакты со шведскими офицерами при этом в расчет принимать не приходилось, так как на таких мероприятиях обычно присутствовали одни и те же лица из числа специально отобранных и подготовленных сотрудников, прямо или косвенно связанных с контрразведкой.

Приглашение военных атташе на учения в войска, на корабли и в Высшую шведскую военную школу проводились весьма неохотно и, как правило, без представителей армий социалистических стран. Цель такого насыщенного плана представительских мероприятий была ясной – создать видимость радушных хозяев, готовых показать все о своей армии и стране и отвлечь военных представителей от занятия более нужными для них делами.

ШПИОНОМАНИЯ

У шведов непрерывно создавалась атмосфера шпиономании. Она умело подогревалась прессой, радио, телевидением, заявлениями полиции и судебных инстанций. Эти объединенные усилия достигали своей цели. Шведам мерещились коварные разведчики, диверсанты, шпионы. Этими злодеями, пытавшимися вырвать сокровенные тайны неприступной обороны и безопасности их государства, представлялись русские или их союзники из социалистического лагеря.

Не имея свежего материала для разжигания очередной истерии шпиономании, шведская пропаганда регулярно 1–2 раза в год возвращалась к старым процессам десятилетней давности, вновь повторяла материалы прошлых судебных разбира-

¹ Вопросы строительства вооруженных сил Швеции, комплектуемых на основе всеобщей воинской обязанности, требуют специального рассмотрения и остаются за рамками наших записок.

тельство. При этом публиковались интервью с осужденными ранее действительными и мнимыми агентами разведок иностранных государств, отбывающими, как правило, пожизненное заключение за преступления против короля и отечества. В ход пускались все современные средства воздействия на умы. Обыватель призывался к максимальной бдительности, готовности к защите своего процветающего государства от врагов не только внешних, но и внутренних. Обычно подъем такой пропаганды приурочивали к утверждению бюджета, выборам или какой-либо другой политической кампании с тем, чтобы показать простому гражданину всю величину опасности, от которой его оберегает правительство.

По особому положению, широко известному всему народу, лица, состоящие на государственной службе, под страхом суровой ответственности были обязаны докладывать властям о всех контактах с иностранцами и без служебной необходимости не встречаться с ними.

Этим объяснялись отказы офицеров шведской армии посещать советские приемы, хотя они далеко не прочь были выпить и закусить за чужой счет.

Во время одного из посещений Высшей шведской военной школы наш офицер аппарата военного атташе минут 10–15 наедине беседовал с преподавателем оперативного искусства этой школы. Через несколько дней начальник контрразведки контр-адмирал Хеннинг дал мне понять, что содержание этой беседы с преподавателем ему почти дословно известно.

В другой раз помощник военного атташе полковник Н.Н. Неборачко попросил у своего знакомого служащего армейской киностудии "Армеефильмдеталь", с которым он был хорошо знаком по клубу кинолюбителей в Стокгольме, дать для просмотра учебный несекретный фильм, изготовленный его студией. Вместо фильма мы получили строгое предупреждение о недопустимости впредь каких-либо частных просьб к гражданам Швеции.

Служба внешнего наблюдения контрразведки за передвижением дипломатов по стране имела в лице мирных обывателей много добровольных помощников, которые считали своим долгом сообщить по телефону о продвижениях и остановках автомашин с дипломатическими номерами. Труда это не составляло, поскольку телефон имелся в каждой семье и в сельском доме. За донесение, оказавшееся, по оценке полиции, полезным, доносчик получал вознаграждение, размер которого зависел от важности сообщения. Это еще в большей мере подогревало патриотизм и усиливало активность добровольных сыщиков.

Все сотрудники аппаратов военных атташе в Стокгольме имели право без предупреждения властей передвигаться в окрестностях столицы на любое удаление при условии возврата в тот же день к месту жительства. Это давало возможность летом совершать без разрешения длительные путешествия на многие сотни километров от центра. При поездках, связанных с ночевками, требовалось докладывать за сутки в письменном виде с указанием маршрута, продолжительности путешествия, пунктов ночевки. В этих условиях за нашими автомашинами устанавливалась непрерывная, зачастую демонстративная слежка. Бригады контрразведки в пути меняли агентов, автомашины, подключая санитарные и грузовые автомобили, иногда направляли женщин, но добросовестно не выпускали наших людей из поля зрения. В обед они заходили с нами в один и тот же ресторан, вечером – в кино, на ночь – в гостиницу.

Ночевать у частных лиц, в кемпингах и просто в поле категорически запрещалось, так как в этом случае, естественно, затруднялось наблюдение и опекаемые могли ускользнуть от непрошеной охраны.

Однажды после поездки на север страны в Хапаранду, когда сопровождение было особенно назойливым, я деликатно заметил начальнику командной экспедиции контр-адмиралу Хеннингу, что я был бы не против во избежание лишних расходов шведской администрации взять одного из сопровождающих с собою в автомобиль в качестве гида и тем самым снять ряд хлопот с командной экспедиции. В ответ он заметил, что

шведский военный атташе в Москве полковник Хельм, совершая совершенно безобидные поездки по стране, доставляет советской стороне еще большие хлопоты и расходы. Так что паритетность здесь сохраняется в полной мере. Развивать больше эту тему я не считал нужным.

В Стокгольме слежка контрразведки за нашими людьми начиналась обычно через 2–3 недели после их приезда и осуществлялась скрытно с использованием технических средств.

Сотрудники аппарата военного атташе контролировались, как правило, постоянно. Мне понадобилось несколько месяцев безупречных вечерних прогулок по Дюр Гордену, прежде чем удалось притупить бдительность агентов и добиться снятия слежки, поскольку было очевидно, что эти путешествия с женой и дочерью преследуют чисто оздоровительные цели.

Наши автомашины, содержащиеся в частном гараже, несколько раз при весьма странных обстоятельствах угонялись "неизвестными злоумышленниками". Через несколько дней полиция, проявив чудеса дедукции, находила пропажу и возвращала ее со следами бдительного и далеко не дилетантского контроля кузова, шасси, моторной группы. Но ничего предосудительного в них не было.

Неоднократно отмечался негласный обыск квартир наших сотрудников. Он всегда осуществлялся со знанием дела, и, если бы не дополнительные меры обнаружения непрошенных визитов, они остались бы незамеченными. Следует учитывать, что портье шведских домов обычно сотрудничает с полицией и всегда имеет дубликаты ключей от квартир. Их осмотр контрразведкой может быть правдиво легендирован проверкой телефонов, нагревательных приборов, водопровода, канализации. При посещении квартиры этими "специалистами" в отсутствие жильцов вполне допустима установка миниатюрных микрофонов для подслушивания. Это приходилось постоянно иметь в виду при проведении деловых бесед с гостями и говорить дома лишь на такие темы, по которым можно было бы выступить даже по местному телевидению.

Напротив нашей квартиры по улице Линнейгатан, д. 21 проживал начальник штаба военно-воздушных сил Швеции генерал-майор Норен, с которым я неоднократно встречался и был хорошо знаком. Как было установлено после моего непредвиденно поспешного отъезда из страны, он любезно предоставил в своей личной квартире целую комнату для установки стационарного инструментального наблюдательного пункта для контроля за квартирой советского военного атташе.

Установив предосудительную связь своего гражданина с нежелательным иностранцем, в том случае, если он о ней своевременно не доложил, контрразведка начинала тщательно разрабатывать своего. За ним устанавливалось прочное негласное наблюдение, к нему подсаживались под видом прислуги, друзей, соседей агенты контрразведки. В том случае, если разрабатываемый не имел доступа к секретным материалам, ему обеспечивали в провокационных целях возможности знакомства с ними. При этом секретные документы и пособия покрывались составом, закрепляющим отпечатки пальцев, что давало возможность в последующем предъявлять неопровержимые улики против лица, пользовавшегося без разрешения не положенными ему бумагами или пособиями.

ТЕКУЩАЯ РАБОТА ВОЕННОГО АТТАШЕ

Задачи, поставленные перед аппаратом военного атташе в Швеции, далеко выходили за рамки страны пребывания и включали широкий диапазон вопросов научно-технической, военно-политической, военной и экономической информации, главным образом по странам НАТО и в первую очередь США, с которыми Швеция весьма тесно связана, несмотря на свой нейтралитет.

Не останавливаясь на методах решения многочисленных плановых и внеплановых заданий, ставившихся перед нами в то время Центром, можно с уверенностью сказать, что небольшим, но достаточно квалифицированным коллективом мы делали все,

что было в наших силах, для наиболее полного использования всех возможностей, вытекающих из нашего пребывания в стране.

Помимо работы с людьми, имевшими доступ к нужным нам сведениям, значительное внимание уделялось изучению прессы, причем не только местной, но и западной полузакрытого типа, которую не продавали советским гражданам, но охотно присылали шведским частным подписчикам и владельцам книжных магазинов, у которых за соответствующую мзду можно было их получать в постоянное или временное пользование. При хороших отношениях с коллегами имелась возможность через них на доверительной основе получать для ознакомления различные закрытые материалы НАТО, рассылаемые Европейским командованием для офицеров этих стран. Так, к примеру, один из таких информбюллетеней нам периодически передавал "для личной ориентировки" один из западных коллег. Это было открытое издание внутреннего пользования, но по характеру помещавшихся в нем сведений у нас на подобных материалах, безусловно, стоял бы гриф "секретно". По шведским вооруженным силам неплохие данные проскальзывали в провинциальных газетах и журналах. Не случайно подписка на них была ограничена. Всю эту массу чтива нужно было сопоставить, проанализировать, что представляло интерес – перевести, накапливая, проскальзывающие в массе словесной шелухи крупицы интересных сведений.

Много времени отнимали всевозможные приемы: коктейли, ленчи, обеды у шведских официальных лиц и аккредитованных в Стокгольме дипломатов, пропускать которые было нежелательно, так как они представляли собою одну из возможностей встреч с интересующими нас людьми и получения в процессе заранее намеченной беседы с ними соответствующей информации. Об объеме этой, на первый взгляд необременительной, работы можно судить хотя бы по тому, что в зимнее время количество таких мероприятий достигало 60 в квартал. Обычно они, за исключением ленчей, проводились после работы с 18 до 21 часа. Но к ним, при желании получить полезную отдачу, нужно было серьезно готовиться, вплоть до изучения соответствующей лексики, продумывания вопросов и т.д. При посещении таких встреч с определенной оперативной целью наши офицеры всегда испытывали напряжение, что основательно изматывало их, поскольку в каждом из таких приемов они видели не развлечение, а серьезную, иногда опасную, работу.

Помимо путешествия "в гости" обременяли в значительной мере приемы собственных гостей из числа шведских офицеров и военных атташе капиталистических стран. Ленчи, ужины, обеды требовали составления специального календаря, чтобы, упаси Бог, не забыть, кто, когда и с кем должен быть принят и на каком уровне: интимном, официальном с флагами, товарищеском с обильной выпивкой, с подарками или без оных. Требовалась представительская точность. Если на коктейли можно было прийти когда угодно, то на обеды и ленчи требовалось прибывать точно в указанное в приглашении время – не раньше и не позже. Отклонения допускались лишь в 5–7 минут.

Рабочий день в советском посольстве при после Ф.Т. Гусеве начинался так называемой пресс-конференцией, на которой сотрудники посольства, знающие иностранные языки, докладывали обзор закрепляемых за ними шведских и иностранных газет. При этом обсуждались проблемы, имевшие отношение к советской колонии. Причем, как ни странно, зачастую, на мой взгляд, пустячный вопрос перерастал в конфликт, которого легко было избежать. В августе 1961 г. на пресс-конференции у посла смятение вызвал репортаж корреспондента газеты "Свенска Лагбладет", который подробно обрисовал свою встречу с сотрудниками американского посольства у посла США в Стокгольме. Описывалась деятельность этих сотрудников, распорядок дня посольства и пр. Статья заканчивалась: "Следующий репортаж – из стен советского посольства". Несмотря на наши настоятельные советы, посол не решился без санкции свыше принять шведского интервьюера и запросил Москву. Последовал ответ из министерства иностранных дел: "Корреспондента в посольство не пускать. Интервью не давать". Указание было выполнено неукоснительно, после чего газета

начала поливать грязью не только посла и весь состав посольства, но и страну, которую они представляли. А этого можно было избежать без ущерба для нашего престижа и с помощью нашей гостеприимности, икры и водки добиться по крайней мере лояльного репортажа, который прочла бы шведская читающая публика.

Значительную часть рабочего времени занимало составление различных отчетных и информационных материалов, ответы на срочные телеграфные запросы, зачастую по проблемам, уже ранее освещавшимся в соответствующих донесениях. Так было, например, с вопросами гражданской обороны Швеции, подробно освещенными нами в 1961 г. по материалам учений в Стокгольме и повторно запрошенными у нас же в 1962 г. Сложность в повторных ответах состояла в том, что архивов мы не имели, большинство сведений приходилось сохранять в памяти, а она иногда могла и подвести.

Приходилось отвечать по ряду вопросов и шведским официальным лицам и отдельным гражданам, интересующимся военной историей России и СССР, развитием космической техники, советскими военачальниками, военной литературой. Учитывая высокий уровень военной и смежной с нею гражданской техники в Швеции, приходилось внимательно изучать международные технические выставки, часто организуемые в Стокгольме. Эту работу приходилось иногда проводить совместно с инженерами торгпредства, так как наших познаний в ряде отраслей техники не хватало.

Отводилось время и на приемы убывающих и прибывающих коллег. Запомнилось своеобразное представление вновь прибывшего атташе ОАР бригадного генерала Гамаль Сейф Насера в начале 1963 г.

В наше посольство вошел молодой, лет 30, генерал, который на хорошем русском языке с серьезной миной доложил: "Товарищ генерал! Военный атташе ОАР Гамаль Сейф Насер прибыл в Ваше распоряжение". Понимая шутку, я заметил, что рад встретить в Стокгольме земляка, да еще из ОАР. Оказалось: этот араб почти два года учился в нашей Военно-воздушной академии в Монино. На мой вопрос, не является ли он родственником президенту, Насер отвечал: "Почти нет, очень дальним". Про себя я оценил его скромность, но понял, почему он стал генералом в 30 лет. Полагая, что о таком человеке в Центре должны быть подробные данные, я запросил на Насера характеристику за время его обучения в СССР. Каково же было наше удивление, когда через месяц мы получили лаконичное сообщение: "Насер нам не известен".

Как плохо мы знаем наших друзей. Может быть, поэтому они часто становятся нашими врагами?

В порядке изучения страны и ее инфраструктуры всему оперативному составу аппарата военного атташе приходилось много путешествовать, совершая иногда многодневные экскурсии. Понятно, что местная контроразведка отлично знала, чем вызывалась такая охота к перемене мест, тем не менее каждый выезд нужно было как-то легендировать: посещением архитектурных памятников в Гётеборге и Мальме, ознакомлением со старейшим в Европе Упсальским университетом, наблюдением за зимними спортивными соревнованиями в Кируне, изучением выставки "Все для моря" в Гельсингборге и т.д. К каждому такому турне нужно было тщательно готовиться и составлять подробный план заездов по маршруту с тем, чтобы не открывать давно известное и не пропустить новое. При этом нужно было всегда иметь в виду постоянную работу под контролем наружного наблюдения.

Шведы разрешали свободное передвижение в большом количестве районов, за исключением запретных, лежащих в основном на севере и северо-востоке страны, где у них имелись укрепленные зоны.

Существует анекдот, будто бы Бисмарк смеялся два раза в жизни: когда умерла его теща и при докладе о шведской крепости не то Крипсхольм, не то Шипсхольм. Шведы, очевидно, не хотели, чтобы над их укреплениями смеялся еще кто-либо и не пускали нас на север.

В многочисленных поездках в самых разнообразных направлениях можно было, помимо вопросов собственно инфраструктуры, заметить ряд любопытных мелочей.

Жизненный стандарт среднего шведа во всей стране примерно одинаков. За полярным кругом в Хапаранде обилие продуктов и предметов широкого потребления и цены на них примерно те же, что и в Стокгольме. Тот же сервис и в жилье, обслуживании, те же добротные, правда не очень широкие, дороги. Исключение, пожалуй, составляют на севере кочевники лопари, которые вынуждены бродить по тундре со своими громадными стадами оленей, не пользуясь в полном объеме всеми благами цивилизации. Но в их быт проникает наука, техника. В ярангах можно было увидеть изделия из нейлона, транзисторные приемники. Дети их учились в общих школах, находящихся в крупных населенных пунктах, откорм оленьего поголовья производился под контролем ветеринаров, для связи между кочевьями используется радио, лопари управляют автомобилями, вездеходами.

Обращает на себя внимание развитое чувство собственного достоинства шведов, отсутствие низкопоклонства перед заграничным, стремление видеть во всем шведском образец совершенства, будь то внешняя политика или уровень жизни, государственное устройство или техника. Шведское все должно быть самым лучшим. Гостеприимство шведа не граничит с самопожертвованием. В любом виде обслуживания он попытается сохранить принцип наибольшего благоприятствования для своего гражданина, в том числе при пользовании гостиницами, посещениях ресторанов. Даже во время официальных церемоний опоздавший иностранец, даже если он и дипломат, будет довольствоваться тем местом, которое останется не занятым шведами.

При поездках по стране не могло также не броситься в глаза то обстоятельство, что этот маленький народ, на который никто не покушался, упорно и во всем готовился к обороне. Свидетельством того являлись и полевые аэродромы для реактивной авиации, распаханные под пшеницу, но в любое время могущие быть покрытыми стальными сборными полосами для взлета и посадки, и посадочные полосы на автострадах, и бетонированные площадки в лесах для маскировки и рассредоточения самолетов. Широкая сеть радиорелейных линий, значительно превосходящая потребности мирного времени, подземные склады, убежища, командные пункты – все это предусмотрено на случай войны, развертывания армии, сохранения материальных ценностей и людей.

Рейсовые и городские автобусы, троллейбусы имели крепко задраенные задние двери на случай возможного переоборудования этих транспортных средств в санитарные. У транспортных самолетов посадочные люки открываются внутрь салона, что обеспечивает возможность десантирования из них парашютистов без каких-либо дополнительных работ по их переоборудованию.

Разносторонняя подготовка военных специалистов в резерве, разветвленная система гражданской обороны значительно дополняли небольшие вооруженные силы и с учетом их современного авиационного, бронетанкового и артиллерийского вооружения давали основания оценивать Швецию как страну с высокой боевой готовностью.

В процессе текущей работы по изучению страны, ее армии, вероятных противников по НАТО приходилось зачастую сталкиваться с непредвиденными неприятностями и хлопотами. Так, в июле 1962 г. меня пригласил в штаб обороны контр-адмирал Хеннинг и сообщил, что ночью без предупреждения к берегам острова Готланд подошел вспомогательный корабль советского военно-морского флота водоизмещением свыше 300 тонн. Командир корабля лейтенант Плешкинс попросил у шведских властей политического убежища. Команда корабля не сходит на берег и не покидает территориальные воды, отказываясь вместе с тем допустить на борт представителей шведских властей. Хеннинг потребовал срочного вывода корабля-нарушителя в нейтральные воды и наказания виновных, в противном случае грозил приказать находившемуся неподалеку шведскому эсминцу силой отбуксировать наш корабль в открытое море. Мне пришлось настоятельно разъяснить, что в данном случае скорее имеет место не преднамеренное нарушение границ Швеции, а бедствие, поскольку

после дезертирства преступника-лейтенанта команда осталась без навигационных средств. Только после этого, очевидно, по решению министра обороны Андерссона, шведские военные власти выделили в мое распоряжение самолет для полета к месту происшествия и офицера связи. Для принятия на месте должных мер мною был командирован на Готланд капитан 3 ранга Л.Н. Коновалов. Он имел опыт вождения малых кораблей и должен был перегнать "Интуриста" на ближайшую нашу базу в Лиепая. Ответ на наше срочное донесение об этом чрезвычайном происшествии в штаб ВМФ СССР был получен лишь в вторые сутки. Коновалову было разрешено довести корабль до ближайшего советского порта. Для встречи его в море был выслан эсминец. Несложная процедура перегона баржи оказалась далеко не простой. Изменник-командир испортил компас и уничтожил навигационные карты, так что без шведской помощи выйти из шхерного района Коновалов не смог. В открытое море его вывело шведское вспомогательное судно, после чего без происшествий в установленном пункте состоялось рандеву с эминцем.

Плешкинсу шведы предоставили политическое убежище. Он оказался литовским националистом, врагом Советского Союза. Все попытки нашего посольства вернуть изменника на родину ни к чему не привели. В последующем его забрали американцы, характере из таких, как он, создавали свои разведывательные специальные отряды.

Характерно, что все матросы угнанного корабля были в свое время разжалованы командованием за различные мелкие проступки и, как ни странно, они оказались настоящими патриотами, с гневом отвергавшими попытки собравшихся к месту происшествия русских эмигрантов убедить не возвращаться на родину. Матросы организовали вооруженную охрану корабля, но отплыть от Готланда не могли, поскольку никто из них не имел опыта вождения судов, а рации эта баржа не имела. Матросы даже не знали, что в каждой стране имеются советские представители, и Коновалову стоило большого труда уговорить их пустить его на борт. Команда не имела с собою запасов продовольствия, и, прежде чем приступить к подготовке к отплытию, вновь испеченному "флотоводцу"-дипломату пришлось запастись за свой счет хлебом и колбасой на 11 человек.

Тихоходная железная баржа 24 часа шла к Готланду и не была задержана нашей пограничной службой. Потребовалось около двух суток после нашего донесения, чтобы установить исчезновение из порта 11 человек вместе с баржей. Не на высоте оказались и шведы, не обнаружившие подход неизвестного судна к самому острову.

Обо всем этом мной была написана подробная докладная начальнику штаба ВМФ адмиралу Зозуле с просьбой поощрить Коновалова и всех матросов, а также строго наказать виновных в таком позорном для флота случае. Коновалову было досрочно присвоено очередное воинское звание капитана 2 ранга. Матросы поощрены, им вернули прежние воинские звания. А виновных не нашли.

Ряд непредвиденных обстоятельств возникал при различных заявлениях Хрущева, касавшихся Швеции или ее соседей. Взрыв водородной бомбы на севере, нота Финляндии с предупреждением о возможных санкциях в случае изменения ею политического курса в отношении СССР, Карибский кризис и другие вызывали не только антисоветскую кампанию в прессе, но и враждебные демонстрации, пикетирование у посольства, поток писем, депутатии от общественности и т.д. Следует заметить, что в порядке подтверждения своего нейтралитета шведы почти так же бурно протестовали против испытаний ядерных зарядов в США, их военных действий во Вьетнаме, событий в Конго.

Непоследовательные и путаные заявления и доклады Хрущева, непонятные даже советскому человеку решения зачастую ставили нас, зарубежных работников, призванных разъяснять и пропагандировать эти решения, в крайне затруднительное положение своей очевидной абсурдностью. Шведы, привыкшие предпосылать каждому серьезному решению тщательную предварительную его проработку, удивлялись нашим волевым мероприятиям, высказывали свои сомнения в их рациональности. Нам же, в душе согласным с ними, рассудку вопреки, приходилось по долгу службы защи-

щать официальную точку зрения без уверенности, что она не будет через несколько дней опровергнута нашими же официальными органами, как это было с заявлением заместителя министра иностранных дел СССР Зорина в ООН перед Карибским кризисом.

Особое место в работе аппарата военного атташе занимала подготовка к визитам наших кораблей в Швецию, обмену делегациями, авиационными эскадрильями, спортивными командами.

С 1 по 5 июня 1962 г. в Стокгольме пребывал с визитом отряд советских кораблей под командованием контр-адмирала П.П. Кулика в составе плавбазы подлодок "Виктор Котельников" и трех дизельных лодок. Подготовка к этому пятидневному визиту заняла несколько месяцев. Составлялась и согласовывалась в двух инстанциях подробная программа с указанием всех деталей от встречи отряда у Альмагрудского маяка до проводов шведскими эсминцами при убытии наших кораблей домой.

Программа, помимо массы визитов к шведским военным и гражданским властям, включала обширный перечень культурно-массовых мероприятий, так как с базой прибывал ансамбль песни и пляски Балтийского флота. И здесь не обошлось без досадных мелочей, вызванных, очевидно, незнанием в Центре местной обстановки и нежеланием прислушаться к советам низовых исполнителей. Было запрещено проведение пресс-конференции со шведскими журналистами. Не ясно, почему на кораблях, открытых в течение нескольких дней для доступа местного населения, нельзя было встретить местных журналистов и нейтрализовать их антисоветский пыл. Нам было ясно, что этот запрет будет иметь своим следствием порочащий нас поток клеветы во всех местных газетах в течение всего визита. В соответствии с "мудрыми указаниями" пресс-конференция не проводилась, она была заменена встречей с деятелями культуры, охотно санкционированной Центром, на которой были почти одни корреспонденты. Встреча прошла блестяще. Командир плавбазы капитан 2 ранга Преображенский мастерски, остроумно с морским шиком отвечал на многочисленные вопросы журналистов, выступая одновременно в роли хлебосольного хозяина. Результаты не преминули сказаться. Даже реакционные газеты писали о наших моряках в лояльных тонах.

Шведских моряков несколько удивляло чрезмерно большое количество старших офицеров, прибывших на кораблях. Одних капитанов 1 ранга было около 10 человек, в их числе был и корреспондент газеты "Красная Звезда". Такого количества крупных чинов у шведов с избытком хватило бы на комплектование всего военно-морского командования. Кораблем же такого класса, как "Виктор Котельников", у них командовал бы офицер в звании, соответствующем нашему капитану 3 ранга. Понятно, что стремление попасть в заграничное плавание было велико у многих старших офицеров флота, но они могли бы иметь, хотя бы на время визита, более скромные звания.

Офицеры и большая часть команды базы были собраны с других кораблей перед самым походом и не были сколочены в единый воинский организм, что сказалось на четкости движения по шхерному району и подходе к пирсу. Однако на берегу матросы и старшины вели себя безукоризненно. Команда возложила венки на могилу Софьи Ковалевской, встречалась со шведскими моряками, провела с ними товарищеский футбольный матч, организовала на базе прием детей из стокгольмского детского дома, совершила много экскурсий в музеи и по городу, прослушала ряд наших бесед о стране, ее народе, вооруженных силах и т.д. Бургомистром города был дан в ратуше для наших моряков прием.

Блестяще показали себя артисты ансамбля песни и пляски. Они устроили для жителей Стокгольма много концертов под открытым небом в Скансене, на площадях и бульварах города и неизменно пользовались огромным успехом. Пожалуй, весь состав посольства с его пропагандистским аппаратом вряд ли за долгое время мог сделать для завоевания симпатий шведов столько, сколько сделал небольшой флотский ансамбль за пять дней пребывания кораблей в Стокгольме.

Молодежь всех наций быстро понимала друг друга даже без переводчиков. К изумлению отцов-командиров, при убытии кораблей среди сотен провожавших было много девушек, которые трогательно прощались с нашими матросами и даже утирали слезы.

ДОСАДНЫЕ ПРОСЧЕТЫ, ОШИБКИ, УПУЩЕНИЯ

Как ни странно, но, работая в системе советских учреждений за рубежом, тесно соприкасаясь с их деятельностью и организацией, особенно в области экономики, сравнивая культуру труда, отношение людей к делу, четкость выполнения задач, рациональность того или иного учреждения советской колонии и шведских ведомств аналогичного профиля, приходилось зачастую с прискорбием констатировать, что мы отстали по целому ряду показателей и в первую очередь в производительности труда. Сравнение оказывалось не в нашу пользу.

Вдали от родины наши недостатки, к которым мы привыкли у себя в стране, становились более ощутимыми: их нетерпимость для нормального развития общества чувствовалась все очевиднее. Тем более что погрешности в организации работы многоотраслевых учреждений нашей колонии продолжали в микромасштабе отражать общию для нашей страны недостатки, упущения, просчеты.

Судя по некоторым примерам, и в Москве в ту пору зачастую не было ясности в ряде кардинальных вопросов внутренней и внешней политики. Правая рука не знала, что делала левая. Это ощущалось и на периферии.

В 1961 г., после заявления Хрущева о том, что СССР заключит односторонний мирный договор с ГДР и таким образом решит берлинскую проблему, всем зарубежным органам, в том числе и нам, было поставлено задание выяснять любыми путями отношение западных держав к этому заявлению.

Несерьезность и вредность демарша Хрущева были очевидны, но приказ есть приказ, мы начали выяснять эту позицию, хотя даже нам она была предельно ясна.

Я пригласил на морскую прогулку в шхеры турецкого военного атташе. Это был офицер, с которым можно было поговорить более или менее откровенно по интересующему нас вопросу. Турок, будучи мусульманином, имел православные привычки: любил выпить, закусить, погулять с европейскими девицами, принимал подарки.

На мой вопрос по интересующей меня проблеме "коллега" довольно здраво заявил: "Напрасно вы дразните гусей. Договор по Берлину с ГДР без ФРГ и западных держав для СССР ничего не даст, так как его никто из этих стран не признает. Повод же для враждебной пропаганды вы дали, равно как и основание для увеличения англо-франко-американского гарнизона в Берлине. Кроме того, весь контингент войск НАТО в ФРГ приведен в состояние боевой готовности и они намерены любой ценой охранять свои коммуникации с Западным Берлином. К тому же в то время, когда у вас идет малая война с Китаем, вряд ли имеет смысл развязывать конфликт на Западе". При этом он сообщил о тысячах пограничных инцидентов на востоке, концентрации китайских войск на советской границе, мобилизации китайцами лиц русской национальности в разведывательно-диверсионные школы, возведении укреплений на востоке и других фактах, ставших нам известными лишь несколько лет спустя.

Попытки убедить коллегу в том, что у нас с Китаем дружба на века, понятно, ни к чему не привели и лишь показали мое полное невежество в вопросах китайско-советских отношений. Я был действительно глубоко убежден в прочности этой дружбы. Лишь после нам стало понятно, почему начиная с 1961 г. отношения с китайскими представителями в Швеции, в том числе и военным атташе Лю Чифу, стали натянутыми. Очевидно, они были лучше нас информированы об отношениях между государствами.

Немедленно по возвращении с прогулки я сообщил о беседе в Центр и получил с завидной оперативностью разнос: "Недостойно для Вас и непозволительно впредь

передавать в Центр антисоветские инсинуации. Дружба с нашим Великим соседом нерушима".

По заданию Центра весьма сложными путями нами были куплены 2 клистрона – электровакуумных прибора сверхвысокой частоты стоимостью по 4 тыс. долл. каждый. В последний момент Центр прислал указание один клистрон за ненадобностью вернуть поставщику. Сделать это было уже нельзя, так как он покупался через подставных лиц и за подобную операцию виновным грозило тюремное заключение, поскольку деталь числилась в списке запрещенных к продаже в социалистические страны. Все наши доводы Центром не принимались во внимание. Расходы на покупку второго клистрона не утверждались. Попытки продать его чехам, полякам, даже китайцу, которого мы все еще, по директиве, числили нашим другом, ни к чему не привели. Стоимость детали равнялась почти двум моим годовым окладам, и возместить ее из своей зарплаты без поступления по совместительству в батраки к какому-либо помещику не представлялось возможным.

Не рассчитывая на успех, я все же обратился к торгпреду Б.И. Харченко с вопросом, не нужна ли такая деталь его ведомству. Тот запросил министерство внешней торговли и получил ответ: "Немедля нарочным выслать клистрон в Москву. Принять срочные меры к добыче еще 5 экземпляров, крайне необходимых нашим научно-исследовательским институтам".

Комментарии излишни.

В 1962 г. для Братского промышленного комплекса у шведов был заказан целлюлозный комбинат. По каким-то причинам фирмачи запаздывали с поставкой оборудования и просили отсрочки на два месяца, гарантируя за эту уступку ряд выгодных условий. Министерство внешней торговли на ходатайство торгпреда удовлетворить просьбу фирмы ответило отказом. Шведы, мобилизовав все возможности, выполнили заказ в срок и отправили по назначению. Через год, зимой, один из инженеров нашего торгпредства в Швеции, посетив во время отпуска Братский комплекс, решил полюбоваться и на "свой" комбинат. С удивлением и болью в сердце он обнаружил импортное оборудование, из-за срочной поставки которого шведами мы потеряли небольшую сумму, валяющимся в беспорядке под снегом. Торгпред по докладной своего инженера написал жалобу и прослал "склочником".

В 1962 г. министр обороны Швеции Свен Андерссон предложил провести с нами традиционный, повторяющийся обычно через четыре года, обмен визитами военных кораблей. Об этом мною было доложено послу и сообщено в Центр. Через неделю был получен ответ: "Дайте понять шведам, что вести переговоры о визитах кораблей они должны по линии МИД".

Такой ответ не только означал наш отказ от этого мероприятия, но и давал понять, что военный атташе вообще ненужная инстанция, которая имеет совсем другие, не представительские, задачи.

Перед тем, как направиться в командную экспедицию для того, чтобы сообщить мудрое указание руководства, я зашел к послу Гусеву. Каково же было мое удивление, когда он показал мне телеграмму министерства иностранных дел, где значилось, что вопрос о визитах кораблей решен. Указывалось место, состав отряда, сроки, материальное обеспечение и давались указания военному атташе составить программу пребывания кораблей.

Два ведомства, находящихся почти рядом, давали исключаящие друг друга указания по одному и тому же вопросу. А ведь я, получив приказание от своего руководства, не обязан был сообщать его послу.

Хорошо бы мы выглядели перед шведами, когда после отказа через несколько дней пришлось бы вновь поднимать этот вопрос и сообщать о противоположном решении.

Посольство и особенно агентство "Совинформбюро" выводили из сметных рамок многословные и противоречивые выступления Хрущева по всем областям политики, экономики, науки. Они передавались по телетайпу, загружая его до предела. Срочный

перевод их на шведский язык требовал больших сумм в валюте, а шведские газеты отказывались их печатать. Для выполнения указаний инстанций о публикации речей в местной прессе приходилось "арендовать" в какой-нибудь "Дагенс Нюхетер" 2–3 дополнительных газетных разворота в качестве специального приложения, что обходилось до 50 тыс. крон. Досаднее всего было то, что пропагандистский эффект этим не достигался, так как обычно за 2–3 дня до полной публикации речи советского премьера в той же газете давался краткий репортаж в антисоветском духе о ней какого-либо западного агентства и он вполне устраивал шведов, не привыкших читать длинные статьи. Многочисленные просьбы, высказывавшиеся устно и письменно различным "ревизорам", прибывавшим периодически в посольство, присылать для местных газет краткую аннотированную запись речей, которую можно было бы передать шведской прессе ранее западных агентств, и в этом случае она читалась бы рядовыми шведами, не принимались во внимание, хотя это не только экономило бы многие сотни тысяч крон в год, но и могло приносить доход, ибо падкие на сенсацию издательства охотно покупали бы такую информацию.

Речи первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР никто не осмеливался сокращать. Читая в "Правде" сообщения о том, что очередная речь Хрущева опубликована большим числом буржуазных газет, мы обычно прикидывали, в какую громадную сумму расходов советской валюты это выливается и какой незначительный результат это дает в смысле воздействия на умы.

"Совинформбюро", а в последующем АПН издавали в Швеции журнал для местного населения "Нюхетер фром Совьетунин" – "Новости из Советского Союза". Этот журнал распространялся бесплатно среди членов общества "Швеция – СССР". 15 тысяч его экземпляров передавалось в ЦК Компартии Швеции (КПШ) для пересылки коммунистам и их знакомым. Идея сама по себе не плохая, но мы забывали об отсутствии средств для дальнейшей пересылки этого органа читателям. А эти средства выливались в круглую сумму 3–4 тыс. крон на выпуск. В ЦК КПШ не было таких средств, и целые пачки журнала сжигались в котельной.

Многих советских граждан удивляло расточительство народных средств при поездках высокопоставленных должностных лиц из СССР в Швецию. Эти поездки по существу превращались в туризм за государственный счет для избранных. В Швецию ехали без должного разбора, подготовки и цели министры, партийные работники, руководители главков, писатели и художники, депутаты, председатели и секретари горсоветов.

Прибытие какого-либо министра или писателя в звании члена ЦК или депутата Верховного Совета СССР надолго выбивало из рабочей колеи все посольство. Гости обычно прибывали со свитой сопровождающих их лиц и интересовались не только государственными делами, а и магазинами, увеселительными учреждениями, рыбной ловлей, охотой, коньячными изделиями. Шолохов и Корнейчук, например, категорически отказались выступить на собрании общества Швеция–СССР, хотя их доклад значительно поднял бы авторитет этой слабой организации. Министр высшего образования Елютин снизошел до чтения в этом обществе доклада о постановке высшего и среднего образования в СССР. Доклад прошел гладко и, очевидно, был кем-то неплохо подготовлен. Впечатление испортили вопросы, которые нельзя было предусмотреть и заблаговременно подготовить ответы. Естественно, что некоторые из присутствующих интересовались не только проблемами высшего образования, но и жизненным уровнем трудящихся, социальными вопросами, туризмом в СССР. Министр не был к ним готов, но вместо того, чтобы прямо об этом сказать, начал фантазировать и показал полную неосведомленность о жизни в своей стране, что было замечено присутствующими.

Многие из приезжавших боялись выступать перед шведами, избегали пресс-конференций, приемов. С лучшей стороны, чем прочие, показал себя во время визита в Швецию бывший министр морского флота СССР Бакаев – интеллигентный обаятельный человек, покоривший шведов своей эрудицией и знанием дела.

Из писателей лишь Эренбург не боялся выступать перед иностранной аудиторией и метко, остроумно парировал попытки задавать провокационные антисоветские вопросы. Обращало на себя внимание крайне незначительное число настоящих специалистов – инженеров, ученых – в большой массе административных работников, посещавших Швецию. А ведь в этой стране есть что перенять и врачу, и учителю, и агроному.

Следует заметить, что в пропагандистском плане ансамбль песни и пляски Балтфлота или грузинский танцевальный коллектив, не говоря уже о балетной труппе Большого театра, делали значительно больше, чем все многочисленные высокопоставленные визитеры, вместе взятые. Они показывали шведам высокую культуру советского народа, его душу, его оптимизм и не только не требовали валютных расходов, но и были экономически выгодны.

В такой небольшой стране, как Швеция, содержалось, помимо приемщиков специальной продукции – кораблей, комплектных заводов и других, торговое представительство в сорок с лишним человек. Прав был один наш старший инженер торгпредства, который заявлял, что если бы ему несколько изменили условия работы, то он один справился с задачами целого отдела. Для этого нужно знать в первую очередь свое дело и один-два иностранных языка. Роль целого торгпредства в посольстве ФРГ выполнял один коммерческий советник и секретарь-машинистка. Понятно, там фирмы имеют прямые связи со шведами, но и товарооборот между этими странами значительно выше, чем у нас.

Не много ли было для Швеции 60 советских ответственных посольских чиновников, загруженных работой, значительно в меньшей степени, чем их коллеги на родине?

Взаимодействие между послом, торгпредом и военным атташе, равно как и с представителями других ведомств, строилось не на основе четких директив и положений, обязательных для всех, а на личных отношениях и симпатиях. Мыслилось, что каждый из ответственных работников за рубежом преисполнен государственной мудростью. К сожалению, на практике это было совсем не так. К примеру, Гусев не только крепко держал всех "самостийных" начальников в рамках, но и постоянно помогал им, предоставляя в их распоряжение нужную информацию, систематически ориентировал в объеме основных задач, стоящих перед посольством, советовался по важнейшим вопросам работы с торгпредом, военным атташе и другими ответственными сотрудниками колонии. После отзыва Гусева по состоянию здоровья в Союз прибыл новый посол Н.Д. Белохвостиков.

22 июля 1963 г. мне пришлось срочно вернуться в Москву. Моя служба в Швеции закончилась. Но теплые воспоминания об этой стране остались со мной на всю жизнь.

© 1997 г.

Академик С.Л. ТИХВИНСКИЙ

Чрезвычайный и Полномочный Посол в отставке

**НАРКОМИНДЕЛ И ЕГО ЗАРУБЕЖНЫЕ
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ)**

ВВЕДЕНИЕ

О внешней политике СССР и деятельности советской дипломатии во время Великой Отечественной войны опубликовано много документов и специальных исследований. Едва отгремели залпы салютов, возвестивших миру об окончании войны против фашистской Германии и ее сателлитов, как уже в 1946 г. началось издание документов о внешней политике нашей страны в годы войны¹. Однако ни в фундаментальных трудах прошлых лет, посвященных истории внешней политики СССР и международных отношений, таких, как пятитомная "История дипломатии"², двухтомная "История внешней политики СССР"³, ни в коллективном труде, предполагающем ряд новых подходов к истории советской внешней политики 1917–1945 гг.⁴, практически не приводятся воспоминания советских дипломатов об их деятельности в военные годы. Обстоятельное исследование проф. В.Л. Израэляна⁵, выполненное на основе значительной документальной базы с использованием как советских, так и зарубежных архивов и литературы, мемуаров, зарубежных государственных деятелей и дипломатов, также лишено какого-либо упоминания о мемуарах советских дипломатов⁶.

¹ Внешняя политика СССР, в 5-ти т. Сб. док. под ред. Б.Е. Штейна. М., 1947; Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы, в 3-х т. Редактор-составитель С. Майоров. М., 1946–1947; Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1957; 2-е изд. М., 1973. Историко-документальным Управлением МИД СССР были изданы: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сб. док. в 6-ти т. М., 1978; Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы, в 2-х т. М., 1983; Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы, в 2-х т. М., 1984, и др. Ряд других изданных сборников содержал документы об отношениях СССР со странами Восточной Европы, освобожденными Советской Армией в конце войны.

² История дипломатии. Т. IV. Дипломатия в годы второй мировой войны. М., 1975.

³ История внешней политики СССР, в 2-х т., 4-е изд., доп. Т.1. 1917–1945 гг. Под ред. А.А. Громыко и Б.Н. Пономарева. М., 1980, гл. XIII.

⁴ Советская внешняя политика 1917–1945. Поиски новых подходов. Под ред. Л.Н. Нежинского. М., 1992.

⁵ *Израэлян В.Л.* Дипломатия в годы войны (1941–1945). М., 1985.

⁶ В книге В.Л. Израэляна имеется лишь ссылка на журнальную статью известного советского флотоводца А.Г. Головки "Вместе с флотом". – Октябрь, 1960, № 7.

В 1994 г. в США, а в 1995 г. в России в связи с 50-летием со времени окончания второй мировой войны был опубликован совместный труд российских, американских и британских авторов "Союзники в войне"⁷, представивших "параллельную" историю трех ведущих государств антигитлеровской коалиции. В этом международном труде исследуются основные направления, итоги и значение сотрудничества СССР, США и Великобритании. Анализ межсоюзнических отношений сочетается с авторскими интерпретациями национальных историй. К сожалению, использованы в этом обстоятельном труде главным образом воспоминания западных дипломатов.

Институт всеобщей истории РАН в 1995 г. издал коллективный труд российских авторов⁸, в котором исследуются взаимосвязь войны и политики, международные отношения и другие проблемы. Авторы впервые вводят в научный оборот многие неизвестные документы Архива Президента РФ, Архива внешней политики РФ, Центрального архива Министерства обороны РФ и др. К сожалению, и в этом труде отсутствуют мемуарные свидетельства советских дипломатов – участников описываемых событий, в то время как довольно часто цитируются воспоминания иностранных дипломатов. Это же характерно и для одной из последних работ по данной теме, обширной статьи члена-корр. РАН А.Н. Сахарова⁹.

Исследователи внешней политики СССР в годы Великой Отечественной войны отнюдь не по злому умыслу не использовали мемуары советских дипломатов военных лет; просто такая мемуарная литература, за малым исключением, почти отсутствовала. Если в 50–60-е годы, особенно после смерти И.В. Сталина, стали появляться мемуары советских полководцев и флотоводцев, командиров партизанских отрядов, руководителей народного хозяйства, оборонной промышленности, конструкторов вооружения и рядовых участников Великой Отечественной войны, то по разным причинам даже дипломаты, занимавшие руководящие посты в Наркомате иностранных дел и советских посольствах за рубежом, в отличие от своих зарубежных коллег – К. Хэлла, А. Идена, А. Гарримана, А. Керра, У. Стэндли и других, не говоря уже о мемуарах У. Черчилля, Ш. де Голля и Г. Трумэна, – не оставили воспоминаний о напряженной внешнеполитической деятельности советского правительства в военные годы, которая в значительной мере также способствовала достижению победы над фашизмом.

Ушли из жизни, не оставив воспоминаний, руководитель всей внутренней, военной и внешней политики СССР тех лет И.В. Сталин, нарком иностранных дел В.М. Молотов, заместители наркома в военные годы А.Я. Вышинский, С.А. Лозовский, М.М. Литвинов, послы В.А. Зорин, А.Е. Богомолов, С.А. Виноградов, Я.А. Малик, А.А. Смирнов, заведующие ведущими отделами НКВД Д.А. Жуков, Г.М. Зарубин, К.В. Новиков, Г.М. Пушкин, Б.Ф. Подцероб и многие другие¹⁰.

Отсутствие опубликованных воспоминаний советских дипломатов о их деятельности в годы войны объясняется целым рядом объективных и субъективных причин. Вся деятельность НКВД после того, как в мае 1939 г. его возглавил В.М. Молотов, сопровождалась почти полным кадровым обновлением центрального аппарата и его зарубежных представительств. В НКВД был введен режим строжайшей секретности; сотрудники наркомата не имели права хранить у себя даже самых обезличенных

⁷ *Союзники в войне*. Под ред. А.О. Чубарьяна, У. Кимболла и Д. Рэйнольда. М., 1995.

⁸ *Вторая мировая война. Актуальные проблемы*. Отв. ред. О.А. Ржешевский. М., 1995.

⁹ *Сахаров А.Н.* Война и советская дипломатия 1939–1945 гг. – *Вопросы истории*, 1995, № 7, с. 26–45.

¹⁰ Исключение составили воспоминания посла в Великобритании в 1939–1943 гг. И.М. Майского. Обладая писательским талантом и склонностью к занятиям историей, он накопил за годы своего пребывания на дипломатической службе (в Финляндии, Японии, Великобритании) большой личный архив, который он собирался передать в Академию наук СССР. В беседе с автором 3 октября 1996 г. заместитель начальника Историко-документального департамента МИД РФ Н.В. Кынин отметил, что И.М. Майский перед возвращением из Лондона в Москву специально обратился лично к И.В. Сталину за разрешением привести с собой свой архив. Некоторые дневниковые записи и письма военных лет сохранила у себя посол в Швеции А.М. Коллонтай. В 1989 г., преодолев препятствия, чинившиеся руководством МИД СССР, смог издать воспоминания уволенный из министерства в 1947 г., после десяти лет работы в НКВД/МИД бывший посол в США Н.В. Новиков.

выписок из каких-либо служебных документов или записей¹¹. В этих условиях ведение дипломатами личных дневников полностью исключалось. После войны бóльшая часть видных советских дипломатов продолжала в том или ином качестве работать в МИД СССР, где до середины 80-х годов в неизменном виде сохранялся режим строгой секретности всего делопроизводства, а руководство министерства, в частности А.А. Громыко, как в свое время В.М. Молотов и А.Я. Вышинский, не давало допуск в Архив МИД СССР даже ответственным сотрудникам по вопросам, не носившим актуального служебного характера.

Автору данного очерка, бывшему с 1963 г. членом Комиссии по изданию дипломатических документов при МИД СССР, а с 1975 по 1980 г. одновременно и начальником Историко-дипломатического управления, ведавшего Архивом МИД СССР, доводилось быть свидетелем того, как Громыко отказывал в допуске к архивным материалам дипломатам, желающим подкрепить свою память ссылкой на свои же сообщения в центр в годы их работы за границей. Министр в таких случаях говорил: "Передайте им, что их прошлые сообщения говорят сами за себя, а они пусть лучше занимаются своей повседневной оперативной работой, не отвлекаясь на посторонние занятия"¹². Даже не все члены редакционных коллегий очередных томов "Документов внешней политики СССР" в процессе отбора предназначавшихся для рассекречивания и публикации документов имели возможность знакомиться со всеми хранящимися в архиве секретными документами, относившимися к хронологическому периоду, которому был посвящен том.

Будучи лишенными доступа к своим же собственным донесениям и документам и зная о негативном отношении министра к попыткам отдельных дипломатов (А.А. Смирнова, А.И. Лаврентьева) заняться мемуаристикой, такие видные дипломаты, как Я.А. Малик, Ф.Т. Гусев и Б.Ф. Подцероб, к которым автор настоящего очерка в свою бытность ответственным редактором "Дипломатического вестника" и одновременно главным редактором журнала "Новая и новейшая история" лично обращался с настоятельными просьбами написать воспоминания с целью их публикации, неизменно давали уклончивые ответы, типа "еще не настало время писать мемуары".

Когда бывший посол в Китае и в США А.С. Панюшкин, работавший затем заведующим отделом заграничных ЦК КПСС, решил незадолго до своего ухода на пенсию опубликовать воспоминания о работе в Китае и обратился к Громыко с просьбой ознакомиться с рядом документов о работе посольства в Чунцине, хранящихся в Архиве МИД СССР, тот удовлетворил просьбу посла лишь после согласования этого вопроса с секретарем ЦК КПСС¹³. Советские военачальники и редакторы их мемуаров в отличие от дипломатов находились в более благоприятном положении и имели доступ к военным архивам.

Созданная в 1969 г. по инициативе общественных организаций МИД СССР Комиссия по публикации "Страниц мужества, стойкости и героизма в истории советской дипломатической службы" опубликовала несколько кратких очерков о деятельности отдельных дипломатов во время войны. Однако обращение этой комиссии ко всем работникам дипломатической службы с просьбой принять активное участие в подготовке очерков, статей, воспоминаний, которые могли бы быть использованы в

---

¹¹ Сталин лично отбирал у сотрудников НКВД черновые записи, сделанные по ходу перевода бесед Сталина с иностранцами. О маниакальной подозрительности Сталина и его требованиях к соблюдению строжайшей секретности при планировании и проведении военных операций вспоминают многие советские военачальники и флотоводцы. Строжайшей завесой секретности были окружены встречи в верхах в Тегеране, Ялте и Потсдаме. О принятых на них решениях знал крайне ограниченный круг работников НКВД СССР. Даже заместитель наркома С.А. Лозовский, ведавший отношениями со странами Дальнего Востока, не был информирован о принятом в Ялте обязательстве СССР вступить в войну с Японией.

¹² Сам Громыко начал писать мемуары лишь после 70-летия, за пять лет до ухода с поста министра иностранных дел СССР и избрания в 1986 г. на пост председателя Президиума Верховного Совета СССР. Они вышли в свет в 1988 г.: *Громыко А.А. Памятное*, в 2-х кн. М., 1988.

¹³ Об этом автору сообщил бывший научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН А.С. Титов, помогавший А.С. Панюшкину в работе над его мемуарами.

последующих выпусках этого сборника, так и не получило отклика. В предлагаемой работе автором использованы некоторые материалы этой публикации¹⁴.

Общаясь с Громыко на протяжении более чем 20 лет как член руководимой им комиссии по изданию дипломатических документов при МИД СССР¹⁵, автор настоящего очерка имел возможность убедиться, что министр придавал исключительное значение публикации документов о внешней политике страны и с огромным интересом, несмотря на свою занятость практическими делами, относился к работе председателя комиссии.

Поскольку самому Громыко был присущ строго логичный, подчас весьма лаконичный и даже суховатый стиль изложения мыслей, он и при оценке и отборе предназначавшихся для рассекречивания и публикации дипломатических документов, особенно донесений послов, неизменно отдавал предпочтение тем из них, которые были выдержаны в таком же строгом, лаконичном стиле. Многословные, не относившиеся непосредственно к сути дела донесения отдельных советских дипломатов в адрес НКВД, хотя и не лишённые литературных достоинств и изящества изложения, как правило, отбраковывались председателем¹⁶. Министр строго следил за тем, чтобы соблюдалась полная аутентичность документов, не разрешал при публикации того или иного документа делать какие-либо редакционные сокращения и купюры, предлагая в случае несозвучия отдельных мест того или иного документа внешнеполитической линии руководства страны или излишнего многословия вообще не публиковать документ. Этими же принципами председатель комиссии руководствовался и при отборе документов военных лет, включавшихся в уже упоминавшиеся сборники о советско-американских, советско-английских и советско-французских отношениях того времени и шеститомную документальную публикацию "Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг."¹⁷ Будущие исследователи таким образом могут найти в Архиве МИД СССР, а также в других, открытых за последние годы государственных архивах, немало еще неопубликованных документов, проливающих дополнительный свет на историю внешней политики советского государства, в частности и в годы Великой Отечественной войны.

На основании созданной за послевоенные годы Министерством иностранных дел СССР документальной базы по истории внешней политики и международных отношений Советского Союза в годы Великой Отечественной войны можно с уверенностью утверждать, что в годы войны внешнеполитическое ведомство страны

---

¹⁴ Страницы мужества, стойкости и героизма в истории советской дипломатической службы. Материалы для лекций, докладов и бесед среди сотрудников МИД СССР, вып. IV. Под ред. М.А. Харламова и Д.С. Чувакина. М., 1969.

¹⁵ В состав комиссии, созданной в 1959 г. по решению политбюро ЦК КПСС, наряду с рядом известных дипломатов входили представители архивных учреждений и ученые-историки. Ответственным секретарем комиссии был проф. И.Н. Земсков (а затем к.и.н. Г.К. Деев). На протяжении более чем 25 лет существования этой комиссии под ее редакцией вышел 21 том "Документов внешней политики СССР" (1917–1938 гг.), две серии "Документов внешней политики России", шеститомник "Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.", большое количество сборников документов об отношениях СССР с США, Англией, Францией, Германией и другими странами.

¹⁶ Документы и материалы входящей и исходящей переписки НКВД СССР, подлежащие включению в очередной том "Документов внешней политики СССР" за каждый календарный год, не должны были, по издательским требованиям, превышать объем 50–55 печатных листов. Таким образом, из огромного массива внешнеполитических документов, отложившихся в архиве, лишь не более 5% наиболее важных отбирались членами редколлегий очередных томов на рассмотрение и окончательное утверждение.

После избрания Громыко на пост председателя Президиума Верховного Совета СССР в 1986 г. комиссия прекратила свою деятельность. Однако публикация документов о внешней политике СССР была продолжена в 1992 г. МИД РФ, когда в издательстве "Международные отношения" вышли две книги "Документов внешней политики. 1939 г." в качестве XXII тома прекратившегося с 1977 г. серийного издания. В редакционную коллегию XXII тома вошли: Г.В. Комиссаров, Ю.К. Алексеев, А.П. Бондаренко, Г.В. Киреев, Ф.И. Ковалев, С.А. Кондрашов, О.А. Ржешевский, С.Л. Тихвинский. Объем этого тома в два раза превышал объемы предыдущих томов серии.

¹⁷ Главная редакционная комиссия: А.А. Громыко (гл. редактор), И.Н. Земсков, В.А. Крючков, Ш.П. Санакоев, П.П. Севостьянов (отв. секретарь), С.Л. Тихвинский, К.У. Черненко.

успешно решало стоящие перед ними задачи создания и упрочения антифашистской коалиции во имя ускорения разгрома врага, окончания проводившейся с 1917 г. изоляции нашей страны от внешнего мира, прекращения империалистической политики сдерживания Советского Союза и его признания в качестве великой державы, имеющей право вето в ООН. Советские дипломаты деятельно участвовали в разработке основ послевоенного урегулирования, обеспечении признания в качестве основы международных отношений принципов мирного сосуществования государств с различным общественным строем.

Наряду с деятельностью, направленной на создание и укрепление антигитлеровской коалиции и открытие второго фронта в Европе, наши дипломаты занимались повседневной работой по обеспечению военных поставок союзников по антигитлеровской коалиции; вопросами, связанными с предотвращением нападения на СССР милитаристской Японии; недопущением сепаратного сговора с агрессором за спиной советского государства, срывом планов Германии по вовлечению Турции и Ирана в войну на ее стороне; обеспечением беспрепятственного транзита военных грузов в Советский Союз через Иран, Мурманск и Дальний Восток и многими другими вопросами.

Сотрудники посольств и консульств за рубежом в годы войны проводили широкую разъяснительную и пропагандистскую работу среди представителей правящих кругов и обществности зарубежных стран, выступали на различных конференциях, собраниях и митингах, в учебных заведениях, на предприятиях, перед портовыми рабочими и моряками, отправлявшими грузы в Советский Союз, неся правду о положении на советско-германском фронте, о трудовых подвигах тружеников тыла, о жизни страны Советов в эти суровые годы. Они также вели большую работу по сбору средств на нужды Советской Армии и тыла, в которой наряду с советскими дипломатами и консульскими работниками активное участие принимали и их жены.

В годы войны советские дипломаты работали в нелегких условиях. Далеко не безопасны были маршруты следования из СССР к месту назначения за границей и обратно. Особенно опасным было пересечение Северного моря и Атлантического океана, там безраздельно хозяйничали в первые годы войны фашистские подводные лодки, безжалостно топившие все гражданские суда. Под жесточайшими бомбежками фашистской авиации и немецких ракет "фау" работали дипломаты в Лондоне. Под "ковровыми" бомбардировками американской авиации приходилось работать нашим дипломатам в Токио и Сеуле. Частые налеты японской авиации затрудняли работу дипломатов в Китае.

Жизнь коллективов посольств и консульств за рубежом протекала в стесненных материальных условиях, но, невзирая на это, сотрудники добровольно отчисляли значительную часть своей заработной платы в фонд обороны и на военные займы.

И хотя подавляющее число дипломатов, занимавших в годы войны ключевые позиции в центральном аппарате НКВД и в его зарубежных представительствах, не оставили личных свидетельств о внешнеполитической деятельности нашей страны и о своей собственной работе в этот драматический период, в 60-е и последующие годы стали появляться воспоминания дипломатов и консульских работников, которые по молодости лет в военные годы занимали еще низшие по табели рангов посты в системе НКВД и его зарубежных представительствах. К последним относится и автор настоящего очерка, в годы войны имевший дипломатический ранг второго секретаря первого класса.

Естественно, что письменные воспоминания о событиях почти 50-летней давности отличаются от записей, сделанных по следам событий; тем не менее появившиеся за последнее время воспоминания ветеранов дипломатической службы об их работе в годы войны наряду с немногочисленными мемуарами дипломатов старшего поколения, занимавших тогда ответственные посты, заслуживают внимания историков.

Приведем некоторые сохранившиеся воспоминания о деятельности НКВД, советских посольств, миссий и консульств в годы войны.

В ЦЕНТРАЛЬНОМ АППАРАТЕ НАРКОМИНДЕЛА

В мае 1939 г. М.М. Литвинов был внезапно уволен с поста наркома иностранных дел, который он занимал с 1930 г., и на эту должность был по совместительству назначен председатель Совета Министров СССР В.М. Молотов. С приходом последнего в наркомате началась повальная проверка и чистка как центрального аппарата, так и посольств и консульств за границей. Одновременно отдел ЦК КПСС, ведавший загранкадрами, начал отбор кандидатов для зачисления в наркомат или на учебу в Высшую дипломатическую школу при НКВД из числа выпускников и преподавателей вузов и научных сотрудников различных исследовательских и проектных институтов крупных городов страны (преимущественно Москвы и Ленинграда). Кадровый состав наркомата был укомплектован в основном молодыми, не имевшими внешнеполитического опыта сотрудниками, но принявшимися энергично осваивать новый для них участок работы.

Незадолго до начала войны, 9 мая 1941 г., вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР "Об установлении рангов для дипломатических представителей за границей", согласно которому полпредства за рубежом преобразовывались в посольства, а полпреды (полномочные представители) становились чрезвычайными и полномочными послами СССР. Это приводило дипломатический механизм нашей страны в соответствие с общепринятой международно-правовой традицией (следующий шаг в этом направлении был сделан лишь в 1946 г., когда народный комиссариат иностранных дел был преобразован в министерство иностранных дел).

Вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз застало страну и армию врасплох по вине И.В. Сталина, который, признавая неизбежность войны с Германией, тем не менее самоуверенно считал, что ему удастся оттянуть сроки ее начала, и упрямо отказывался верить многочисленным разведывательным данным и дипломатическим сигналам о точной дате неминуемого начала войны. Этот грубый просчет Сталина обернулся чудовищными людскими и материальными потерями первых месяцев войны. Врасплох были застигнуты и дипломатические, консульские, торговые и иные советские представительства и граждане в Германии и в оккупированных ею странах.

Вот как описывал деятельность наркома иностранных дел 21 и 22 июня 1941 г. автор биографической работы о Молотове:

"В субботу, 21 июня, в 9.30 В.М. Молотов неожиданно для немецкого посла, с которым не встречался длительное время, вызвал его к себе в Кремль и решительно заявил протест против возрастающих нарушений советской границы германскими самолетами. Он указал, что за последние два месяца имело место не менее двухсот случаев нарушения границы. Перейдя затем к общим вопросам советско-германских отношений, нарком впервые отметил, что за границей циркулируют слухи о готовящейся войне между Германией и Советским Союзом, что германская сторона не опровергает этих слухов и даже не опубликовала сообщение ТАСС от 13 июня. Он просил посла объяснить ему причину ухудшения советско-германских отношений.

Шуленбург, который еще 5 мая пытался через находившегося в Москве советского посла в Берлине В.Г. Деканозова предостеречь советское руководство о надвигающейся опасности, чувствовал себя тем не менее очень неловко. Казалось, он сделал тогда со своей стороны все, что мог, не совершая предательства, однако его предостережение о том, что "слухи" следует рассматривать как "факт", не было принято тогда во внимание.

В 3 часа 30 минут 22 июня в Генштаб стали поступать сводки о бомбардировках советских городов Украины и Белоруссии.

Срочно были вызваны в Кремль члены политбюро, которые незадолго до этого разъехались. Молотову было предложено позвонить в германское посольство в Москве. Сталин еще не верил... Он даже допускал, что германские генералы действуют без санкции Гитлера. Но звонить не пришлось. Наркому доложили, что германский посол Ф. фон Шуленбург срочно просится на прием. Он был принят незамедлительно.

Войдя в кабинет В.М. Молотова, германские дипломаты отметили, что нарком выглядит уставшим и даже осунувшимся. Посол сделал краткое заявление: концентрация советских войск у германской границы достигла таких размеров, каких уже не может терпеть германское правительство. Поэтому оно решило принять соответствующие контрмеры.

Слово "война" произнесено не было. Но Молотов прекрасно понял, о чем шла речь. Последовала глубокая пауза. Нарком, поборов внутреннее волнение, спросил: "Это что, объявление войны?". Ответа не последовало. Шуленбург лишь, подняв плечи, беспомощно махнул рукой.

Молотов, оправившись от первоначального шока, дал волю своему негодованию, назвав действия Германии невиданным вероломством. "Мы этого не заслужили", – сказал он.

Доложив Сталину о визите германского посла, В.М. Молотов отдал ряд распоряжений, связанных с предстоящим обменом советских и германских дипломатов. О начавшейся войне надо было сообщить советскому народу. Сталин поручил это сделать ему.

В написанный им текст были внесены поправки и дополнения некоторыми членами политбюро и лично Сталиным, в том числе упоминание о том, что Молотов делает это заявление по поручению главы правительства Сталина. Прошел первый шок, который нарком пережил сравнительно легко, в отличие от "хозяина". В 12 часов дня он зачитал свое выступление по радио.

В тот же день, то есть первый день войны, В.М. Молотов, несмотря на бессонную ночь, как обычно, читал в своем кабинете донесения послов и реагировал на них¹⁸.

Н.В. Новиков, бывший в первые годы войны заведующим 4-м европейским отделом (балканские страны) НКВД, а осенью 1943 г. назначенный представителем СССР в Египте и послом при эмигрантских правительствах Греции и Югославии, пребывавших в Каире, в мемуарах вспоминал, что после выступления И.В. Сталина по радио 3 июля 1941 г. почти все сотрудники наркомата записались в народное ополчение. В отделах осталось по одному-два сотрудника, и их состав стали пополнять за счет возвратившихся из-за границы дипломатов. Наркомат перешел на круглосуточный режим работы¹⁹.

Академик В.Г. Трухановский, в начале войны слушатель Высшей дипломатической школы, вспоминал обстановку в НКВД в первые дни и месяцы войны: "В самом начале июля в маленьком клубе Наркомата иностранных дел... проходила запись в народное ополчение. Записались все ученики Высшей дипломатической школы и большинство сотрудников Наркоминдела. Наркомат обезлюдел. И тогда начался выборочный отзыв из ополчения и в дальнейшем даже с фронта"²⁰.

В первые же месяцы войны около 250 сотрудников НКВД вступили в ряды народного ополчения и в регулярные части Красной Армии, чтобы с оружием в руках защищать Родину; 68 человек из них не вернулись с полей битв, отдав свои жизни во имя победы над врагом. Их имена занесены на мраморную доску в вестибюле здания МИД РФ на Смоленской площади.

В нарушение элементарных норм международного права гитлеровцы и полицейские власти стран – сателлитов фашистской Германии создали невыносимые условия для сотрудников советских учреждений и советских граждан, застигнутых войной в этих

¹⁸ Соколов В.В. Наркоминдел Вячеслав Молотов. – Международная жизнь, 1991, № 5, с. 106–107.

¹⁹ Новиков Н.В. Воспоминания дипломата. Записки 1938–1947. М., 1989, с. 87–88. В книге содержится яркое описание обстановки в НКВД, куда автор пришел с научной работы в 1939 г. и где он проработал 10 лет как в центральном аппарате, так и в Египте и США. Последняя должность Новикова – посол в США (с апреля 1946 г.). В 1947 г. он ушел в отставку, возвратившись на научную работу. В воспоминаниях он дал запоминающиеся характеристики иностранных и советских дипломатов, зарубежных политических и общественных деятелей, обстановки в ряде стран в годы войны.

²⁰ Ответы академика В.Г. Трухановского на вопросы журнала. – Новая и новейшая история, 1994, № 6, с. 77.

странах. Многие советские граждане были арестованы, заключены в концентрационные лагеря; их пытались склонить к измене Родине. Сотрудникам дипломатических и консульских учреждений и членам их семей пришлось испытать на себе все "прелести" общения с фашистскими властями, лишивших их элементарных жизненных условий в течение длительного следования на Родину в запломбированных железнодорожных вагонах через Балканы и Турцию без пищи и воды. Первая партия репатриированных из Германии сотрудников советских учреждений прибыла на армяно-турецкую границу 5 июля 1941 г., где и был осуществлен их обмен на немецких граждан, оказавшихся в СССР, когда началась война. В условиях, подобных тюремным, советские дипломаты и члены их семей проявили стойкую твердость духа, противодействуя враждебным провокациям. Многодневной голодовкой ответили мужчины советской дипломатической миссии в Бухаресте во главе с посланником А.И. Лаврентьевым на бесчеловечное отношение к ним и их семьям со стороны румынских властей²¹.

В октябре 1941 г. в связи с дальнейшим ухудшением военной обстановки на западном фронте основной состав наркоминдела и члены дипломатического корпуса были эвакуированы из Москвы в Куйбышев (ныне – Самара). Молотов с небольшой группой своих помощников оставался в Москве, а аппарат НКВД в Куйбышеве возглавил зам. наркома Вышинский.

Тяжелая обстановка на фронте, сложившаяся в первые же дни войны, вынудила руководство НКВД СССР принять меры по подготовке к эвакуации архивов наркомата из Москвы. Уже 27 июня 1941 г. был составлен план, согласно которому устанавливалась очередность эвакуации из Москвы всех архивных материалов, сгруппированных по степени важности. В предельно короткие сроки работники политархива НКВД за четверо суток упаковали папки с договорами, нотами, приказами по НКВД, архивы секретариатов и коллегии НКВД. Всего было отобрано свыше 9 т наиболее важных документов и материалов. Работники политархива работали с утра до глубокой ночи, не замечая усталости, стремясь как можно надежнее рассортировать и упаковать вверенные им документы и материалы.

7 июля 1941 г. приказом по НКВД была образована комиссия "по разгрузке архивов и текущего делопроизводства от материалов, не имеющих оперативного и научно-исторического значения". В ее состав вошли руководители ряда оперативных отделов министерства. В задачи комиссии входило выявление и учет общего объема архивных фондов центрального аппарата НКВД, составление описей на документы, подлежащие уничтожению, контроль над подготовкой предназначенных к эвакуации материалов. Сроки для проведения этой работы были установлены самые минимальные – пять суток.

Комиссия, мобилизовав сотрудников политархива, ряда секретариатов и оперативных работников отделов, работала круглые сутки. Несмотря на крайне сжатые сроки, отведенные на просмотр материалов, их отбор и оформление на уничтожение были проведены самым тщательным образом без какой-либо скидки на обстоятельства. К 17 июля 1941 г. было упаковано и готово к отправке за пределы Москвы 510 ящиков с документами и материалами общим весом в 26 т.

28 июля 1941 г. первая партия материалов в шести железнодорожных вагонах была доставлена в Куйбышев, где по распоряжению Совета по эвакуации за подписью Н.М. Шверника для размещения архива НКВД было выделено соответствующее помещение. В конце августа и другие оставшиеся в Москве архивы НКВД были эвакуированы в г. Мелекесс, куда их сопровождали сотрудники политархива во главе с заведующим архивом И.К. Зябкиным. И в Куйбышеве и в Мелекессе работники политархива незамедлительно привели архивы в рабочее состояние и начали вы-

---

²¹ О невзгодах и лишениях, которые испытали сотрудники советского посольства в Виши на территории петеновской Франции после нападения Германии на Советский Союз, и об их депортации на Родину вспоминает сын полпреда в Виши А.Е. Богомолова С.А. Богомолов, вместе с отцом переживший все перипетии депортации. – *Богомолов С. В Европе летом 1941 года. – Международная жизнь, 1989, № 2, с. 127–139.*

полнять различные запросы руководства НКВД из Москвы и Куйбышева, продолжая работу по техническому оформлению архивных дел. В июле 1943 г. после перехода Красной Армии в наступление и освобождения большей части территории страны было принято решение о возвращении архивов НКВД в Москву. Эта работа была осуществлена к февралю 1944 г. Несмотря на сложнейшие условия военного времени, усилиями сотрудников архивной службы НКВД не только были сохранены ценнейшие документы внешней политики государства, но и продолжали использоваться для предоставления руководством и оперативным отделам НКВД всей необходимой для повседневной работы информации²².

Как уже говорилось выше, ни Сталин, ни Молотов, ни его заместители в годы войны – Вышинский, Литвинов, Лозовский и другие – не оставили своих мемуаров.

В последние годы жизни В.М. Молотов в беседах с часто посещавшим его на протяжении 1975–1985 гг. писателем Ф.И. Чуевым нередко касался внешнеполитических вопросов и своей деятельности на посту наркома (а с 1946 г. министра) иностранных дел. В 1991 г. Чуев опубликовал сделанные им в разное время записи бесед с Молотовым²³. Поскольку некоторые из них проливают свет на дипломатическую деятельность Сталина и Молотова в годы войны, содержат любопытные оценки роли, которую играли советские дипломаты в военные годы, уместно их упомянуть в данном очерке.

На прямой вопрос писателя, были ли, по мнению собеседника, у Советского Союза в годы войны сильные дипломаты, Молотов ответил: "У нас централизованная дипломатия. Послы никакой самостоятельности не имели, и не могли иметь, потому что сложная обстановка, какую-нибудь инициативу проявить послам было невозможно. Это неприятно было для грамотных людей, послов, но иначе мы не могли... Роль наших дипломатов, послов была ограничена сознательно, потому что опытных дипломатов у нас не было, но честные и осторожные дипломаты у нас были, грамотные, начитанные... Все было в кулаке у Сталина, у меня – иначе мы не могли в тот период. В общем, мы своей дипломатией централизованной, я говорю централизованной, то есть зависимой во всем от Центра, от Москвы, руководили довольно уверенно, но на рискованные шаги не пускались, потому что надо было иметь очень проверенных людей, грамотных, знакомых с иностранными дипломатами и дипломатией... Дипломатия у нас была неплохая. Но в ней решающую роль сыграл Сталин, а не какой-нибудь дипломат... Послы были только исполнителями определенных указаний... Наши послы не всегда хорошо знали иностранный язык. И тем не менее мы умели поддерживать неплохие отношения с тем, с кем нужно, и в тех пределах, в каких допустимо"²⁴.

Молотов самокритично признавался Чуеву: "Я не настоящий дипломат... Я вот был министром – ведь не владел иностранными языками. Прочитать по-немецки, по-французски и кое-что понять в разговоре я мог, но самому отвечать уже трудно. Это был мой главный недостаток для дипломатии"²⁵. В лице иностранных дипломатов Молотов видел серьезных противников, политически очень грамотных²⁶.

---

²² Крутицкая Е. Сохранить для потомков (эвакуация архивов НКВД СССР 1941–1944 гг.). – Страницы мужества, стойкости и героизма..., вып. IV, с. 73–79.

²³ Чуев Ф.И. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991.

²⁴ Там же, с. 98–99. Молотову, как и Сталину, была присуща крайняя подозрительность и недоверие к окружающим его людям. В то же время, как будет показано ниже, мнение Молотова о том, что дипломаты были простыми, безынициативными исполнителями указаний Москвы, было необъективным. Многие советские дипломаты в годы войны проявляли разумные инициативы, направленные на успешное обеспечение внешнеполитических задач страны, и даже имели мужество отстаивать перед руководством свои соображения, как, например, посол в Иране А.А. Смирнов.

²⁵ Там же, с. 104, 107. В связи с такого рода самокритичным заявлением Молотова Чуев приводит пространную цитату из мемуаров У. Черчилля, в которой тот ставит Молотова-дипломата в один ряд с Суэли, Талейраном и Меттернихом. – Там же, с. 109.

²⁶ Там же, с. 106.

"Свою задачу, как министр иностранных дел, – говорил Молотов, – я видел в том, чтобы как можно больше расширить пределы нашего Отечества. И, кажется, мы со Сталиным неплохо справились с этой задачей"²⁷.

Молотов в своих беседах с Чуевым весьма отрицательно отзывался о руководителях США и Великобритании в связи с их упорным нежеланием в первые годы войны помочь Советскому Союзу, открыв второй фронт в Европе. "Они говорили: вы возьмите свои войска с Кавказа, а мы обеспечим охрану нефтяных промыслов. Мурманск хотели тоже охранять, а Рузвельт – на Дальнем Востоке, с разных сторон. Занять определенные районы Советского Союза. Вместо того, чтобы воевать. Оттуда было бы не просто их потом выгнать"²⁸.

Молотов приводил ряд интересных подробностей своих встреч с Черчиллем и Рузвельтом в Англии и США, а также на конференциях в Тегеране и Ялте. Много места в беседах Молотов уделил роли Сталина в руководстве страной в годы войны, его поведению на конференциях в Тегеране и в Крыму. "Сталин не раз говорил в своем кругу, – вспоминал Молотов, – что Россия выигрывает войны, но не умеет пользоваться плодами побед"²⁹.

В конце мая – начале июня 1942 г. состоялась поездка Молотова в Великобританию и США для переговоров о скорейшем открытии союзниками второго фронта в Европе против фашистских войск. Это была крайне опасная поездка через линию фронта. Как вспоминал впоследствии маршал авиации А.Е. Голованов, командовавший авиацией дальнего действия, еще в марте 1942 г. Сталин поручил ему лично, соблюдая строжайшую конспирацию, разработать маршрут полета Молотова в Лондон. В конце мая 1942 г. на четырехмоторном бомбардировщике Пе-8 Молотов совершил полет над оккупированной немцами Европой, а затем через океан слетал в Вашингтон и обратно через Лондон в Советский Союз. Полет был очень тяжелым как по метеоусловиям, так и по боевой обстановке. Советский бомбардировщик атаковали вражеские истребители, а уже перед самой Москвой, в районе Рыбинска, самолет, на котором возвращался Молотов, был обстрелян нашим истребителем³⁰.

Громыко в ряде мест мемуаров вспоминает о неоднократных встречах с Молотовым в годы войны. Во второй, заключительной книге своих воспоминаний Громыко уделил целый раздел характеристике наркома и писал: "При Сталине в партии и стране Молотов являлся фактически вторым по положению лицом. Конечно, принципиальную политику СССР во внешних делах определяло Политбюро во главе со Сталиным, мнение которого имело определяющее значение. Однако в решении конкретных вопросов отношений с другими странами многое зависело от Молотова. От него и возглавляемого им министерства исходило большинство наших предложений в международных делах. Это относится и к периоду войны, который мне особенно знаком, поскольку почти все наши важные внешнеполитические шаги так или иначе касались США, как союзной державы..."

Как министр Молотов был человеком больших способностей и огромного трудолюбия. Его отличала высокая степень организованности вплоть до собственного распорядка дня... Он известен многим, в том числе и мне, как человек весьма эрудированный. Я не раз в этом убеждался"³¹.

В мемуарах Громыко также дает краткую характеристику Литвинову. Громыко был свидетелем жесткого спора между Молотовым и Литвиновым во время их совместной поездки в Аппалачские горы в период пребывания Молотова в США в июне 1942 г.: "Я удивился тому упорству, с которым Литвинов в разговоре пытался выгораживать позицию Англии и Франции, отказавшихся дать совместно с Советским

²⁷ Там же, с. 14.

²⁸ Там же, с. 65.

²⁹ Там же, с. 78.

³⁰ Там же, с. 68–69.

³¹ Громыко А.А. Указ соч., кн. 2, с. 324–326.

Союзом твердый отпор Гитлеру еще до того, как тот предпринял роковой прыжок – напал на Советский Союз... странно было слушать человека, который не замечал Мюнхена, который осудила наша партия, правительство и весь советский народ и который до настоящего времени продолжает оставаться символом вероломства во внешних делах государства"³².

Несмотря на внезапную отставку с поста наркома иностранных дел в 1939 г., видный деятель партии и государства Литвинов продолжал пользоваться большим авторитетом у нас в стране и за ее пределами. Ветеран дипломатической службы, чрезвычайный и полномочный посланник 1-го класса В.П. Якубовский, работавший в посольстве в Виши, вспоминает: "22 июня, то есть в день нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, посольство посетил в числе других известный французский профессор-политолог. Осудив вероломную политику Германии, он попросил подарить ему фото Литвинова. На мой вопрос, чем вызвана такого рода просьба, профессор ответил, что питает глубокое уважение к человеку, который раскрыл миру глаза на сущность германского фашизма и предупреждал о возможности возникновения войны"³³.

О своей первой встрече с Литвиновым в Москве, когда тот уже после возвращения с поста посла в США был заместителем наркома иностранных дел, Якубовский писал:

«Мое знакомство с Литвиновым произошло в конце 1944 г. Он был тогда заместителем наркома иностранных дел, а я в наркомате занимался проблемами отношений Советского Союза со странами Латинской Америки. В этой связи и был вызван Максимом Максимовичем. До сих пор отчетливо помню смятение, в которое повергло меня известие о предстоящей встрече. Еще в студенческие годы я испытывал к этому человеку большое уважение, и мне казалось, что, представ перед ним, не смогу отыскать нужных слов.

Когда я вошел в его кабинет, из-за стола поднялся и направился в мою сторону невысокий, плотный человек с не улыбчивым лицом. Он молча пожал мне руку. Какое-то мгновение мы пристально рассматривали друг друга. Мои ожидания увидеть с иголочки одетого человека с изысканными манерами и речью не оправдались. Встретил я обычного человека в изрядно послужившем костюме.

Меня удивило совсем другое – чтобы поздороваться со мной, совсем молодым человеком, новичком в дипломатии, Литвинов вышел из-за стола. И уже вовсе поразило, когда хозяин кабинета дал мне прочесть проект вербальной ноты мексиканскому правительству и попросил высказать мое мнение...

Молодым дипломатам Литвинов неустанно прививал чувство высокой ответственности за свое дело, часто ссылаясь на то обстоятельство, что дипломат может наделяться полномочиями представлять за границей главу государства и говорить от его имени.

Максим Максимович глубоко верил в то, что дипломатия является наиболее благородной, гуманной и значимой для человечества профессией и призвана оградить планету от войн. Он смотрел на войны как на самое пагубное явление, противное существу человека, и нередко ссылался на Вольтера, который писал: "Пороки всех времен и народов, вместе взятые, никогда не сравнятся со злом, причиненным одной войной"³⁴.

В начале сентября 1943 г. по решению политбюро ЦК ВКП(б) при НКВД была создана Комиссия по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства под председательством Литвинова, проделавшая огромную работу по подготовке материалов по мирному урегулированию со странами фашистского блока. Литвинов принимал деятельное участие в работе проходившей в Москве с 19 по 30 октября 1943 г.

³² Там же, с. 321–322.

³³ Якубовский В. Воспоминания дипломата. – Международная жизнь, 1992, № 11, 12, с. 168–169.

³⁴ Там же.

конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в качестве члена советской делегации, возглавлявшейся Молотовым³⁵.

Интересные свидетельства о внешнеполитической деятельности Сталина и Молотова в годы войны оставил В.М. Бережков³⁶. С декабря 1940 г. вплоть до нападения фашистской Германии на Советский Союз он был первым секретарем посольства СССР в Берлине, а затем принимал участие в качестве переводчика Сталина и Молотова на многих международных встречах и переговорах военных лет, в том числе в работе важнейших из них – Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференциях глав трех великих держав.

Живым, ярким языком рассказывает Бережков о событиях тех лет, очевидцем которых он был, дает броские зарисовки видных государственных деятелей и дипломатов стран – участниц антигитлеровской коалиции, рассказывает о нелегком труде дипломата-переводчика. В то же время в книге преобладает описание международной обстановки и внешней политики Советского Союза в годы войны, а чисто мемуарные, личные впечатления и наблюдения даются автором весьма скупно, что, однако, не мешает книге быть ценным источником для историков, исследующих советскую дипломатию периода Великой Отечественной войны.

То, что аппарат НКВД был поделен на две части: одна – в Москве, где находилась небольшая группа сотрудников, другая – в Куйбышеве, где велась основная работа с дипкорпусом и осуществлялась повседневная переписка с посольствами и консульствами за рубежом, создавало значительные трудности для работы. Наиболее ответственные переговоры с представителями стран – союзниц по антигитлеровской коалиции проводили Сталин и Молотов в Москве, и часто из Куйбышева для участия в них вызывались заведующие тем или иным отделом³⁷.

Бытовые условия эвакуированных в Куйбышев были крайне стесненными. Город был полон прибывшими из Москвы сотрудниками различных правительственных учреждений. Служащие НКВД, как правило, были размещены в общежитиях, их семьи находились в эвакуации в других городах. Крайне плохо обстояло дело с питанием. Существенной поддержкой сотрудникам НКВД, имевшим дипломатические ранги, стало введение 28 мая 1943 г. указом Президиума Верховного Совета СССР повседневной форменной одежды в наркомате и парадной в заграничных представительствах. Она была наподобие военной, с погонами, повседневная – серого цвета, а парадная – черная с золотым шитьем.

Много лет спустя Молотов следующим образом объяснил Чуеву значение этого мероприятия: "Смысл был некоторый. Какой? Когда носишь форму, тогда не обязан надевать фрак, смокинг и прочее все это. В одной форме. Форма была хорошая. И, видимо, у Сталина была идея подтянуть дисциплину. Форма подтягивает... Ну, конечно, надолго не хватило. Кортики были... Я тоже носил кортик"³⁸.

³⁵ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании 19–30 октября 1943 г., с. 266–338. Автору настоящего очерка, принимавшему участие в работе секретариата советской делегации на данной конференции, запомнился образ Литвинова, которому к тому времени было уже 67 лет, как очень усталого грузного человека, с трудом поднимавшегося по широкой деревянной лестнице на второй этаж особняка на улице Алексея Толстого (ныне – Спиридоновка), где проходила конференция. Войдя в комнату секретариата, Литвинов неизменно снимал пиджак и, оставаясь в жилете, ложился на стоявший в углу диван, чтобы хоть немного передохнуть.

³⁶ *Бережков В.М.* Страницы дипломатической истории, 2-е изд. М., 1989.

³⁷ Наиболее часто приходилось бывать в Москве заведующим отделами НКВД 4-м европейским Н.В. Новикову, 2-м европейским Ф.Т. Гусеву, протокольным Ф.Ф. Молочкову, американским Г.И. Зарубину, генеральному секретарю НКВД А.А. Соболеву (в марте 1943 г. генсекком НКВД стал помощник Молотова С.П. Козырев), заместителям заведующих отделами Г.М. Пушкину и В.А. Зорину. – *Новиков Н.В.* Указ. соч.

³⁸ *Чуев Ф.И.* Указ. соч., с. 105. В этой связи вспоминается, что, когда осенью 1943 г. автор настоящего очерка уезжал на работу в Чунцин, в посольство СССР в Китае, по указанию руководства НКВД в находившейся в здании наркомата на Кузнецком мосту на первом этаже пошивочной мастерской главный закройщик Журкевич – высокий статный старик с окладистой седой бородой купца-старообрядца – сшил

Несмотря на напряженный режим работы и бытовую неустроенность и крайнюю скученность служебных помещений, сотрудники НКВД в Куйбышеве наряду с оперативной работой по связи с посольствами и консульствами, а также дипкорпусом продолжали совершенствовать свою служебную квалификацию. Учебный отдел НКВД обеспечил работу инокурсов, и сотрудники наркомата продолжали совершенствовать свои знания в иностранных языках.

Наравне с мужчинами трудились оперативные и технические сотрудницы НКВД, мужественно преодолевая трудности эвакуации в Куйбышеве, где поначалу все жили в актовом зале и в аудиториях института, испытывая бытовую неустроенность и имея скудное питание.

Невзирая на крайнюю занятость по работе, многие записались в доноры, регулярно сдавали кровь. Среди машинисток, стенографисток и сотрудниц архивной службы НКВД, выполнявших свое "маленькое", по-своему чрезвычайно важное дело в годы войны, следует добрым словом помянуть А.И. Маркелову, Т.В. Воронину, В.В. Карасеву, Р.Г. Розанову, Н.В. Карпович, М.А. Федорову, В.П. Орлову, З.Д. Петрову, А.Ф. Кудрявцеву, М.А. Смирнову³⁹. Немногочисленные оставшиеся в Москве сотрудники НКВД, а также приезжавшие из Куйбышева в командировки в Москву после рабочего дня, обычно длившегося до глубокой ночи, не возвращались в свои опустевшие холодные московские квартиры, а оставались ночевать в служебных кабинетах в наркомате, где зимой 1941/42 гг. поддерживалась относительно приличная температура. Передвижение по Москве после наступления темноты в условиях военного времени было весьма ограниченным, что также вынуждало сотрудников оставаться на ночь в наркомате.

Сотрудникам протокольного отдела и отдела печати НКВД часто приходилось выезжать в командировки по стране и в прифронтовые районы, сопровождая иностранных дипломатов и корреспондентов.

Ответственные работники отдела печати НКВД – М.К. Власов, В.В. Кожемяко, сопровождавшие в 1943 г. иностранных корреспондентов при поездке на фронт, погибли, подорвавшись на mine. Осуществляя в годы войны ответственную дипломатическо-курьерскую связь, погибли дипкурьеры Н.Д. Шмаков, И.М. Хромов, Д.М. Червяков и М.И. Кольцов⁴⁰.

В самом конце войны ряд ответственных сотрудников НКВД был прикомандирован к командованию фронтов, войска которых вступили на территорию стран – сателлитов Германии и в саму Германию.

Посол в отставке Н.М. Луньков писал, что группа "военно-дипломатических представителей советских властей" была направлена в конце войны в штаб командования 3-го Украинского фронта, наступавшего в направлении Вены⁴¹.

В мемуарах, изданных в ФРГ, посол в отставке В.С. Семенов вспоминает, что в апреле 1945 г. по указанию руководства НКВД группа дипломатов, имевших опыт работы по Германии, была направлена в штаб командования 1-го Украинского фронта маршала Конева, войска которого наступали на Дрезден⁴².

Автору этих строк довелось в начале марта 1942 г. сопровождать на Западный фронт в 49-ю армию под Юхнов делегацию Монгольской Народной Республики, руководимую заместителем премьер-министра Лубсаном, вдовой Сухэ-Батора Янжимой и

парадную форму. По ее образцу китайские портные пошили парадную форму послу и остальным рангированным дипломатическим сотрудникам посольства из материала и приклада, доставленных в Чунцин с очередными дипкурьерами.

³⁹ Автор признателен ветерану дипломатической службы З.И. Кузьминой за предоставленные сведения о сотрудниках центрального аппарата НКВД СССР, работавших в годы войны.

⁴⁰ Страницы мужества, стойкости и героизма в истории советской службы. Обобщение материала к лекциям, докладам и беседам среди сотрудников МИД СССР. Издание парткома и месткома МИД СССР, 1967, с. 22–24.

⁴¹ Дипломатический вестник, 1995, № 4, с. 41–42.

⁴² *Semjonow W.S. Von Stalin bis Gorbatschow. Ein halbes Jahrhundert in diplomatischen Mission. 1939–1981.* Berlin, 1995, S. 169.

адъютантом маршала Чойбалсана Шагдарсурэн. Монгольская делегация привезла с собой целый эшелон с мороженым мясом, маслом, полушубками, валенками и другими подарками бойцам и комсоставу Западного фронта, Лубсан и Шагдарсурэн (впоследствии министр иностранных дел МНР) были приняты командующим Западным фронтом генералом Г.К. Жуковым. Он близко познакомился с ними еще под Халхин-Голом летом 1939 г., когда советские и монгольские войска под его командованием успешно вели бои с японскими захватчиками.

Монгольская делегация привезла с собой и подарок прославленному полководцу – большую юрту. Жуков, принимавший монгольских друзей вместе с начальником штаба генералом Соколовским и членом Военного совета Хохловым в ставке командования Западного фронта, располагавшейся близ Москвы в Перхушкове, поблагодарил за подарок, но посоветовал вручить юрту командующему 49-й армией Западного фронта генералу Захаркину, войска которого в ближайшие дни должны были освободить город Юхнов Калужской области.

7 марта делегация прибыла в 49-ю армию, и на следующее утро Янжима с несколькими женщинами из состава монгольской делегации при помощи группы бойцов стала собирать каркас юрты неподалеку от деревни Барсуки, в которой остановилась делегация. Стоял яркий солнечный, но морозный день, и на ослепительно белом снегу быстро поставили каркас. Уже была подготовлена и обтяжка из белого войлока, как в воздухе появился фашистский разведывательный самолет, который бойцы называли "рамой". Пилот самолета, видимо, обнаружил необычную активность в чистом поле и сообщил по радио в свой штаб, откуда вскоре прилетело несколько фашистских самолетов, встреченных нашими "ястребками" в районе железнодорожной станции Кондрово. Завязался воздушный бой. Нам недолго довелось быть свидетелями воздушной карусели – боя наших и вражеских самолетов под аккомпанемент зенитных и пулеметных очередей. Сопровождавшие делегацию представители командования 49-й армии сочли за благо прекратить монтаж юрты и вернуть делегацию в деревню Барсуки. Едва мы успели войти в дом, как немецкий самолет неожиданно на бреющем полете пролетел над нашей избой и пулеметной очередью повредил еще не успевшую отехать от дома автомашину. После этого эпизода делегация переправили в другое место, а под вечер повезли в расположенное гаубичного полка, где членам делегации дали возможность подписать мелом на снарядах свои "пожелания" фашистам, которые тотчас же были отправлены несколькими залпами в расположение фашистских войск. На позицию артиллеристов делегацию сопровождал комиссар 49-й армии Литвинов, принявший от руководства делегации в лице Янжимы боевое красное знамя МНР, вышитое заботливыми руками монгольских мастериц⁴³.

В начале апреля 1942 г. автор этих строк сопровождал на Западный фронт под Гжатск, в 5-ю гвардейскую армию генерала Федюнинского, делегацию уже Тувинской Народной Республики во главе с генеральным секретарем Тувинской Народной партии С. Тока. А на следующий год – посла США адмирала У. Стэндли в его краткосрочном полете из Москвы в Сталинград и обратно⁴⁴.

До отъезда на работу в наше посольство в Китае автору довелось участвовать в работе секретариата советской делегации на состоявшейся в Москве 19–30 октября 1943 г. конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. В мои обязанности входили протокольные функции. В день открытия конференции пишущий эти строки встречал в вестибюле особняка НКВД на улице Алексея

⁴³ Две фотографии о поездке монгольской делегации в 49-ю армию Западного фронта из Центрального государственного архива кинофотодокументов СНГ в Красногорске были опубликованы З. Хиреном в № 28 журнала "Огонек" за 1979 г. и в № 16 за 1983 г. К 50-летию Победы автор этих строк опубликовал небольшую заметку о своей командировке в 49-ю армию Западного фронта под заголовком "Помним помощь монгольских друзей". – Правда, 4.V.1995.

⁴⁴ У. Стэндли, бывший послом в СССР в 1942–1943 гг., в книге "Адмирал посол в России", написанной в соавторстве с адмиралом А. Агетоном, упоминает об этой поездке, проходившей на бреющем полете в крайне сложных метеорологических условиях. – Standley W., Ageton A. Admiral Ambassador to Russia. Chicago, 1955, p. 445–448.

Толстого государственного секретаря США К. Хэлла. 70-летний Хэлл, видимо, еще не оправившись от длительного перелета из США через Африку и Иран, выглядел уставшим. Когда автор данного очерка, проводив госсекретаря в отведенный для него кабинет, через 10–15 минут по поручению главы нашего секретариата Б.Ф. Подцероба вновь зашел к Хэллу, чтобы узнать, не хотел бы он во время своего пребывания в Москве посетить театры, музеи или концерты, тот буркнул: "Никаких развлечений".

В отличие от усталого и неразговорчивого Хэлла вскоре прибывший в особняк министр иностранных дел Великобритании А. Иден произвел на пишущего эти строки впечатление бодрого, безукоризненно одетого красивого молодого мужчины. Поднявшись из вестибюля в приемную залу, Иден, потирая замерзшие руки, первым делом подошел к бронзовому вазону с цветущими розами и долго любовался ими, прежде чем проследовать в отведенный для него кабинет. Когда после Хэлла автор очерка зашел к Идену, чтобы узнать его пожелания относительно культурной программы в Москве, последний живо воскликнул: "Конечно, русский балет".

Наблюдая за Хэллом и Иденом по ходу конференции, пишущий эти строки заметил, что американский госсекретарь вскоре оправился от усталости, весьма приветливо общался с окружающими, видимо, довольный ходом конференции, в то время как Иден, не совсем удовлетворенный ее ходом, наоборот как-то потускнел.

30 октября 1943 г. перед самым окончанием конференции, буквально на ее последних минутах, автор встретил и проводил в зал заседаний конференции посла Китая в СССР Фу Бинчана, которого министры иностранных дел СССР, США и Великобритании пригласили для подписания Декларации четырех государств по вопросу о всеобщей безопасности⁴⁵. Поставив свою подпись, Фу Бинчан тотчас же удалился из зала и отбыл из особняка. 2 ноября 1943 г. текст декларации был опубликован в "Правде" за подписями Молотова, Хэлла, Идена и Фу Бинчана. То, что одним из подписантов декларации был представитель Китая, страны с 1937 г. героически отражавшей японских агрессоров, должно было служить серьезным предупреждением милитаристским правителям Японии, однако они не вняли этому предупреждению и еще около двух лет продолжали военные действия в Китае и на Тихом океане.

В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Подробные воспоминания о своей многолетней дипломатической деятельности, в частности и на посту полпреда (посла) в Великобритании в годы войны, оставил И.М. Майский⁴⁶. Блестящий стилист, он в "Воспоминаниях" дал яркие зарисовки многих зарубежных политических деятелей, с которыми ему доводилось встречаться. Военному периоду в его книге уделено значительное место. После своего возвращения в Москву осенью 1943 г. Майский был назначен заместителем наркома иностранных дел и в этом качестве принимал участие в работе Тегеранской конференции глав союзных государств 28 ноября – 1 декабря 1943 г.

Через две недели после нападения Германии на Советский Союз Майский по поручению из Москвы подписал с послами Чехословакии и Польши, находившимися в эмиграции в Лондоне, акты о взаимопомощи между СССР, Чехословакией и Польшей. Через него осуществлялась оживленная переписка между Сталиным и Черчиллем, Молотовым и Иденом. Много усилий прилагал посол для скорейшего открытия второго фронта в Европе, ускорения и увеличения объема военных поставок союзников Красной Армии.

⁴⁵ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании 19–30 октября 1943 г., с. 346–348.

⁴⁶ *Майский И.М.* Воспоминания советского дипломата. 1925–1945 гг., 2-е изд. М., 1987.

И.М. Майский установил добрые отношения с эмиссаром Ф. Рузвельта в Лондоне Г. Гопкинсом и убедил последнего в необходимости визита в Москву для встречи со Сталиным. За проявленную инициативу при отправке в Советский Союз 200 истребителей "Харрикэн" Майский получил от Сталина личную благодарственную телеграмму⁴⁷.

Майский проявил незаурядный дипломатический талант, поддерживая ровные отношения с властолюбивым, обидчивым и упрямым Черчиллем, резко реагировавшим на критические послания Сталина в его адрес, передававшиеся через посла. Майский установил хорошие контакты с влиятельным деятелем консервативной партии лордом Бивербруком, с отставным премьер-министром Ллойд-Джорджем. Эти контакты он использовал для ускорения военных поставок советско-германскому фронту. Много сил отдавал посол развенчанию распространявшихся в правящих кругах Англии и среди общественности убеждений в быстрой капитуляции СССР перед гитлеровским вермахтом. Выполнению этой задачи способствовала организация посольством в Лондоне выпуска ежедневного бюллетеня "Советские военные новости". В этом бюллетене наряду со сводками с фронтов печаталась правдивая информация о жизни советского государства. Тираж бюллетеня с 2 тыс. увеличился к концу войны до 50 тыс. экземпляров⁴⁸. Посол и сотрудники посольства выступали с докладами и беседами о военных усилиях СССР в муниципалитетах английских городов, на заводах, в университетах, в торговых палатах, на различных митингах и пресс-конференциях, по радио, призывая англичан к скорейшему открытию второго фронта в Европе. 30 июля 1942 г. об этом же посол говорил в английском парламенте, напомнив о важности сохранения единства среди союзников, о необходимости усиления материальной помощи СССР⁴⁹.

Большую помощь послу и сотрудникам посольства в их работе в Англии в годы войны оказывали их жены. Так, Агния Александровна Майская принимала активное участие в созданном женой Черчилля "Фонде помощи России" и возглавила "Фонд Красного Креста при посольстве СССР". А.А. Майская выступала на массовых митингах в Ковентри, Глазго, Манчестере и других городах, собирая средства и медикаменты для отправки в Москву⁵⁰. В годы войны посольство поддерживало тесные контакты и с другими организациями в Великобритании, собиравшими пожертвования в помощь Советскому Союзу и его армии. Так, фонд, возглавлявшийся настоятелем Кентерберийского собора д-ром Хьюлеттом Джонсоном, собрал на эти цели 250 тыс.ф.ст., а фонд британских профсоюзов – около 500 тыс.ф.ст.⁵¹

Работа посольства в Лондоне проходила в сложных условиях частых бомбардировок немецкой авиацией, ограничений на приобретение необходимых продуктов питания, перебоев в водоснабжении и электроэнергии.

Полным опасностей был и маршрут, по которому посол трижды выезжал во временные командировки из Лондона в Москву.

И.М. Майский и заведующий протокольным отделом НКВД Ф.Ф. Молочков сопровождали А. Идена 19 декабря 1941 г. в поездке на Западный фронт, в освобожденный от фашистов Клин⁵².

Сменивший Майского на посту посла в Великобритании Ф.Т. Гусев, в отличие от своего предшественника, не оставил мемуаров⁵³. Лишь под давлением общественных

⁴⁷ Там же, с. 590.

⁴⁸ Там же, с. 606–607.

⁴⁹ Там же, с. 686.

⁵⁰ Там же, с. 699–706.

⁵¹ Там же, с. 709–711. В примечании 63 (с. 779) приводятся итоговые цифры помощи Советскому Союзу в годы войны Великобританией, составившие свыше 9,5 млн.ф.ст. собранных пожертвований жителями Британских островов.

⁵² Там же, с. 626.

⁵³ Автор настоящего очерка неоднократно обращался к Федору Тарасовичу с просьбой написать свои воспоминания, на что он неизменно отвечал: "Еще не настало время".

организаций МИД СССР он написал небольшую статью, в которой вспоминал о своей работе в Англии, для издававшегося на ротاپринте сборника, посвященного столетию со дня рождения В.И. Ленина. Гусев в этой статье отмечал: "Когда я пытаюсь обозреть пройденный мною длительный путь в условиях мира и войны, то прихожу к заключению, что дипломатическая работа в условиях военного времени представляла наибольший интерес. Она была трудной, порой сопряжена с большими лишениями и риском. И тем не менее эта работа полностью захватывала, увлекала, ее результаты были полезны Родине"⁵⁴.

Одновременно со своими обязанностями посла в Великобритании Гусев продолжал заниматься и вопросами созданной по решению московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании Европейской консультативной комиссии в качестве главного представителя в ней СССР. Работа советской делегации в этой комиссии проходила в нелегкой обстановке. Тем не менее комиссия подготовила и внесла на рассмотрение и утверждение правительств союзных стран девять проектов соглашений по Германии, два проекта соглашения по Австрии и одно соглашение по Болгарии. Эти соглашения военного времени содействовали укреплению антигитлеровской коалиции, удержанию ее участников на позициях бескомпромиссной борьбы против фашистской Германии.

Гусев вспоминал первую встречу с Черчиллем в Лондоне вскоре после своего назначения послом в Великобритании. "Обещанный второй фронт в Западной Европе в 1942 г. союзниками не был открыт. Уже проходил 1943 г., а союзники топтались на одном месте и военные действия не открывали. Не было уверенности, что и в 1944 г. союзники высадятся в Европе. Военное снабжение для СССР не поступало в установленные сроки. Англия не выполняла своих обязательств союзника по соглашению 1941 г. и союзному договору 1942 г. Учитывая такое положение, советское правительство решило предпринять такие меры: сменить советского посла в Лондоне Майского и прямо заявить Черчиллю о своем неудовлетворении поведением союзника, что и было сделано в послании Сталина от 13 октября 1943 г. Выбор пал на меня, но и в этом сразу же возникли трудности. Больше трех недель англичане задерживали выдачу агремана, две недели новый посол ожидал вручения верительных грамот, а после этого через три дня, до нанесения обычных визитов, посла позвали к Черчиллю, и он вернул послание Сталина от 13 октября.

Что же в этом послании не понравилось Черчиллю? В послании Сталина говорилось: "п. 3. Я не вижу необходимости в увеличении количества британских военнослужащих на севере СССР, так как подавляющая часть находящихся там британских военнослужащих не используется надлежащим образом и уже в течение многих месяцев обречена на праздность...

Имеются также, к сожалению, факты недопустимого поведения отдельных британских военнослужащих, пытающихся в ряде случаев путем подкупа завербовать некоторых советских граждан в разведывательных целях. Подобные оскорбительные для советских граждан явления, естественно, порождают инциденты, приводящие к нежелательным осложнениям".

Черчилль в возбужденной форме заявил, что послание написано не языком союзника, что англичане не заслужили таких оскорблений, и сунул послание мне в руки. Я вернул ему послание, положив на стол перед ним. Беседа быстро закончилась, и, провожая меня до двери, Черчилль вновь сунул послание мне в руки.

Это был серьезный урок для молодого посла"⁵⁵.

Гусев писал и о попытке Черчилля свалить на нового советского посла ответственность за разглашение секретной переписки между ним и Сталиным: "На протяжении всей войны Черчилль добивался у советского правительства признания эмигрантского правительства поляков в Лондоне с целью возвращения их в Варшаву после войны.

⁵⁴ По заветам Ленина. (Некоторые вопросы советской внешней политики и дипломатии.) М., 1969, с. 125.

⁵⁵ Там же, с. 127.

В личной переписке Черчилля со Сталиным примерно одна треть первого тома посвящена полякам, эмигрантам в Лондоне, будущему правительству и границам послевоенной Польши. Английское правительство содержало эмигрантов, вооружало их, предоставляло им возможность выступать по радио, в газетах. В начале 1944 г. личная переписка между главами правительств стала появляться на страницах английских газет. В одном из посланий Сталин обратил внимание Черчилля на это. В целях оправдания Черчилль написал в ответном послании следующее: "Что касается поляков, то я ни в коей степени не виноват в разглашении Ваших секретных посланий. Информация была дана как американскому корреспонденту "Геральд Трибюн", так и корреспонденту лондонского "Таймс" советским посольством в Лондоне. В последнем случае она была дана лично послом Гусевым".

25 марта 1944 г. Сталин писал: "Мною произведена строгая проверка Вашего сообщения о том, что разглашение переписки между мною и Вами произошло по вине советского посольства в Лондоне и лично посла Ф.Т. Гусева. Эта проверка показала, что ни посольство, ни лично Ф.Т. Гусев в этом совершенно не повинны и даже вовсе не имели некоторых из документов, содержание которых было оглашено в английских газетах. Таким образом, разглашение произошло не с советской, а с английской стороны. Гусев согласен пойти на любое расследование этого дела, чтобы доказать, что он и люди из его аппарата совершенно не причастны к делу разглашения содержания нашей переписки. Мне кажется, что Вас ввели в заблуждение насчет Гусева и советского посольства".

Приглашение произвести расследование, конечно, осталось без ответа. Черчилль стал поступать осторожнее, немного успокоился, но напряжение в отношениях осталось⁵⁶.

Краткие воспоминания о работе в Лондоне с представителями Французского комитета национального освобождения оставил упоминавшийся выше Якубовский, который писал: "Через несколько месяцев после начала войны я был направлен в Лондон. В то время там находились два советских посольства. Одно – при английском правительстве, во главе с И.М. Майским. Другое – при эмигрантских правительствах европейских государств, оккупированных Германией, которое возглавлял А.Е. Богомолов. В это посольство я и получил назначение. По роду работы мне приходилось иметь дело с Французским комитетом национального освобождения, руководил которым генерал де Голль.

Однажды мне пришлось обсуждать с де Голлем вопросы, связанные с французской эскадрилей, действовавшей на советско-германском фронте. Генерал не скрывал, что гордится французскими летчиками. Обычно немногословный, на этот раз он был весьма разговорчив, поделился своими мыслями о войне, критически отозвался о предвоенной политике Франции. По его словам, тогдашние французские руководители слепо доверились мирной гитлеровской риторике и пренебрегли его, де Голля, предложением о необходимости коренной реорганизации французской армии. И здесь он вспомнил о Литвинове, о его выступлениях в Лиге наций, сказав, что высоко ценит его политическую прозорливость в отношении гитлеровской Германии"⁵⁷.

В США

Спустя пять месяцев после нападения Германии на Советский Союз К.А. Уманского на посту посла в США сменил Литвинов, до начала войны находившийся не у дел.

Советником посольства в Вашингтоне с конца 1939 г. работал Громыко. В 1943 г. он был назначен послом СССР в США. В предисловии к мемуарам, в которых Громыко обозревал свой почти 50-летний путь советского дипломата, он писал: "Многое

⁵⁶ Там же, с. 130.

⁵⁷ Якубовский В. Указ. соч., с. 170.

происходившее в мире за этот период имеет поистине исторический характер. Это относится прежде всего ко второй мировой войне и великой Победе над фашистскими агрессорами, на века прославившей нашу страну и ее героический народ"⁵⁸. Воспоминаниям о военных годах посвящены две главы книги "На посту посла в суровые дни войны" и "Тегеран – Ялта – Потсдам". Но и в ряде других мест книги Громыко вновь возвращается к советско-американским отношениям военного времени⁵⁹. "Налаживание, а также развитие союзнических связей между СССР и США было в годы войны исключительно важным участком внешнеполитической деятельности Советской страны... В напряженных условиях военного времени и через советское посольство в Вашингтоне осуществлялась систематическая связь, шел активный обмен посланиями между руководителями СССР и США. Это явление было новым. Ничего подобного не было ранее в отношениях между двумя странами. По документам, которыми обменивались столицы обеих стран и которые теперь опубликованы, можно отчетливо представить, насколько жизненно важными были вопросы, поднимавшиеся и согласовывавшиеся в этой переписке"⁶⁰.

Тепло вспоминает Громыко о неоднократных встречах с президентом США Рузвельтом⁶¹, отмечая, что "характер и атмосфера этих встреч представляли собой явление особое. Несмотря на ограничительные рамки в отношениях СССР и США, связанные с коренным различием в их общественном строе, оставалось довольно широкое поле для достижения взаимопонимания между ними по проблемам, которые затрагивали налаживание и развитие сотрудничества этих великих держав"⁶². Автор воспоминаний рекомендует тем вашингтонским деятелям, которые забывают это, обратиться к опыту советско-американских отношений в период Рузвельта.

Громыко дает краткие характеристики ближайшему соратнику президента Гарри Гопкинсу, министру финансов Генри Моргентау, вице-президенту Генри Уоллесу, государственному секретарю Корделлу Хэллу, военно-морскому министру Джорджу Форрестоллу, военному министру Генри Стимсону, начальнику штаба армии Джорджу Маршаллу, миллионеру Нельсону Рокфеллеру и другим, с кем довелось ему встречаться.

Посол и его жена Лидия Дмитриевна Громыко общались в годы войны с широким кругом деятелей культуры США: с дирижером Юджином Орманди, певцами Фрэнком Синатрой и Полем Робсоном, писательницей Лиллиан Хелман, кинорежиссером и актером Чарли Чаплином, актером кино Эдуардом Робинсоном и многими другими, а также с представителями российской эмиграции в США.

Посольство СССР в США информировало американскую общественность о ходе борьбы советского народа против немецко-фашистских захватчиков, укрепляло у американцев дух уверенности в неизбежной победе над фашизмом. "Это считалось нами задачей большого значения, – пишет Громыко. – Американцев, особенно после Пёрл-Харбора, все сильнее тревожил вопрос о том, выстоит ли Советский Союз"⁶³.

В воспоминаниях описаны исторические события военных лет, очевидцем и активным участником которых довелось быть Громыко, и даны запоминающиеся характеристики видных государственных и общественных деятелей Соединенных Штатов Америки, Великобритании, Чехословакии, Польши, Германии, а также руководителей Советского Союза и ряда советских дипломатов.

---

⁵⁸ Громыко А.А. Указ. соч., кн. 1, с. 5.

⁵⁹ В главе "Сан-Франциско: у моста Золотые ворота" Громыко рассказывает о своем участии осенью 1944 г. в работе конференции в Думбартон-Оксе, на которой дипломатами СССР, США и Великобритании была проведена основная работа по подготовке проекта Устава Организации Объединенных Наций. – Там же, с. 235–238.

⁶⁰ Там же, с. 92.

⁶¹ Там же, с. 96.

⁶² Тепло вспоминал А.А. Громыко и о супруге и сыновьях Ф. Рузвельта. – Там же, с. 97.

⁶³ Там же, с. 120.

Будучи участником Ялтинской конференции, он оставил ценные свидетельства об обстановке, в которой проходила конференция в Крыму; наряду с кратким изложением обсуждавшихся на конференции вопросов автор мемуаров дал зарисовки поведения на конференции руководителей трех великих держав и их ближайших сотрудников – участников конференции. Именно в воспоминаниях имеется ценное свидетельство о том, что в период работы Крымской конференции Сталин получил письмо от Рузвельта, в котором сообщалось о признании правительством США прав Советского Союза на находившуюся под японской оккупацией южную половину острова Сахалин и на Курильские острова.

Когда Громько в присутствии Сталина закончил устный перевод этого письма, тот заявил: "Письмо является важным, Америка сейчас признала справедливость нашей позиции по Курилам и по Сахалину. Американцы, наверное, при этом будут настаивать на своей позиции по вопросу о возможности участия Советского Союза в войне против Японии"... Закончил Сталин эту тему разговора словами: "Америка заняла хорошую позицию. Это важно с точки зрения будущих отношений с Соединенными Штатами"⁶⁴.

О работе сотрудников посольства в Вашингтоне и генеральных консульств в Нью-Йорке и Сан-Франциско в годы войны вспоминает и бывший сотрудник советской внешней разведки А.С. Феклисов, который проходил стажировку в посольствах и генеральных консульствах, осваивая нелегкую работу по прикрытию своей разведывательной деятельности. В книге⁶⁵ Феклисов описал обстановку, в которой протекала повседневная работа советских работников в США, тепло отозвавшись о после в США Уманском, с которым ему пришлось работать, о генеральном консуле в Нью-Йорке Федюшине и других дипломатах, подробно рассказал о пребывании в США в июле 1942 г. наркома Молотова, о поездке в конце 1942 г. в США группы известных советских летчиков во главе с Героем Советского Союза М.М. Громовым, прибывших для того, чтобы получить и перегнать в СССР обещанные американцами 20 стратегических бомбардировщиков. Однако американская сторона отказалась от данного ею ранее обещания⁶⁶.

По роду своей официальной работы в генеральном консульстве в Нью-Йорке Феклисов занимался обеспечением отправки военных грузов в СССР и безопасности советских командированных граждан и моряков. Он живо описывает нелегкую работу приезжавших в США советских специалистов по приемке военных грузов, промышленного оборудования и товаров.

К 1944 г. в советской закупочной комиссии и акционерном обществе Амторг в Нью-Йорке работало около двух с половиной тысяч человек, да еще столько же в Вашингтоне, где размещался руководящий аппарат закупочной комиссии. Консульской работы с этой категорией советских людей было много. Каждый день на прием в генконсульство приходило 10–12 человек. Важным участком консульской работы было также обслуживание советских торговых судов. Некоторые из них, нуждавшиеся в ремонте, стояли в порту три–пять недель. На каждый пароход после его прибытия в США приходил представитель генконсульства, чтобы помочь в оформлении необходимых портовых документов, обеспечить оказание медицинской помощи членам команд. Советские дипломаты выступали перед моряками с докладами о положении на фронтах и о международной обстановке, о положении в США и советско-американских отношениях. Моряки задавали массу вопросов, поскольку во время многодневного плавания они фактически были оторваны от всего мира. В военные годы плавание в Атлантике между США и Мурманском было весьма опасно – равносильно участию в боевых действиях на фронте. Кроме работы с торговыми моряками сотрудникам

⁶⁴ Там же, с. 188–190. К сожалению, последующие американские администрации диаметрально изменили свое отношение к вопросу о принадлежности Курильских островов Советскому Союзу, подогревая реваншистские настроения в Японии.

⁶⁵ Феклисов А.С. За океаном и на острове. Записки разведчика. М., 1994.

⁶⁶ Там же, с. 28.

генконсульства приходилось оказывать содействие и нашим военным морякам. Много времени и внимания занимал также прием постоянно проживающих в США советских граждан.

В книге говорится и о большом патриотическом подъеме, царившем в годы войны среди российских эмигрантов в США, о проводившихся ими сборах средств и подарков на нужды фронта. Феклисов тепло вспоминает об успешной работе среди представителей российской эмиграции генерального консула в Нью-Йорке Евгения Дмитриевича Киселева, установившего добрые отношения с деятелями культуры из числа русской эмиграции и американских деятелей культуры – С.В. Рахманиновым, А.Т. Гречаниновым, А. Тосканини, Б. Вальтером, П. Робсоном и др.

Сотрудники советского генерального консульства в Нью-Йорке принимали самое активное участие в выступлениях на разного рода собраниях и митингах приезжавших в США представителей советской общественности: И. Эренбурга, К. Симонова, С. Михоэлса, Героев Советского Союза снайперов Людмилы Павлюченко и Николая Кривчени и многих других, а также сами выступали по телевидению и радио, на разного рода собраниях и митингах, рассказывая о героической борьбе Красной Армии и советского народа с германским фашизмом⁶⁷.

В ШВЕЦИИ

Во главе миссии (посольства) СССР в Стокгольме в годы войны была Александра Михайловна Коллонтай. Используя в полной мере свои личные качества – образованность, эрудицию, блестящее знание иностранных языков, она вела большую работу среди представителей правящих кругов и общественности Швеции, убеждая их в неизбежной победе над фашизмом, и проводила эту же мысль в переписке со своими друзьями в других странах.

Так, 5 октября 1941 г., в самое трудное время для Советского Союза, Коллонтай писала Изабель де Паленсие, бывшей одно время послом республиканской Испании в Швеции: "Мы живем в страшное время, когда страдания человечества не могут сравниться ни с чем. Но мы уверены в исходе, в том, что зловещие силы реакции, порождающие эти страдания, будут уничтожены. Моя страна полна величайшего энтузиазма. Никакой нервозности. Все сражаются с энтузиазмом... Моя родина не жалеет сил. Все работают, воспринимая происходящее вокруг как неизбежный, но временный этап. Мы полны решимости не идти ни на какие компромиссы. У нас достаточно сил и средств, чтобы продолжать борьбу вплоть до полной победы. В это мы верим, и за это мы боремся..."

Я часто вижу наших союзников. Они очень милые люди, но многие еще не понимают, что происходит, и симпатизируют другой стороне"⁶⁸.

Громько в воспоминаниях упоминает о нескольких встречах с Коллонтай после войны и приводит слова последней о ее работе в Швеции: "Я пробыла в Швеции самые тяжелые для нашей страны годы – всю войну. И приходилось делать многое, чтобы напоминать местным властям, как они обещали по-настоящему соблюдать нейтралитет и не поддаваться на провокации нацистов его нарушить. А такие попытки, да и сами нарушения, имели место, и не раз. Я ведь ни на один миг не забывала в Стокгольме, что там, за Балтикой, на фронте погибают наши люди"⁶⁹.

В письме Майскому в конце августа 1948 г. Коллонтай, как бы подводя итоги своей жизни и деятельности, на последнее место после участия в подготовке революции 1917 г., выполнения заданий Ленина и борьбы за раскрепощение женщин, ставила свою дипломатическую деятельность: "В-третьих, существенная моя работа, это в период Отечественной войны, сокращение фронтов для Советской Красной Армии. Два раза подготовка заключения перемирия с Финляндией в 1940 и 1944 гг. и

⁶⁷ Там же, с. 32–50.

⁶⁸ Коллонтай А.М. Революция – великая мятежница. Избранные письма 1901–1952. М., 1980, с. 372.

⁶⁹ Громько А.А. Указ. соч., кн. 2, с. 322–324.

правильное проведение политики Советского Союза в Швеции с тем, чтобы удержать Швецию от вступления в войну на стороне Германии"⁷⁰.

О работе советских дипломатов в Швеции в годы войны наиболее подробно вспоминает посол в отставке В.И. Ерофеев, которого летом 1942 г., сразу же после демобилизации из армии, НКВД направил на работу в миссию в Стокгольм в качестве стажера. После полного драматизма морского путешествия через Архангельск, Исландию и Великобританию он в ноябре 1942 г. прибыл в Стокгольм, где стал выполнять обязанности личного секретаря посла. Ерофеев тепло вспоминает о Коллонтай, с которой ему довелось работать в течение двух лет: "Вскоре по приезде меня пригласила к себе Александра Михайловна Коллонтай, у нее вообще было правило: сразу же встречаться с новыми сотрудниками, на какие бы должности они не приезжали, знакомиться с ними лично, подробно беседовать, расспрашивать о делах в Союзе"⁷¹.

Ерофеев дает запоминающуюся характеристику этой выдающейся женщины, революционера и дипломата: "Высокий престиж и влияние Коллонтай, с ее твердой и спокойной уверенностью в том, что враг будет разбит и победа будет за нами, в серьезной мере удерживали шведские правящие круги от ошибочных оценок и опрометчивых шагов... Коллонтай и все наше посольство в этот сложный период опирались в своей деятельности на сильные антивоенные настроения шведского народа, на его демократические традиции и неприятие нацизма, на его дружбу и солидарность с норвежскими и датскими патриотами, поддержку других антифашистских сил... Александра Михайловна при всей своей нежности, своих кротких, порой по-ангельски заведенных к небу глазах была человеком настойчивым и строгим, она требовала от сотрудников порядка и четкости в работе, не терпела, когда что-то откладывалось, залеживалось, оставалось без ответа, учила не пренебрегать мелочами, побуждала расширять круг друзей и знакомых, чаще встречаться и беседовать с людьми"⁷².

Советская колония в Стокгольме жила напряженной жизнью, жадно ловила сообщения из дома, тяжело переживала неудачи на фронтах и ликовала по случаю побед. Положение ее было довольно сложным, сказывалась определенная изоляция, за всеми велась постоянная слежка, случались и провокации: в полиции были в основном враждебные СССР люди⁷³.

О деятельности миссии (посольства) СССР в Стокгольме в годы войны вспоминал в своей книге А.М. Александров-Агентов⁷⁴. Выпускник скандинавского отделения филологического факультета Ленинградского университета, сразу после его окончания в 1940 г. он был командирован на работу в корпус ТАСС в Стокгольме, а с декабря 1942 г. переведен на работу в миссию СССР в Швеции, сперва как переводчик, а затем атташе.

Александров-Агентов вспоминал, что после нападения Германии на СССР Коллонтай направила всю деятельность миссии в Стокгольме на достижение двух главных целей: первое – удержать Швецию на позиции нейтралитета, не допустить ее вступления в войну на стороне гитлеровцев, оказывать в этом направлении все возможное влияние и на правящие круги, и на общественность Швеции и второе – попытаться побудить Финляндию выйти из войны⁷⁵. Коллонтай организовала выпуск ежедневного бюллетеня советской дипломатической миссии с информацией о военных усилиях Советского Союза. Как сама Александра Михайловна писала об этом в

⁷⁰ Коллонтай А.М. Указ. соч., с. 405.

⁷¹ Ерофеев В.И. В советском посольстве в Швеции 1942–1944 гг. – Новая и новейшая история, 1996, № 1, с. 135–136. Как отмечает Ерофеев, при написании данных воспоминаний он пользовался материалами документов Архива внешней политики РФ.

⁷² Там же, с. 140.

⁷³ Там же, с. 143–144.

⁷⁴ Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачева. Воспоминания дипломата, советника А.А. Громыко, помощника Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова, К.У. Черненко, М.С. Горбачева. М., 1994, с. 12–40.

⁷⁵ Там же, с. 29.

апреле 1942 г. Майскому: "Наш бюллетень имеет огромный успех, расходуется в количестве 10 (десяти) тысяч экземпляров в день. Шлют запросы на него со всех концов Швеции, и даже попы просили прислать им бюллетень (на шведском языке), благословляя Красную Армию за то, что она спасает мир от фашизма"⁷⁶. По мере роста популярности и материальных возможностей бюллетень превратился в красочно оформленный иллюстрированный журнал.

С осени 1943 г. усилия Коллонтай были направлены на вывод из войны на стороне Германии Финляндии, что ей в конце концов при посредничестве ее влиятельных знакомых шведов удалось, и 17 сентября 1944 г. перемирие с Финляндией было подписано, без оккупации Финляндии Советским Союзом.

Связи с членами правительства и парламента Швеции, с дворцовыми кругами, "королями" экономики Коллонтай поддерживала лично⁷⁷.

Она неизменно была внимательна ко всем судьбам и нуждам сотрудников посольства. В то же время обобщенными выводами из собранной ею обширной информации, анализом и оценкой важнейших событий не любила делиться даже со старшими дипломатами посольства. Как отмечал Александров-Агентов, это было "одно из проявлений стиля работы, характерного для ветеранов советской дипломатии, интеллигентов дореволюционной формации (таких, как Литвинов, Суриц, Майский и др.)"⁷⁸.

Коллонтай участвовала в организации сбора денег и вещей для Фонда обороны СССР среди населения Швеции. Несмотря на преклонный возраст (ей было уже за 70 лет) и плохое здоровье, Коллонтай лично принимала людей, вносивших свой вклад в это благое дело⁷⁹.

В ИРАНЕ

Еще в 1934 г. Гитлер настаивал на распространении влияния Германии на Иран. После прихода фашистов к власти Германия стала активно закреплять за собой экономические и политические позиции в этой соседней с Советским Союзом стране. Особенно активно стала действовать фашистская агентура в Иране после начала второй мировой войны, имея целью упрочение торгово-экономических связей с Ираном и усиление влияния на шахский двор. В Иране обосновались многочисленные "представители германских торгово-промышленных кругов", создавшие крупные разведывательные центры, вербовавшие агентуру среди влиятельных местных политических, военных и деловых кругов, крупного шахского чиновничества и ближайшего окружения шаха. Особенно активно немецко-фашистская агентура действовала на севере Ирана в провинциях, граничивших с СССР. После нападения фашистской Германии на Советский Союз эта враждебная деятельность создала непосредственную угрозу южной границе СССР. Советской дипломатии не удалось добиться от Реза-шаха Пехлеви и его правительства принятия эффективных мер для ликвидации опасности проникновения через южную границу СССР фашистских диверсантов и шпионов из Ирана. Трижды в дипломатических нотах иранскому правительству, от 26 июня, 19 июля и от 16 августа 1941 г., советское правительство, ссылаясь на шестую статью советско-

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же, с. 34.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Сама Коллонтай на склоне лет вспоминала: "Странно, пока я в Швеции несла свою трудную работу посланника, переговоры с финнами, удержание шведов от войны, я забывала о своей инвалидности. А ведь я два года после поражения левой руки и ноги несла всю ответственность и тяжесть работы. Как я выдержала в Швеции, будучи столь больной!" – *Коллонтай А.М.* Из моей жизни и работы. Воспоминания и дневники. М., 1974, с. 368.

О работе советских дипломатов в Швеции в годы войны упоминает в мемуарах и В.С. Семенов, бывший советником миссии в Стокгольме. Он после ухода в отставку с поста посла в Бонне в 1985 г. остался на постоянное жительство в ФРГ, где и скончался в 1992 г. в Кельне. – *Semjonov W.S.* Op. cit., S. 137–149. Весьма критическая рецензия Алексея Григорьева на книгу его воспоминаний, вышедшую в ФРГ на немецком языке, была помещена в № 28 за июль 1995 г. журнала "Эхо планеты" под заголовком "Дипломат, не знавший сомнений".

иранского договора от 26 февраля 1921 г., настаивало на пресечении опасной деятельности фашистской Германии в Иране, но Реза-шах Пехлеви оставался глух к этим требованиям и отказывался принимать какие-либо меры по их выполнению. Поэтому было принято решение ввести в Иран советские войска. По договоренности с Великобританией 25 августа 1941 г. в Иран были введены советские и английские войска.

До ввода войск посольству СССР в Тегеране было поручено направить своих сотрудников на север Ирана, ближе к тем пунктам, через которые ожидалось вступление в Иран советских войск, с целью разъяснения местным иранским властям мотива ввода в страну советских войск; следовало заверить представителей властей и население, что ввод войск не направлен против иранского народа, и тем самым максимально обеспечить частям Красной Армии выполнение поставленных перед ними задач.

Выполнение данного поручения сотрудниками посольства в Иране было сопряжено с немалыми трудностями и подчас с непосредственной угрозой их жизни со стороны немецкой агентуры среди местной администрации северных провинций Ирана и даже со стороны многочисленных немецких граждан, обосновавшихся под различными предлогами вблизи советской границы. Как вспоминал известный российский востоковед, блестящий знаток иранской литературы Д.С. Комиссаров, незадолго до начала войны призванный из Ленинградского университета на работу в НКВД и вскоре получивший назначение в посольство в Тегеране в качестве пресс-атташе, за несколько дней до намеченного срока ввода советских войск в Иран посол в Иране А.А. Смирнов поручил ему выехать в порт Ноушахр, расположенный у перекрестка трех важных путей, и обеспечить содействие местных властей ожидавшейся высадке в этом районе большого десанта советских моряков. Здесь находилась большая группировка иранских войск, со стороны которой не исключалось активное сопротивление десанту. Город Галус, куда прибыл советский дипломат, кишел немецкими "коммерсантами" и "туристами", ведшими подрывную работу против нашей страны, уже более месяца как оказывавшей упорное сопротивление гитлеровским полчищам. Немцы пользовались открыто благосклонным отношением местных военных и гражданских властей. Лишь благодаря блестящему знанию языка, обычаев и культуры Ирана молодому советскому дипломату-востоковеду удалось за весьма короткий срок расположить к себе командующего местным гарнизоном и обеспечить выполнение возложенной на него задачи.

Высадка советского десанта прошла успешно, без единого выстрела с обеих сторон, без каких-либо эксцессов, мирно и спокойно. Об этих полных драматизма днях Комиссаров, ныне заслуженный деятель науки, доктор филологических наук, профессор, поведал в статье, опубликованной в связи с 40-летием Победы. Комиссаров также рассказал о своей четырехлетней работе в качестве пресс-атташе посольства СССР в Тегеране в годы войны, работе, связанной с ознакомлением общественности Ирана с внешней и внутренней политикой Советского Союза – ближайшего соседа Ирана, освещением хода военных действий на советско-германском фронте, разоблачением подрывной идеологической деятельности фашистской Германии и других, враждебных нашей стране и Ирану сил, ознакомлением иранской общественности с советской культурой и наукой.

Отдел печати посольства СССР в Иране издавал газету "Друг Ирана" на персидском языке, ежедневный бюллетень иранской прессы, газету на русском языке "Новости дня". Сам Комиссаров, как и другие сотрудники посольства в Тегеране, неоднократно выступал в различных городах перед представителями иранской общественности с лекциями и докладами о Советском Союзе и обстановке на фронтах Отечественной войны⁸⁰.

В феврале 1995 г. на конференции, организованной Научным советом по истории международных отношений и внешней политики России Российской академии наук,

⁸⁰ Комиссаров Д.С. Иран: взгляд в тревожное прошлое. (Из воспоминаний востоковеда). – Оружием слова. Статьи и воспоминания советских востоковедов 1941–1945. М., 1985, с. 101–129.

посвященной деятельности советской дипломатии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., посол в отставке А.Л. Воронин, работавший в годы войны в посольстве в Тегеране, тепло вспоминал о работе коллектива посольства, возглавлявшегося сперва А.А. Смирновым, а затем М.А. Максимовым. В тезисах своего выступления на конференции Воронин писал: "Андрей Андреевич Смирнов во время Отечественной войны, в 1941–1943 гг., был послом СССР в Иране. Он принимал непосредственное участие в переговорах о Договоре о союзе между СССР, Великобританией и Ираном и 29 января 1942 г. подписал этот договор в Тегеране. Договор имел весьма важное значение в деле содействия военным действиям Красной (Советской) Армии против гитлеровской Германии".

В 1942 г. Смирнов проявил себя как принципиальный и мужественно смелый дипломат. В 1976 г. он рассказал Воронину, в то время заведующему отделом стран Среднего Востока МИД СССР, о том, что в разгар войны он получил указание из Центра вступить в переговоры с иранским правительством о предоставлении Советскому Союзу концессии на северную нефть Ирана. Смирнов написал в Москву, что этого делать не следует. Англия имеет концессию на нефть на юге (АИНК) и весьма ревностно следит за всеми действиями СССР в Иране. Может произойти осложнение в отношении с нашим военным союзником в трудном 1942 г. Москва согласилась с мнением посла. В 1943 г. Сталин при встрече со Смирновым сказал: "Спасибо вам за ваши возражения против концессии в Иране. Если бы вы этого не сделали, а нашим отношениям с Англией в разгар войны был бы нанесен ущерб, мы бы вас наказали".

Смирнов был опытным, твердым и гибким дипломатом. Защищая интересы советского государства в Иране, он умел в своих отношениях с новым шахом Ирана Мохаммедом Реза Пехлеви действовать убедительно и тактично. По словам заместителя министра иностранных дел Семенова, сказанным Воронину в 1956 г., шах Ирана говорил Семенову: "Я часто вспоминаю вашего посла Смирнова. Он оставил у нас в Иране весьма хорошее впечатление. Он никогда не вынуждал меня выпускать из себя свои колючки (выходить из себя. – С.Т.). Возвратите его в Тегеран".

Смирнов в это время (в 1956–1957 гг.) был послом в Австрии.

Другим выдающимся советским дипломатом, работавшим в годы войны в Иране, был Михаил Алексеевич Максимов – один из старейших работников НКВД/МИД СССР (с 1926 г.). Во время войны он в 1941 г. пошел добровольцем в армию. В 1942 г. – он генеральный консул СССР в Мешхеде, в 1942–1944 гг. – советник посольства СССР в Иране, а в 1944–1945 гг. – посол СССР в Иране. Максимов принимал самое непосредственное участие в подготовке и проведении Тегеранской конференции руководителей трех держав – в качестве временного поверенного в делах СССР в Иране. Свободно владел персидским языком. Переводил беседу Сталина с Мохаммедом Реза Пехлеви во время визита главы советского правительства к шаху. Максимов был тем единственным дипломатом, которому было разрешено во время Тегеранской конференции прямо обращаться к Сталину и проживать вместе с ним в одном доме ("Доме Посла") в парке посольства. В 1944 г. в своем выступлении на персидском языке перед иранской общественностью Максимов приветствовал образование Иранского общества культурных связей с СССР.

Большую медико-санитарную работу и борьбу с эпидемиями проводили в Иране врачи и медицинский персонал Красного Креста СССР. Созданная Красным Крестом в Тегеране по инициативе посольства центральная больница пользовалась огромной популярностью во всех слоях населения города, оказывая безвозмездную помощь всем нуждавшимся в лечении. Даже члены шахской семьи и ближайшего окружения шаха охотно пользовались услугами советских врачей.

Автору данного очерка на пути от Чунчина в Москву через Индию и Персидский залив пришлось в начале мая 1945 г. задержаться в Тегеране. Город жил в ожидании конца войны. Сотрудники посольства, вся многочисленная советская колония с нетерпением ждали сообщения из Москвы о падении Берлина. Днем 8 мая в городе на-

чалось шумное ликование в связи с сообщением западных информационных агентств об окончании войны. Советские люди, однако, воздерживались от публичного проявления своих чувств, избегали открыто присоединяться к праздничному застолью своих знакомых из числа союзников, и лишь на следующий день, 9 мая, когда Москва объявила о безоговорочной капитуляции фашистской Германии, радость жителей Тегерана стала всеобщей; люди веселились на улицах и площадях, гремела музыка, звучали песни, незнакомые люди угощали друг друга, особенно представителей союзных армий.

Через несколько дней шах Ирана устроил торжественный прием по случаю Победы. Залы роскошного шахского дворца с колоннами, облицованными зеркалами, отражавшими свет многочисленных люстр, были полны гостей – представителей дипломатического корпуса и союзных армий.

Внимание автора этих строк привлек пожилой, изможденный человек, сидевший за небольшим столиком в окружении группы гостей, внимательно слушавших рассказчика – оказавшегося видным политическим деятелем Франции Эдуардом Эррио. Он только что прибыл в Тегеран проездом из Москвы в Париж. Французский патриот-антифашист рассказывал о своем пребывании в германском концлагере, куда оккупанты заключили его в 1942 г., и об освобождении из лагеря советскими войсками, вовремя подоспевшими, чтобы предотвратить уничтожение узников лагерной охраной.

Прием в шахском дворце проходил в обстановке всеобщего ликования в связи с победой союзников над смертельным врагом – фашизмом и затянулся до позднего вечера.

В КИТАЕ

Наиболее "плодовитыми" на мемуары оказались наши дипломаты, работавшие в годы войны в Китае. Еще в 1955 г. известный специалист по китайской литературе, впоследствии член-корр. АН СССР Н.Т. Федоренко, в годы войны бывший драгоманом посольства СССР в столице Китая военного времени Чунцине, опубликовал воспоминания о работе в Китае, в которых затрагивались вопросы внутривнутриполитической обстановки в этой стране в годы войны и шла речь о его встречах с видными деятелями китайской культуры – историком и писателем Го Можо, писателями Мао Дунем, Лао Шэ и многими другими⁸¹.

Работавший в 1940–1943 гг. в Западном Китае (провинция Синьцзян) на посту консула в г. Хотан В.И. Иваненко (впоследствии служивший советником посольства в МНР, а затем советником посольства в КНДР) в 1968 и 1972 гг. опубликовал воспоминания о своей дипломатической работе за границей, в которых видное место занимает военный период⁸².

Иваненко узнал о нападении фашистской Германии на СССР по радио: "Весь коллектив консульства, все советские специалисты, находившиеся в Хотане, собрались на митинг. Лица суровые. Нервы напряжены. Речи на митинге короткие. Дышат гневом и ненавистью к фашистским оккупантам. Все мысли, чувства, воля участников митинга выражены в лаконичной, как воинская присяга, телеграмме в адрес наркомата иностранных дел СССР. Усилия всего нашего коллектива консульства в Хотане подчинены одной задаче – оказать максимальную помощь фронту, до конца выполнить долг, возложенный на нас Советской Родиной... Помогать Родине в отдаленном от нее уголке Азии мы могли лишь своей работой по выполнению задач, поставленных перед консульством. Было принято решение отчислять от 30 до 50 процентов зарплат в фонд обороны"⁸³.

⁸¹ Впоследствии Н.Т. Федоренко – посол в Японии, представитель СССР в Совете Безопасности ООН, заместитель министра иностранных дел. *Федоренко Н.Т.* Китайские записки. М., 1955; *его же.* Вспоминая Чжоу Эньляя. – Проблемы Дальнего Востока, 1989, № 5.

⁸² *Иваненко В.И.* Тропую памяти. М., 1968; *его же.* Самое памятное. М., 1972.

⁸³ *Иваненко В.И.* Тропую памяти, с. 81.

Иваненко подробно описывает первоначальную реакцию китайских властей и населения Синьцзяна на ход советско-германской войны, повествует об активизации анти-советской деятельности правителя Синьцзяна – дубаня Шэн Шица и его окружения, о враждебных нашей стране происках гоминьдановских властей в Синьцзяне.

Советские консульские работники в Синьцзяне вели большую разъяснительную работу среди представителей администрации и населения этой китайской провинции, подчеркивая временный характер наших военных неудач⁸⁴. Иваненко рассказывает о проявлениях солидарности многонационального населения Синьцзяна с советским народом и героической борьбой Советских Вооруженных Сил, вспоминает о своих встречах с губернатором Хотанского округа Синьцзяна Пан Дуном, членом КПК, большим другом нашей страны, о самоотверженной работе советских специалистов в Синьцзяне – строителях, геологах, нефтяниках, помогавших развитию этой окраинной провинции Китая.

По мере наших военных неудач на фронтах в первоначальный период войны усиливалась подрывная деятельность против СССР и против прогрессивных сил в Синьцзяне со стороны дубаня Шэн Шица и гоминьдановских представителей в этой провинции. Немецкая и японская агентуры распространяли среди населения и представителей властей Синьцзяна разного рода провокационные слухи о том, что Гитлер-де уже смотрит в бинокль на Москву, а Япония вот-вот начнет войну с Советским Союзом. Пускались рассчитанные на исповедовавшую ислам часть населения слухи о том, что Гитлер – сын дочери турецкого султана, что он самый надежный защитник мусульманской веры, что Турция уже присоединилась к Германии, а японские и немецкие войска готовятся соединиться друг с другом в Иране и Афганистане и нанести удары по Баку и Бухаре и что настало время для расправы с неверными в Средней Азии. Никакого противодействия распространению такого рода нелепых слухов со стороны дубаня Шэн Шица не предпринималось.

К лету 1943 г. обстановка для работы советского консульства и специалистов в Синьцзяне стала невыносимой. Происходили аресты посетителей советских консульств и даже имели место задержания сотрудников консульств. Почти одновременно в наиболее крупных городах Синьцзяна – Урумчи, Кульдже, Шара-Сумэ, Кашгаре и Хотане – в течение нескольких дней разгоряченные и взбудораженные провокационными слухами и подстрекаемые властями толпы штурмовали наши консульства, забрасывали камнями, осыпали их сотрудников оскорблениями. Дальнейшее пребывание советских людей в Синьцзяне стало невозможным. Москва решила отозвать из Синьцзяна советских специалистов и закрыть некоторые консульства, в частности и в Хотане.

"Мы собирались в трудный и опасный путь, – пишет Иваненко, – где нас могли подстеречь пули террористов, провокации хулиганствующих националистов. Несмотря на полицейские репрессии, большие группы китайских патриотов пришли проводить своих советских друзей. Простые китайские люди не могли забыть путь, проделанный сквозь трудные годы рука об руку с советским народом. Скандировались лозунги: "Советско-китайскую дружбу не подорвать!", "Да здравствует СССР!". Машины тронулись. Мы видели, как полицейские дубинками разгоняли демонстрантов. Раздавались выстрелы"⁸⁵.

В 1981 г. Институт Дальнего Востока под грифом "для служебного пользования" опубликовал работу видного советского дипломата А.С. Панюшкина "Записки посла: Китай 1939–1944 гг."⁸⁶ Преждевременная смерть не позволила ему закончить работу

---

⁸⁴ Тепло вспоминал Иваненко о коллегах по работе – сотрудниках советских консульств в Синьцзяне в 1941–1943 гг. – генеральном консуле Г.М. Пушкине, опытном дипломате, впоследствии после СССР в ГДР, генеральном консуле СССР в Кашгаре И.В. Самыловском, впоследствии после в Афганистане, и др. – Там же, с. 61; *Иваненко В.И.* Самое памятное, с. 81, 96–97.

⁸⁵ *Иваненко В.И.* Тропкою памяти, с. 62.

⁸⁶ *Панюшкин А.С.* Записки посла: Китай 1939–1944 гг. М., 1981. Гриф "для служебного пользования" вскоре был снят, и книга стала доступной широкому читателю.

над рукописью, но и в незавершенном виде она служит важным источником сведений о Китае в период второй мировой войны и о советско-китайских отношениях этих лет. В предисловии к книге Панюшкин писал, что его записки "не претендуют на исчерпывающее освещение обстановки и условий, в которых приходилось работать мне и моим коллегам. К тому же с той поры, о которой пойдет речь в книге, прошло много лет. Время стерло в памяти некоторые факты, события и детали обстановки, в которой пришлось работать. Просматривая свои прошлые дневниковые записи и другие документы, я много восстановил из того, о чем в официальных документах писать было не принято. Может быть, моя попытка отойти от служебного стиля изложения некоторых фактов и событий поможет читателю лучше представить сложную обстановку, в которой пришлось работать нашему коллективу посольства в китайской столице военного времени Чунцине в 1939–1944 гг. в условиях борьбы китайского народа против японских захватчиков"⁸⁷.

Автор дает подробные характеристики видным государственным деятелям Китая тех лет: Чан Кайши и его ближайшему окружению, представителям оппозиционных диктаторскому режиму гоминьдана демократических сил Китая. Панюшкин говорит о повседневной работе посольства, главной задачей которого в то время было удержать Китай в войне с Японией, не допустить его капитуляции, предотвратить вспышку братоубийственной гражданской войны, которая позволила бы Японии вывести свои войска из Китая и выступить совместно с фашистской Германией против Советского Союза. Больше половины книги Панюшкин отвел воспоминаниям о поведении чунцинского правительства после нападения фашистской Германии на СССР и в период войны на Тихом океане. Он рассказал, как Чан Кайши пытался вовлечь Советский Союз в войну с Японией, как резко ухудшилось отношение Чан Кайши к нашей стране после прекращения советской военной помощи Китаю и отъезда из Китая советских военных советников. Эти действия советского правительства были вызваны сложной обстановкой на советско-германском фронте, прекращением оплаты Китаем поставляемого из СССР вооружения и враждебными действиями против Советского Союза в Синьцзяне, граничившем с республиками советской Средней Азии и Казахстаном. В книге много интересных наблюдений об американо-китайских отношениях тех лет, также освещаются вопросы отношения Китая с Англией и Францией⁸⁸.

О работе в Китае в посольстве в Чунцине в годы войны опубликовали воспоминания: А.М. Ледовский, бывший в то время вторым секретарем посольства, а затем консулом в г. Ланьчжоу (впоследствии – генеральный консул в Шэньяне и посол в Бирме)⁸⁹, автор настоящей статьи⁹⁰, а также М.С. Капица, бывший третьим секретарем посольства⁹¹.

---

⁸⁷ Там же, с. 4.

⁸⁸ Еще в 1971 г. Панюшкин, в прошлом выпускник Военной академии им. М.В. Фрунзе, написал небольшую статью для сборника академики, в которой среди прочего вспоминал о годах своей дипломатической работы в Китае и затем в США и обращал особое внимание читателей на важность для дипломата свободно владеть иностранными языками.: *Панюшкин А.С.* Школа идейной закалки. – Гордимся званием фрунзенца. М., 1971, с. 7–18.

⁸⁹ *Ледовский А.М.* Записки дипломата. – Проблемы Дальнего Востока, 1991, № 4, с. 108–118; *его же.* На дипломатической работе в Китае. – Новая и новейшая история, 1993, № 6.

⁹⁰ *Тихвинский С.Л.* Китай в моей жизни. М., 1992. Китайский перевод книги опубликован в Пекине издательством "Шэхуй кэсюэ вэньсянь" в 1994 г.

⁹¹ Видный советский и российский дипломат М.С. Капица, прошедший путь в дипломатической службе от третьего секретаря посольства до заместителя министра иностранных дел, в книге "На разных параллелях", вышедшей в свет уже после кончины автора, посвящает первые страницы началу своей дипломатической службы: в 1943 г. после демобилизации из армии он прибыл в Чунцин. Капица, описывая внутриполитическую обстановку в Китае тех лет и состояние советско-китайских отношений, дает запоминающиеся характеристики Чан Кайши, его жене Сун Мэйлин, его сыну Цзян Цзинго, а также лицам из их ближайшего окружения: вдове д-ра Сунь Ятсена, свояченице Чан Кайши Сун Цинлин, маршалу Фэн Юйсяну и другим видным деятелям, с которыми ему довелось встречаться. – *Капица М.С.* На разных параллелях. Записки дипломата. М., 1996.

В ЯПОНИИ

Свои воспоминания о работе советского посольства и консульств в Японии и в оккупированных Японией Корее и части Китая оставил М.И. Иванов, в годы войны работавший в консульском отделе посольства в Токио. Молодой дипломат, сразу после окончания японского отделения Московского института востоковедения в 1941 г. направленный на работу в Японию, пользовался дружеской поддержкой сотрудников посольства, уже имевших опыт практической работы.

Иванов вспоминает первый день войны: "Возбужденным голосом диктор токийского радио каждые пять минут, вперемежку с маршевой музыкой, сообщал о наступлении немецких войск, налетах их авиации на советские города и нанесенном ими уроне... Усиленный наряд полиции охранял посольство. Сообщение о войне поражало сознание каждого чудовищностью совершенного гитлеровцами вероломства. Для нас, советских людей, находившихся за рубежом, сообщение о войне было вдвойне тревожным и тяжелым. Вдали от Родины, в стане неприятеля мы были лишены возможности отчетливо представить себе действительное развитие событий на фронтах. Но и в этой обстановке мы жили единым дыханием со своим народом... Многие из нас в день объявления войны обратились в Наркомат иностранных дел с просьбой об откомандировании из Японии и отправке на фронт... Но нам, основной группе дипломатов и сотрудников советских учреждений в Токио, было предписано оставаться на своих постах, считать нашу работу главным заданием в период войны"⁹².

С началом советско-германской войны и без того прохладное отношение японских властей к советским людям в Японии резко ухудшилось. Правящие круги Японии демонстрировали верность фашистской Германии. Должностные лица зачастую вообще отказывались встречаться с работниками советского посольства и консульства. Враждебный тон в отношении советских учреждений задавали руководящие работники японского министерства иностранных дел. Официальная печать усилила злобные нападки на Советский Союз, изображая агрессором СССР, а не гитлеровскую Германию. Полицейские власти ужесточили и без того тяжелый режим проживания в Японии советских представителей, участились случаи прямого насилия над ними в Токио и Хакодате. В этих условиях советское правительство приняло решение о сокращении персонала советских учреждений в Японии и об отправке домой членов семей сотрудников посольства и других учреждений.

Несмотря на первоначальные победы японского военно-морского флота и армии и последующие крупные поражения, японская военщина продолжала планомерно наращивать сосредоточение сил Квантунской армии на границе с Советским Союзом, доведя их общую численность к 1 октября 1942 г. до 1 100 тыс. человек, не считая формирований, выставленных марионеточным режимом Маньчжоу-го⁹³.

Японские власти с начала войны закрыли для прохода советских судов Сангарский пролив между островами Хоккайдо и Хонсю и для их выхода в океан оставался лишь Цусимский пролив (все северные проливы замерзают и в течение полугода несудоходны). Советские суда в дальневосточных водах неоднократно подвергались пиратским нападениям военных кораблей, топивших суда, а члены команд, которым при этом удавалось спастись и достичь берегов Японии, подвергались тюремному заключению и бесконечным допросам.

В начале марта 1944 г. посольству в Японии удалось добиться освобождения из застенков четырех моряков с торпедированного в феврале 1943 г. японской подводной

---

⁹² Иванов М.И. Япония в годы войны. Записки очевидца. М., 1978, с. 42–43.

⁹³ Там же, с. 75.

лодкой грузопассажирского судна "Кола", следовавшего из Владивостока в Петропавловск-Камчатский.

Иванов подробно говорит о повседневной работе советских дипломатов и консульских представителей в обстановке враждебности властей и тягот жизни военного времени: "Контакты советского посольства с японскими учреждениями и частными лицами во время войны были весьма ограничены. Японские руководители постоянно требовали, чтобы все сношения советского посольства и консульского отдела осуществлялись только через русскую секцию министерства иностранных дел Японии. Что касается личных контактов с японцами, их не допускали японские органы безопасности... В целом отношение японских официальных лиц к советским учреждениям и их представителям в первые месяцы и годы войны было недружелюбным, а иногда прямо-таки издевательским. Замаскированная и открытая враждебность, которая стала основным элементом отношений японских властей, осложняла нашу жизнь и деятельность"⁹⁴.

Одной из самых острых проблем для советских работников была продовольственная: скудный набор продуктов, распределявшихся по карточкам, не мог способствовать нормальной жизни и работе. Покупать продукты из-под полы не позволяла зарплата, а выезжать за пределы Токио, чтобы в сельской местности закупать продовольствие, власти не разрешали, установив для советских людей запрет на выезд за пределы 25-мильной зоны.

В отличие от дипломатов посольств Италии и Германии, снабжавшихся высококачественными продуктами, по указанию министерства иностранных дел Японии сотрудникам советского посольства отпускалось мясо самого низкого сорта, а в августе 1945 г. японские чиновники совершенно прекратили снабжать советских людей продуктами. Когда посольство, с трудом собрав необходимый запас продуктов, устроило 6 ноября 1942 г. прием в честь национального праздника, пригласив всего 250 гостей, на прием прибыл сотрудник японского министерства иностранных дел, который стал "корректировать" списки приглашенных, а по разосланным ранее приглашительным билетам пришли совершенно неизвестные посольству люди. Более того, явившийся в посольство старший полицейский чин района Адзabu стал просить допустить на прием нескольких рядовых полицейских. Власти препятствовали работе автотранспорта советских учреждений, не признавая водительских прав советских шоферов и сотрудников.

Консульский отдел посольства в Токио осуществлял в годы войны также консульские функции на территории оккупированного японцами еще в конце 1937 г. Шанхая, где проживало большое количество советских граждан. Консульским работникам посольства в Японии приходилось неоднократно выезжать из Японии в Шанхай, что в условиях войны было небезопасно. Осуществление консульской защиты прав и интересов советских граждан, проживавших в оккупированной японцами части Китая, было весьма трудным. Советские люди подвергались жестоким репрессиям со стороны японских оккупационных властей в Китае, а приезжавшим из Токио сотрудникам консульского отдела посольства чинились всевозможные препятствия в осуществлении их функций.

Во время военных операций на юге Китая в декабре 1941 г. японские войска захватили в Гонконге восемь советских грузовых судов, оказавшихся в то время в этом порту, и арестовали команды судов. Иванов рассказывает о жизни советской колонии и русской эмиграции в Китае в годы войны и говорит о большой патриотической работе, проводившейся в годы войны Клубом советских граждан в Шанхае, о своих встречах с артистом и певцом А.Н. Вертинским. За успешную работу и совершенствование знаний японского языка молодому дипломату вскоре был присвоен ранг третьего секретаря посольства, и он стал исполнять обязанности заведующего консульским отделом посольства в Японии.

---

⁹⁴ Там же, с. 82–83.

По роду своей работы Иванову приходилось также часто посещать оккупированные японцами Маньчжурию и Корею. Он пишет о тяжелой обстановке, в которой из-за произвола японских властей протекала деятельность советских консульств в Харбине, Дальнем, Сеуле и на станции Маньчжурия, о репрессиях в отношении проживавших там советских граждан.

По мере изменения обстановки на советско-германском фронте и перехода Красной Армии в контрнаступление отношение к советским дипломатам со стороны японских властей стало постепенно меняться к лучшему, особенно после тяжелых поражений японских вооруженных сил в войне против США на Тихом океане.

С весны 1942 г. Токио стал подвергаться налетам американских бомбардировщиков: первый налет состоялся 18 апреля 1942 г., и бомбежки с каждым годом войны становились все более интенсивными и разрушительными.

Иванов подробно описывает драматические события "ковровых бомбардировок" Токио американской авиацией и напряженную работу сотрудников советского посольства в этих условиях. Власти в течение двух с лишним лет саботировали строительство бомбоубежища на территории посольства. После крупного налета американской авиации на Токио в ноябре 1944 г. коллективу советских сотрудников пришлось достраивать убежище своими силами. Вот одна из картин очередной бомбежки Токио: "25 мая 1945 г., уже после того, как в Советском Союзе праздновали День Победы над фашистской Германией, в нашем посольстве сгорела большая часть строений, уцелело лишь основное служебное здание. Все мы, начиная с посла и кончая рядовыми сотрудниками, не жалея сил, вели борьбу с огнем. Здание консульства после прямого попадания термитных зажигательных снарядов вспыхнуло ярким факелом, и спасти его было невозможно. Основное здание консульства, построенное из железобетона, находилось как раз на пути огненного урагана, поэтому горящие головни и даже бревна влетали в разбитые окна, и таким путем пожар проникал во внутреннее помещение. Некоторые сотрудники получили травмы и ожоги, несколько человек отравились угарным газом. Но никто не оставил своего поста, да и некуда было скрыться от стихии огня, кругом бушевало пламя"⁹⁵. Иванов в заключительных главах книги рассказывает о событиях, развернувшихся после вступления Советского Союза в войну против милитаристской Японии, об атомной бомбардировке США японских городов Хиросима и Нагасаки и безоговорочной капитуляции Японии.

В книге показана самоотверженная работа персонала советского посольства в Токио во главе с послом Я.А. Маликом, консулов в Хакодате А.И. Савельева и П.В. Михайлова, других сотрудников посольства и консульства в тяжелые годы войны.

Тепло отзываясь в воспоминаниях Иванов о советнике посольства Н.Б. Адырхаеве, который отличался незаурядным знанием японского языка, точностью интонации. Адырхаев великолепно чувствовал характер своего японского собеседника, умел его слушать, не горячился и не пасовал после какой-либо неудачи или отказа собеседника в его просьбе. Был всегда благожелателен и вместе с тем принципиален. Его умение держать себя с японцами служило отличным примером молодым сотрудникам посольства.

* * *

Работники НКВД зарекомендовали себя в годы войны мужественными патриотами, до конца выполнившими свой долг перед Родиной в тяжелую годину. Так, поверенный в делах в Дании перед войной И.Ф. Власов в первые же дни войны ушел

⁹⁵ Там же, с. 173.

добровольцем на фронт. Его часть попала в окружение, и Власов оказался в плену. Гестапо установило его личность и пыталось склонить его к измене Родине. За ходом допросов Власова следил сам Гиммлер, но ни пытки, ни посулы не сломили мужественного человека, принявшего мученическую смерть в гестаповских застенках. 4 ноября 1943 г. был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о посмертном награждении дипломата званием Героя Советского Союза.

За успешное выполнение задач правительства во время Великой Отечественной войны Президиум Верховного Совета СССР наградил орденом Ленина 10 дипломатов, орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степеней – 40 человек, орденом Трудового Красного Знамени – 83 человека, орденом Красной Звезды – 54 человека, орденом "Знак Почета" и медалями свыше 100 человек⁹⁶.

---

⁹⁶ *Иваненко В.И.* Тропой памяти, с. 67–68.

ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Уважаемая редакция!

Мне бы хотелось поделиться с вами теми чувствами и мыслями, которые возникли после прочтения статьи проф. В.А. Дунаевского «Об "Энциклопедии для детей" по всемирной истории», опубликованной в № 1 вашего журнала за 1997 г. (с. 216–219). Я работаю в школе уже больше 10 лет, и за это время через мои руки прошло немало исторической литературы, написанной для учащихся. В последнее время открытость нашего общества позволила выпускать учебники и учебные пособия, в которых остро ставятся насущные проблемы истории нашей страны, без знания которых невозможно воспитать настоящего гражданина. Много для этого делает правительство г. Москвы. В этом году, например, вышли из печати в серии "Московский учебник" следующие книги: Б.А. Рыбаков "История России". IX–XVIII вв." (М., 1996); Л.Н. Боголюбов, А.Ю. Лабезникова и др. "Человек и общество" (М., 1996) и другие. Все они выдаются учащимся бесплатно.

Но, к сожалению, интерес нашего общества к своей истории привел к тому, что на прилавках книжных магазинов стали появляться издания, которые стоят довольно дорого, но в то же время не отвечают высоким требованиям, предъявляемым к литературе для детей. Наглядный пример тому – первый том "Энциклопедии для детей" (М., изд-во "Аванта+", 1995), рекомендованный для внеклассного чтения Министерством общего и профессионального образования Российской Федерации. В тех классах, в которых я преподаю, многие родители приобрели его для своих детей, не пожалев на это немалых денег. Действительно, на первый взгляд эта книга весьма привлекательна. В ней есть прекрасные иллюстрации, цветные карты, фото-материалы и т.д. Все это отмечает и проф. В.А. Дунаевский (с. 216). Школьников, кроме того, привлекает тон составителей статей, внушающий им доверие. Однако не всегда авторы энциклопедии оправдывают это доверие. Порой читатель сталкивается с утверждениями, способными вызвать у него только усмешку. Так, например, происходит в случае со статьей И. Алешиной "Наполеон и его империя", в которой есть слова о том, что в августе 1794 г. Наполеон Бонапарт "чудом избежал ареста" (с. 530). Школьники даже из произведений художественной литературы и по кино-фильмам знают, что это было совершенно не так. Примеры эти можно продолжать. Гораздо больше их отметил В.А. Дунаевский, специалист по новой истории стран Западной Европы. Быть может, другие специалисты обнаружат и в этом и иных изданиях еще немало неточностей и ошибок.

Однако и сейчас ясно, что подобные книги выполняют задачу, обратную той, для которой они были предназначены. Вместо того чтобы воспитывать у школьников интерес к изучению отечественной и мировой истории, они служат лишь для выкачивания денег из карманов их родителей. Учитывая это, мне бы хотелось предложить развернуть на страницах вашего журнала широкую дискуссию, посвященную качеству

выпускаемой ныне исторической литературы для детей младшего и среднего школьного возраста. Можно было бы пригласить для участия в этой дискуссии школьных и вузовских преподавателей, работников академических институтов, а также представителей Министерства общего и профессионального образования. Думаю, что это было бы полезно для всех, так как сегодня для современной школы нет задачи важнее, чем создание книг на высоком профессиональном уровне, подготовленных людьми, действительно знающими историю. Особенно важно, чтобы эту проблему поставил и осветил такой уважаемый в научных и преподавательских кругах журнал, как "Новая и новейшая история".

Е.В. Орлова,
учитель истории средней школы № 207
Северного административного округа
г. Москвы

ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.

М.: ИНИОН РАН, 1995, 492 с.

Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН) осуществляет широкую научно-исследовательскую и информационную программу¹ по проблемам глобальной безопасности, включая вопросы национальной безопасности России. Ряд работ в рамках этой программы уже издан. Одна из них – сборник "Проблемы глобальной безопасности", в который включены расширенные и доработанные материалы научных семинаров 1994–1995 гг., представляющие интерес для специалистов, общественности, правительственных органов.

Актуальность и своевременность проведения такой программы и издания книги обусловлены значением этой многосложной проблематики для выживания и дальнейшего развития человечества. В этой связи директор ИНИОН РАН, академик РАН В.А. Виноградов во вступительной статье отметил чрезвычайную сложность нынешнего этапа развития международных отношений, характеризующего их переходом от биполярной структуры к многополярной. В книге, отметил автор, показано, насколько усилились старые и почему появились новые угрозы международной и внутренней безопасности; разлощение ядерного оружия, мировой экологический кризис, межцивилизационные конфликты, агрессивный национализм и сепаратизм, множество местных и региональных вооруженных конфликтов, терроризм, опасность демографического взрыва, проблемы "новой бедности" и др. "Человечество, – отмечает В.А. Виноградов, – мучительно ищет адекватные ответы на новые вызовы и пока не находит их" (с. 8).

Наука может помочь политикам, общественным деятелям, государственным органам вырабатывать такие решения, которые выводили бы мировую цивилизацию, международное сообщество, конкретные страны на путь безопасности.

¹ Руководитель программы – В.А. Виноградов. Ответственный редактор – Т.Г. Пархалина. Ведущий редактор – А.М. Сутулин. Редакционный совет: А.П. Брагинский, А.Г. Бубенец, Л.И. Глухарев, В.И. Кривохижа, И.А. Лазарев, В.А. Мартынов, Н.Н. Моисеев, В.С. Пирумов, Ю.Н. Рахманинов, С.К. Романовский, Л.В. Скворцов, А.А. Стрельцов, И.П. Фаминский.

Наибольший интерес представляет научная разработка проблем обеспечения безопасности России, особенно сейчас, когда идет подготовка развернутой концепции национальной безопасности нашей страны, т.е. "официальной системы взглядов на ее национальные интересы, принципы, средства и способы их реализации и защиты от внутренних и внешних угроз, на основе которой разрабатываются концепции (доктрины) во внешнеполитической, экономической, общественной, оборонной, экологической, информационной и иных видах безопасности, включая охрану здоровья населения" (с. 68).

В книге, подчеркивает автор, обосновываются всевозрастающая необходимость и разносторонняя роль научно-информационной базы изучения проблем безопасности мира и России. В последнее десятилетие возникло понятие "информационная безопасность", суть которого В.А. Виноградов в статье "Глобальная безопасность и информация" определил как "возможность и способность распространять и получать надежную информацию по любым вопросам" и "возможность защиты от информации искаженной, тенденциозной, деформирующей сознание в каких-то определенных целях" (с. 16). Пока международный информационный обмен не соответствует задачам укрепления взаимного доверия народов и государств. Но можно согласиться с предположением, что "в ближайшие два десятилетия информация станет "мостом культуры", который соединял бы две части Старого света", условием активизации "культурного взаимодействия Востока и Запада" (с. 18).

В философском плане статья замдиректора ИНИОН РАН, д.и.н., проф. Л.В. Скворцова "Информационная культура как условие выживания человечества" открывает "новые возможности в решении древней философской проблемы – проблемы Пути", в выявлении "предварительных условий выбора пути, который позволял бы России достойно встретить вызовы третьего тысячелетия" (с. 26, 27).

Член-корр. международной академии информации А.П. Курило и д.т.н., проф. А.А. Стрельцов в работе "Информационная безопасность и региональная политика РФ" рассматривают принципы формирования региональной политики федераль-

ных органов и субъектов РФ в области обеспечения информационной безопасности страны. Они раскрывают содержание такого нового понятия, как информационное пространство, и предлагают свой вариант построения региональной системы информационной безопасности РФ. Председатель научного совета при Совете безопасности РФ, академик РАЕН В.С. Пирумов в статье с одноименным названием указывает на необходимость "комплексного исследования проблем безопасности России", с определением приоритетов на каждом отрезке времени. Рассматриваются основные компоненты исследования – формирование базисных понятий, их структурно-функциональная связь и методы формализации процессов определения рациональных вариантов концепции национальной безопасности.

Тему научной и практической подготовки этой концепции продолжает ответственный секретарь экспертного совета при Правительстве РФ, академик РАЕН И.А. Лазарев. В статье "Проблемы разработки концепции национальной безопасности РФ" он ставит вопрос об ускорении принятия национальной стратегии России, включая обеспечение национальной безопасности. Он предлагает на нынешнем переходном этапе развития страны ориентироваться не на несформировавшиеся еще неустойчивые интересы личности, общества, а в какой-то мере и государства, а на "нейтрализацию факторов опасности для существования и прогрессивного развития общества и государства" (с. 81).

Шагом вперед в этом направлении является работа адъюнкта академии ФСБ М.А. Лескова "Методологические основы построения модели безопасности социальных систем". Под социальными системами имеются в виду малые и большие социальные группы, нации, государства, мировое сообщество. Необходим отказ от господства идеологических догм и поиск новых информационных технологий исследования факторов, влияющих на безопасность социальной системы.

Значительные места в книге отводятся конкретным аспектам безопасности, в частности цивилизационным и гуманитарным. Большой научный интерес вызывает доклад академика РАН Н.Н. Моисеева "Экологический кризис и цивилизационные конфликты". Автор исходит из того, что "разнообразие цивилизаций" – не только благо для человечества как единого биологического вида, но и "источник противостояний, способный привести к столкновениям, смертельным для homo sapiens, к "концу истории" (с. 123). Во многом это связано с современным и грядущим развитием экологического кризиса планетарного масштаба.

Ярко рисуя картину рождения цивилизаций, их особенности и соотношения с религиями, академик выявляет и глубокие различия многообразных процессов модернизации в разных частях планеты, в разных цивилизациях, т.е. "процессов совершенст-

вования их технической основы и подстройки к ней общественных структур" (с. 134).

Директор центра проблем европейской интеграции и системного анализа Европейского союза (МГУ), д.э.н., проф. Л.И. Глухарев в статье "Гуманитарная Европа как фактор глобальной безопасности" выдвигает в качестве одного из важнейших факторов глобальной безопасности создание "гуманитарной Европы". В его определении это – "институциональная структура, формируемая четырьмя основными элементами – наукой, образованием, культурой и религией" (с. 176). "Гуманитарная Европа должна базироваться на общечеловеческих ценностях, таких, как мораль, честь, долг, совесть, милосердие, и это вытекает из общности нравственных понятий, объединяющих всех людей, независимо от рас, национальностей, конфессий, социальной принадлежности и профессиональной ориентации" (с. 175).

Завотделом стран Западной Европы ИНИОН РАН, к.и.н. Т.Г. Пархалина в докладе "Европейская безопасность и европейская культурная идентичность" приходит к выводу о том, что будущее Европы и мира в значительной степени зависит от успешного диалога различных типов культур. Условиями этого диалога являются: свободный обмен идеями между крупнейшими европейскими университетскими центрами, наличие так называемых "культурных оазисов" и языковая практика как символ и средство интеллектуального обмена и проявление европейского космополитизма.

С вышеупомянутой темой перекликается доклад академика РАН Ю.С. Кукушкина "Роль университетов в обеспечении глобальной безопасности". Автор подчеркивает, что "будущее мира в значительной степени зависит от успешного диалога различных типов культур, ибо различия между ними являются в большей мере фундаментальными, нежели различия идеологий или систем правления... прогресс экономического регионализма будет стимулировать сознание принадлежности к единой системе ценностей" (с. 183). "Европа – это прежде всего система ценностей, в основе которой лежат философия прав человека, известная триада – "личность, общество, государство" (с. 184). Основной вывод автора сводится к тому, что университеты обладают большими потенциальными возможностями в процессе предотвращения разного рода кризисов и ослабления их губительных последствий (с. 201).

Обязательность нравственной оценки политики и практики государств и международных организаций, их подлинно научного оснащения особенно ясно выступает в разделе "Внешнеполитические аспекты безопасности". Чрезвычайный и Полномочный посол, д.и.н. Ю.Н. Рахманинов в докладе "Международное сообщество против кризиса мировой цивилизации" подчеркивает, что отход от научно обоснованной линии во внешней политике

порождает ее колебания и шарахания, тупики и кризисы (с. 220). Квалифицируя кризис цивилизации как "кризис всей структуры общественного бытия, какого по масштабам и глубине еще не знала история", он постулирует необходимость столь же масштабного подхода к его разрешению (с. 210).

"Безопасность мира и России" – тема доклада замдиректора Российского института стратегических исследований, к.и.н. В.И. Кривохижы. Он прослеживает их историческое развитие от биполярности к многополярности и регионализму по спорному вопросу о составе мирового сообщества, приводит неоднозначные западные оценки и свое мнение о роли военно-стратегического фактора в историческом разрезе и в наши дни.

Диалектично и четко формулирует национальные интересы России в их внешнеполитическом измерении в докладе под тем же названием с.н.с. Института Европы РАН, к.и.н. Д.В. Тренин. К важнейшим из них он относит становление РФ как современного российского государства, с обеспечением безопасности и благополучия 25 млн. этнических русских, оказавшихся из-за распада СССР за пределами России, с международно-правовым формированием значительной части ее границ; при этом негативно оценивается стремление некоторых политических кругов вернуть России "державное величие", восстановить СССР в каком-либо виде, – такие попытки "могут не укрепить, а еще больше расшатать Россию" (с. 254).

Чрезвычайный и Полномочный посол, ректор Дипломатической академии МИД РФ С.К. Романовский в статье "Наше соглашение с Европейским Союзом в контексте глобальной безопасности" анализирует политический диалог Восток – Запад. Вместе с тем автор полагает неправильным и даже опасным искусственно отделять компоненты безопасности друг от друга, решать проблемы изолированно.

Полезен доклад эксперта Российского института стратегических исследований, к.т.н. И.А. Николаичука "Концепция национальной безопасности США и положение России". Проанализировав несколько последних вариантов американской концепции национальной безопасности, докладчик заключает, что наиболее желательный для США исход процесса стабилизации России – "ее превращение в их политического и стратегического сателлита" (с. 335).

В 90-е годы ввиду ослабления угрозы мировой ядерной войны, прекращения "холодной войны" военные аспекты безопасности стали отходить во второй план в иерархии глобальных проблем. Вместе с тем, как полагают многие военные эксперты, "военная безопасность остается одной из основных, притом важнейшей, составляющей безопасности страны, тем более что она непосредственно связана со всеми другими видами безопасности" (с. 345). Таково мнение академика

РАЕН В.В. Соловьева, выступившего с докладом "О некоторых проблемах военной безопасности страны". Ученый указывает главные направления обеспечения военной безопасности РФ. Он считает, что современное состояние ее вооруженных сил не позволяет говорить об их полной способности выполнить свои задачи по обеспечению военной безопасности.

Во многом аналогичны взгляды генерал-лейтенанта, к.в.н. Н.П. Клокотова. Он отмечает резкое уменьшение боевого потенциала вооруженных сил и военного потенциала РФ в целом, болезненность ускоренного сокращения армии без обоснования ее минимальной численности.

Д.в.н., проф. М.М. Касенков делает попытку конкретно ответить на вопрос "Какие войны могут угрожать России?". Его анализ "подтверждает, что наибольшую опасность для России представляют региональные войны" (с. 370).

В докладе заместителя руководителя Центра социальных исследований безопасности России РАН, д.ф.н., проф. В.В. Серебрянникова "Безопасность РФ на фоне глобальной безопасности" отмечается, что "современный уровень научных разработок позволяет создать планетарную концепцию безопасности, которая была бы принята ООН, стала обязательной для всех государств и... обеспечивалась адекватным организационным механизмом" (с. 380).

Внутренним и международным аспектам проблемы продовольственной безопасности РФ посвящает исследование зав. отделом Российского института стратегических исследований, к.э.н. Ю.С. Хромов, внешним аспектам национальной, экономической безопасности директор Всероссийского научно-исследовательского института внешнеэкономических связей, д.э.н., проф. И.П. Фаминский, обеспечению экономической безопасности России при ее интеграции в мировое хозяйство – в.н.с. Института внешнеэкономических исследований РАН к.э.н. В.П. Оболенский.

Тема выступления зав. сектором ИМЭМО РАН д.э.н., проф. Ю.В. Шишкова – "Экономическая безопасность России: место СНГ". Обширная государственная и международная статистика приводит его к выводу, что в 90-е годы сложилась "ситуация, благоприятная для скатывания России на уровень второразрядной страны сырьевого профиля, место которой – на периферии мирового хозяйства, со всеми вытекающими отсюда геоэкономическими и геополитическими последствиями" (с. 484). Автор доказывает, что "преодоление структурной отсталости хозяйства России, обеспечение ее экономической безопасности лежат не на пути неременного объединения всех стран СНГ в один интегрированный экономический механизм", а "на пути активной интеграции России в мировое хозяйство и все более широкого ее сотрудничества с экономически развитыми странами Запада и Востока" (с. 491).

Материалы дискуссии показали важность объединения сил ученых, политиков, экспертов из разных отраслей знания для решения насущных задач упрочения всеобщей безопасности, недопустимость нынешней распыленности их усилий.

Предпринятое ИНИОН издание вносит свой вклад в решение этой большой задачи. Развитие международных отношений и внутреннего поло-

жения в разных странах, в частности в России, со времени выхода книги в свет подтверждают правильность анализа проблем, проделанного ее авторами.

А.В. Торкунов,
доктор политических наук, академик РАЕН,
Чрезвычайный и Полномочный посол РФ,
ректор МГИМО МИД РФ

КТО БЫЛ КТО В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941–1945.

Люди. События. Факты. Краткий справочник. Под ред. О.А. Ржешевского. М.: изд-во "Республика", 1995, 416 с.

В наше время в силу общеизвестных причин выход каждой книги, посвященной Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – событие. Но и на этом фоне заметно выделяется справочник "Кто был кто в Великой Отечественной войне".

В обстоятельной вступительной статье доктора исторических наук, профессора О.А. Ржешевского дана характеристика причин возникновения войны фашистской Германии против СССР, хода Великой Отечественной войны, главных источников победы советского народа над агрессором. Автор подчеркивает, что сейчас ведется работа по изучению истории Великой Отечественной войны на расширенной документальной основе, когда открыто большинство архивов. "Многое требует осмысления. Некоторые оценки не выдержали проверки временем, нуждаются в пересмотре или корректировке. Поиски помогают выявить ранее неизвестные общественности документы и уточнить события, открывают новые имена, некоторые из них представлены в этой книге" (с. 18).

Справочник состоит из двух частей. В первую включены биографические сведения о людях, сыгравших заметную роль в Великой Отечественной войне, подготовленные старшим научным сотрудником Института военной истории Министерства обороны Российской Федерации Н.В. Борисовым. Читатель может ознакомиться почти с 1400 справками. Из них более 320 посвящено полководцам и военачальникам, как правило, от командующих армиями и выше; около 40 – членам Военных советов фронтов; около 110 – командирам крупных партизанских соединений, организаторам партизанского движения, подпольщикам; более 280 – трижды и дважды Героям Советского Союза, многим известным Героям Советского Союза и Героям Российской Федерации, а также полным кавалерам ордена Славы; около 115 – государственным и общественным деятелям, крупным руководителям народного хозяйства и нова-

торам производства, конструкторам оборонной техники; более 400 – деятелям науки и культуры, в том числе писателям-фронтовикам, создавшим в послевоенные годы значительные произведения о войне.

Вторую часть книги представляет хроника основных событий военных лет, составленная кандидатом исторических наук Е.К. Жигуновым. Нельзя не отметить добросовестность и скрупулезность составителя, проявленную при подготовке хроники.

Рецензируемая книга – это прежде всего свидетельство глубокого уважения современников к уходящему поколению фронтовиков, тружеников тыла, показавших всему человечеству пример самоотверженной защиты и верности Родине. В отличие от традиционных изданий, в которых присутствует лишь элитарная часть общества, в справочнике представлены маршалы и рядовые, руководители промышленности и рабочие, сельская номенклатура и колхозники, известные артисты и начинающие писатели. Все это способствует воссозданию общенародного характера Великой Отечественной войны, каковой была она в действительности. Заметную роль в этом играет удачное оформление книги, большая работа над ней заведующего редакцией В.М. Подугольникова.

Книга обращена к поколениям, вступающим в жизнь, призвана способствовать развитию их исторического здравого смысла, знаний о тех конкретных людях, своих соотечественниках, которые выстояли в жестокой борьбе за свободу и независимость страны, добились победы над агрессором. Книга сохранит для потомков дорожные имена и надо думать, что авторы продолжат начатую работу, имеющую не только научно-справочное, но и общеобразовательное значение. Дело в том, что материалы справочника настойчиво требуют хотя бы некоторого расширения своих рамок. В

решении наиболее сложной проблемы отбора персоналий для справочника авторы следовали критериям их должностного положения во время войны (от командующего армией и члена Военного совета фронта) и наград за боевые подвиги (дважды Герои Советского Союза, полные кавалеры ордена Славы, "забытые" Герои Советского Союза и Герои России, получившие это звание в последние годы). Учитывая ограниченные размеры книги, такой принцип можно считать обоснованным. Однако за пределами справочника оказались фронтовики, занимавшие должности ниже командармов, но заслужившие впоследствии высшие должности и звания в Вооруженных Силах (Маршалы Советского Союза С.Ф. Ахромеев, В.Г. Куликов, Н.В. Огарков, В.И. Петров, С.Л. Соколов, Д.Т. Язов). Думается, что в данном случае должны были быть сделаны исключения. Фронт, на наш взгляд, должен включать не только командующих армий, но и членов их Военных советов, тыл – директоров оборонных заводов и уполномоченных Государственного Комитета Обороны (ГКО), руководителей наиболее крупных предприятий гражданского комплекса, колхозов и совхозов. Наиболее сложная задача – продолжить поиск еще безымянных героев, в том числе из военнопленных и угнанных в нацистское рабство советских граждан, которые и в этих условиях вели активную борьбу с врагом.

При подготовке нового издания, которое несомненно будет востребовано, необходимо внести ряд поправок. Так, в некоторых биографических справках отсутствуют данные о награждении полководцев орденом Победы. В справках о Н.А. Булганине, А.М. Василевском и Г.К. Жукове не отмечается, что они в послевоенное время занимали высшие должности в Вооруженных Силах СССР, а в справках о А.А. Гречко, Р.Я. Малиновском и Д.Ф. Устинове такие сведения имеются. И в других случаях встречается двойственный подход в фиксировании тех или иных данных. К примеру, в справке о С.К. Тимошенко отмечается, что он был дважды удостоен звания Героя Советского Союза в 1940 и в 1970 гг., а в справке о С.Г. Горшкове аналогичных данных нет.

В справке о Л.П. Берии указано, что он был Маршалом Советского Союза, а в справке о Н.А. Булганине об этом не говорится. В справке о В.И. Казакове отмечается его воинское звание маршал артиллерии, а в справке о К.П. Казакове это отсутствует.

Малосведущий читатель, узнав из биографической справки о Н.Г. Кузнецове о том, что он в 1955–1956 гг. был Адмиралом Флота Советского Союза, не сможет ответить на вопрос, а в каком же воинском звании Николай Герасимович оставался до конца жизни (он умер в 1974 г.). Далеко не все знают, что в 1988 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР вице-адмирал Н.Г. Кузнецов посмертно был восста-

новлен в звании Адмирала Флота Советского Союза.

Думается, что в справке о Г.И. Кулике нужно было бы отметить, что он в 1950 г. был репрессирован, казнен, а в 1957 г. посмертно восстановлен в звании Маршала Советского Союза.

Существенный факт отсутствует в справке о Г.К. Жукове – о том, что он является автором книги "Воспоминания и размышления", выдержавшей к настоящему времени 10 изданий.

В "Хронике" также есть пробелы. К примеру, не сообщается о постановлении ГКО от 22 октября 1941 г. о создании в 46 городах комитетов обороны, о постановлении политбюро ЦК ВКП(б) от 10 ноября 1941 г. об отборе коммунистов на руководящую партийно-политическую работу в Красную Армию.

В книге отмечается, что 22 августа 1943 г. в печати было опубликовано постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) "О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации", кратко излагается суть постановления. Не лишним было бы отметить, что этим постановлением предусматривалось создание "суворовских училищ, типа старых кадетских корпусов".

В справочнике опубликовано около 500 фотографий, в основном персональных. Это, разумеется, обогатило издание. Но при этом появились элементы непоследовательности. Так, фотографии отдельных дважды Героев Советского Союза присутствуют, а многих нет. Фотография видного государственного деятеля М.З. Сабурова в книге есть, а фотографии не менее видных деятелей А.Н. Косыгина, В.А. Малышева, И.Ф. Тевосяна и Д.Ф. Устинова не даны.

В книге можно увидеть фотографии многих работников науки и культуры, но почему-то этой чести не удостоены, к примеру, народные артисты СССР, выдающиеся деятели советского кино А.П. Довженко, Н.А. Крючков, И.А. Пырьев, известные художники Кукрыниксы, писатель Б.Н. Полевой.

Авторам-составителям справочника, на наш взгляд, в основном удалось остаться объективными в освещении биографических сведений, фактов, событий. Но справка о И.В. Сталине носит односторонний, негативный характер. В рамках данной рецензии нет возможности вступать в полемику с теми, кто придерживается таких взглядов. Сталин – личность историческая, сложная и противоречивая. Изучение этой личности и эпохи, связанной с его именем, предполагает всесторонний анализ. Необходимо следовать принципу историзма, учитывать атмосферу эпохи, видеть уровень общественного сознания, особенности психологии советских людей 40-х годов, а не подгонять их действия под конъюнктурные оценки. Народ в большей части поддержал сталинское

правительство в годы военного лихолетья, и это обстоятельство явилось одним из важнейших факторов победы СССР в Великой Отечественной войне.

Как видим, книга не лишена недостатков. Но и историк, и участник Великой Отечественной войны, и каждый, кому близки судьбы Отечества,

найдет для себя в справочнике много интересного.

М.С. Плетушков,
профессор, кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института военной истории МО РФ

J. Petzold. FRANZ VON PAPEN. EIN DEUTSCHES VERHÄNGNIS. Berlin: Buchverlag Union, 1995, 335 S.

И. Петцольд. ФРАНЦ ФОН ПАПЕН. РОК ГЕРМАНИИ. Берлин, 1995, 335 с.

Автор рецензируемой книги – германский историк, живший и трудившийся в прошлом в ГДР. Как и его коллеги, он после объединения Германии ряд лет был не у дел. Однако профессионализм историков ГДР, их ориентация на архивные источники всегда были на высоком уровне. К их числу принадлежит и И. Петцольд, крупный специалист по истории германского фашизма¹.

В последнее время стало меняться отношение к бывшим восточногерманским историкам. Вышли книги К. Финкера, К. Дробиша, К. Пецоляда, Д. Айххольца, Г. Фогта и др. В этом же ряду монография И. Петцольда, посвященная одной из тех фигур новейшей истории Германии, деятельность которых определила приход нацистов к власти и тесно связана с их политикой в качестве новых хозяев страны. Если говорить об обстоятельствах назначения 30 января 1933 г. Гитлера рейхсканцлером, то здесь роль Папена была поистине ключевой. Если бы он не совершил никаких других преступлений, будучи вице-канцлером при Гитлере, а затем послом гитлеровской Германии в Австрии и Турции, то и тогда заслуживал бы суровейшего осуждения. Нюрнбергский трибунал рассудил, однако, по-иному, оправдав его; наказания, которым он подвергся позднее по приговорам западногерманских судов, также оказались до смешного мягкими. Человек, открывший фашистскому главарю дорогу к власти, вскоре очутился на свободе и даже стал получать государственную пенсию за "военные заслуги".

Книга И. Петцольда – не первая биография

Папена². Но предыдущие принадлежали главным образом авторам, придерживавшимся тех же взглядов, что и их "герой", и к тому же обязанных ему за предоставленные материалы из личного архива. Эти односторонне подобранные документы, наряду с мемуарами Папена, где все поставлено с ног на голову, и послужили основными источниками для указанных биографий. Рецензируемая монография выгодно отличается от них весьма критическим подходом к Папену и к тому кругу политических авантюристов, к которому он принадлежал. Автор привлек богатейший архивный материал – документы из Потсдамского Федерального архива, Федерального архива в Кобленце, архива Мюнхенского института современной истории и многих других хранилищ. Используются также различные другие источники, что позволило создать широкое полотно истории Германии 20–40-х годов XX в., к событиям которой имел отношение Папен. Следует особо отметить используемые автором почти неизвестные ранее материалы, характеризующие позицию владельцев крупнейших промышленных монополий – Круппа, Феглера, Шпрингорума и других, по отношению к Папену и курсу возглавляемого им правительства. Преувеличения роли крупного капитала в политическом развитии страны, имевшие место в литературе ГДР, отнюдь не должны смениться замалчиванием весьма существенного влияния крупных капиталистических магнатов на формирование и проведение курса правящих кругов, и И. Петцольд прав, придавая в своем исследовании этому фактору весьма существенное значение.

Структура книги строго хронологическая; она следует за этапами биографии Папена, которые в

¹ *Petzold J. Konservative Theoretiker des deutschen Faschismus. Berlin, 1982; idem. Die Demagogie des Hitlerfaschismus. Berlin, 1982; idem. Wegbereiter der faschistischen Diktatur. Köln, 1983.*

² *Bach J. Franz von Papen in der Weimarer Republik. Düsseldorf, 1977; Rein H. Franz von Papen im zweilicht der Geschichte. Baden-Baden, 1979; Adams H., Robin K. Rebel Patriot. Santa Barbara, 1987.*

течение ряда лет были тесно связаны с важнейшими событиями истории Германии.

Ранней биографии Папена автор уделяет сравнительно мало места. И это, безусловно, верно, ибо до головокружительного взлета летом 1932 г. в жизни этого деятеля не было почти ничего примечательного, если не считать его провала с подготовкой диверсий в США, где Папен в первые годы мировой войны был военным атташе; он был вынужден тогда со скандалом покинуть Америку. Будучи католиком, Папеном примкнул к партии Центра, но она оказалась для него слишком демократичной, что вызвало ряд конфликтов с лидерами. В стремлении влиять на политику партии Папен приобрел сначала часть акций компании, издававшей центральный орган Центра газету "Германия", а затем при материальной помощи рурских промышленников ее контрольный пакет, что позволило ему влиять на кадровую политику издания и в немалой мере на его содержание. И. Петцольд раскрывает закулисные махинации, сопровождавшие эти приобретения, и показывает, что именно в их ходе Папен установил близкие отношения с рядом крупнейших капиталистов Рура.

Центральное место в исследовании закономерно занимает тот отрезок времени (недолгий – всего шесть месяцев – с июня до 1 декабря 1932 г.), когда Папен возглавлял имперское правительство. Появление на этом посту человека, никогда не игравшего сколько-нибудь значительной роли в политической жизни, до сих пор малообъяснимо. Такое могло произойти лишь в условиях глубочайшего, всестороннего кризиса, когда все решала дворцовая камарилья из ближайшего окружения престарелого и больного президента П. фон Гинденбурга. К сожалению, нам в России такие кадровые пируэты знакомы не только по истории. Папен был креатурой все-сильного генерала К. фон Шлейхера, который и не скрывал, что ему необходима "не голова, а шляпа". Но совершенно неподготовленный для такого поста Папен, как очевидно из изложения, был обуреваем стремлением враз покончить с веймарской демократией, с претензиями рабочих, выразителями интересов которых являлись профсоюзы, и это естественно сближало его с нацистами. Для последних приход Папена к власти был весьма на руку, ибо сулил роспуск рейхстага, а выборы должны были принести гитлеровцам новый избирательный успех и, что не менее важно, легализацию штурмовиков и отрядов СС, распущенных за два месяца до того правительством Г. Брюнинга. То и другое Папен действительно осуществил, и на первых порах фашисты поддержали Папена. Неправ автор, отрицая это: свидетельства такой поддержки широко известны, хотя позднее, после издания правительством крайне непопулярных чрезвычайных декретов, драконовски урезавших многие социальные рас-

ходы, дальнейшая поддержка его грозила потерей сторонников, и нацисты отказались от нее.

Пожалуй, центральным моментом недолгой деятельности "кабинета баронов", как называли правительство Папена, стал государственный переворот в Пруссии 20 июля 1932 г., когда Папен сместил там правительство, а власть взял в свои руки. Именно в исследовании этого события использованы наиболее ценные архивные источники, в особенности из архивов монополистов Рура. Автор подробно прослеживает, как готовилась эта противозаконная акция, какую позицию занимали правящие круги Пруссии, среди которых главную роль играли социал-демократы, каковы были возможности отпора перевороту со стороны демократических сил. Здесь много новых важных деталей, касающихся, в частности, попыток статс-секретаря министерства внутренних дел Пруссии В. Абега договориться с коммунистической партией о возможном сотрудничестве. Эти попытки не увенчались успехом прежде всего из-за непримиримой позиции КПГ по отношению к СДПГ, как и СДПГ к компартии.

К сожалению, анализ политики КПГ в данном вопросе грешит приблизительностью и неточностями. То, что фигурировало на этот счет в официозной историографии ГДР, противоречит фактам. Но существуют документы – они находятся в архивных фондах Коминтерна и КПГ, которые позволяют установить истину. Материалы эти имеются и в архиве бывшего Института марксизма-ленинизма в Берлине, и у автора, можно полагать, была возможность познакомиться с ними. Тогда он не причислял бы члена политбюро ЦК КПГ Г. Реммеле к ультралевым в руководстве КПГ; на деле тот находился в острейшей конфронтации с Э. Тельманом в связи с ультралевым курсом последнего. Неверна и характеристика В. Пика, который на деле был активным сторонником подобного курса³. Именно эти деятели и их единомышленники в политбюро ЦК КПГ и положили конец попыткам смягчить отношения с СДПГ в связи с ухудшением политической обстановки после прихода Папена к власти и угрожающим усилением фашистской опасности. И. Петцольд с разных точек зрения рассматривает перспективы сопротивления перевороту в Пруссии; с общим его выводом о безнадежности отпора согласиться, однако, нельзя. Этому противоречат и некоторые приводимые им самим свидетельства, в том числе мнение К. Аденауэра, в то время председателя Государственного совета Пруссии, и данные о неподготовленности воинских частей Берлина к осуществлению чрезвычайного положения, введенного в столице. К этому можно добавить

³ Гинцберг Л.И. Накануне прихода фашизма к власти в Германии. Новые данные о позиции КПГ. – Новая и новейшая история, 1996, № 1.

высказанные членами политбюро ЦК КПГ Ф. Далемом и Г. Реммеле наблюдения и соображения о настроениях жителей Берлина и полицейских, в том числе офицеров, приведенные в названной статье автора этих строк. Руководство КПГ в эти дни бездействовало; его призыв ко всеобщей забастовке так или иначе вряд ли был бы услышан, ибо еще не прошло года, как КПГ поддерживала затеянный фашистами плевбисцит, имевший целью смещение этого же правительства Пруссии, что не было забыто ни социал-демократами, ни коммунистами.

Но И. Петцольд прав, возлагая главную вину за случившееся на социал-демократических лидеров и полагая, что большие шансы на успех имели бы превентивные меры со стороны прусского правительства, силовых структур, находившихся в его распоряжении. Однако это не значит, что нельзя было попытаться оказать сопротивление и 20 июля, и в последующие дни. Даже неуспех такого отпора заставил бы правящие круги задуматься над планами, связанными с передачей власти НСДАП. Значение 20 июля 1932 г. выходило далеко за рамки его непосредственных последствий.

Книга о Папене – это прежде всего книга о падении Веймарской республики, ибо именно он стал ее могильщиком. Этому И. Петцольд также посвятил много внимания. Можно без преувеличения сказать, что автор подвел здесь определенный итог многолетним исследованиям этой темы, причем особенно подробно анализирует он позицию крупных промышленников и банкиров в вопросе о передаче власти Гитлеру. Автор отказался от односторонности, характерной для историографии бывшей ГДР, показывая, что единодушия по этому поводу в указанных кругах не было. Известное обращение монополистов к П. фон Гинденбургу от 19 ноября 1932 г. с соответствующей рекомендацией вовсе не было подписано всеми лицами, поименованными в документе, представленном на Нюрнбергском процессе; некоторые из них вообще отвергли его, другие отказались подписать, ссылаясь на нежелание открыто вступать в область политики. Такие промышленные столпы, как Крупп, Рейш и другие, имели серьезные сомнения в отношении Гитлера, его партии и согласились с его назначением только благодаря "поручительству" Папена и его и Гугенберга участию в этом правительстве.

Безответственными были заверения Папена о том, что он быстро обуздает Гитлера, столкнув этого "фантазера" с реальной действительностью. Такая уверенность как нельзя лучше характеризует политическую слепоту Папена и его единомышленников, их неспособность разобраться в ситуации, в людях, с которыми им приходилось иметь дело. Между тем речь шла о судьбах страны, и камарилья, орудовавшая за кулисами, готовила соотечественникам худшую участь из

всех возможных. Возню, шедшую вокруг Гинденбурга, автор прослеживает во всех подробностях.

Не менее мрачная страница в послужном списке Папена – длившееся почти полтора года (январь 1933 – июнь 1934 г.) пребывание в правительстве Гитлера в качестве его заместителя. Очень скоро стало ясно, что "приручить" фюрера не удастся; летом 1933 г. вынужден был уйти в отставку другой временный союзник – Гугенберг. Но Папен оставался на посту, несмотря на все кровавые "подвиги" оголтелых сторонников своего шефа по правительству и преступления коллег-нацистов, которые вряд ли ему лично импонировали.

Будучи ревностным католиком, Папен, как подтверждают материалы, приводимые в книге, сыграл едва ли не главную роль в заключении в 1933 г. конкордата с Ватиканом, что было для Гитлера очень важно в период становления диктатуры. Его лояльность Гитлеру была безгранична. И марбургская речь Папена 17 июня 1934 г., положившая конец его участию в правительстве, была вынужденным шагом, к которому его подтолкнули консервативные единомышленники, видевшие серьезную опасность в лозунге "продолжения революции" и не во всем согласные с некоторыми аспектами политики Гитлера. Как видно из монографии, написал эту речь идеолог консерватизма Э. Юнг, вскоре убитый во время "ночи длинных ножей" – уничтожения высшего командования штурмовых отрядов. Гитлер выполнил тем самым волю консервативных кругов, тем не менее Папен и его окружение жестоко поплатились за непрошеные нравоучения. Папен оказался на время под арестом, его канцелярия была разгромлена, а один сотрудник при этом застрелен. Но сам Папен не переставал благодарить и кланяться, и И. Петцольд справедливо называет его поведение в это время "самой низкой точкой его морального падения".

Новое назначение Папена знаменовало его решительное устранение из правящей элиты. Это был тот самый вариант, который в более поздние годы стал методом избавления от "провинившихся" деятелей высшего истеблишмента не только в Германии: Папена назначили послом. Он пробыл в Вене почти четыре года (1934–1938 гг.) – до аншлюса Австрии, подготовив его дипломатически – усыпил бдительность австрийского канцлера К. Шушнига. К сожалению, автор кратко освещает этот период деятельности Папена и главное внимание уделяет эпизоду убийства гестапо близкого сотрудника посла барона В. Кеттелера, участвовавшего в переправке части архива Папена в Швейцарию. Столь же кратко изложены события того времени, когда Папен был послом в Турции (1939–1944 гг.). Находясь в Анкаре, Папен тоже принес Гитлеру большую пользу, заключив 18 июня 1941 г. договор,

обеспечивший нейтралитет Турции во время войны с СССР и широкие поставки хрома, необходимого в военном производстве. Книга завершается двумя небольшими разделами о судебных преследованиях Папена, о чем уже шла речь выше.

Как видно из вышеизложенного, мы имеем дело с очень содержательным трудом, который далеко выходит за рамки биографического жанра, по существу являясь исследованием ключевых

аспектов истории Германии предгитлеровского периода и времен нацистской диктатуры. Чрезвычайная насыщенность архивными источниками и высокий уровень анализа делают книгу заметным явлением в современной германской историографии.

Л.И. Гинцберг,
доктор исторических наук

Р.Ф. Иванов. МАФИЯ В США. М.: Институт всеобщей истории РАН, 1996, 415 с.

Новая работа академика РАЕН, доктора исторических наук, руководителя группы межнациональных и межрасовых проблем Института всеобщей истории РАН Р.Ф. Иванова – заметное явление в отечественной американистике. Это серьезное и объективное рассмотрение мафии в США в неразрывной связи с экономическими, социальными, политическими проблемами американского общества. В книге дается четкое представление о характере американской мафии, которая в целом впитала в себя опыт деятельности в США итальянской, ирландской, негритянской, еврейской и других преступных группировок.

В США существует огромная литература, посвященная мафии, в России же рассматриваемая книга – одна из первых работ на эту тему. Р.Ф. Иванов широко использует данные и оценки американских исследователей, знакомя с ними российского читателя.

Автор избрал хронологически-проблемный анализ темы. Первые пять глав: "Истоки", "Сухой закон", "Рождение "Коза ностра"", "Великая депрессия", "Вторая мировая война" посвящены становлению и деятельности американской мафии в первой половине XX в. В последующих главах (VI–X) анализируются основные области ее деятельности: "Мафия и политика", "Наркобизнес", "Профсоюзный рэкет", "Мафия и бизнес", "Мейер Лански – финансовый гений преступного мира".

Автор использовал все важнейшие документальные источники, включая и документы различных комиссий конгресса США, занимавшихся расследованием деятельности мафии, материалы полицейских расследований (с. 7, 8). Широко цитируется "устная история" мафиозного движения – это показания мафиози, которые по тем или иным причинам нарушили омерту (обет молчания) и поведали миру о преступной деятельности этой злойшей организации.

Автор исследует как уголовные аспекты

функционирования американской мафии в экономической сфере, так и мощное ее проникновение в бизнес, профсоюзы, приводит многочисленные факты, свидетельствующие о фронтальном прорыве организованной преступности в политику – от местных органов власти до Капитолия и Белого дома. В книге приводятся слова американского специалиста по истории мафии М. Дормана, который отмечает, что мафия "самые важные свои операции осуществляет в политике. Это жизненно необходимо для самого ее существования" (с. 108).

В качестве одного из доказательств рассматриваются события, связанные с Уотергейтским скандалом, прослеживаются многолетние связи президента Р. Никсона с мафией, а также всемерная помощь, которую такие главаря преступного мира, как Аль Капоне, Фрэнк Костелло, Сальваторе Лучано, Мейер Лански, оказывали политической реакции страны.

В книге подробно рассказывается о кровавой оргии, устроенной Аль Капоне во время муниципальных выборов в Чикаго в 1924 г. и в штате Иллинойс в 30-х годах, о захвате мафией в 1931 г. штаб-квартиры демократической партии в Таммани-Холл, о зверском убийстве в 1936 г. Уолтера Лигетта, издателя газеты в штате Миннесота, разоблачавшего деятельность мафии. Автор прослеживает тесные связи между директором ФБР Э. Гувером и главарями мафии (с. 122–126), между мафиози и политиками в штате Нью-Джерси в 50–60-х годах.

Автор приводит обстоятельства, связанные с убийством президента Дж. Кеннеди, свидетельствующие о том, что Новый Орлеан был центром по подготовке заговора с целью убийства президента. Чем глубже расследуется убийство Кеннеди, пишет Р.Ф. Иванов, тем более очевидной становится ключевая роль мафии в уничтожении президента. Этот вывод подтверждается прежде всего данными независимого расследования убийства президента Кеннеди, проведенного прокурором Нового Орлеана Д. Гаррисоном (с. 164–166).

В книге дается обоснованная оценка главной отличительной черты мафии любой страны. Это – сращивание организованной преступности с властными структурами. Р.Ф. Иванов подчеркивает, что в этом "отечественная мафия ничем практически не отличается от американской" (с. 10), приводя конкретные факты активности российской мафии в экономической сфере, в частности, по вывозу капитала за границу. От 100 до 300 млрд. долл. – такова оценка правоохранительными органами России объема российских капиталов, укрываемых за рубежом (с. 15).

Стремительный рост мафии в России ставит вопрос о необходимости тщательного изучения этого явления с целью найти правильные, научно обоснованные средства борьбы с ним. Поскольку США удерживают первое место в мире по

деятельности мафии, то изучение ее негативного влияния на экономику, политику, морально-психологическое состояние американского общества особенно актуально. В силу этого исследование Р.Ф. Иванова является исключительно важным для понимания данного явления не только в США, но и в России.

При всей важности исследования деятельности мафии в экономической сфере следует заметить, что эта часть монографии несколько растянута: ей полностью посвящены три главы из десяти.

В книге Р.Ф. Иванова поднимаются и творчески решаются теоретические и практические вопросы борьбы с современной мафией. И в этом ее ценность.

Л.Я. Черкасский,
доктор исторических наук,
профессор, академик РАЕН

Ж о р ж К у т о н. ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ. 1793–1794. Вступительная статья и комментарии А.В. Чудинова. М.: Изд-во "Наука", 1994, 333 с.

Деятель Французской революции конца XVIII в. Жорж Кутон, "Избранные произведения" которого выпустило в свет издательство "Наука", не слишком избалован вниманием потомков. Ни во Франции, ни за ее пределами за 200 лет так и не написано специально посвященной ему биографической книги. С одной стороны, историки, занимавшиеся событиями 1793–1794 гг., не обходили это имя молчанием, с другой – видный якобинец часто оказывался в тени соратников по "триумvirату" – М. Робеспьера и О. Сен-Жюста.

Рассматриваемое издание включает в себя: вступительную статью составителя сборника доктора исторических наук, старшего научного сотрудника Института всеобщей истории РАН А.В. Чудинова "На облаке утопии: жизнь и смерть Жоржа Кутона"; 123 документа – речи и письма Кутона, подготовленные им постановления, другие материалы; книга снабжена также комментарием и указателем имен. Все это вместе позволяет воссоздать образ одного из виднейших вождей якобинства, человека живой и экспансивной натуры, которому тяжелая болезнь, лишившая его возможности передвигаться, не помешала стать одним из самых деятельных политиков своего времени. Кроме того, документы проливают свет на умонастроения остальных участников революции, на их суждения о себе самих, своих единомышленниках и врагах.

В сознании больших групп населения Франции конца XVIII в., преимущественно мелких собственников, укоренился общественный идеал, сочетавший определенные этические представления и

социальные пожелания и созвучный комплекс идей, развитых Ж.Ж. Руссо и прославлявших умеренный достаток, простой и близкий к природе образ жизни и "естественную нравственность". С развитием товарно-рыночных отношений, преграды на пути которых пали с началом революции, эти круги стали перед реальной опасностью разорения, потери своей мелкой собственности. Отсюда – ненависть к Англии, стране, в которой особенно далеко зашли процессы поляризации общества, пугавшие "добрых санкюлотов" во Франции. В выступлении, посвященном победам Франции на море, Кутон рисует образ англичанина, который, "запершись в своем банке, занимается корыстными расчетами и изысканием способов выжимать кровь из народа" (док. 89). Не щадит он и прeusпевающих сограждан, именуя их "надменными богачами" и сопригая с этим понятием другое – "подлые эгоисты" (док. 56). Ведь для счастья, по его мнению, достаточно "несколько унций пищи в день, радость творить добро и сознание того, что совесть чиста" (док. 76).

Хотя руссоистская модель, от которой отталкивался Кутон, и находила поддержку у части населения, она противоречила естественному ходу истории. Тем не менее якобинцы пошли по пути искусственного насаждения тех порядков, которые проистекали из утопических построений Руссо. Обстановка революции с ее решительными и быстрыми преобразованиями порождала иллюзию простоты перестройки общественного организма и такой же легкости "переделки" сознания людей в соответствии с утопическими представлениями. Но

реальная жизнь обнаруживала множество препятствий на этом пути. Просто жесткий контроль над воспитанием и образованием, другие "мирные" методы достижения единомыслия оказывались недостаточными; приходилось прибегать ко все более широкомасштабным репрессиям. Для оправдания таких мер прибегали к распространению в обществе психологии "осажденной крепости".

Все это в полной мере проявилось во Французской революции XVIII в. Конечно, тяжелая война и восстания внутри страны ставили под угрозу судьбы революции и самой Франции, что сказывалось на настроениях людей. Но и якобинцы немало сделали для нагнетания атмосферы страха, формируя представление о политической жизни как цепи бесконечных заговоров со стороны внутренних и внешних врагов. Свою лепту в это внес и Кутон. Примечательны названия его речей: "О контрреволюционном заговоре", "О происках врагов революции", "О заговоре в тюрьмах" (док. 75–81, 84, 87). Между тем эти выступления приходились на весну 1794 г., когда мятежи были подавлены, а антифранцузская коалиция несла чувствительные поражения. Прав А.В. Чудинов, когда он обращает внимание на это обстоятельство, давая понять, что усиление террора, не вызванное ситуацией на фронтах, теряло хоть какое-то оправдание (с. 53). Со своей стороны, документы свидетельствуют, что широко отмечаемое в литературе стремление Робеспьера дискредитировать политических оппонентов, ложно приписать им порочащие политические связи, было присуще и Кутону. Так, последний обвинял сторонников Дантона в заговоре с целью возвести на престол маленького Луи Капета – сына казненного короля Людовика XVI (док. 87).

Все это подводило Кутона к тому, чтобы стать соавтором и докладчиком в Конвенте жестокого прериального декрета, повлекшего за собой "большой террор" лета 1794 г. Зловеще звучала седьмая статья закона: "Наказанием за все преступления, подпадающие под юрисдикцию Революционного трибунала, является смерть" (док. 115). Но автор вступительной статьи правомерно избегает распространенной и однозначной характеристики Кутона как беспощадного террориста и хладнокровного убийцы. Он был достаточно сложной личностью, не чуждой жалости и сострадания, с одной стороны, здравого смысла и взвешенности – с другой. Об этом свидетельствовало то, что он уклонился от разрушения Лиона, которое было предписано декретом Конвента и осуществлено его преемниками Колло д'Эрбуа и Жозефом Фуше. Кутон стремился, и небезуспешно, защитить земляков из департамента Пюи-де-Дом от обвинений в "федерализме" и, следовательно, от репрессий (док. 62).

Если о терроре в 1793–1794 гг. у нас пишут немало, то о политике якобинцев в сфере

культуры если и упоминают, то вскользь. В данной связи значительный интерес представляет выступление Кутона в Конвенте по вопросам о репертуаре парижских театров. Этот документ позволяет судить об идеологическом диктате властей, о степени несвободы граждан, о противоречии якобинского курса идеалам революции. Поражают прямые предписания относительно обязательного репертуара театров, которые предполагалось внести в закон. Постановка сомнительных с политической точки зрения пьес влекла в соответствии с рекомендованным Кутонем текстом декрета закрытие театра и арест директора (док. 17).

В деле утверждения новой идеологии и воспитания "естественной нравственности" большая роль возлагалась рядом якобинских деятелей на гражданскую религию, которая должна была потеснить традиционный культ. А.В. Чудинов в этой связи справедливо указывает на отличие позиций Кутона и Робеспьера, с одной стороны, и атеистов типа Фуше и Шометта, — с другой (с. 35). Вместе с тем неправомерно, на мой взгляд, проводить слишком глубокий водораздел между этими двумя группами, поскольку антихристианская направленность их курса была по существу одинаковой. Так, изданное Кутонем по прибытии в Клермон-Ферран постановление о запрете всех культов метило прежде всего в представителей католической церкви. Отменялось выплачиваемое им до этого времени содержание, да и сами звания епископа, кюре, викария и другие упразднялись. Для сотен верующих это означало паралич религиозной жизни, невозможность отправления вековых обрядов, связанных с рождением ребенка, вступлением в брак, с проводами в последний путь умершего. В документе предписывалось "немедленно уничтожить все внешние атрибуты какого бы то ни было культа, снять колокола... для переплавки на пушки, разрушить колокольни" (док. 53). Другое постановление обязывало муниципалитет Риома предать огню церковные украшения, уничтожить статуи святых (док. 60). А.В. Чудинов подчеркивает, что такого рода решения не оставались словами – они решительно проводились в жизнь. При полном одобрении Кутона изображения святых выбрасывались из церквей, санкюлоты громили храмы, а революционные общества Пюи-де-Дом организовывали публичные отречения священников от церкви (с. 36–37).

Политика властей, стремившихся воплотить в реальность утопические мечтания Руссо, вместо энтузиазма вызывала у населения сопротивление. Отсюда следовали срывы у якобинских вождей, переход от обычных славословий в адрес народа к оскорбительным для людей и нелепым суждениям, выдававшим их "революционное" нетерпение. В письме Сен-Жюсту из Лиона Кутон пишет, что "люди здесь тупы в силу своего темперамента, а также потому, что туманы, поднимающиеся

над реками Рона и Сона, насыщают этот воздух влагой, от чего мысли тоже густеют и становятся неповоротливыми" (док. 50).

Оценивая книгу в целом, отметим следующее противоречие. Во введении А.В. Чудинов отмечает эволюцию воззрений и политического поведения Кутона с 1789 г. до его смерти. Но наглядно проследить этот процесс из-за отсутствия в издании документов, относящихся ко времени Законодательного собрания и к первому периоду деятельности Конвента, невозможно.

"Избранные произведения" Кутона – это

издание, в котором нуждаются не только специалисты, но и студенты-историки. К сожалению, из-за малого (1050 экз.) тиража эта книга до них, вероятно, не дойдет.

Подготовленная А.В. Чудиновым книга – ценный источник документов для всех, кто изучает историю Французской революции XVIII в.

С.Ф. Блуменау,
доктор исторических наук,
заведующий кафедрой всеобщей истории
Брянского государственного педагогического
университета

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА АКАДЕМИИ НАУК СССР А.Л. НАРОЧНИЦКОГО (1907–1989)

16 февраля 1997 г. исполнилось 90 лет со дня рождения академика Алексея Леонтьевича Нарочницкого. В А.Л. Нарочницком сочетались качества выдающегося исследователя, замечательного педагога, крупного организатора науки, видного общественного деятеля. Его труды отличала глубина методологического подхода, внимательнейшее отношение к источникам, их тщательный и скрупулезный анализ. Они охватывали широкий спектр проблем отечественной и всеобщей истории, стран Запада и Востока, международных отношений и дипломатии.

Алексей Леонтьевич Нарочницкий воспитал сотни студентов, большой отряд ученых, журналистов и дипломатов. Он заведовал кафедрами новой и новейшей истории педагогических институтов им. В.И. Ленина и В.П. Потемкина, в течение 12 лет возглавлял журнал "Новая и новейшая история". В 1974–1979 гг. А.Л. Нарочницкий был директором Института истории СССР АН СССР, 15 лет руководил сектором истории внешней политики России в этом институте. С 1972 г. и вплоть до своей кончины А.Л. Нарочницкий являлся председателем Научного совета АН СССР "История внешней политики СССР и международных отношений". Он был избран академиком Академии педагогических наук СССР, почетным членом Сербской академии наук и искусств, а также других зарубежных научных обществ.

20 марта 1997 г. в Институте российской истории РАН (ИРИ) прошли Чтения памяти А.Л. Нарочницкого, организованные по инициативе Научного совета "История международных отношений и внешней политики России".

Открывая заседание, зам. председателя Научного совета д.и.н. проф. Л.Н. Нежинский сделал обстоятельный доклад о творчестве А.Л. Нарочницкого. В своих трудах, подчеркнул он, Алексей Леонтьевич во многом предвосхитил некоторые из тех изменений в области теории и методологии исторических исследований, о которых в полный голос отечественные историки заговорили со второй половины 80-х годов XX столетия. Речь идет прежде всего о синтезе формационного и цивилизационного подхода при рассмотрении и анализе различных исторических явлений. По выражению Л.Н. Нежинского, в трудах А.Л. Нароч-

ницкого мы видим целую историческую эпоху соприкосновения и переплетения разных цивилизаций и огромную среду обитания и русских, и англичан, и французов, и американцев, и китайцев, и японцев, и других наций.

Еще в те времена А.Л. Нарочницкий не отказывался от геополитического подхода к рассмотрению различных явлений российской внешней политики и международных отношений. Это позволяло ему взвешенно оценивать политику тех стран, которые определяли картину мира.

В наши дни историки говорят о значении правильно поставленного прогнозирования и предвидения для проведения результативной внешней политики той или иной страны, и России в первую очередь. В трудах А.Л. Нарочницкого, отметил Л.Н. Нежинский, подчеркивается эта мысль: он неоднократно показывал, что там, где присутствовали элементы научного прогноза, поставленные историей задачи решались успешно, а их отсутствие не способствовало решению возникавших задач. Человек не может быть свободен от общества, в котором живет, и какая-то часть наследия А.Л. Нарочницкого носила печать социального заказа. Но ныне и в грядущее время, отметил докладчик, основная часть работ А.Л. Нарочницкого будет представлять собой то, на чем будут воспитываться новые поколения российских студентов, исследователей, преподавателей и дипломатов.

Круг научных интересов А.Л. Нарочницкого был чрезвычайно широк. О некоторых направлениях его исследований говорили выступавшие в памятных Чтениях.

Заместитель академика-секретаря Отделения истории РАН академик РАН В.С. Мясников остановился на той части творческого наследия А.Л. Нарочницкого, которая связана с изучением Восточной Азии. Он отметил объективное освещение внешней политики России на Востоке в трудах А.Л. Нарочницкого, что делает их чрезвычайно современными: они как будто сегодня написаны. Та линия противоречий между государствами, которая показана в фундаментальных работах ученого, присутствует в этом регионе и в наши дни. А тех, кто проявляет самостоятельность в вопросах формирования восточно-

азиатских и дальневосточных рубежей России, по мнению докладчика, надо просто обязать прочитать то, что написано об этих проблемах такими специалистами, как А.Л. Нарочницкий.

Д.и.н. В.М. Хевролина говорила о балканском направлении исторических исследований А.Л. Нарочницкого. Она подчеркнула, что значительное внимание академика к балканским проблемам объяснялось не только тем, что балканское направление во внешней политике России в XVIII–XIX вв. было одним из основных и без него нельзя было понять движущие силы политики России в целом. Еще два обстоятельства определили интерес Алексея Леонтьевича к этой проблематике – издание при его активном участии многотомной документальной серии "Внешняя политика России XIX и начала XX века", где впервые увидели свет ценнейшие документы по балканской политике России, и работа в качестве председателя советской части Комиссии историков СССР и СФРЮ. В.М. Хевролина подчеркнула, что работы А.Л. Нарочницкого, посвященные балканской политике России, сохраняют свое теоретическое и конкретно-историческое значение и без этих трудов не может обойтись исследователь, работающий в области истории внешней политики России и международных отношений.

Об умении А.Л. Нарочницкого пробуждать интерес своих сотрудников к той или иной теме говорил зам. директора ИРИ д.и.н. А.В. Игнатъев. Он отметил, что Алексей Леонтьевич, будучи энциклопедически образованным человеком, щедро делился своими идеями с коллегами. У него всегда были обширные научные планы, и часто просто физически не хватало сил и времени на осуществление всех этих планов. Как правило, его предложение помочь разработать тот или иной сюжет выливалось в расширение научного кругозора его сотрудников. Так, сам докладчик много лет назад по инициативе и просьбе А.Л. Нарочницкого занялся рассмотрением "польского вопроса" во время первой мировой войны. Из этих разработок получился доклад, с которым А.В. Игнатъев выступил на Чтениях.

Ведущий научный сотрудник ИРИ д.и.н. И.С. Рыбаченок выступила с докладом, посвященным 100-летию провозглашения русско-французского союза. И.С. Рыбаченок является одним из самых серьезных специалистов в области отношений между Россией и Францией в конце XIX–начале XX в. Таким специалистом в немалой степени ей помог стать А.Л. Нарочницкий, который, по ее словам, очень уважительно относился к профессиональной деятельности историка.

Как крупный ученый, А.Л. Нарочницкий понимал необходимость наличия хорошей источниковой базы для исторических исследований. Об этом подробно и эмоционально говорил руководитель Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН академик Н.Н. Бол-

ховитинов. Он отметил, что с 1967 г. А.Л. Нарочницкий возглавлял группу, которая начала выявление и публикацию документов из архивов Министерства иностранных дел СССР. Уровень этих публикаций обосновывался высоким уровнем образования и общей культуры ученого. Работа Алексея Леонтьевича с документами является примером того, как надо издавать исторические материалы. Этот уровень, установленный А.Л. Нарочницким, отметил Н.Н. Болховитинов, нельзя снижать.

Об огромной роли А.Л. Нарочницкого как члена межведомственной комиссии по изданию документов и о необходимости продолжать это дело рассказал начальник Историко-дипломатического департамента МИД РФ к.и.н. И.В. Лебедев. Он подробно остановился на значении работ ученого для практической деятельности отечественной дипломатии. Выступавший процитировал слова министра иностранных дел России Е.М. Примакова, который отмечал, что диалектика внешней политики заключается в том, чтобы отстаивать наши интересы, не допуская сползания к конфронтации. Алексей Леонтьевич был большой мастер в деле отстаивания интересов отечества. На его трудах, в частности по истории Франции, воспитывались поколения наших дипломатов. Красной нитью через все работы А.Л. Нарочницкого проходит мысль, что Россия является крупной европейской державой и попытки вытеснить ее на задворки континента не могут быть успешными. Учитывая сегодняшние международные проблемы, эта мысль звучит очень современно.

Об А.Л. Нарочницком как организаторе отечественной науки говорили доктор исторических наук главные научные сотрудники ИРИ Г.А. Трукан, Г.А. Куманев, А.А. Преображенский, ведущий научный сотрудник ИРИ Л.М. Гаврилов.

Г.А. Трукан отметил, что Алексей Леонтьевич стал директором Института истории СССР в 1974 г. в непростой ситуации, когда предыдущий директор института был снят за мнимые идеологические ошибки. И А.Л. Нарочницкий сумел сохранить творческий потенциал института, сосредоточив усилия своих коллег и подчиненных не на словесных баталиях, а на глубокой научной работе.

Л.М. Гаврилов сказал, что при А.Л. Нарочницком Институт истории СССР стал ведущим историческим научным учреждением нашего государства. Он отметил, что Алексей Леонтьевич много сделал для издания значительных трудов по военной истории, социальной истории, истории народов СССР.

А.А. Преображенский подчеркнул, что именно А.Л. Нарочницкий был инициатором создания трудов по региональным национальным историям, что свидетельствовало о его глубинном понимании движения в обществе и большом исследователь-

ском уме. Г.А. Куманев особо остановился на умении А.Л. Нарочницкого хорошо разбираться в людях, что являлось еще одной гранью таланта Алексея Леонтьевича и помогало ему в его организационно-научной работе.

Все выступавшие говорили о высоких человеческих качествах А.Л. Нарочницкого, о его педагогическом таланте, научной смелости, которой он обладал как человек и гражданин. Подробно на этом остановились профессор Открытого государственного педагогического университета д.и.н. В.А. Дунаевский и ведущий научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Армении к.и.н. Ж.А. Ананян.

Завершили Чтения памяти А.Л. Нарочницкого его дочери, которые вместе со своей матерью д.и.н. Лидией Ивановной Нарочницкой присутствовали на торжественном заседании.

Младшая дочь Алексея Леонтьевича, Екатерина Алексеевна, к.и.н., старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, тепло поблагодарила присутствовавших за добрую память об отце. В ее устах очень трогательно и искренно прозвучали слова о том, что ее как человека и профессионала воспитала атмосфера их дома, которая была создана ее родителями, мощью такой личности, каким

был Алексей Леонтьевич, а также его соратниками и коллегами, для которых этот дом был всегда открыт.

Все выступавшие отмечали глубокий патриотизм А.Л. Нарочницкого. Особо проникновенно об этом сказала старшая дочь Алексея Леонтьевича Наталья Алексеевна, к.и.н., старший научный сотрудник ИМЭМО РАН, эксперт Государственной Думы. Она говорила о том, что А.Л. Нарочницкий всегда любил Россию и его симпатии всегда были и наверняка оставались бы на стороне тех, кто стремится сохранить государство и способствовать его процветанию.

Алексей Леонтьевич ушел из жизни неожиданно, в расцвете творческих сил, обладая колоссальным опытом и большим творческим потенциалом. Он мог бы еще очень многое сделать. Но и то, что он успел сделать, оставило глубокий след в исторической науке, а также в памяти людей, его знавших. И это подтвердили состоявшиеся в Институте российской истории памятные Чтения.

Е.Н. Рудая,

кандидат исторических наук,
ученый секретарь Научного совета
"История международных отношений
и внешней политики России"

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА МГУ В.Г. К А Р А С Е В А

В Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова (МГУ) прошли чтения, посвященные памяти профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Виктора Георгиевича Карасева (1922–1991), известного специалиста в области истории южнославянских народов, педагога и организатора науки, с 1939 г. и до последних дней своей жизни связанного с историческим факультетом МГУ. Чтения были организованы кафедрой истории южных и западных славян исторического факультета МГУ, Институтом славяноведения и балканистики РАН (ИСБ РАН) и Ассоциацией друзей Югославии. В них приняли участие специалисты из научных и учебных заведений Москвы, Белградского и Новисадского университетов (Сербия), аспиранты и студенты кафедры. На чтениях присутствовал также советник по культуре посольства Югославии в России Грозданович.

Декан исторического факультета МГУ д.и.н., проф. С.П. Карпов и директор ИСБ РАН д.и.н., проф. В.К. Волков отметили большие заслуги В.Г. Карасева в подготовке кадров по истории южнославянских народов, а также его значительный вклад в развитие традиций оте-

чественной славистики. Волков особо подчеркнул, что В.Г. Карасев был среди тех ученых, которые сумели поддержать эту традицию в годы советско-югославского межгосударственного конфликта в конце 40-х – первой половине 50-х годов.

Доценты Л.В. Кузьмичева и З.С. Ненашева (обе – МГУ) посвятили доклад преподавательской деятельности В.Г. Карасева. Его заслуга здесь заключалась не только в подготовке специалистов-страноведов (121 дипломник, 16 кандидатов наук, пятеро из которых защитили докторские диссертации), но и в серьезном вкладе в утверждение проблемного подхода к чтению общего курса истории южных и западных славян, предусматривавшего умелое сочетание конкретно-исторического материала с последними достижениями в решениях общетеоретических проблем, таких, как национальное возрождение, национально-буржуазные революции.

Д.и.н. С.И. Данченко и к.и.н. А.В. Карасев (оба – ИСБ РАН) остановились на научной деятельности В.Г. Карасева, начало которой относится к первой половине 50-х годов. В центре внимания ученого были три основные проблемы: национально-освободительные революции на

Балканах, революционно-демократическое и раннее социалистическое движение в Сербии и русско-сербские и русско-черногорские отношения в XIX в. В разработке каждой из этих проблем он оставил заметный след, обогатил науку новыми документальными материалами и интересными теоретическими обобщениями.

Эта тема получила развитие в докладе профессора Новисадского университета В. Вулетича "В.Г. Карасев и его книга о Живоине Жуевиче". Выступавший подробно проанализировал монографию ученого "Сербский демократ Живоин Жуевич". В. Вулетич показал ту колоссальную работу, которая была проделана исследователем по атрибуции значительного публицистического наследия Жуевича, рассеянного в многочисленных российских периодических изданиях, по созданию его полной политической биографии. Именно В.Г. Карасев вернул сербскому народу память об этом рано ушедшем из жизни общественном деятеле и мыслителе.

Своеобразным продолжением разрабатывавшейся В.Г. Карасевым научной проблемы, связанной с общественно-политическими взглядами сербского революционного демократа Светозара Марковича, стал доклад д.и.н. Е.Ю. Гуськовой (ИНИОН РАН) "Идеи С. Марковича и современный югославский кризис".

Интерес вызвал доклад д.г.н., проф. Э.Б. Валева (географический факультет МГУ) "Историко-географические аспекты национально-этнических проблем Югославии во второй половине XX в.", объясняющий на основе статистических и демографических данных развитие национально-этнических проблем и конфликтов в СФРЮ.

Вынесенные на пленарное заседание проблемы более детализированно обсуждались на двух секционных заседаниях, посвященных соответственно XIX и XX вв.

В центре внимания первой секции (руководители В. Вулетич и Л.В. Кузьмичева) оказались два крупных тематических блока: "Россия и судьбы южных славян в XIX в." и "Национальная история южных славян в XIX в."

Первой теме было посвящено семь докладов, затрагивавших такие сюжеты, как российская внешняя политика на Балканах, отклики на происходящие в этом регионе события в российском обществе, а также связи русской и балканской общественности.

Проблема стратегии и тактики Петербурга в балканском вопросе была затронута в докладе д.и.н. В.Н. Виноградова "О генеральной линии в политике России на Балканах XVII – начала XX в." Он высказал новый, оригинальный взгляд на преемственность русской политики в деле создания национальных христианских государств.

Продолжая тему русской внешнеполитической доктрины, к.и.н. Е.П. Кудрявцева (Институт российской истории РАН – ИРИ РАН) в докладе

"Русско-турецкие соглашения конца XVIII – первой половины XIX в." отметила, что в результате соглашений 1798, 1805 и 1833 гг. Россия имела привилегированный статус при прохождении ее военных судов через Проливы.

Многосторонний характер русской помощи Черногории, развитие русско-черногорских государственных, общественных и культурных связей в XIX в. были раскрыты в выступлении д.и.н. Н.И. Хитровой (ИРИ РАН) "История русско-черногорских связей в XIX в."

Значительное внимание было уделено восприятию славянского вопроса российской общественностью в докладе д.и.н. И.С. Достян (ИСБ РАН) "Сербская тема в русской публицистике первой трети XIX в." Д.и.н. В.М. Хевролина (ИРИ РАН) охарактеризовала реакцию представителей консервативного, славянофильского и либерального направлений русской общественно-политической мысли на кризис в русско-болгарских отношениях в 80-е годы XIX в. в докладе "Российская общественная мысль о болгарском кризисе 80-х годов XIX в." Д.и.н. В.И. Косик сделал доклад на тему "Константин Леонтьев и славянство", особо обратив внимание на последствия пребывания Леонтьева на дипломатической службе и личного знакомства с реалиями балканской жизни. Результатами научного поиска русских помощников Николы Пашича в период его пребывания в Цюрихе поделился к.и.н. А.Л. Шемякин (ИСБ РАН) в выступлении "Сербские и русские социалисты в Цюрихе в начале 70-х годов XIX в."

Второй теме были посвящены шесть докладов. А.В. Карасев сделал доклад "Типология балканских кризисов XIX–XX вв.", обратив внимание на присущие им общие закономерности, а также воздействие внешнего фактора.

Значительное внимание было уделено аспектам истории Черногории в докладах аспиранта О.В. Селина (МГУ) "Идея славянской взаимности в политике Петра II Негоша", студентки-дипломницы Г.Ю. Юрманковой (МГУ) "Социальный статус черногорской женщины в XIX в." и к.и.н. В.В. Хлебниковой (Дальневосточный университет, докторант МГУ) "Церковная политика черногорского правительства в конце XIX – начале XX в."

Проблемы австрийских сербов и Военной границы составили основу выступления студентки-дипломницы Н.С. Абрамовой (МГУ) "Утешенович-Острожинский о проблемах Военной границы". Характеристике истоков политических разногласий между хорватскими и сербскими политическими лидерами в Австро-Венгрии после "аусгляйха" 1867 г. посвятила выступление "Сербско-хорватские отношения на территории Австро-Венгрии после 1867 г." Л.В. Кузьмичева.

Интересы участников второй секции "Проблемы югославистики. XX в." (руководитель –

Е.Ю. Гуськова) распределены в хронологическом порядке. Одна группа докладов была посвящена межвоенному периоду. Д.и.н. Г.Ф. Матвеевым (МГУ) в докладе "Революционно-демократическое течение в крестьянских движениях в Югославии и Польше в 30-е годы XX в." было рассмотрено возрождение идеологии революционного демократизма, отличавшегося в XX в. прежде всего признанием за рабочим классом равных прав с крестьянством на участие в создании общества социальной справедливости.

К.и.н. В.А. Тесемников (МГУ) представил результаты своих исследований о роли профессоров и преподавателей Белградского университета из российских эмигрантов, осевших здесь после гражданской войны в России, в докладе "Русские профессора-историки Белградского университета в Королевской Югославии".

Д-р М. Иванович (Белградский университет) в докладе "От генерала до сапожника. Изменения социального положения в среде русской эмиграции" на основе архивных материалов показал социальную структуру российской эмиграции в Югославии, трудности и проблемы, связанные с ее адаптацией в новой среде.

Современным событиям на территории бывшей Югославии были посвящены доклады: д.э.н. Л.В. Тяненко (Институт международной экономики и политических исследований РАН) "Год после Дейтона", к.и.н. А.А. Морозова (Российский институт стратегических исследований) "Национальные приоритеты новых государств на Балканах", генерал-майора Г.В. Мехова (Центр

военно-стратегических исследований Генштаба Вооруженных Сил РФ) "Участие России в миротворческих силах и возможное использование этого опыта в будущем сотрудничестве с НАТО", студентки-дипломницы А.А. Филимоновой (МГУ) "Роль Германии на Балканах в послевоенный период", аспирантки З.В. Клименко (Институт сравнительной политологии РАН) "Албанский вопрос в послевоенной Югославии", С.Н. Демиденко (Российский институт социальных исследований) "Македония после выборов в местные органы власти 1996 г." и аспиранта Г.Н. Энгельгардта (МГУ) "Этапы становления и развития Республики Сербской в Боснии и Герцеговине".

По единодушному мнению организаторов и участников научных чтений, посвященных памяти В.Г. Карасева, они показали самое главное – не только сохраняется кадровая преемственность, но и идет активное расширение тематического и хронологического круга исследуемых проблем истории южнославянских народов.

6 февраля 1997 г. в Доме дружбы с народами зарубежных стран Ассоциация друзей Югославии провела мемориальный вечер, посвященный одному из ее основателей и активистов – В.Г. Карасеву с участием его коллег, учеников и представителей посольства Югославии в России. Председатель Ассоциации В.П. Гудков сообщил о том, что по решению ее правления аналогичные встречи будут проводиться ежегодно.

*Е.Ю. Гуськова,
Л.В. Кузьмичева,
Г.Ф. Матвеев*

О РАБОТЕ СЕКТОРА НОВОЙ ИСТОРИИ ИНСТИТУТА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

В результате реорганизации структуры ИВИ РАН в 1992 г. был создан научный Центр "Европа в новое время" под руководством д.и.н., проф. С.П. Пожарской. В рамках этого центра и осуществляется в настоящее время работа сектора новой истории, которым заведует к.и.н. А.С. Намазова.

Сотрудниками сектора ведутся исследования по основной проблематике новой истории Европы. Одно из магистральных направлений деятельности сектора – проект "Эволюция европейского общества в XIX в." Проект предполагает изучение широкого спектра проблем, определивших специфику модернизации Европы в XIX в., таких, как динамика становления гражданского общества и его взаимоотношения с государственными институтами, пути и формы продвижения к

демократии, роль парламента, партий, прессы и общественного мнения в процессе формирования цивилизованных навыков политической борьбы, проблема революций и реформ, роль социальных движений, общее и особенное в процессе перехода разных европейских стран от Старого порядка к современному обществу.

В рамках этой программы были проведены несколько научных конференций и осуществлен ряд публикаций. В марте 1993 г. прошла конференция "Теория и практика либерализма в Европе в XIX в.", в которой приняли участие ученые из институтов РАН, МГУ, московских и нескольких российских вузов. В ходе оживленных дискуссий обсуждались основные вопросы становления и истории либерализма в Европе. На

основе материалов конференции был выпущен сборник статей "Европейский либерализм в новое время: теория и практика" (ИВИ РАН, 1995). Сборник является фактически первой в новейшей отечественной историографии работой, посвященной этой теме. В нем представлены публикации о развитии либеральных идей во Франции, Англии, Испании, Германии, Австро-Венгрии, Греции, славянских странах Балканского полуострова и России. Авторы исследуют идейные истоки либерализма, формирование его как политической теории, практическую историю либерализма, становление новых государственных и общественных институтов в Европе. Особое внимание уделено конституционному процессу, парламентской практике, правящим и оппозиционным партиям, роли прессы в формировании либерального "общественного климата". На разнообразном материале показывается неоднородность и противоречивость европейского либерализма, что связано с особенностями исторического развития каждой страны, разнородность его социальной базы. В ряде стран рассматривается предыстория либеральной идеи, ее связи с идеями Просвещения, другими идеологическими концепциями XII–XVIII вв., исследуются зрелые формы либерализма.

Более широкий круг вопросов был затронут на других конференциях, проведенных сектором: "Эволюция европейского общества в XIX в." (1994 г.) и "Дискуссионные проблемы истории Европы XIX – начала XX в." (1995 г.), которые также вызвали большой интерес у историков нового времени. На заседаниях обсуждались новые подходы к изучению истории XIX в., вопросы взаимосвязи идеи и общества, роль общественного мнения, идея европейского единства в XIX в. и проблемы национализма, соотношение таких течений, как консерватизм и либерализм, в политической жизни различных стран. На конференции 1994 г. учреждено Общество по изучению европейской истории и культуры "Европа XIX века".

Еще одно важное направление работы сектора – проект "Россия и Европа", целью которого является исследование взаимосвязей и взаимовлияния России и европейских стран. Проект предполагает прежде всего изучение политического, общественного и культурного опыта Западной Европы в XVIII–XIX вв., сравнительный анализ развития западноевропейских стран и России, выявление универсальности и специфики исторических процессов, происходивших в этих странах в новое время. Результатом изысканий сотрудников сектора в этой области стал сборник "Россия и Европа: дипломатия и культура", вышедший в издательстве "Наука" в 1995 г. В первой части сборника представлены статьи, раскрывающие специфику взаимоотношений России с европейскими державами в новое время.

Они написаны на основе тщательного изучения дипломатических документов АВПРИ и вводят в научный оборот много новых интересных материалов, что позволяет дать более широкую картину взаимоотношений России с европейскими странами.

Вторая часть сборника посвящена различным аспектам культурных, научных и общественных связей России с Западной Европой. В этих статьях рассказывается и о малоизвестных нашему читателю деятелях, которые в разное время посещали Россию и оставили свидетельства своего интереса к этой "загадочной" стране, какой она всегда оставалась для иностранцев. В настоящее время сектором ведется работа по подготовке второго выпуска сборника "Россия и Европа".

На базе центра "Европа в новое время" работает также проблемная группа "Власть и политическая культура", которую возглавляет С.П. Пожарская, ученый секретарь – к.и.н. М.П. Айзенштат. Она представляет собой неформальное межсекторское образование по исследованию политических проблем западноевропейских стран в средние века, новое и новейшее время. Группа привлекает к своей работе широкий круг специалистов института и ведущих историков страны.

В настоящее время приоритетным направлением в ее деятельности стала разработка проблем становления, развития и функционирования законодательных учреждений стран Западной Европы, включая и изучение идей наиболее видных политиков и мыслителей прошлого по вопросам парламентаризма. Эти проблемы оставались долгое время вне поля зрения наших историков. Тогда как их исследование представляется актуальным и чрезвычайно важным для развития отечественной историографии.

Работа группы строится по следующему принципу: сначала проводятся "круглые столы" по истории парламентаризма в разных странах Европы, где ученые имеют возможность обсудить наиболее важные аспекты этого процесса, затем, на основе материалов заседаний, выпускается сборник статей. Так, уже вышли из печати коллективные монографии по истории парламентаризма в Великобритании, в Испании, в Португалии.

В первой книге рассматривается историческая судьба английского парламента – одного из древнейших сословно-представительных собраний в Европе, раскрываются его особенности: большая, чем в других странах, политическая активность, раннее развитие его ограничительных функций по отношению к короне, непрерывность существования этого учреждения, сохранение многих традиций при переходе от средневековья к новому времени. В 17 статьях данного сборника прослеживается история парламента Велико-

британии – от возникновения до современности, дается оценка его роли на различных этапах развития английского общества.

Второй сборник посвящен очеркам истории парламентаризма в странах Пиренейского полуострова. В нем исследуются соотношения традиций и новаций в становлении современного испанского парламента, эволюция представительной системы управления. Авторы рассказывают о возникновении представительных учреждений и формировании сословно-представительной монархии, что впервые произошло именно в этом регионе Европы. На материале Леоно-Кастильской монархии, Арагона и Португальского королевства прослеживается эволюция кортесов в первый, средневековый, период парламентаризма. С возрождения кортесов в начале XX в. начался парламентаризм современного типа. В ряде стран рассматриваются конституции, принятые в Испании на протяжении XIX в., идейно-политическая борьба, сопровождавшая этот сложный конституционный процесс и доходившая до открытого военного столкновения. Становление конституционализма и парламентаризма в Испании прослежено вплоть до нашего времени, когда с принятием конституции 1978 г., основанной на идее национального консенсуса, страна совершила успешный переход от авторитарного франкистского режима к демократии.

Группой "Власть и политическая культура" проведены также коллоквиумы по истории парламентаризма в Италии, Франции и малых странах Европы. По их материалам готовятся к публикациям сборники, которые выйдут из печати в конце 1997 – начале 1998 г. В ближайшее время будет проведен "круглый стол" по истории парламентаризма в Германии и Австрии.

Ученые сектора новой истории традиционно большое внимание уделяют работе в архивах. Важное значение в последнее время имела работа в Центре хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК), в частности над материалами французских (к.и.н. Г.С. Черткова) и бельгийских (А.С. Намазова) фондов. Результатом этой работы стал выход в свет путеводителя по бельгийским фондам, хранящимся в ЦХИДК. С.П. Пожарская изучала архив Коминтерна в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории в связи с подготовкой к публикации сборника документов "Коминтерн и гражданская война в Испании". Вышел в свет второй том двухтомника "Россия и Испания. 1667–1914 гг.", в котором опубликованы документы из российских и испанских архивов. Работу составителей, авторов предисловия и комментариев здесь выполнили С.П. Пожарская и А.И. Саплин. Д.и.н. В.Н. Малов составил два выпуска каталога документов Ламуаньона, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов, и написал к ним предисловие. Эта работа продолжается.

Архивные изыскания позволяют нашим ученым создавать хорошо документированные монографии. Монографическим исследованием всегда уделялось большое внимание в организации работы сектора новой истории. В настоящее время здесь подготовлены к печати три монографии: М.П. Айзенштат "Из истории европейского парламентаризма. Британский парламент и общество в 30–40-е годы XIX в."; Г.А. Шатохиной "Внешняя политика Нидерландов 1713–1763 гг. Становление голландского нейтралитета"; Н.Н. Яковлева "Европа в канун Семилетней войны".

Проведенные исследования позволили коллективу сектора приступить к написанию пятого тома "Истории Европы". Это одно из центральных изданий ИВИ РАН. Пятый том посвящен важнейшему периоду новой истории Европы, начиная с событий Великой французской революции и заканчивая первой мировой войной. Авторы отказались от хронологического изложения европейской истории, чтобы не повторять то, что уже сделано их предшественниками. Была разработана концепция тома, базирующаяся на проблемно-хронологическом подходе. Наряду с такими главами, как "Европа в годы Французской революции", "Либеральные революции 20–30-х годов XIX в.", значительное место занимают проблемные разделы.

Открывается том главой "Общие тенденции. Модернизация Европы в XIX – начале XX в.", где должны быть поставлены основные проблемы этого периода европейской истории: эволюция и революция, цена революций, прогресс или регресс, становление гражданского общества, истоки современных государственных институтов, либерализм и консерватизм, государство и общество и др. Пути и формы продвижения к демократии, формирование либеральных и демократических традиций как основы политической культуры рассматриваются в главе "Становление европейской демократии", в рамках которой будут исследованы и революции 1848 г.

Специальная глава посвящена такой во многом ключевой для развития Европы в XIX в. теме, как национализм и нации, становление национального самосознания. Основное внимание здесь будет уделено национальным движениям, процессам формирования наций, проблемам федерализма и унитаризма, попыткам решения национального вопроса, специфике революций в многонациональном государстве. Новые типы общественных движений, марксизм и другие формы социалистической идеологии, анархизм, народничество и социал-демократия – основное содержание раздела "Социальное многообразие и социальный протест".

Большое место в книге займет российская проблематика. К работе над этими разделами привлечены ученые из институтов российской истории, славяноведения и балканистики и ИВИ

РАН. В их задачу входит показать роль и место России в общеевропейских процессах, протекавших в XIX в.

Большое значение сотрудники сектора придают и популяризации исторических знаний. Следует отметить их активное участие в подготовке первого в нашей литературе научно-популярного коллективного труда "Монархии Европы. Судьбы династий" (М., 1996). В последнее время отмечается всплеск интереса к этой проблеме, что связано с желанием по-новому осмыслить прошлое, более взвешенно оценить роль такого важного государственного института, как монархия. Авторы книги, избегая популярных сегодня спекуляций на эту тему, показывают взаимосвязь судеб династии и государства. В этом

иллюстрированном издании, содержащем и генеалогические таблицы, рассказывается об истории всех европейских династий, как ныне царствующих, так и покинувших историческую сцену. Книга уже вызвала ряд положительных отзывов в научных журналах и в прессе. Готовится к выходу в свет еще один том, посвященный трагическим страницам истории – цареубийствам. В теоретическом плане эти проблемы предполагается поставить и обсудить на международной конференции "Европейские монархии. Прошлое и настоящее. XVIII–XX вв." в мае 1998 г., подготовкой к которой сейчас занимается сектор новой истории.

Е.В. Котова

В АССОЦИАЦИИ БРИТАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В Центре "Европа в новое время" вот уже пять лет активно работает Ассоциация британских исследований, возглавляемая академиком В.Г. Трухановским.

Работа Ассоциации идет главным образом по двум линиям: проведение широких конференций и круглых столов, на которых обсуждаются проблемы современной Британии, ее экономики, философии, культуры и истории, и подготовка и издание "Бюллетеней" Ассоциации и ее основного печатного органа "Британия и Россия".

Особенно плодотворно прошли годичные конференции Ассоциации в 1993 г. (на тему "Россия и Великобритания: культурно-историческое взаимодействие. XVI–XX века") и в 1996 г. ("Россия и Англия: история, культура, бизнес, экология"). Выступления ученых и общественных деятелей на этих конференциях составили два сборника статей Ассоциации – "Бюллетень" № 2 и № 3, которые скоро будут опубликованы.

К научным конференциям Ассоциации работники Государственной исторической библиотеки готовили выставки книг и архивных материалов. Директор библиотеки к.и.н. М.Д. Афанасьев рассказал об истории фондов библиотеки. На выставках были представлены интересные документы и фотографии, хранящиеся в трех архивах: Государственном архиве РФ (составитель З.И. Перегудова), Российском государственном военно-историческом архиве (составитель А.В. Бульканова, В.Н. Елисеев), Центре хранения историко-документальных коллекций (составитель Т.А. Васильева).

В марте 1997 г. вышел в свет сборник статей "Британия и Россия" (20 п.л.) – первый выпуск

главного печатного органа Ассоциации. В нем представлены работы российских англоведов (15 статей) и ведущих британских исследователей (10 статей). В своем обращении к читателям президент Ассоциации британских исследований и ответственный редактор сборника академик В.Г. Трухановский дал анализ развития исторической науки как в России, так и в Великобритании. О научных контактах между учеными двух стран говорится в статьях директора ИВИ РАН член-корр. РАН А.О. Чубарьяна и известного британского историка проф. Т. Баркера. В первом из четырех разделов сборника "Из истории английского парламента" помещены три статьи русских ученых – С.П. Перегудова, О.В. Дмитриевой и М.П. Айзенштат. Раздел "Внешняя и колониальная политика Великобритании" написан сотрудниками ИВИ РАН д.и.н. Г.С. Остапенко и к.и.н. С.Б. Воронцовой, а также британскими исследователями – Дэвидом Рейнольдсом (Кэмбриджский ун-т), Джоном Харкгривсом (Абердинский ун-т), Джоном Кентом и Робертом Холландом (Лондонский ун-т) и Джоном Дарвином (Оксфордский ун-т). Политика Великобритании в отношении Ирландии освещена в статьях Л.Ф. Туполевой и Е.Ю. Поляковой. Самый большой раздел сборника "Политика и культура" включает шесть статей российских специалистов и статьи британских историков Стефана Уайта (ун-т Глазго), Ричарда Роджера (Лестерский ун-т), Барбары Эмерсон (Оксфордский ун-т) и Джорджа Хайда (ун-т Восточной Англии).

28 марта 1997 г. в ИВИ РАН была проведена презентация книги "Британия и Россия", ор-

ганизованная институтом совместно с Ассоциацией. Открыл заседание директор института член-корр. РАН А.О. Чубарьян. На презентации выступил посол Великобритании в России

г-н Эндрю Вуд, рассказавший о развитии и перспективах англо-русских отношений.

Л.Ф. Туполева,
зам. председателя Ассоциации
британских исследований

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В СРЕДНЕЙ ЕВРОПЕ. 1867–1918 гг.

В Институте славяноведения и балканистики РАН при участии Государственного института искусствознания Министерства культуры Российской Федерации и финансовой поддержки Института "Открытое общество" (фонд Сороса) прошла международная научная конференция "Историко-культурная ситуация в Средней Европе: интеграционные процессы и национальная специфика, 1867–1918". Представители ведущих исследовательских и учебных центров стран Европы и Америки собрались, чтобы обсудить проблему перехода от изучения и преподавания истории Средней (Центральной) Европы как совокупности национальных культур, что нередко ведет к националистическим искажениям и питает разрушительную идею национальной исключительности, к рассмотрению истории региона как единого целого, во всем многообразии происходивших в нем историко-культурных процессов. Организаторы конференции полагали, что выбор хронологически целостного периода в истории региона, эпохи Австро-Венгерской монархии, позволит объединить усилия специалистов по разным странам и представителей различных дисциплин (историков, культурологов, литературоведов и историков искусства), чтобы наиболее полно раскрыть процессы интеграции и национального самовыражения в Центральной Европе.

В работе конференции приняли участие почетные гости: чрезвычайный и полномочный посол Австрийской Республики доктор Вальтер Зигль, советник посольства Австрийской Республики господин Роберт Сучич, советник посольства Венгерской Республики, директор Венгерского Культурного Центра в Москве госпожа Рита Майер и полномочный министр посольства Республики Словения Антон Рулик.

Открывая конференцию, директор Института славяноведения и балканистики (ИСБ) РАН д.и.н. профессор В.К. Волков приветствовал участников и почетных гостей конференции и пожелал ученым плодотворного обсуждения интеграционных про-

цессов и общего культурного ландшафта Австро-Венгерской монархии, но подчеркнул, что при этом не следует забывать о сознательном использовании центральным правительством национальных противоречий для урегулирования текущих проблем, что, по мнению ученого, в конечном счете и привело к распаду Австро-Венгрии.

Во вступительном слове председатель оргкомитета конференции ведущий научный сотрудник, зав. научным центром по изучению истории Австрии и Венгрии ИСБ РАН Т.М. Исламов призвал своих коллег не мерить Австро-Венгрию устаревшими мерками, быть более объективными в оценках и характеристиках. Ученый высказал уверенность, что многовековое сосуществование даже очень разных народов в рамках полиэтнического государственного образования не проходит для них бесследно. На рубеже XIX–XX веков в Австро-Венгрии возникло некое общее культурное пространство, ускорился обмен культур. Задача науки – раскрыть и всесторонне изучить это явление.

Приветственную речь произнес посол Австрийской Республики доктор В. Зигль.

Доклад Т.М. Исламова "Российско-австрийские отношения в конце XVIII – начале XX веков" был посвящен основным тенденциям во взаимоотношениях России и Австрийской империи (Австро-Венгерской монархии) – великих держав, расположенных в одном и том же историко-географическом регионе, на одном и том же геополитическом пространстве. Долгое время отношения между ними строились по принципу взаимной корректности и лояльности друг другу. Причины этого докладчик видит в общих интересах: германском, польском и балканском внешнеполитических факторах, на многие десятилетия связавших две великие европейские державы. Даже после обострения противоречий на Балканах в 1870-х годах оба двора стремились сохранить нормальные отношения вплоть до 1908 г., и само вступление обеих империй в войну

было во многом результатом следования союзническому долгу. Однако губительным для австро-русских отношений стало взаимное подстрекательство национально-освободительных движений, что не в последнюю очередь привело к их распаду.

Далее были рассмотрены особенности национально-образовательных процессов в Средней Европе. Этому посвящали свои доклады научный сотрудник Института по изучению миграционных и национальных процессов, главный редактор журнала "Migracijske Teme" Э. Хоршак (Хорватия) "Этничность как характеристика процессов в Средней Европе", старший научный сотрудник Института славяноведения и Балканистики РАН С.А. Романенко "Исторические и географические регионы в Средней Европе".

В двух последующих докладах рассматривались особенности экономического развития Центральной Европы во второй половине XIX – начале XX веков. Профессор университета Миннесоты, директор Центра Австрийских Исследований Р. Рудольф (США) осветил тему "Народы и экономика в империи Габсбургов", научный сотрудник Центра по истории Центральной и Восточной Европы при Венгерской Академии наук, преподаватель исторического факультета Будапештского университета им. Л. Этвеша А. Вари (Венгрия) – "Аграрно-консервативные движения в Центральной Европе: экспорт-импорт политических форм и идеологий".

В докладе научного сотрудника Центра по истории Центральной и Восточной Европы при Венгерской Академии наук И. Балаж (Венгрия) "Австрийские социал-демократы о будущем Австро-Венгерской монархии" рассматривалась эволюция взглядов австрийских социал-демократов на государственно-правовое устройство Австро-Венгерской монархии.

Вторая половина первого дня заседаний была посвящена специфике национальных процессов в отдельных регионах Австро-Венгрии. Сначала прозвучали три доклада по проблемам истории Галиции и Буковины: старшего научного сотрудника ИСБ РАН, преподавателя исторического факультета Центрально-Европейского университета (Будапешт) А.И. Миллера "Внешний фактор в формировании национальной идентичности русин (украинцев)", аспиранта исторического факультета Черновицкого Государственного университета С.Д. Попика "Ирредентизм или австролюлизм? Своеобразие и особенности украинского национально-политического движения в Австро-Венгрии", доцента исторического факультета Черновицкого Государственного университета А.В. Добржанского (Украина) "Буковинизм как разновидность регионального самосознания в Австро-Венгрии".

Ряд докладов был посвящен особенностям национального развития югославянских народов в

составе Австро-Венгрии: полномочный министр посольства Республики Словения в Российской Федерации А. Рупник "Специфические черты словенской национальной идеологии на рубеже XIX–XX веков", профессор философского факультета Загребского университета, профессор исторического факультета Центрально-Европейского университета (Будапешт) Д. Роксандич "Проявление средневропейских противоречий в политике "нового курса" сербов и хорватов", доцент исторического факультета Московского государственного университета Л.В. Кузмичева "Воеводина в составе Австро-Венгрии, 1867–1918".

Дискуссия показала перспективность дальнейших исследований особенностей положения отдельных народов, входивших в состав Австро-Венгрии.

Второй день конференции был посвящен культурному ландшафту Австро-Венгерской монархии. С докладами выступили: доцент исторического факультета Черновицкого государственного университета В.П. Фисанов "Австрийский культурный феномен XX века: эффект "отраженного света", старший научный сотрудник Института сравнительной политологии РАН О.И. Величко "Проблема веротерпимости в общественно-политической жизни Австро-Венгрии", зав. отделом искусства стран Центральной Европы Государственного Института искусствознания Министерства культуры РФ И.В. Попова "Культурная политика австрийских властей в Чешских землях", преподаватель кафедры всеобщей истории Российского государственного гуманитарного университета О.В. Павленко "Концепция "нравственной политики" в чешском движении XIX – начала XX веков", зав. кафедрой новой истории Тамбовского государственного университета А.Г. Айрапетов "Духовно-культурный мир будапештских рабочих на рубеже XIX – начала XX веков", ведущий научный сотрудник ИСБ РАН Ю.П. Гусев "Вена и Пешт в культурном контексте Австро-Венгрии", докторант Института мировой литературы РАН В.М. Белоусова "Габсбургский миф в венгерской литературе XIX – начала XX веков", научный сотрудник ИСБ РАН, старший преподаватель кафедры всеобщей истории Московского физико-технического института О.В. Хаванова "Преломление национального прошлого в сознании венгерского общества 90-х годов XIX века", ведущий научный сотрудник ИСБ РАН М.В. Фридман "Культурные объединения румын в пределах Австро-Венгерской монархии как важный фактор духовного развития Румынии", научный сотрудник ИСБ РАН Т.И. Чепелевская "Национальные и интеграционные процессы в Словении глазами писателя (на примере творчества Ивана Цанкара)", ведущий научный сотрудник ИСБ РАН

Г.Я. Ильина "Венгерская тема в творчестве Мирослава Крлежи (роман "Знамена"), научный сотрудник ИСБ РАН Н.В. Шведова "Национальная проблематика в словацкой поэзии XIX века", старший научный сотрудник ИСБ РАН Е.Н. Масленникова "Националистические тенденции в средневропейских национальных эстетиках".

Последний день конференции был посвящен истории театра, музыки и живописи в Центральной Европе. Доклады сделали: старший научный сотрудник Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ Н.М. Вагапова "Национальные театры и культура австро-венгерских славян на рубеже XIX–XX веков", ведущий научный сотрудник ИСБ РАН Л.Н. Титова "Интеграционные процессы в чешско-венгерской культурной ситуации рубежа XIX–XX веков", профессор факультета драматического искусства Белградской Театральной академии П. Марьянович "Деятельность первого сербского профессионального театра в Австрийской империи и Австро-Венгерской монархии", научный со-

трудник Государственного Института искусствознания Министерства культуры РФ Н.М. Миронова "Театр в австро-венгерской части Польши. Национальная мифология", старший научный сотрудник Государственного Института искусствознания Министерства культуры РФ В.Н. Егорова "Чешская музыка в музыкальной культуре Австро-Венгрии. Притяжение и отталкивание", научный сотрудник Государственного Института искусствознания Министерства культуры РФ В.Н. Федотова "Культурные контакты Болгарии с народами Австро-Венгрии", профессор, зав. кафедрой теории и истории искусства Московского государственного академического художественного института им. В.И. Сурикова В.Ф. Киселев "Густав Климт и русский модерн".

Работа конференции показала, что ее участники были едины во мнении, что политическое, культурное и духовное наследие Австро-Венгрии нуждается в дальнейшем изучении.

О.В. Хаванова,
научный сотрудник ИСБ РАН

РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ О ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ ПО ИСТОРИИ

10–12 октября 1996 г. в Москве была проведена российско-германская конференция "Россия (1861–1917) и Германия (1871–1918). Две империи в историографии и школьных учебниках", организованная Московским институтом развития образовательных систем (МИРОС), историческим факультетом Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (МГУ) и Институтом Георга Эккарта (Брауншвейг, ФРГ). На ее открытии выступили зам. декана истфака МГУ д.и.н. Л.С. Леонова, директор МИРОС, к. мат.н. член-корреспондент Российской академии образования А.М. Абрамов, директор Института Георга Эккарта Р. Майер, на закрытии – Р. Майер и к.и.н., доцент исторического факультета МГУ, зав. лабораторией МИРОС А.П. Шевырев (организатор конференции).

С докладами выступили доктора исторических наук П.Н. Зырянов (Институт российской истории РАН) – "Россия XIX в. в зеркале современных школьных учебников", М.Н. Машкин – "Германская империя (1871–1918) в современной историографии", С.В. Оболенская (оба – Институт всеобщей истории РАН) – "Германский вопрос и поиски русской идентичности в XIX в." (доклад по причине болезни автора был зачитан в ее отсутствие); кандидаты исторических наук О.Р. Айрапетов (МГУ) – "Германский и русский генеральные

штабы: неудавшийся опыт копирования", В.Г. Забалуев – "Отражение германской истории (1871–1918) в современных немецких учебниках", Л.Г. Косулина (Московский государственный педагогический университет) – "Методологические и методические аспекты учебного курса "История России в начале 20-го века" для средней школы"; А.Г. Талашов (МГУ) – "Германский и российский милитаризм начала XX в. в отечественной историографии"; профессора Х.-Д. Лёве (Хайдельбергский университет) – "Отражение истории России 1856–1917 гг. в современных российских учебниках", Х.-Й. Торке (Институт Восточной Европы Свободного университета, Берлин) – "Историографические проблемы истории России от Крымской войны до революции 1917 г.", д-ра Х. Яна (Университет Фридриха Александра, Эрланген), Х. Ноака (Кельнский университет; все – ФРГ) – "Что должен знать современный немецкий школьник о вильгельмианской эпохе?"

Встреча оказалась полезной как для историков, так и для специалистов по преподаванию истории в школах.

Н.Н. Смирнов

ЧЛЕНУ-КОРРЕСПОНДЕНТУ РАН Р.Ш. ГА НЕ Л И Н У – 70 лет

Исполнилось 70 лет члену-корреспонденту Российской академии наук Рафаилу Шоломовичу Ганелину, много сделавшему для исследования всеобщей и отечественной истории нового времени.

Незаурядные способности и широкий кругозор отличали Р.Ш. Ганелина еще в студенческие годы (1944–1949 гг.), когда он занимался под руководством проф. Н.П. Полетики, возглавлявшего в те годы кафедру истории международных отношений на историческом факультете Ленинградского государственного университета. Зачисленный в аспирантуру молодой ученый за время пребывания в ней (1949–1952 гг.) написал кандидатскую диссертацию "Американская экспансия в бассейне Тихого океана в середине XIX в.", успешно защищенную в июне 1953 г.

С октября 1953 г. по июнь 1955 г. Рафаил Шоломович – ассистент кафедры истории в Ленинградском библиотечном институте им. Н.К. Крупской. Лекции и семинары по новой истории стали первыми шагами в его преподавательской деятельности.

В июне 1955 г. Р.Ш. Ганелин был принят на работу в Ленинградское отделение Института истории (ЛОИИ). Зачислению ученого в ЛОИИ способствовал д.и.н. Б.А. Романов, не только близко знавший молодого историка, но фактически являвшийся наряду с Н.П. Полетикой его учителем.

В ЛОИИ (ныне Санкт-Петербургском филиале Института российской истории РАН) Р.Ш. Ганелин работает с 1955 г. по настоящее время. Здесь он исполнял обязанности младшего, затем старшего научного сотрудника, секретаря группы истории СССР, заведующего сектором истории СССР периода капитализма. В настоящее время Р.Ш. Ганелин – главный научный сотрудник отдела новой истории России. В 1970 г. он защитил докторскую диссертацию, в 1991 г. был избран членом-корреспондентом РАН.

Переход на работу в ЛОИИ для Р.Ш. Ганелина был связан с переменой его научных интересов, прежде всего с участием в подготовке трудов по отечественной истории. Он участвовал в создании сборника документов "Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы (март–октябрь 1917 г.)" (М.-Л., 1957) написал главы, посвященные истории России конца XIX – начала XX в. для первой части "Краткой истории СССР", которая была предназначена для иностранных читателей, переведена на несколько языков и выдержала четыре издания (1963, 1972, 1978, 1983 гг.).

Начав свои изыскания в области новой истории

России с подготовки вышеупомянутых сборников документов и общего очерка, Р.Ш. Ганелин в дальнейшем занялся глубоким изучением важнейших проблем этого периода, прежде всего первой и второй российских революций. Результатом работы стали монография "Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция" (Л., 1991) и большие разделы и главы в коллективных трудах "Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде", т. 1 (Л., 1967), "Революционный Петроград. 1917 год" (Л., 1977), "Кризис самодержавия в России. 1895–1917" (Л., 1984), "Власть и реформы. От самодержавной к Советской России" (СПб., 1996).

Труды ученого отличались не только насыщенностью фактами, подчеркнутыми главным образом из архивных документов, отличным знанием историографии, но и глубиной анализа, сочетавшейся с широтой взгляда на российские события, как на часть общемирового исторического процесса. Последнее обстоятельство в значительной мере объяснялось тем, что Р.Ш. Ганелин не оставил занятий всемирной историей, в частности историей США и историей дипломатии. Подтверждением тому могут служить его капитальные монографии "Россия и США. 1914–1917. Очерки истории русско-американских отношений" (Л., 1969) и "Советско-американские отношения в конце 1917 – начале 1918 г." (Л., 1975).

Как историк, Рафаил Шоломович являет собой яркую индивидуальность. Его работы отличаются, наряду с точным изложением фактов, четкостью выводов, наличием ярких характеристик исторических деятелей. Ряд работ написан им в соавторстве. Серия исследований, посвященных "Воспоминаниям" С.Ю. Витте, как историческому источнику, создана ученым вместе с академиком Б.В. Ананьичем. Другой памятник истории начала XX в. – заметки и записки А.Н. Яхонтова, помощника управляющего делами Совета Министров России, – изучен в сотрудничестве с М.Ф. Флоринским.

Р.Ш. Ганелин участвовал во многих международных конгрессах, конференциях и симпозиумах. Он выступал с докладами и занимался в архивах и библиотеках США, Германии и Италии.

Среди коллег Рафаил Шоломович пользуется большим авторитетом. Он предельно внимателен и заботлив к своим коллегам, он с большой чуткостью и доброжелательностью относится к своим ученикам. Они берут с него пример. Несмотря на свой возраст, юбиляр молод душой, полон творческих замыслов и энергии.

А.Н. Цамутали

ИЗРАИЛЮ ЯКОВЛЕВИЧУ Б И С К У – 75 лет

В ноябре 1996 г. исполнилось 75 лет доктору исторических наук, профессору Израилю Яковлевичу Биску – специалисту по источниковедению, историографии и истории нового и новейшего времени, ветерану Великой Отечественной войны.

И.Я. Биск родился 29 ноября 1921 г. на Украине в селе Комсомольске Винницкой области в семье служащих. Вскоре родители переехали в город Житомир. Здесь среди сверстников разных национальностей прошли его детские и юношеские годы, получено образование и сформировалось стремление – стать историком. Осуществляя мечту, И.Я. Биск в 1939 г. поступает в легендарный Московский институт философии, литературы и истории (МИФЛИ).

Наступил 1941 г. Девятнадцатилетний студент, как и многие сверстники, подал заявление с просьбой отправить его добровольцем на фронт, хотя неизлечимая болезнь глаз означала "белый билет" и возможная избежать фронта. С осени 1941 г. И.Я. Биск – в составе действующей армии. Сначала в 16-й, а затем – в 3-й ударной. С этой армией он прошел всю Европу и закончил войну в Германии в звании майора. О боевых заслугах Израиля Яковлевича свидетельствуют награды: ордена Красной Звезды и Отечественной войны II степени, медали "За боевые заслуги", "Освобождение Варшавы", "Взятие Берлина" и другие.

Летом 1945 г. И.Я. Биск демобилизовался из армии. Вчерашний офицер приступил к учебе, но теперь на историческом факультете Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (МГУ). Для сокурсников, хотя многие также были фронтовиками, он был авторитетом. Не случайно они избрали Израиля Яковлевича старостой курса. В МГУ под влиянием общения с известными учеными Е.В. Тарле, С.Д. Сказкиным, И.С. Завичем, И.М. Рейснером, А.С. Ерусалимским и собственного жизненного опыта определился интерес к истории Германии 20–30-х годов XX в.

По окончании института И.Я. Биску была предложена аспирантура. Казалось, перспективы молодого специалиста ясны и безоблачны. Но началась борьба с "космополитизмом". Продолжать обучение в Москве стало невозможным. В это сложное время Израиля Яковлевича поддерживали близкие и друзья, особенно супруга Берта Исааковна. Позднее она ради мужа оставила научную карьеру.

В 1949 г. И.Я. Биск принял приглашение ректора Новокузнецкого педагогического института. В этом вузе на разных должностях он проработал 13 лет. Занимаясь преподаванием, продолжал свои научные изыскания. Круг его интересов определился конкретно – источниковедение Веймарской республики. Преподавание этой дисциплины давало возможность воспитать у студентов критический ум, и не только при анализе источ-

ников. В Новокузнецке И.Я. Биск смог без аспирантуры подготовить и в 1961 г. в Ленинградском государственном университете защитить кандидатскую диссертацию по мемуаристике Веймарской республики. После защиты И.Я. Биск некоторое время работал в Томском государственном университете, известном своими "германистскими" традициями, а затем – 15 лет в Тамбовском педагогическом институте. Здесь в 1971 г. И.Я. Биск опубликовал свою первую книгу: "Курс лекций по источниковедению новой и новейшей истории". В 1974 г. он без докторантуры подготовил и в Томске защитил докторскую диссертацию, посвященную прессе Веймарской Германии. Большую помощь ученому в его работе оказал известный исследователь И.Д. Ковальченко.

С 1978 г. И.Я. Биск работал на историческом факультете Ивановского государственного университета. Здесь, при его активном участии, была создана кафедра новой и новейшей истории. Возглавляя ее с 1978 по 1988 гг., он много внимания уделял методике преподавания истории и подбору квалифицированных кадров. В Иваново им написан ряд книг, получивших положительные отзывы на страницах центральных исторических журналов и признание научной общественности. В 1983 г. увидело свет учебное пособие "История исторической мысли в новое время". В 1987 г. под его редакцией был опубликован сборник научных статей "Веймарская республика: история, источниковедение, историография". Через три года (в соавторстве с А.И. Борозняком и В.А. Артемовым) вышло исследование "История повседневной жизни населения в Веймарской республике", проблематика которого, как отмечали рецензенты, "органически включена в мировое историографическое пространство". В 1995 г. И.Я. Биск выпустил монографию "Пресса Веймарской республики", а в следующем году – учебное пособие "Введение в писательское мастерство историка".

Особых слов заслуживает педагогическая работа И.Я. Биска. Студенты в его лекциях отмечают сочетание строгой научной логики и яркой образности, а в спецсеминарах – стремление привить интерес к поиску нового. И.Я. Биск руководит аспирантурой и много внимания уделяет подготовке высококвалифицированной смены. Сегодня существует своеобразное научное направление в источниковедении и германистике, созданное И.Я. Биском и его учениками.

Коллеги и друзья сердечно поздравляют его с большим юбилеем, желают доброго здоровья и новых творческих достижений:

Журнал "Новая и новейшая история", автором которого на протяжении ряда лет является И.Я. Биск, присоединяется к этим поздравлениям и пожеланиям.

КНИГИ ПО ИСТОРИИ, ИЗДАННЫЕ ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ РОССИЙСКОГО ГУМАНИТАРНОГО НАУЧНОГО ФОНДА В 1995–1996 гг.

Одной из важнейших уставных задач Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) является содействие издательской деятельности в области гуманитарных наук и поддержка научных изданий, в частности по истории. Нет нужды доказывать, сколь необходима для нормального функционирования гуманитарных наук квалифицированная и своевременная публикация результатов исследований и важнейших источников и сколь трудно в нынешних условиях получить средства для таких изданий. В обширной издательской программе РГНФ книги по истории составляют примерно треть. Отбор рукописей для публикации осуществляется на основании взыскательной многоступенчатой экспертизы. По итогам конкурса издательских проектов РГНФ 1995 г. издано 56 книг по истории, по итогам конкурса 1996 г. – 165. Еще 107 монографий получили положительную оценку на конкурсе 1997 г. и должны быть изданы в ближайшем будущем.

В 1995–1996 гг. ряд книг был издан в рамках работы над исследовательскими проектами РГНФ. В настоящее время фонд отказался от этой практики.

Тематика книг по истории, издаваемых при поддержке РГНФ, охватывает все исторические периоды – от палеолита до современности, едва ли

не все цивилизации – от древней Месопотамии и Южной Америки до постиндустриального Запада, и едва ли не все аспекты исторического процесса – от истории экономики и палеоэкологических проблем до истории семей и структур повседневности.

Весьма разнообразен и характер изданий. Среди них индивидуальные и коллективные монографии, тематические сборники статей, публикации источников, каталоги архивных материалов и музейных коллекций, новые переводы древних авторов, энциклопедии и справочники. Экспертный совет по истории считает приоритетной поддержку крупных исследовательских монографий. В то же время большое место в издательской программе занимают публикации источников – от публикации археологических материалов до издания архивных документов советского периода, ранее оставшихся недоступными. Научное издание источников закладывает фундамент для будущих исследований, открывая возможности для глубокого объективного анализа событий прошлого.

Ниже представлен список книг по истории, вышедших из печати в 1995–1996 гг. при финансовой поддержке РГНФ.

член-корр. Н.А. Макаров, А.К. Сорокин

Всеобщая история

- Азия – диалог цивилизаций. Колл. монография. Отв. ред.: Б.А. Литвинский, Е.В. Антонова. СПб.: "Гиперион", 1996, 496 с.
- Американский характер. Очерки культуры США. Сб. статей. Отв. ред. О.Э. Туганова. М.: "Наука", 1996, 319 с.
- Бессарабия на перекрестке Европейской дипломатии. Документы и материалы. Отв. ред. В.Н. Виноградов. М.: "Индрик", 1996, 380 с.
- Версаль и новая Восточная Европа. Сб. статей. Отв. ред.: Р.П. Гришина, В.Л. Мальков. М.: ИСБ РАН, 1996, 280 с.
- Воскресенский А.Д.* Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 г. М.: "Памятники исторической мысли", 1995, 443 с.
- Габдрахманов П.Ш.* Средневековые крестьяне и их семьи. Демографическое исследование северофранцузской деревни VIII–XI веков (по данным грамот). М.: "Памятники исторической мысли", 1996, 248 с.
- Геродиан.* История. Отв. ред. Л.П. Маринович. М.: "РОССПЭН", 1996, 270 с.
- Город и искусство. Субъекты социокультурного диалога. Сб. статей. Отв. ред. Э.В. Сайко, сост. Т.В. Степугина. М.: "Наука", 1996, 286 с.
- Город как социокультурное явление исторического процесса. Сб. статей. Отв. ред. Э.В. Сайко. М.: "Наука", 1995, 351 с.
- Дементьева В.В.* Магистратура диктатора в ранней Римской республике (V–III вв. до н.э.). Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 1996, 128 с.
- Диалог со временем: историки в меняющемся мире. Сб. статей. Отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 1996, 239 с.

- Иванов Р.Ф.* Мафия в США. М.: "Новина", 1996, 400 с.
- История Дании с древнейших времен до начала XX века. Колл. монография. Отв. ред. О.В. Чернышева. М.: "Наука", 1996, 503 с.
- Исторический лексикон. XVIII век. Энциклопедический словарь. Ред. совет: В.Н. Кудрявцев (предс.) и др. М.: "Знание" – "Владос", 1996, 800 с.
- Карева В.В.* Судьба "Утопии" Томаса Мора во Франции (XVI–XVIII вв.). М.: "Памятники исторической мысли", 1996, 220 с.
- Кобищанов Ю.М.* Полюдьё – явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. М.: "РОССПЭН", 1995, 320 с.
- Коптев А.В.* От прав гражданства к праву колоната: формирование Вологды: формирование крепостного права в поздней Римской империи. Вологда: "Ардвисура", 1995, 265 с.
- Любина Г.И.* Россия и Франция. История научного сотрудничества (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: "Янус", 1996, 263 с.
- Мальков В.Л.* "Манхэттенский проект". Разведка и дипломатия. М.: "Наука", 1995, 271 с.
- Милибанд С.Д.* Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов, в 2-х кн. Кн. 1. А–Л. М.: "Наука", 1995, 702 с. Кн. 2. К–Я. М.: "Наука", 1995, 765 с.
- Монархия и народовластие в культуре Просвещения. Сб. статей. Отв. ред. Г.С. Кучеренко. М.: "Наука", 1995, 238 с.
- Нитобург Э.Л.* США. Церковь афроамериканцев XVIII–XX вв. М.: "Наука", 1995, 268 с.
- Одиссей. 1996: Человек в истории. (Ремесло историка на исходе XX века). Гл. ред.: А.Я. Гуревич. М.: "Cioda", 1996, 368 с.
- Петров А.М.* Запад – Восток (Из истории идей и вещей). Очерки. М.: "Восточная литература", 1996, 223 с.
- Полян П.* Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем Рейхе и их репатриация. М.: "Ваш выбор ЦИРЗ", 1996, 442 с.
- Право в средневековом мире. Сб. статей. Отв. ред. О. Варьяш. М.: ИВИ РАН, 1996, 269 с. (Город в средневековой цивилизации Западной Европы).
- Причерноморье в средние века. Сб. статей под ред. С.П. Карпова. Вып. 2. М.: МГУ, 1995, 192 с. (Труды исторического ф-та МГУ).
- Россия и Балканы: Из истории общественно-политических и культурных связей (XVIII в. – 1878 г.). Сб. статей. Отв. ред. И.С. Достян. М.: ИСБ РАН, 1995, 309 с.
- Россия и США: торгово-экономические отношения 1900–1930 гг. Сб. док. Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М.: "Наука", 1996, 459 с.
- Россия, Запад и мусульманский Восток в колониальную эпоху. Сб. статей. Отв. ред. С.М. Иванов. СПб.: "Дмитрий Буланин", 1996, 155 с.
- Русско-китайские отношения в XIX в. Т. 1. 1803–1807. Отв. ред. С.Л. Тихвинский; ред. тома В.С. Мясников. М.: "Памятники исторической мысли", 1995, 1021 с.
- Сайко Э.В.* Древнейший город. Природа и генезис. (Ближний Восток. IV–II тыс. до н.э.). М.: "Наука", 1996, 207 с.
- Соболев Д.А.* История самолетов. Начальный период. М.: "РОССПЭН", 1995, 343 с.
- Сыма Цянь.* Исторические записки, т. 7. Пер. с кит., предисл. Р.В. Вяткин. М.: "Восточная литература", 1996, 464 с. (Памятники письменности Востока, XXXII, 7).
- Тенишев Э.Р.* О тюркских народах Китая. М.: "Наследие", ИМЛИ РАН, 1995, 240 с.
- Традиции и наследие христианского Востока. Материалы международной конференции. Отв. ред.: Д.Е. Афиногенов, А.В. Муравьев. М.: "Индрик", 1996, 400 с.
- Тихвинский С.Л.* Путь Китая к объединению и независимости. 1898–1949 гг.: по материалам биографии Чжоу Эньляя. М.: "Восточная литература", 1996, 575 с.
- Тоталитаризм в Европе XX века. Сб. статей. М.: "Памятники исторической мысли", 1996.
- Феодалы в городе: Запад и Русь. Сб. статей. Отв. ред. А.А. Сванидзе. М.: ИВИ РАН, 1996, 114 с. (Город в средневековой цивилизации Западной Европы).
- Цивилизации. Вып. 3. Сб. статей. Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: "Наука", 1995, 234 с.
- Цивилизационные исследования. Сб. статей. Отв. ред. Б.И. Коваль. М.: ИЛА РАН, 1996, 244 с.
- Черкасов П.П.* Двуглавый орел и королевские лилии: становление русско-французских отношений в XVIII веке. 1700–1775. М.: "Наука", 1995, 439 с.
- Черняк Е.Б.* Цивилиография. Наука о цивилизации. М.: "Международные отношения", 1996, 384 с.
- Чудинов А.В.* Размышления англичан о Французской революции. Э. Берк, Дж. Макинтош, У. Годвин. М.: "Памятники исторической мысли", 1996, 304 с.
- Штаерман Е.М.* История крестьянства в древнем Риме. М.: "Наука", 1996, 200 с.
- XX век. Многообразие, противоречивость, целостность. Сб. статей. Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: "Наука", 1996, 271 с.

Отечественная история

- Антонов А.В.* Родословные росписи конца XVII в. М.: "Археографический центр", 1996, 414 с. (Исследования по русской истории. Вып. 6).
- Беляев Л.А., Чернецов А.В.* Русские церковные древности (археология христианских древностей средневековой Руси). М.: "НПБО Фонд Археологии", 1996, 88 с.
- Броневский С.М.* Исторические выписки о сношениях России с Персией, Грузией и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими, со времен Ивана Васильевича донныне. Отв. ред. Ю.А. Петросян; подг. к изд. И.К. Павлова. СПб.: "Петербургское востоковедение", 1996, 240 с. ("Архив российского востоковедения").
- Власть и реформы: от самодержавной к советской России. Колл. монография. Отв. ред. Б.В. Ананьич. СПб.: "Дмитрий Буланин", 1996, 801 с.
- Власть и интеллигенция в сибирской провинции. Конец 1919–1925 гг. Сб. статей. Сост.: С.А. Красильников, Т.Н. Осташко, Л.И. Пыстина. Новосибирск: "Экор", 1996, 368 с.
- Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. Колл. монография. Отв. ред. В.В. Журавлев. М.: "РОССПЭН", 1995, 400 с.
- Гурьянова Н.С.* История и человек в сочинениях старообрядцев XVIII в. Новосибирск: "Наука". Сибирская издат. фирма, 1996, 232 с.
- Дальневосточная политика советской России (1920–1922 гг.). Сб. док. Сибирского бюро ЦК РКП(б) и Сибирского революционного комитета. Отв. ред., сост. В.С. Познанский. Новосибирск: "Сибирский хронограф", 1996, 371 с.
- Дмитриев М.В., Флоря Б.Н., Яковенко С.Г.* Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – начале XVII в. Ч. 1. Брестская уния 1596 г. Исторические причины события. Колл. монография. Отв. ред. Б.Н. Флоря. М.: "Индрик", 1996, 199 с.
- Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992–1993 годы. Отв. ред. А.П. Новосельцев. М.: "Наука", 1995, 219 с.
- Захаров В.Н.* Западноевропейские купцы в эпоху Петра I. М.: "РОССПЭН", 1996, 346 с.
- Интеллигенция в условиях общественной нестабильности. Сб. статей. Сост., гл. ред. А.И. Студеникин. М.: "Эдиториал УРСС", 1996, 303 с.
- Интеллигенция и российское общество в начале XX в. Сб. статей. Отв. ред. Т.М. Китанина. СПб.: СПбФ ИРИ РАН, 1996, 217 с.
- Историки России XVIII–XX вв. Вып. 3. Сост. и отв. ред. А.А. Чернобаев. М.: "Архивно-Информационное Агентство", 1996, 176 с. (Архивно-информационный бюллетень, 14).
- Историки России. XVIII–XX вв. Биогр. очерки. Отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: "Скрипторий", 1996, 688 с.
- Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Москва 29–31 января 1996 г. Ред. сов.: Н.И. Басовская, С.О. Шмидт (предс.) и др.; отв. ред. В.А. Муравьев. М.: РГГУ, 1996, 448 с.
- Конрад Н.И.* Неопубликованные работы. Письма. М.: "РОССПЭН", 1995, 544 с.
- Ксенофонтов И.Н.* Вымысел и правда о священнике Георгии Гапоне. М.: "РОССПЭН", 1996, 320 с.
- Мальцев А.И.* Староверы – странники в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск: "Сибирский хронограф", 1996, 267 с.
- Марков А.П.* Россия–Япония (В поисках согласия). М.: "Русский мир", 1996, 128 с.
- Материалы для энциклопедии "Коломенский край". Вып. 1. Сост. Н.С. Ватник. Коломна: КПИ, 1996, 71 с.
- Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). Материалы межд. конференции. Москва. 14–15 июня 1994 г. Отв. ред.: В.П. Данилов, Л.В. Милов. М.: "РОССПЭН", 1995, 440 с.
- Меньшевики. Документы и материалы. 1903–1917 гг. Отв. ред. В.В. Шелухаев; сост. С.В. Тютюкин. М.: "РОССПЭН", 1996, 408 с. (Политические партии России. Кон. XIX – перв. треть XX в. Документальное наследие).
- Мир старообрядчества. Вып. III: Книга. Традиция. Культура. Сб. статей. Отв. ред. И.В. Поздеева. М., 1996, 240 с.
- Московские кирилловские издания XVI–XVII вв. в собраниях РГАДА. Каталог. Вып. 1. 1556–1625 гг. Под ред. А.А. Гусевой. М.: "Археографический центр", 1996, 240 с.
- Новгородский исторический сборник. Вып. 5(15). Отв. ред. В.Л. Янин. СПб.: "Дмитрий Буланин", 1995, 299 с.
- Омельченко Н.А.* В поисках России: общественно-политическая мысль русского зарубежья об истоках и смысле русской революции, большевизме и будущих судьбах России. СПб.: "РХГИ", 1996, 560 с.
- Пайчадзе С.А.* Русская книга в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 1995, 205 с.

- Партия "Союз 17 октября". Протоколы съездов и заседаний ЦК 1905–1907 гг., в 2-х т. Т. 1. Протоколы съездов и заседаний ЦК 1905–1907 гг. Отв. ред. В.В. Шелохаев; сост. Д.Б. Павлов. М.: "РОССПЭН", 1996, 408 с. (Политические партии России. Кон. XIX – перв. треть XX в. Документальное наследие).
- Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы, в 3-х т. Т. 1. 1900–1907. Отв. ред. В.В. Шелохаев; сост. Н.Д. Ерофеев. М.: "РОССПЭН", 1996, 686 с.
- Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. Отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: "РОССПЭН", 1996, 872 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 41. Летописец Переяславля-Суздальского. Сост.: С.Н. Кистерев, Б.М. Клосс, Л.А. Тимошина, И.А. Тихонюк. М.: "Археографический центр", 1995, 184 с.
- Приселков М.Д.* История русского летописания XI–XV вв. Отв. ред. Я.С. Лурье; подг. к печ. В.Г. Вдовина. СПб.: "Дмитрий Буланин", 1996, 325 с.
- Проблемы охраны и использования историко-культурного наследия Сибири. Сб. науч. трудов. Отв. ред.: Ю.П. Алехин, А.М. Кулемзин. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1996, 224 с.
- Протоколы ЦК и зарубежных групп конституционно-демократической партии, в 6-ти т. Т. 4. Протоколы зарубежных групп конституционно-демократической партии. Май 1920–июнь 1921 г. Отв. ред. В.В. Шелохаев; сост. Н. Канищева. М.: "Прогресс-Академия" – "РОССПЭН", 1996, 544 с.
- "Река времен (Книга истории и культуры)". Кн. 5. Государь. Государство. Государственный строй. М.: "Эллис-Лак" – "Река времен", 1996, 320 с.
- Розенталь И.С.* Провокатор Роман Малиновский: судьба и время. М.: "РОССПЭН", 1996, 272 с.
- Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. Сб. трудов науч. конференции. Отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: "Наука", 1996, 720 с.
- Россия и мировой бизнес: дела и судьбы. Альфред Нобель, Адольф Ротштейн, Герман Спитцер, Рудольф Дизель. Под ред. В.И. Бovyкина; пер., сост., ввод. стат., коммент. И.А. Дьяконова. М.: "РОССПЭН", 1996, 312 с.
- Русское общество и литература позднего феодализма. Сб. статей. Отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск: "Сибирский хронограф", 1996, 327 с. (Археография и источниковедение Сибири).
- Свердлов М.Б.* Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX вв. СПб.: "Дмитрий Буланин", 1996, 330 с.
- Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. VII–IX вв. Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М.: "Восточная литература", 1995, 590 с.
- Семиряга М.И.* Как мы управляли Германией: политика и жизнь. М.: "РОССПЭН", 1995, 400 с.
- Сенин А.С.* Александр Иванович Гучков. М.: "Скрипторий", 1996, 268 с.
- Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Отв. ред. Н.Н. Покровский; подг. А.Х. Элерт. Новосибирск: "Сибирский хронограф", 1996, 310 с. (История Сибири. Первоисточники. Вып. VI).
- Соловецкие острова. Том 2. Остров Большая Муксалма. Сб. мат. Отв. ред. П.В. Боярский. М.: РНИИ КПН, 1996, 237 с.
- Тарасов О.Ю.* Икона и благочестие. М.: "Прогресс-Культура", – "Фонд Традиция", 1996, 495 с.
- Тарновский К.Н.* Мелкая промышленность России в конце XIX–XX в. М.: "Наука", 1996, 269 с.
- Тюменцев И.О.* Очерки по истории обороны Троице-Сергиевской лавры в 1608–1610 гг. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1995, 112 с.
- Тютюкин С.В., Шелохаев В.В.* Марксисты и русская революция. М.: "РОССПЭН", 1996, 240 с.
- Хромов О.Р., Топурия Н.А.* Описание Иерусалима Симона Симоновича и Христофора Жефаровича в русских лубочных изданиях. Сводный каталог книг, хранящихся в московских собраниях, и исследований. М.: "Скрипторий", 1996, 128 с.
- Черкасова М.С.* Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV–XVI вв. М.: "Археографический центр", 1995, 335 с.
- Шмидт С.О.* У истоков российского абсолютизма: исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М.: "Прогресс-Культура", 1996, 496 с.
- Экономические отношения советской России с будущими союзными республиками. 1917–1922. Документы и материалы. Отв. ред. В.В. Кабанов. М.: "Восточная литература", 1996, 384 с.
- Этническое самосознание славян в XV столетии. Колл. монография. Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М.: "Наука", 1995, 240 с.

Археология

- Археология. Неолит Северной Евразии. Под ред. Б.А. Рыбакова; отв. ред. тома С.В. Ошибкина. М.: "Наука", 1996, 379 с.
- Археология Карелии. Отв. ред. М.Г. Косменко, С.И. Кочуркина. Петрозаводск: КНЦ РАН, 1996, 415 с.
- Археология СССР. Кавказ в эпоху ранней и средней бронзы. Под ред. Б.А. Рыбакова. М.: "Наука", 1996.

- Археологическая карта России: Московская область, ч 3. Отв. ред., сост. Ю.А. Краснов; сост. Г.Г. Король и др. М.: ИА РАН, 1996, 272 с.
- Археологическая карта России. Рязанская область, ч. 3. Отв. ред., сост. Ю.А. Краснов; сост. С.Е. Михальченко. М.: ИА РАН, 1996, 210 с.
- Бадер А.М., Гаибов В.Г., Губаев А.А., Кошеленко Г.А.* Системы расселения и ирригации в Мервском оазисе (Туркменистан) от эпохи бронзы до средневековья. М.: ИВИ РАН, 1995, 46 с.
- Белецкий С.В.* Начало Пскова. СПб.: ИИМК РАН, 1996, 92 с.
- Беликова О.Б.* Среднее Причулымье в X–XIII вв. Томск.: Изд-во ТомГУ, 1996.
- Беляев Л.А.* Русское средневековое надгробие: белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси в XIII–XVII вв. М.: "Модус граффити", 1996, 567 с.
- Буддийские комплексы Кара-тепе в Старом Термезе. Основные итоги работ 1978–1989 гг. (Материалы Совместной экспедиции на Кара-тепе в Старом Термезе). Отв. ред. Б.Я. Ставиский. М.: "Восточная литература", 1996, 343 с.
- Бужилова А.П.* Древнее население. Палеопатологические аспекты исследования. М.: АОЗТ "ГРАД", 1995, 189 с.
- Васильев С.А.* Поздний палеолит Верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны). СПб.: "Петербургское востоковедение", 1996, 224 с.
- Вишняцкий Л.Б.* Палеолит Средней Азии. М.: "Европейский дом", 1996, 213 с.
- Волкова Е.В.* Гончарство фатьяновских племен. М.: "Наука", 1996, 122 с.
- Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Колл. монография. Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ им. Ибрагимова АН Татарстана, 1996, 300 с.
- Городище Райбун: раскопки 1983–1987 гг.: Труды советско-йеменской комплексной экспедиции, т. II. Отв. ред.: П.А. Грязневич, А.В. Седов. М.: "Восточная литература", 1996, 363 с.
- Крадин Н.Н.* Империя хунну. Владивосток: Дальнаука, 1996, 164 с.
- Козловская М.В.* Экология древних племен лесной полосы Восточной Европы: антропологический очерк. М.: "Греко-Латинский кабинет" Ю.А. Шичалина, 1996, 243 с.
- Левина Л.М.* Этнокультурная история Восточного Приаралья I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: "Восточная литература", 1996, 396 с.
- Массон В.М.* Палеолитическое общество Восточной Европы (вопросы палеоэкономики, культурогенеза и социогенеза). СПб.: ИИМК РАН, 1996, 71 с.
- Медникова М.Б.* Древние скотоводы Южной Сибири: палеоэкологическая реконструкция по данным антропологии. М.: АОЗТ "ГРАД", 1995, 216 с.
- Монеты и медали. Сб. статей. Ред. Н.М. Смирнова. М.: ГМИИ им. А.С. Пушкина, "Информэлектро", 1996, 260 с.
- Пилипко В.Н.* Старая Ниса. Здание с квадратным залом. М.: "Восточная литература", 1996, 160 с.
- Праслов Н.Д., Шелинский В.Е.* Золотовка-I – верхнепалеолитическое поселение охотников на бизонов на Нижнем Дону (археологическое исследование структуры жилого пространства). СПб.: ИИМК РАН, 1996, 72 с.
- Прахин А.Д.* Мосоловское поселение металлургов – литейщиков эпохи поздней бронзы. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1996, 176 с.
- Савинов Д.Г.* Древние поселения Хакасии. Торгажак. СПб.: "Петербургское востоковедение", 1996, 112 с.
- Седов В.В.* Славяне в раннем средневековье. М.: изд-во "НПБО Фонд Археологии", 1995, 415 с.
- Сергеева З.М.* Курганы северо-запада Полоцкой земли. М.: "Academia", 1996, 96 с.
- Титов В.С.* Неолит Карпатского бассейна. М.: "Наука", 1996, 284 с.
- Хадрамаут: археологические, этнографические, историко-культурные исследования. Труды советско-йеменской комплексной экспедиции, т. I. Отв. ред.: П.А. Грязневич, А.В. Седов. М.: "Восточная литература", 1996, 551 с.
- Чистяков Д.А.* Мустьерские памятники Северо-восточного Причерноморья. М.: "Европейский дом", 1996, 147 с., 105 табл.

Этнология

- Винокурова И.Ю.* Традиционные праздники вепсов Прионежья. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1996.
- Губогло М.Н.* Развивающийся электорат России. Этно-политический ракурс. Т. 1. Истоки. М.: ИЭА РАН, 1996, 380 с.
- Крылова Н.Л.* Русские женщины в Африке. Проблемы адаптации. М.: "РОССПЭН", 1996, 368 с.
- Моравовская О.Н.* Крестьянский двор. История названий усадебных участков. М.: "Наука", 1996, 200 с.
- Мильников А.С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – нач. XVIII вв. СПб.: "Петербургское востоковедение", 1996, 320 с.

- Пробуждение финно-угорского Севера. Опыт Марий Эл: национальные движения Марий Эл, в 2-х т. Сб. док. и мат. Отв. ред. М.Н. Губогло; сост. С.М. Червоная. М.: ИЭА РАН, 1996, т. 1. 326 с.; т. 2, 324 с.
- Развивающийся электорат России: этно-политический ракурс. Т. 2. Выборы – 93. Сб. док. и мат. Рук. авт. кол. и отв. ред. М.Н. Губогло. М.: ИЭА РАН, 1995, 320 с.
- Сибирь: древние этносы и их культуры. Сб. статей. Отв. ред. Л.Р. Павлинская. СПб.: МАЭ РАН, 1996, 197 с.
- Символы и атрибуты власти: генезис, семантика, функции. Сб. статей. Отв. ред. В.А. Попов, СПб.: Музей антропологии и этнографии, 1996, 319 с.

Список составлен *А.Е. Петровым*

ДАВИД ПЕТРОВИЧ ПРИЦКЕР

Отечественная историческая наука понесла тяжелую утрату – 7 января 1997 г. умер Давид Петрович Прицкер, доктор исторических наук, профессор, человек широкой эрудиции и удивительной судьбы. Он родился в исторический день 7 ноября 1917 г. в Киеве в состоятельной интеллигентной семье, где с ранних лет его учили немецкому, французскому и английскому языкам. В 1926 г. Прицкеры переехали в Ленинград. Будущий профессор учился в одной из лучших школ, проявив особый интерес к истории. Его блестящие способности были отмечены учителями, и в старших классах ему поручили преподавать историю одноклассникам.

В 1936 г. Д.П. Прицкер стал студентом исторического факультета ЛГУ. Он слушал лекции Е.В. Тарле, В.В. Струве, Б.Д. Грекова и других выдающихся ученых.

Начало учебы в ЛГУ совпало для Давида Прицкера с событием, которое всколыхнуло мировую общественность: 18 июля 1936 г. в Испании вспыхнул фашистский мятеж, во главе которого встал генерал Франко. Симпатии советских людей оказались всецело на стороне демократического правительства Испанской Республики. СССР был, по существу, единственной страной, оказавшей ему действенную политическую и военную помощь. Более двух тысяч советских военных специалистов: летчиков, танкистов, военных моряков приняли участие в первой международной схватке с фашизмом.

Естественным было стремление советского студенчества принять непосредственное участие в антифашистской борьбе. В 1937 г. в ЛГУ начали работать краткосрочные курсы переводчиков испанского языка, на которые привлекали студентов, свободно владевших французским. Давиду Прицкеру удалось стать слушателем этих курсов и в кратчайший срок усвоить испанский язык. В 1938 г. с группой ленинградских студентов-переводчиков он прибыл в Испанию. Работал переводчиком у М.Е. Жуковского, начальника

штаба группы армий "Центр-Юг", и у других военачальников.

Преданная западными демократиями Испанская Республика потерпела поражение. Д.П. Прицкер чудом спасся в марте 1939 г. от террора франкистов. В СССР Давид Петрович вернулся, по его словам, "с Испанией в сердце", став позднее крупнейшим историком-испанистом.

В 1941 г. он закончил ЛГУ, участвовал в строительстве оборонительных сооружений под Ленинградом, а с сентября того же года выпускник университета стал воином сначала Ленинградского, а затем Карельского фронтов, где служил в разведотделе. Под командованием маршала К.А. Мерецкова в составе 1-го Дальневосточного фронта он принял активное участие в разгроме японской Квантунской армии. Закончил войну в Маньчжурии в звании капитана, награжден несколькими орденами и многими медалями. Родители Д.П. Прицкера погибли во время блокады Ленинграда.

После войны Д.П. Прицкер закончил аспирантуру ЛГУ, стал преподавать на истфаке университета, в Институте иностранных языков, Ленинградской Высшей партийной школе, возглавил кафедру исторических наук, а позднее и мировой политики и международных отношений, одновременно читал лекции в Институте повышения квалификации преподавателей общественных наук. В этих учебных заведениях в полном блеске проявился его замечательный педагогический талант, организаторские способности – руководимая им кафедра по праву считалась одной из лучших в Ленинграде и стране. В 50–80-х годах раскрылись и его творческие способности ученого историка-испаниста. В 1962 г. вышла его фундаментальная монография "Подвиг Испанской республики 1936–1939", а год спустя в ЛГУ состоялась защита докторской диссертации Давида Петровича "Революция и война в Испании 1931–1939 гг".

Под редакцией Д.П. Прицкера и при его участии вышли книги: "Ленинградцы в Испании. Сборник воспоминаний" (Л., 1972), "Солидарность народов с Испанской республикой" (М., 1972), "Современная Испания" (Л., 1983). Всего перу Давида Петровича принадлежит более 130 работ по истории романских стран, международных отношений, международного рабочего движения, среди них "Очерки истории Франции" (Л., 1957), "Жорж Клемансо" (М., 1983) и ряд других.

Своими знаниями профессор Прицкер щедро делился с учениками. Под его научным руководством написали и защитили докторские и кандидатские диссертации десятки молодых ученых.

Целое поколение наших старшеклассников и студентов учились новой и новейшей истории зарубежных стран по учебникам, написанным Д.П. Прицкером в соавторстве с видными питерскими и московскими учеными: В.К. Фураевым, И.М. Кривогузом, С.М. Стецкевичем и др.

Давид Петрович был не только талантливым историком, но и прекрасным филологом. Им опубликованы многочисленные переводы с французского и испанского языков исторических, художественных и публицистических работ, сочинения многих европейских и латиноамериканских писателей.

Находясь с 1991 г. на пенсии, Д.П. Прицкер в 1995 г. был приглашен на работу в Санкт-

Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, где до ноября 1996 г. читал лекции по страноведению на английском и немецком языках.

В соответствии с постановлением испанского правительства от 19 января 1996 г. и указом короля Хуана Карлоса, Испания предоставила испанское подданство бойцам интернациональных бригад времен гражданской войны. С 5 по 12 ноября 1996 г. в Мадриде, Барселоне и некоторых других городах Испании в честь 60-летия появления интернациональных бригад широкая испанская общественность организовала торжественное чествование оставшихся в живых антифашистов-интербригадовцев. Давид Петрович принял участие в этом событии. К сожалению, волнение и связанные с перелетом нагрузки подорвали здоровье ветерана-антифашиста, вызвали обострение старых болезней. Вернувшись домой, он слег в постель. 7 января 1997 г. перестало биться сердце замечательного ученого, педагога, душевного и удивительно обаятельного человека, благодарную память о котором сохраняют его коллеги, ученики, все кто был с ним знаком или читал его произведения.

В ветреный морозный день 11 января 1997 г. близкие и друзья проводили Д.П. Прицкера в последний путь на кладбище в Комарово, где его прах покоится неподалеку от могил Анны Ахматовой, Льва Гумилева и других выдающихся представителей отечественной культуры и науки.

ГЕННАДИЙ СЕМЕНОВИЧ КУЧЕРЕНКО

2 марта 1997 г. скоропостижно скончался один из крупных специалистов по истории западно-европейской общественной мысли нового времени, доктор исторических наук, профессор Геннадий Семенович Кучеренко.

Г.С. Кучеренко родился в Новороссийске 23 августа 1932 г. в семье рабочего. В 1942 г. завод, на котором трудился его отец, был эвакуирован в Самарканд. Туда же на постоянное жительство переехали и родители Геннадия Семеновича. Закончив школу с золотой медалью, Г.С. Кучеренко в 1951 г. поступил на исторический факультет МГУ. В 1953 г. он избрал для себя специализацию по истории общественной мысли в семинаре Б.Ф. Поршнева. В 1956 г. временно проработав несколько месяцев в Институте марксизма-ленинизма младшим научным сотрудником, Г.С. Кучеренко уехал по распределению в Самарканд. В 1956–1958 гг. работал учителем в школе и по совместительству преподавал всеобщую историю на историческом факультете Самаркандского государственного университета.

Осенью 1958 г. Г.С. Кучеренко поступил в аспирантуру Института истории АН СССР. Его кандидатское исследование, осуществленное под руководством Б.Ф. Поршнева, было посвящено влиянию Жана Мелье на французскую общественную мысль эпохи Просвещения. Написанная на основе широчайшего круга источников, включая уникальные архивные документы, изученные во время полугодовой командировки во Францию в 1964 г., диссертация Г.С. Кучеренко "Судьба "Завещания" Жана Мелье в XVIII веке" была защищена в 1965 г., а в 1968 г. опубликована как монография.

В 1961 г. Г.С. Кучеренко поступил на работу в Институт истории на должность младшего научного сотрудника. В 1965 г. его откомандировали в редакцию журнала "Новая и новейшая история", где он проработал до 1969 г. сначала в качестве заведующего отделом, затем – ответственного секретаря редакции и члена редколлегии. В 1969–1973 гг. Г.С. Кучеренко – старший научный сотрудник, а в 1973–1976 гг. заведующий

сектором истории развития общественной мысли (в Институте всеобщей истории АН СССР). В 1975 г. он опубликовал монографию "Сен-симонизм в общественной мысли XIX в." и защитил по этой теме докторскую диссертацию.

Итогом многолетней работы Г.С. Кучеренко по изучению утопических идей нового времени стала книга "Исследования по истории общественной мысли Франции и Англии. XVI – первая половина XIX в.", увидевшая свет в 1981 г. В 1989 г. издательство "Прогресс" выпустило на французском языке сборник его статей "Общественная мысль Франции XVIII – начала XIX в."

Неизменно проявляя большой интерес к проблемам историографии, Г.С. Кучеренко приложил немало усилий для изучения и публикации научного наследия Е.В. Тарле, В.П. Волгина, Б.Ф. Поршнева. В 1981 г. он в соавторстве с В.А. Дунаевским издал монографию "Западноевропейский утопический социализм в работах советских историков".

В 1982–1987 гг. Г.С. Кучеренко возглавлял группу по изучению Великой французской революции, а в 1986–1987 гг. – одновременно сектор истории культуры зарубежных стран. Тогда же он был избран в бюро Международной комиссии по изучению Великой французской революции при Международном комитете исторических наук. Под его руководством и с его непосредственным участием был подготовлен ряд коллективных трудов и сборников статей, вышедших к 200-летию Французской революции конца XVIII в.

В 1987–1990 гг. Геннадий Семенович находился на дипломатической работе в ЮНЕСКО. Вернувшись в Институт всеобщей истории, он работал ведущим научным сотрудником в отделе истории общественной мысли; с 1995 г. руководил группой по изучению XVIII в. Будучи в 1988–1992 гг. вице-президентом, а в 1992–1996 гг. президентом Российского общества по изучению XVIII в.,

Г.С. Кучеренко многое сделал для активизации в нашей стране исследований по эпохе Просвещения. Он лично участвовал в издании ряда сборников статей и организации более десятка научных конференций по данной тематике, включая международные. Председатель редакционного совета серии "Утописты и реформаторы" и член редколлегии "Памятников исторической мысли", Г.С. Кучеренко активно содействовал публикации в этих сериях сочинений французских мыслителей XVIII в. Проблемам культуры Просвещения были посвящены и его собственные научные изыскания. В последние годы Г.С. Кучеренко с увлечением работал над сюжетами из истории русско-французских культурных связей XVIII столетия, в частности, над проблемой распространения и восприятия в России идей Дидро и Гельвеция.

Научные труды Г.С. Кучеренко широко известны не только на родине, но и за рубежом, неоднократно переводились и издавались на иностранных языках.

Многие годы Г.С. Кучеренко отдал преподаванию в Московском государственном педагогическом институте (ныне – университете) им. В.И. Ленина (1965–1987 гг.) и Российском государственном гуманитарном университете (1992–1997 гг.). Он создал научную школу, из которой вышло немало ныне активно работающих специалистов по истории общественной мысли, докторов и кандидатов наук.

В расцвете творческих сил, полный новых планов, Геннадий Семенович ушел из жизни, оставив читателям свои замечательные книги, а своим близким, ученикам, коллегам и всем, кто его знал, – светлую память о себе.

*Институт всеобщей истории РАН,
редакционная коллегия и коллектив
сотрудников редакции журнала
"Новая и новейшая история"*

CONTENTS

Articles. **V.A. Zolotarev, S.A. Tyushkevich.** The Results and Perspectives of the Works of Russian Military Historians; **Mak Khong** (Ambassador of the Republic of Singapore to Moscow). Singapore: the History of Success; **A.V. Revyakin.** Socialism and Liberalism in the Mid-19th Century; **O.V. Orlik.** "The European Idea" of Alexander the First. In the Department of History. The Work of the Institutes of the Department of History in 1996. In the Scientific Council of the Russian Archive. **I.V. Volkova.** On Publishing Archival Documents. New Documents on the History of Secret Service. Lieutenant-General **Kirpichenko V.A.**, Chief Consultant of the Consultant Group of the Russian Military Intelligence Answers the Questions of the Journal "Novaya i noveishaya istoria". From the Archive of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. **G.N. Peskova.** The Formation of Diplomatic Relations between Soviet Russia and China. 1917-1924. Reminiscences. **V.A. Nikolsky.** Notes of Military Attaché in Sweden (1960-1963). Documentary Essays. **S.L. Tikhvinsky.** The People's Commissariat of Foreign Affairs and Soviet Diplomatic Missions in the Period of the Great Patriotic War. Reminiscences of the Contemporaries; Book Reviews; Scientific Life.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ЗОЛОТАРЕВ Владимир Антонович, генерал-майор, доктор исторических наук, профессор, академик РАН. С февраля 1993 г. начальник Института военной истории МО РФ. Автор монографий: "Генезис и тенденции развития военного искусства в России во второй половине XVIII столетия" (М., 1982), "Противоборство империй" (М., 1993), "Второй фронт против третьего рейха" (М., 1995), "Феномен российского ренессанса" (М., 1995), "Военная безопасность Отечества" (М., 1996) и других работ по военной истории.

ОРЛИК Ольга Васильевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, автор монографий "Россия и французская революция 1830 г." (М., 1968), "Передовая Россия и революционная Франция в первой половине XIX в." (М., 1973), "Декабристы и европейское освободительное движение" (М., 1975), "Декабристы и внешняя политика России" (М., 1992), глав в коллективных трудах "Бессмертная эпопея" (М., 1988), "Портреты российских дипломатов" (М., 1991), "Российская дипломатия в портретах" (М., 1992); отв. редактор издания "История внешней политики России. Первая половина XIX века" (М., 1995), а также ряда других публикаций по истории внешней политики России.

ПЕСКОВА Галина Николаевна, старший советник отдела научных исследований Историко-документального департамента Министерства иностранных дел России, специалист по истории дипломатии и международных отношений.

РЕВЯКИН Александр Васильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. Автор работ по истории Франции нового времени.

ТИХВИНСКИЙ Сергей Леонидович, действительный член РАН, советник Президиума РАН, Председатель Национального комитета российских историков, автор монографий "Движение за реформы в Китае в конце XIX в. и Кан Ювэй" (М., 1959), "Сунь Ятсен. Внешнеполитические воззрения и практика" (М., 1964), "История Китая и современность" (М., 1976), "Китай и всеобщая история" (М., 1988), "Путь Китая к объединению и независимости" (М., 1996), "Россия - Япония. Обречены на добрососедство" (М., 1996) и

многих других трудов по новой и новейшей истории стран Востока и истории внешней политики СССР и международных отношений. Научный руководитель и отв. редактор ряда документальных и научно-исследовательских изданий.

ТЮШКЕВИЧ Степан Андреевич, генерал-майор, ведущий научный сотрудник Института военной истории МО РФ, доктор философских наук, профессор военной истории, академик РАЕН. Заслуженный деятель науки РСФСР, Лауреат Государственной премии СССР. Автор более 200 работ, в том числе: "Необходимость и случайность в войне" (М., 1962), "Философия и военная теория" (М., 1975), "Война и современность" (М., 1986), "Стратегическая стабильность в историческом измерении" (М., 1995).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Редакция журнала "Новая и новейшая история" принимает статьи до 30 стр., исторические очерки до 50 стр., историографические обзоры до 20 стр.; рецензии, письма и заметки – 5–6 стр.; коротко о книгах – 2–3 стр. Материалы принимаются после предварительного согласования тематики с редакцией (во избежание дублирования) и представляются в трех (первом, втором и третьем) экземплярах, отпечатанные с полями на стандартной машинке (текст через два интервала, сноски через два интервала), вставки (после доработки материала), тексты и сноски на иностранных языках также должны быть отпечатаны на машинке. В случае отклонения рукописи автору возвращаются два экземпляра, один оставлен в архиве редакции.

Рукописи, превышающие установленный объем или присланные в редакцию в единственном экземпляре, могут быть возвращены автору без рассмотрения.

Автору посылается копия подготовленного к набору экземпляра рукописи, которую он подписывает в печать. Правка в верстке не допускается.

Scan - anatoli
Red - waleriy

Технический редактор *Е.Н. Ларкина*

Сдано в набор 05.05.97. Подписано к печати 09.06.97. Формат бумаги 70×100¹/₁₆
Печать офсетная. Усл. печ.л. 18,2. Усл. кр.-отт. 53,2 тыс. Уч.-изд.л. 21,7 Бум. л.7,0
Тираж 2917 экз. Зак. 1851

Адрес редакции: 117810, Москва, ГСП-1, Мароновский пер., 26, Тел. 238-43-21
Московская типография № 2 РАН, 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

О характере военно-оперативных планов СССР накануне Великой Отечественной войны. Новые архивные документы

Обсуждение методологических проблем исторической информатики и квантитативной истории

Слово историка: о двойной ответственности историка

Российские ученые-историки конца XIX – начала XX в. – народному образованию

Многоликий Маннергейм: политическая биография

Греция в планах послевоенного урегулирования великих держав

Фридрих II, Россия и первый раздел Польши

В поисках Туманного Альбиона и Туманного Петербурга. Из воспоминаний о Н.А. Ерофееве

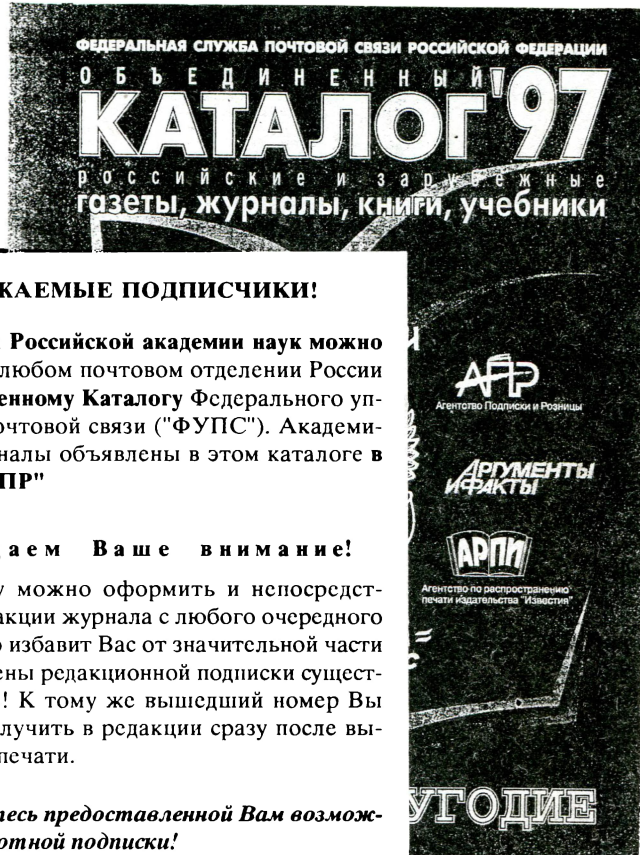
М.М. Ковалевский: портрет историка

От нарратива к теории. Англо-американская историография английской революции XVII в.

Немецкие учебники по истории Германии. 1871–1918 гг.

Русская православная зарубежная церковь. 1920–1939 По материалам польских заграничных служб

Неизвестная грамота Карла V Василию III

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Журналы Российской академии наук можно выписать в любом почтовом отделении России по объединенному Каталогу Федерального управления почтовой связи ("ФУПС"). Академические журналы объявлены в этом каталоге в разделе "АФР"

Обращаем Ваше внимание!

Подписку можно оформить и непосредственно в редакции журнала с любого очередного номера. Это избавит Вас от значительной части расходов: цены редакционной подписки существенно ниже! К тому же вышедший номер Вы сможете получить в редакции сразу после выхода его из печати.

Пользуйтесь предоставленной Вам возможностью льготной подписки!

